

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 1 (53) 2026

Главный редактор:

Носков О. С., канд. юрид. наук, доцент

Зам. главного редактора:

Ботвин И. В., канд. юрид. наук, доцент

Чечетин А. Е., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционного совета:

Аничкин Е. С., д-р юрид. наук, доцент

Бекетов О. И., д-р юрид. наук, профессор

Бучакова М. А., д-р юрид. наук, доцент

Васильев А. А., д-р юрид. наук, доцент

Герасименко Ю. В., д-р юрид. наук, профессор

Гончаров И. В., д-р юрид. наук, профессор

Грязнова Т. Е., д-р юрид. наук, доцент

Давыдов С. И., д-р юрид. наук, доцент

Деришев Ю. В., д-р юрид. наук, профессор

Ермакова О. В., д-р юрид. наук, доцент

Ким Д. В., д-р юрид. наук, профессор

Кодан С. В., д-р юрид. наук, профессор

Плаксина Т. А., д-р юрид. наук, доцент

Пупышева Л. А., д-р юрид. наук, доцент

Репьев А. Г., д-р юрид. наук, доцент

Сумачев А. В., д-р юрид. наук, доцент

Цуканов Н. Н., д-р юрид. наук, доцент

Шарапов Р. Д., д-р юрид. наук, профессор

Шкаплеров Ю. П., канд. юрид. наук, доцент

Состав редакционной коллегии:

Архипова Н. А., канд. юрид. наук, доцент

Бачурин А. Г., канд. юрид. наук, доцент

Брагина А. Г., канд. юрид. наук, доцент

Галиев Р. С., канд. юрид. наук, доцент

Казьмина Е. А., канд. юрид. наук, доцент

Кожевина М. А., канд. юрид. наук, доцент

Лукьянова А. А., канд. юрид. наук, доцент

Сорокина А. Г., канд. юрид. наук, доцент

Суверов С. Е., канд. юрид. наук

Тырышкин В. В., канд. юрид. наук, доцент

Федоров А. Ф., канд. юрид. наук, доцент

Черепанова О. С., канд. юрид. наук, доцент

Шаганова О. М., канд. юрид. наук, доцент

Широва Э. Х., канд. юрид. наук, доцент

Шмидт А. А., канд. юрид. наук, доцент

Янгаева М. О., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю. С.

Редактура: О. Н. Татарниковой, Ю. С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О. Н. Татарниковой

Редактура англоязычных текстов: Е. В. Пестовой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-27, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru).
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 25.03.2026.
Выход в свет 30.03.2026.
Заказ № 184. Формат 60x90/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 24,8. Тираж 32 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2026

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 1 (53) 2026

Editor-in-Chief:

Noskov O. S., Candidate of Science (Law)

Deputy Editor-in-Chief:

Botvin I. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Chechetin A. E., Doctor of Science (Law), Professor

Editorial Advisory Board:

Anichkin E. S., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Beketov O. I., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Buchakova M. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Davidov S. I., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Ermakova O. V., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Grjaznova T. Ye., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Derishev Y. V., Doctor of Science (Law), Professor
Gerasimenko Yu. V., Doctor of Science (Law), Professor,
Honored lawyer of Russia
Goncharov I. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kim D. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kodan S. V., Doctor of Science (Law), Professor
Sharapov R. D., Doctor of Science (Law), Professor
Shkaplerov Ju. P., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Sumachev A. V., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Plaksina T. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Pupysheva L. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Repev A. G., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Tsukanov N. N., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Vasilev A. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Editorial Review Board:

Arhipova N. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Bachurin A. G., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Bragina A. G., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Cherepanova O. S., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Fedorov A. F., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Galiev R. S., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Kazmina E. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Kozhevina M. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Lukyanova A. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Shaganova O. M., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Shirova E. H., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Shmidt A. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Sorokina A. G., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Suverov S. E., Candidate of Science (Law)
Tirishkin V. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Yangaeva M. O., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu. S.

Proofreading: O. N. Tatarnikova, Yu. S. Zholobova

Desktop publishing: O. N. Tatarnikova

Editing English texts: E. V. Pestova

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere
of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications.
Registration certificate
PI No. FS77-57487 dated
27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific
journals recommended by Higher
Attestation Commission
for publishing of major results
of dissertations for the degree of Doctor and
Candidate of sciences

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,
Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-27, 37-91-49.
www. <http://vestnik.buimvd.ru>.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 25.03.2026.
Issue date 30.03.2026.
Order 184. Format 60x90/8.
Conventional printed sheets 24,8.
Issue 32 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2026

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

<i>Абызова Е. Р.</i> К вопросу о соотношении понятий казуального, индивидуального, персонализированного правового регулирования	7
<i>Акиева П. Х.</i> Основания гражданственности в античной философии	17
<i>Лазорин К. Б.</i> Функции нетипичных нормативных правовых актов	23
<i>Леднев А. А.</i> Механизм экспериментального правового регулирования: синергия толкования и реализации	29
<i>Мальцева Т. В.</i> Реализация предупредительной функции права в российской судебной системе ...	35

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

<i>Бачурин А. Г., Самсонов И. И.</i> Административно-правовое регулирование процесса идентификации и аутентификации зрителей, участников официальных спортивных соревнований, иных лиц, задействованных в проведении таких соревнований	44
<i>Брылёва Т. О.</i> Соотношение отдельных элементов контрольно-надзорной деятельности и обеспечения общественной безопасности	50
<i>Ковалева Е. В.</i> Вскрытие транспортных средств сотрудниками Госавтоинспекции МВД России: коллизия публичных и частных интересов	57
<i>Кузнецов С. В., Волков А. Н., Субботин А. М.</i> Проблемы применения физической силы как специальной меры административного принуждения: материальный и процедурный аспекты	63
<i>Павлюченко А. М.</i> Внутриведомственное взаимодействие в сфере миграционного контроля: роль участкового уполномоченного полиции	69
<i>Федоренко Г. Б.</i> Особенности и проблемы реализации конституционных наследственных прав несовершеннолетних	76
<i>Швецова Н. А.</i> О понятии «совокупность» как формы множественности административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними	82

Уголовно-правовые науки

<i>Антонян Ю. М.</i> Предупреждение садистских преступлений (по материалам монографии автора «Непристойный маркиз де Сад и садизм», Москва, 2025)	88
<i>Ботвин И. В.</i> Трансформация уголовной политики Российской Федерации: новые тенденции и перспективы развития	96
<i>Глебова Е. П.</i> Совершенствование норм, предусматривающих ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ч. 1, 2 ст. 1241 УК РФ)	102
<i>Забродин А. В.</i> Криминологическая характеристика осужденных за совершение преступлений террористического характера, в отношении которых реализуется дифференцированный подход к исполнению наказания	109
<i>Квасников Е. С.</i> Квалификация преступлений против жизни, совершенных в форме бездействия	116
<i>Климович Н. В.</i> Проблемы при назначении судебного штрафа в уголовном судопроизводстве ...	126
<i>Луговик В. Ф., Чечетин А. Е.</i> Оперативно-розыскная телеология: теоретические и правовые метаморфозы	131
<i>Максименко А. В., Архипцев И. Н.</i> Проблемы квалификации и предупреждения незаконного оборота порнографической продукции с участием несовершеннолетних (статьи 242.1, 242.2 УК РФ)	138
<i>Моисеенко К. А.</i> Институт освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности в романо-германской правовой семье: модели продолжительности и течения сроков	144

<i>Порайко В. В.</i> Уголовно-правовые риски объективного вменения при квалификации изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.....	151
<i>Тыдыкова Н. В., Казанцева О. А.</i> Нормы российского законодательства о реализации осужденными к лишению свободы родительских прав и тенденции их применения в Алтайском крае....	160
<i>Фаизова Д. Л.</i> Проблемные аспекты разграничения хулиганства с применением насилия к гражданам (п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ) и побоев, совершенных из хулиганских побуждений (ст. 116 УК РФ).....	167
<i>Цыплакова А. Д., Васюков В. Ф.</i> Мета вселенная как новое измерение преступности	174
<i>Черепанова Л. В.</i> Уголовно-процессуальное взаимодействие.....	183
<i>Эйсмонт Я. А.</i> Принципы дифференциации уголовной ответственности за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотиков	193

CONTENS

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

<i>Abyzova E. R.</i> On the Relationship between the Concepts of Casual, Individual and Personalized Legal Regulation.....	7
<i>Akieva P. Kh.</i> The Foundations of Citizenship in Ancient Philosophy.....	17
<i>Lazorin K. B.</i> Functions of Untypical Regulatory Legal Acts.....	23
<i>Lednev A. A.</i> The Mechanism of Experimental Legal Regulation: Synergy of Interpretation and Implementation.....	29
<i>Maltseva T. V.</i> Implementation of the Preventive Function of Law in the Russian Judicial System.....	35

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Bachurin A. G., Samsonov I. I.</i> Administrative and Legal Regulation of the Process of Identification and Authentication of Spectators, Participants in Official Sports Competitions, and other Persons Involved in the Holding of such Competitions.....	44
<i>Bryleva T. O.</i> Correlation of Individual Elements of Control and Supervisory Activities and Public Safety.....	50
<i>Kovaleva E. V.</i> Forced Opening of Vehicles by Officers of the State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia: the Conflict of Public and Private Interests.....	57
<i>Kuznetsov S. V., Volkov A. N., Subbotin A. M.</i> Problems of the Use of Physical Force as a Special Measure of Administrative Coercion: Material and Procedural Aspects.....	63
<i>Pavlyuchenko A. M.</i> Interdepartmental Cooperation in the Field of Migration Control: the Role of the District Police Officer.....	69
<i>Fedorenko G. B.</i> Features and Problems of Realization of Constitutional Inheritance Rights of Minors.....	76
<i>Shvetsova N. A.</i> On the Concept of «Aggregate» as a Form of Multiple Administrative Offenses Committed by Minors.....	82

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Antonyan Yu. M.</i> Prevention of Sadistic Crimes (Based on the Author's Monograph «The Indecent Marquis de Sade and Sadism», Moscow, 2025).....	88
<i>Botvin I. V.</i> Transformation of the Criminal Policy of the Russian Federation: New Features and Development Prospects.....	96
<i>Glebova E. P.</i> Improvement of the Norms Providing for Liability for Obstructing the Provision of Medical Care (Part 1, 2 of Article 1241 of the Criminal Code of the Russian Federation).....	102
<i>Zabrodin A. V.</i> Criminological Characteristics of Persons Convicted for Committing Terrorist Crimes, in Respect of which a Differentiated Approach to the Execution of Punishment is Implemented.....	109
<i>Kvasnikov E. S.</i> Qualification of Crimes against Life Committed in the Form of Omission.....	116
<i>Klimovich N. V.</i> Problems of Imposition of a Fine in Criminal Proceedings.....	126
<i>Lugovik V. F., Chechetin A. E.</i> Operational Investigative Teleology: Theoretical and Legal Metamorphoses.....	131
<i>Maksimenko A. V., Arkhiptsev I. N.</i> Problems of Qualification and Prevention of Illegal Trafficking in Pornographic Products Involving Minors (Articles 242.1, 242.2 of the Criminal Code of the Russian Federation).....	138
<i>Moiseenko K. A.</i> The Institution of Release from Criminal Liability in Connection with the Expiration of Limitation Periods in the Romano-Germanic Legal Family: Models of Duration and Course of Terms.....	144
<i>Porayko V. V.</i> Criminal-Law Risks of Objective Imputation in the Qualification of the Production and Distribution of Materials or Objects Containing Pornographic Images of Minors.....	151

<i>Tydykova N. V., Kazantseva O. A.</i> Russian Legislation Regarding the Exercise of Parental Rights by Persons Sentenced to Imprisonment and Trends in their Application in Altai Krai	160
<i>Faizova D. L.</i> Problematic Aspects of the Distinction between Hooliganism Involving Violence Against Citizens (Paragraph «A» of Part 1 of Article 213 of the Criminal Code) and Beatings Committed for Hooligan Motives (Article 116 of the Criminal Code)	167
<i>Tsyplakova A. D., Vasykov V. F.</i> Meta Verse as a New Criminal Dimension	174
<i>Cherepanova L. V.</i> Criminal Procedural Interaction	183
<i>Eismont Ya. A.</i> Principles of Differentiation of Criminal Liability for Illegal Acquisition, Storage, Transportation, Manufacture, and Processing Of Drugs.....	193

Теоретико-исторические правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 7–16.

Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 7–16.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340:122

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ КАЗУАЛЬНОГО, ИНДИВИДУАЛЬНОГО, ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Елена Равильевна Абызова

Арбитражный суд города Москвы, Москва, Россия, Barnaul2525@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена необходимостью научного осмысления теоретической и практической значимости вопросов, связанных с соотношением понятий казуального, индивидуального, персонализированного правового регулирования в рамках юридической науки. Определены перспективные направления дальнейшего развития взаимосвязи и взаимодействия казуального, индивидуального и персонализированного правового регулирования в сочетании с микродирективами и неправовыми средствами в качестве регуляторов общественных отношений с применением современных информационных технологий.

Ключевые слова: право, казуальность, индивидуальность, персонализация, правовое регулирование, неправовые средства регулирования, саморегулирование, сорегулирование, дорегулирование, микродирективы, трансформация права, информационные технологии

Для цитирования: Абызова Е. Р. К вопросу о соотношении понятий казуального, индивидуального, персонализированного правового регулирования // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 7–16.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF CASUAL, INDIVIDUAL AND PERSONALIZED LEGAL REGULATION

Elena R. Abyzova

Moscow Arbitration Court, Moscow, Russia, Barnaul2525@mail.ru

Abstract. The relevance of this topic stems from the need for a scientific understanding of the theoretical and practical significance of issues related to the relationship between the concepts of casual, individual, and personalized legal regulation within legal science. Promising areas for the further development of the relationship and interaction between casual, individual, and personalized legal regulation, in combination with micro-directives and non-legal means as regulators of social relations, using modern information technologies, are identified.

Keywords: law, causality, individuality, personalization, legal regulation, non-legal means of regulation, self-regulation, co-regulation, additional regulation, micro-directives, legal transformation, information technology

For citation: Abyzova E. R. On the Relationship between the Concepts of Casual, Individual and Personalized Legal Regulation. *Altajskij juridicheskiy vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;1:7–16 (In Russ.).

© Абызова Е. Р., 2026

В юридической теории и практике активное применение термина «правовое регулирование» началось лишь в XX–XXI вв. как более точное определение одного из видов социального управления. В последние годы, по мнению ведущих российских исследователей, в сфере правового регулирования появились совершенно новые, ранее не встречавшиеся отношения. Согласно позиции авторитетных отечественных ученых Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногора, детерминантой данного явления выступила трансформация парадигмы реализации прав человека в контексте цифровизации [1, с. 85–102]. Среди многочисленных регуляторов, находящихся в постоянном и сложном взаимодействии, выделяются как установленные правила (социальные нормы), так и иные, не всегда формализованные способы регулирования.

В условиях трансформации общественных отношений и цифровизации в правовой системе России происходит как адаптация механизма правового регулирования под новые реалии, так и прогнозируются существенные изменения, которые явно себя уже проявляют в более гибких зарубежных правовых системах. Процессы трансформации механизма правового регулирования в России протекают постепенно, с большими препятствиями как на уровне формирования новых теоретических моделей и подходов, так и в сфере практической реализации [2]. Особенно наглядно это проявляется в практической сфере применения современных информационных технологий.

Подобная ситуация, по мнению Е. В. Ширевой, обусловлена отсутствием четкой правовой базы, регламентирующей порядок и правила применения большинства технологий, значительными недоработками и пробелами в самом правовом регулировании, декларативным характером существующих законодательных актов [3, с. 350–360]. Исторически сложилось так, что категория «правовое регулирование общественных отношений» прочно ассоциировалась с централизованным, государственным и обезличенным подходом, основанным на нормативных актах.

Размышления о том, как право учитывает индивидуальность и личность (процессы индивидуализации и персонификации) в своих нормах, появились еще в 70–90-х гг. прошлого столетия в трудах известных российских юристов старой школы, таких как Т. В. Кашанина и Н. М. Сизикова, хотя их взгляды долгое время вызывали споры [4, с. 16–19; 5, с. 122–130; 6]. Именно в этот период времени произошел сдвиг в научном понимании: стали появляться идеи об индивидуальном право-

вом регулировании, о децентрализации этого процесса и о возможности его осуществления на уровне прямых взаимоотношений между физическими и юридическими лицами. В области индивидуального правового регулирования начала формироваться обширная, логически выстроенная и научно обоснованная теория, выполняющая в числе прочих межотраслевую функцию обслуживания юридической практики.

Более углубленное теоретическое осмысление и обсуждение индивидуальное регулирование в праве как относительно новое явление получило в современной юридической науке. В самом общем виде индивидуальное регулирование может быть истолковано как применение общей нормы права к конкретной ситуации, т. е., по сути, то же самое, что и казуальное (случайное) регулирование [7]. Если рассматривать подробнее, то индивидуальное регулирование общественных отношений предполагает определение конкретных задач и методов их решения для урегулирования определенной ситуации, требующей внешнего вмешательства. Чаще всего это нестандартные случаи, отклоняющиеся от обычного правового регулирования и требующие особого подхода со стороны уполномоченных органов. Такое регулирование обычно ориентировано на конкретных лиц или организации, учитывая их специфические потребности.

В одной из своих работ Н. А. Власенко, анализируя роль и значение каждого участника в системе общественных отношений, отмечает следующее: «Индивидуальное правовое регулирование хотя и основано на общих нормах, однако реализуется через индивидуальные правовые акты — приказы, распоряжения, судебные решения, лицензии и т. д.» [8]. При формировании индивидуальных норм могут приниматься во внимание различные критерии, в т. ч.: возраст, пол, социальный статус, персональный психологический тип, кредитная история и т. п. В целом это не противоречит принципу равенства, если регулирование основано на объективных критериях и законе, примером чего может быть решение суда о взыскании алиментов с конкретного гражданина. Однако, поскольку подобные категории отличаются высокой изменчивостью и сложностью в определении, это существенно повышает важность качественных и количественных аспектов собираемой информации, что может ограничивать возможности их использования.

Социальная ценность индивидуального регулирования состоит в приоритетном согласовании личных интересов с интересами общества. Учи-

тывая разнообразие, изменчивость и непредсказуемость человеческого поведения, в ситуациях, не представляющих существенной угрозы для общественного порядка, индивиду следует предоставить возможность самостоятельно принимать решения. Следовательно, индивидуальное регулирование должно обеспечивать субъекту право на свободу выбора в рамках, установленных законодательством, при решении правовых вопросов в своей деятельности. Однако для этого, на наш взгляд, человеку необходим моральный стержень, своеобразный внутренний этический компас, который должен определять его поведение и приоритеты, возвышать его над сиюминутными желаниями и зависимостями, требуя соответствия общепринятым правовым нормам и уважения к правам окружающих.

В своей диссертации, посвященной теоретико-правовому анализу индивидуального правового регулирования, И. А. Минникес выделял его как отдельное направление социально-правовой идентификации отношений, наделяя его статусом автономного. Он утверждал, что учет конкретной ситуации является обязательным признаком индивидуального регулирования [9]. Автор полагает, что в данном контексте критически важно соблюдение обязательного условия: индивид должен обладать внутренним нормативным каркасом, системой правил, позволяющей ему превосходить сиюминутные желания, потребности и пристрастия, к которым он иначе был бы вынужден постоянно адаптироваться.

В связи с этим специально уполномоченные органы, применяя индивидуальное регулирование, бывают вынуждены как бы дорабатывать и направлять развитие правовых норм, заложенных в законе [7]. Отсюда возникает необходимость в «компенсаторных» социальных инструментах, таких как индивидуальное регулирование общественных отношений, которое может порождать различные формы «неправа».

Следует отметить, что в рамках юридической доктрины индивидуальное правовое регулирование именуется различными терминами, включая «казуальное регулирование», «поднормативное регулирование» и «ненормативное регулирование». Каждый из указанных терминов акцентирует внимание на специфических аспектах данного вида регулирования, и их совокупность позволяет сформировать комплексное представление, к примеру: а) «*казуальное*» указывает на направленность регулирования на разрешение конкретных правовых ситуаций, требующих индивидуального

юридического решения [10, с. 38]; б) «*поднормативное*» отражает факт осуществления регулирования в качестве дополнения к существующим общим нормам, в рамках их предписаний [11, с. 173]; в) «*ненормативное*» подразумевает создание индивидуальных актов, которые не обладают признаками правовых норм и не имеют нормативного характера. По нашему мнению, перечисленные термины не являются взаимоисключающими, а скорее взаимодополняющими, раскрывая различные грани индивидуального правового регулирования.

Указанные процессы и тенденции свидетельствуют об изменениях в модели социального регулирования, о возникновении ее новой композиции в виде казуального, индивидуального и персонализированного правового регулирования [12, с. 5–17]. Понятия эти близки по смыслу, но не тождественны, а их соотношение — это вопрос, находящийся на стыке общей теории права и современных тенденций в правотворчестве и правоприменении.

Казуальное правовое регулирование (от лат. casus — случай) — это регулирование, ориентированное на конкретные жизненные ситуации, часто уникальные и крайне редко встречающиеся в современном праве. Исторически казуальный подход был характерен для античного и средневекового законодательства, где законодатель фокусировался на регулировании отдельных жизненных ситуаций и случаев. Современное казуальное право, представляющее собой систему права, основанную на обычаях, традициях, опыте прошлых поколений, теперь является одним из элементов общественной жизни, регулирующим наше повседневное поведение. Чаще всего оно используется там, где власть слаба либо где нормы законодательства не адаптированы под местные условия, а с помощью законов невозможно решить конкретную проблему. Вместе с тем оно осуществляется на основе норм права путем воздействия на конкретных субъектов посредством установления содержания субъективных прав и юридических обязанностей. Оно оказывается необходимым в тех случаях, когда одного издания правовых норм недостаточно.

В юриспруденции «казус» обозначает случайное событие, тесно связанное с правовой нормативностью, а значит, отражающее юридически выраженную необходимость. Право, выработанное юриспруденцией (включая практику и судебные прецеденты) и являющееся результатом так называемого «казуального толкования», согласно точке зрения С. Н. Хорунжего, традиционно классифици-

руется как источник объективного права и обладает эквивалентной юридической силой по отношению к обычному праву этноса. В основе права лежат конкретные жизненные ситуации («казусы»), которые правовые нормы обобщают, выявляя общие закономерности и причинно-следственные связи, регулирующие социальное взаимодействие [13]. Таким образом, правовое регулирование представляет собой процесс перехода от частного случая к общей норме: сначала анализируются отдельные происшествия; затем выявляются их общие черты, приобретающие характер типичных случаев, после чего обобщаются и преобразуются в правовые нормы, передаваемые из поколения в поколение, например, в виде традиций или обычаев.

Приоритетное применение казуального типа правового регулирования наблюдается не столько в период кодификации, сколько в контексте текущего уголовно-правового регулирования. Казуальное право, формирующееся из общественных прецедентов и судебных решений по предыдущим делам, впоследствии становится основой для будущих решений в подобных ситуациях и постепенно обязательным для всех членов общества. Данная тенденция во многом продиктована стратегией ситуационного предупреждения преступлений и задачей оптимизации законодательства с учетом запросов правоприменительной практики. Поэтому реализация казуального регулирования преимущественно осуществляется в рамках правоприменительной деятельности, посредством соотнесения правовой нормы с конкретным казусом.

Сходство казуального и общего права состоит в том, что обе системы стремятся обеспечить равенство перед законом для всех граждан. Также в обеих системах присутствуют судебная власть и прецеденты, которые могут служить основой для принятия будущих решений. Следовательно, казуальное право и общее право могут быть объединены в одну систему правовых норм. Важным отличием казуального права, по мнению С. И. Вележева, являются гибкость его нормативно-правовых актов, большое их количество и отсутствие четкой структуры норм, а принятие решения в каждом конкретном случае основано на традициях и обычаях [14]. Способность к адаптации к изменяющимся условиям позволяет казуальному праву быстро и незамедлительно реагировать на новые ситуации, в то время как другие системы должны проходить длинный и формальный процесс изменения законов.

Юридическая казуистика как уникальный метод правоприменения находится в тесной зависи-

мости от казуального толкования правовых норм, которое применяется в тех случаях, когда возникает необходимость специального разъяснения смысла той или иной нормы, ориентированной на решение конкретной ситуации. Именно поэтому оно является неотъемлемым элементом судебной и административной деятельности. В этих случаях реализация права, по мнению Г. Н. Дудко и С. Ю. Суменкова, представляет процесс, в котором абстрактные правовые предписания обретают конкретное воплощение в жизненных ситуациях. В то же время анализ этих конкретных случаев может приводить к переосмыслению и уточнению самих абстрактных норм, создавая непрерывный цикл трансформации юридической действительности [15, с. 271–279; 16, с. 15–21].

Сегодня в классической системе правового регулирования доминируют нормативное регулирование в виде общих, абстрактных, формально равных для всех правил и индивидуальное регулирование в виде актов правоприменительного характера, адресованных конкретным лицам (например, судебные решения, административные предписания). Персонализированное регулирование занимает промежуточное положение между нормативным и индивидуальным регулированием, которое, сохраняя универсальность норм (общие правила существуют), одновременно адаптирует их применение к конкретному субъекту или ситуации с помощью технологий и данных. Его место должно быть в центре эволюции права в цифровую эпоху, как мост между универсальными нормами и индивидуализированным правоприменением.

Реализация принципа персонализации права представляет собой сегодня значительные организационные, правовые и финансовые сложности его разработки и имплементации, в силу чего первоочередное внедрение его возможно лишь в те сферы правоотношений, где риски для прав человека минимизированы. В тех же областях права, где нет единого мнения о цели закона, традиционное законодательство может сохраниться. Несмотря на осознание всех рисков персонализации права, многие отечественные правоведы убеждены в ее неизбежности в контексте технологического прогресса, хотя научные проработки и теоретические обоснования «персонализированного права» даже на международном уровне пока что остаются весьма ограниченными.

Вместе с тем отечественные ученые продолжают исследования проблем персонализированного правового регулирования в качестве современной концепции, связанной с цифровизацией, big data,

искусственным интеллектом и развитием технологий. Персонализированное регулирование, находящееся пока что на стадии развития и экспериментов, особенно в сфере административного и уголовного права, предполагает: а) учет индивидуальных характеристик субъекта (возраст, доход, поведение, история нарушений и т. д.); б) использование больших данных, алгоритмов, искусственного интеллекта для анализа и прогнозирования; в) достижение максимальной эффективности и справедливости за счет адаптации норм под конкретного человека.

К преимуществам персонализированного регулирования относят: повышение эффективности через направление ресурсов туда, где они наиболее нужны; усиление справедливости за счет учета реального положения дел (например, прогрессивные штрафы); персонализированная профилактика правонарушений и рекомендации по реабилитации подучетных лиц; оптимизация государственного управления с заменой перехода от «один размер на всех» к «точечному воздействию».

Несмотря на преимущества, персонализированное регулирование сталкивается с серьезными вызовами, связанными: с нарушением принципа равенства перед законом, если дифференциация необоснованна или дискриминационна; с проблемой прозрачности и объяснимости алгоритмов («черный ящик») ИИ; с угрозами приватности и автономии личности, обусловленными массовым сбором и анализом персональных данных; с юридической неопределенностью, характеризующейся отсутствием четких норм, регулирующих алгоритмическое правоприменение.

Фундаментальный принцип персонализированного правового регулирования заключается в использовании информационных потоков, отражающих поведенческие паттерны конкретных субъектов как ретроспективно, так и в режиме реального времени [17]. Это обеспечивает возможность адаптации применяемых правовых предписаний к индивидуальным потребностям и возможностям субъекта, стремясь к максимальному соответствию. Для обеспечения практической имплементации персонализированных норм права на законодательном уровне требуется фиксация определенных критериев, подлежащих учету в процессе персонификации. В этой части важным аспектом данной проблемы следует считать *процесс индивидуального правового определения*, поскольку законы редко охватывают абсолютно всех участников правовых отношений. При таком подходе правоприменителю важно понимать, что правовой

статус конкретного лица формируется преимущественно на основе: *его личных характеристик* (таких как пол, возраст, состояние психики), с одной стороны; и *уникальных черт сложившейся ситуации*, требующей юридического вмешательства (например, гражданство, правовой статус), с другой стороны [18, с. 60].

Анализ персонализированного правового регулирования пока что выявляет его ограниченную применимость. Наиболее благоприятной средой для внедрения персонализированных норм является частноправовая сфера, охватывающая договорные, семейные, наследственные и деликтные правоотношения. Вместе с тем персонализация такого рода несовместима с нормами высокого уровня абстракции, включая нормы-принципы и нормы-цели, которые преимущественно содержатся в конституционном законодательстве. Это формирует предметный предел для распространения микродиректив в системе правового регулирования. В указанном контексте персонификация и индивидуализация правового регулирования, обусловленные развитием информационных технологий и использованием баз данных, представляют собой одно из ключевых направлений развития законодательной деятельности.

В рамках теории персонализированного права само право понимается как традиционное правило поведения, которое проходит процесс «электронной» индивидуализации. Результатом этого процесса становится «микродиректива» в виде решения (индивидуального предписания), вынесенного искусственным интеллектом. Именно в таких микродирективах, по мнению В. В. Аргунова и его сторонников, идеи персонализированного регулирования достигают своего максимального развития [19, с. 33–41]. Каждая такая микродиректива будет тщательно и детально подстроена (адаптирована) под конкретного человека, максимально учитывающая его индивидуальные особенности, что и будет считаться той самой персонализацией, которая дала название этому теоретическому подходу [8–14].

«Правом микросоциализма» назвал персонализированное право Ф. Бендер, поскольку оно предоставляет государству возможность вмешиваться в частные отношения, опираясь на множество децентрализованных решений [20]. Продолжая свою мысль, автор подчеркнул, что подобные микродирективы будут спроектированы для адаптации к любым сценариям и обеспечат генерацию правил поведения в режиме реального времени, в т. ч. с возможностью их доставки на персональные

устройства. Предполагается, что эти инструменты найдут основное применение в частном праве, затрагивая такие области, как договорные, семейные, наследственные и деликтные отношения. Особенно это касается деликтного права, где они помогут точнее определить требования к должной осмотрительности, учитывая индивидуальные особенности участников правоотношений.

Представим себе хоть на секунду мир, где привычные нам законы, указы и судебные решения больше не определяют право. Вместо этого право формируется «на месте», в каждой конкретной ситуации, учитывая интересы и пожелания конкретных людей. Источником права становится «микродиректива» в виде индивидуального предписания для каждого конкретного случая, что создавало бы огромные риски, связанные с атмосферой постоянной неопределенности и тревоги; с невозможностью обеспечения равного отношения ко всем; с неясностью обеспечения гарантий прав и свобод человека. Следовательно, применение микродиректив сегодня требует тщательного обдумывания этических, социальных и юридических последствий, при котором ключевым вопросом будет поиск баланса между гибкостью и предсказуемостью, индивидуализацией и справедливостью, эффективностью и защитой прав человека.

В целях наглядности целесообразно использовать микродирективу как крайнюю форму персонализации, чтобы продемонстрировать проблемы и вопросы, возникающие в связи с персонализацией. Микродирективу можно рассматривать как идеализированную версию персонализированного закона. С помощью микродирективы законодатели создают закон, который представляет собой нечто вроде общей цели, выглядевшей как стандарт. Но микродиректива также позволяет алгоритму использовать большие данные, чтобы преобразовать эту цель в конкретную, похожую на правило и персонализированную директиву, которая доводится до сведения гражданина, когда ему нужно узнать содержание закона.

Достижения в области обработки данных и коммуникационных технологий создают потенциал для перехода от традиционных форм правил и стандартов к микродирективам, которые обновляются и изменяются в режиме реального времени в соответствии с меняющимися личными обстоятельствами граждан, на которых распространяется действие закона. Ранние формы микродиректив уже существуют, например, интеллектуальные светофоры, собирающие данные, чтобы персонализировать директивы, предоставляемые водителям на

перекрестке: знак «Уступи дорогу» можно рассматривать как стандарт; знак «Стоп» — как неудобное правило; а «умные» светофоры — как переход к более персонализированным микродирективам. В необработанном виде персонализированная микродиректива была бы непонятна водителю в силу сложностей, связанных с особенностями дорожного движения (погодные условия, время суток, плотность транспортного потока и т. п.). Ценность и полезность подобных технологий состоит в том, что они могут преобразовывать персонализированные законы в упрощенную форму коммуникации, в результате чего водитель воспринимает информацию о дорожной ситуации в форме зеленого, желтого или красного сигнала светофора.

Идею о создании правовых норм с высокой степенью детализации для конкретных субъектов поддержала Н. Ф. Порываева. По ее мнению, концепция персонализированного права открывает путь к трансформации традиционной модели правового регулирования через синтез нормативного и казуального подходов [21, с. 93]. Эта возможность слияния представляется особенно актуальной для индивидуального правового регулирования, поскольку процесс персонификации участников правоотношений гармонично соответствует такому подходу.

Существенным аспектом индивидуального правового регулирования является его способность уточнять правила поведения участников общественных отношений и управлять ими с помощью нестандартных инструментов. В самом общем виде ненормативное регулирование представляет собой явление, направляющее действия людей, будь то регулярно или эпизодически, без предписания конкретных образцов поведения. Сегодня не удивляют предложения относительно необходимости применения в интернет-среде и киберпространстве не только правовых, но и специфических неправовых регуляторов. К последним относятся правила, этические нормы, культурные установки, программный код и алгоритмы, а также широко распространенные нормы и правила, основанные на саморегулировании. Заслуживает внимания предложение Ю. А. Тихомирова о разработке нового метода познания, который заключается в создании таблицы правовых регуляторов, охватывающих как общие, так и индивидуально-правовые регуляторы. Он считает, что четкая структура позволит точнее определить границы индивидуального правового регулирования [22, с. 5–16]. При этом отмечается значимость саморегулирования, выражающегося,

например, в принятии субъектами на себя добровольных обязательств, в рамках которых применение моральных норм ограничено конкретным кругом лиц и обусловлено наличием аналогичных судебных решений. В этом случае саморегулятор, находящийся под контролем вышестоящего регулятора, самостоятельно разрабатывает и устанавливает собственные правила.

Исследователи И. Р. Акчурина и А. М. Туфетюлов констатируют, что саморегулирование, будучи подчиненным государственным нормам, лишь создает предпосылки для гармоничного взаимодействия субъектов, но не является гарантом его достижения [23, с. 176–181; 24, с. 17–23]. Авторы выделяют следующие преимущества саморегулирования перед государственным регулированием: а) нормативную гибкость; б) оперативную адаптивность к динамике общественных отношений; в) существенное влияние непосредственных участников рынка на формирование регуляторных норм; г) оптимизацию временных и ресурсных затрат при разрешении споров в сравнении с судебным процессом. В связи с этим делается вывод о позитивной тенденции развития саморегулирования, требующей, однако, активизации усилий как со стороны государства, так и со стороны гражданского общества.

Механизмы саморегулирования и сорегулирования сегодня прекрасно интегрируются в цифровые платформы. Нормы, устанавливаемые в рамках саморегулирования, могут быть объединены с правилами поведения, которые определяют организаторы цифровых платформ для всех участников и пользователей их сервисов (так называемым платформенным правом). Однако, если будет принят закон, регулирующий деятельность саморегулируемых организаций, то тогда на первый план выйдет совместное регулирование или сорегулирование, где основная роль будет принадлежать государству и созданным им организациям. Авторы коллективной монографии отмечают, что современные информационные технологии способствуют тому, что методы дорегулирования и сорегулирования, использующие гибкие и широкие правовые средства, станут приоритетными [25, с. 73]. В результате правовое регулирование, опирающееся на основополагающие принципы, а не на жесткие, абстрактные нормы, исходящие от государства, трансформируется в сторону большей гибкости и ориентированности на реальные жизненные ситуации.

Таким образом, в завершение следует отметить, что понятия казуального, индивидуального и персонализированного правового регулирования отражают разные уровни конкретизации правового воздействия: а) казуальное — на сегодняшний день примитивная, устаревшая, ситуативная форма, неэффективная в массовом обществе; б) индивидуальное — основная, стандартная форма реализации права в конкретных случаях, основанная на общих нормах, но применяемая к конкретным лицам; в) персонализированное — перспективная, технологически продвинутая форма, требующая осторожного применения и адаптации данных и технологий к лицу, с соблюдением гарантий прав человека.

Сегодня можно говорить об эволюционном переходе: казуального в индивидуальное и далее в персонализированное, при том что персонализированное регулирование не должно превращаться в казуальное, т. е. не должно терять связи с общими принципами права, иначе возникает риск дискриминации и потери правовой определенности. Современное же право должно стремиться к балансу, сохранению общих норм, сделав их применение более гибким, справедливым и эффективным, что и выражает концепция персонализированного регулирования.

В перспективе персонализированное регулирование будет развиваться в рамках цифрового государства с соблюдением базовых принципов, таких как: законность, права человека, судебный контроль, прозрачность алгоритмов; пропорциональность и индивидуализация ответственности (в уголовном и административном праве); право на объяснение и оспаривание алгоритмических решений как элемента процессуальных гарантий.

Для того чтобы предложенные изменения начали эффективно функционировать, требуется создание благоприятной среды и определение конкретных критериев их внедрения, в результате чего: а) человек сам будет решать, что ему делать, исходя из того, чего он хочет, к чему стремится и что ему нужно; б) все эти решения должны быть записаны в виде правил, которым необходимо будет следовать; в) индивиду нельзя будет нарушать законы и мешать другим людям жить по своим законным правам; г) такая свобода будет действовать только там, где закон не говорит прямо, что делать, но где можно самому решить, как поступить.

Список источников

1. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
2. Инструментам «умного» регулирования в цифровой экономике была посвящена одна из сессий на Российском инвестиционном форуме. URL: <http://www.sar.ru/news?type=news&id=>.
3. Ширеева Е. В. Правовые формы и методы государственного контроля и надзора в сфере обеспечения правопорядка и общественной безопасности в условиях цифровой трансформации органов исполнительной власти // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4 (47). С. 350–360.
4. Кашанина Т. В. Пределы индивидуального регулирования и средства их установления // Сборник аспирантских работ: мат-лы ежегодной аспирантской конф-ции. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1974. Вып. 17. С. 16–19.
5. Кашанина Т. В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере // Государство и право. 1992. № 1. С. 122–130.
6. Кашанина Т. В., Сизикова Н. М. Право: публично-правовые и частно-правовые начала. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 553 с.
7. Сим А. В. Соотношение правового и индивидуального регулирования в сфере охраны прав и свобод личности // Правовое регулирование: история и современность: мат-лы Всероссийской научно-практ. конф-ции (29 апреля 2021 г.) / отв. ред. Г. Ф. Гараева, В. В. Ковалева. Краснодар: ИД «Юг», 2022. 104 с.
8. Власенко Н. А. Индивидуализация как закономерность развития современного российского законодательства // Журнал российского права. 2015. № 12.
9. Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование: теоретико-правовой анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 303 с.
10. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966.
11. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972.
12. Хабриева Т. Я. Идентификация права в современной социальной регуляции // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 5–17.
13. Хорунжий С. Н. Доктринальные аспекты правовой среды: монография. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 231 с.
14. Вележев С. И. Нормативность и казуальность: Теоретико-методологический и сравнительно-правовой анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. 2005. 339 с.
15. Дудко Г. Н. Казуальное толкование в правоприменительной деятельности // Правовая политика и правовая жизнь. Серия: Право. 2025. С. 271–279.
16. Суменков С. Ю., Плахтий Н. А. Правовая действительность как совокупность юридических казусов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 4 (147). С. 15–21.
17. Busch C. and De Franceschi A. Granular Legal Norms: Big Data and the Personalization of Private Law // Research Handbook on Data Science and Law / V. Mak, E. Tjong Tjin Tai and A. Berlee (eds). Edward Elgar, 2018.
18. Minnikes I. A. Pravovaya personifikaciya: prakticheskie aspekty` individual`nogo pravovogo regulirovaniya [Legal personalisation: practical aspects of individual legal regulation]. Irkutsk: Institut zakonodatel`stva i pravovoj informacii, 2009, 60 p.
19. Аргунов В. В. Теория «персонализированного права» и гражданское судопроизводство: утопия или ближайшее будущее? // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. Серия: Право. 2025. С. 33–41.
20. Bender P. M. (2020). Limits of Personalization of default rules – Towards a normative theory. Working Paper 2020–02. Max Planck Institute for Tax Law and Public Finance.
21. Порываева Н. Ф. Алгоритмы и право // Теория и практика общественного развития. 2021. № 5 (159). С. 93.
22. Тихомиров Ю. А. Креативные регуляторы в правовом и виртуальном пространстве // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 5–16.
23. Акчурина И. Р., Туфетулов А. М. К вопросу о соотношении саморегулирования и государственного регулирования в РФ // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 2. С. 176–181.

24. Аистов А. Г. Саморегулирование: сущность и соотношение с государственным регулированием // Пролог: журнал о праве. 2024. № 3. С. 17–23.

25. Право цифровой среды: монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. В. Громовой. М.: Проспект, 2024. С. 73.

References

1. Habrieva T. Ya., Chernogor N. N. Pravo v usloviyah cifrovoj real'nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 1. S. 85–102.

2. Instrumentam «umного» regulirovaniya v cifrovoj ekonomike byla posvyashchena odna iz sessij na Rossijskom investicionnom forume. URL: <http://www.cap.ru/news?type=news&id=>.

3. Shireeva E. V. Pravovye formy i metody gosudarstvennogo kontrolya i nadzora v sfere obespecheniya pravoporyadka i obshchestvennoj bezopasnosti v usloviyah cifrovoj transformacii organov ispolnitel'noj vlasti // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2021. № 4 (47). S. 350–360.

4. Kashanina T. V. Predely individual'nogo regulirovaniya i sredstva ih ustanovleniya // Sbornik aspirantskih rabot: mat-ly ezhegodnoj aspirantskoj konf-cii. Sverdlovsk: Sverdl. jurid. in-t, 1974. Vyp. 17. S. 16–19.

5. Kashanina T. V. Individual'noe regulirovanie v pravovoj sfere // Gosudarstvo i pravo. 1992. № 1. S. 122–130.

6. Kashanina T. V., Sizikova N. M. Pravo: publichno-pravovye i chastno-pravovye nachala. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2024. 553 s.

7. Sim A. V. Sootnoshenie pravovogo i individual'nogo regulirovaniya v sfere ohrany prav i svobod lichnosti // Pravovoe regulirovanie: istoriya i sovremennost': mat-ly Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii (29 aprelya 2021 g.) / otv. red. G. F. Garaeva, V. V. Kovaleva. Krasnodar: ID «Yug», 2022. 104 s.

8. Vlasenko N. A. Individualizaciya kak zakonomernost' razvitiya sovremennogo rossijskogo zakonodatel'stva // Zhurnal rossijskogo prava. 2015. № 12.

9. Minnikes I. A. Individual'noe pravovoe regulirovanie: teoretiko-pravovoj analiz: dis. ... d-ra jurid. nauk. Ekaterinburg, 2009. 303 s.

10. Alekseev S. S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve. M.: Yurid. lit., 1966.

11. Gorshenev V. M. Sposoby i organizacionnye formy pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom obshchestve. M.: Yurid. lit., 1972.

12. Habrieva T. Ya. Identifikaciya prava v sovremennoj social'noj regulyacii // Voprosy filosofii. 2021. № 12. S. 5–17.

13. Horunzhij S. N. Doktrinal'nye aspekty pravovoj sredy: monografiya. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskij centr «Nauchnaya kniga», 2014. 231 s.

14. Velezhev S. I. Normativnost' i kazual'nost': Teoretiko-metodologicheskij i sravnitel'no-pravovoj analiz: dis. ... d-ra jurid. nauk. 2005. 339 s.

15. Dudko G. N. Kazual'noe tolkovanie v pravoprimeritel'noj deyatel'nosti // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. Seriya: Pravo. 2025. S. 271–279.

16. Sumenkov S. Yu., Plahtij N. A. Pravovaya dejstvitel'nost' kak sovokupnost' yuridicheskikh kazusov // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2022. № 4 (147). S. 15–21.

17. Busch C. and De Franceschi A. Granular Legal Norms: Big Data and the Personalization of Private Law // Research Handbook on Data Science and Law / V. Mak, E. Tjong Tjin Tai and A. Berlee (eds). Edward Elgar, 2018.

18. Minnikes I. A. Pravovaya personifikaciya: prakticheskie aspekty individual'nogo pravovogo regulirovaniya [Legal personalisation: practical aspects of individual legal regulation]. Irkutsk: Institut zakonodatel'stva i pravovoj informacii, 2009, 60 p.

19. Argunov V. V. Teoriya «personalizirovannogo prava» i grazhdanskoe sudoproizvodstvo: utopiya ili blizhajshee budushchee? // Vestnik Universiteta im. O. E. Kutafina. Seriya: Pravo. 2025. S. 33–41.

20. Bender P. M. (2020). Limits of Personalization of default rules – Towards a normative theory. Working Paper 2020–02. Max Planck Institute for Tax Law and Public Finance.

21. Poryvaeva N. F. Algoritmy i pravo // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2021. № 5 (159). S. 93.

22. Tihomirov Yu. A. Kreativnye regulatory v pravovom i virtual'nom prostranstve // Zhurnal rossijskogo prava. 2023. T. 27. № 3. S. 5–16.

23. Akchurina I. R., Tufetulov A. M. K voprosu o sootnoshenii samoregulirovaniya i gosudarstvennogo regulirovaniya v RF // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2012. № 2. S. 176–181.

24. Aistov A. G. Samoregulirovanie: sushchnost' i sootnoshenie s gosudarstvennym regulirovaniem // Prolog: zhurnal o prave. 2024. № 3. S. 17–23.

25. Pravo cifrovoj sredy: monografiya / pod red. T. P. Podshivalova, E. V. Titovoj, E. V. Gromovoj. M.: Prospekt, 2024. S. 73.

Информация об авторе

E. P. Абызова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. R. Abyzova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.10.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 22.10.2025; approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 10.03.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 17–22.

Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 17–22.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 1(3):35.082.22

ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Петимат Хасолтовна Акиева^{1, 2}

¹ Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия, p.akieva@rgiis.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4212-3773>

² Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются этические дискуссии о природе человека среди афинских философов V–IV вв. до н. э. как основания философии государственного управления. Проводится сравнительный анализ философских подходов к образованию и воспитанию добродетельного гражданина, складывавшихся в рамках определения важнейших человеческих качеств, обеспечивающих устойчивое развитие общества.

Ключевые слова: природа человека, добродетели, познание, воспитание, гражданское общество, управление

Для цитирования: Акиева П. Х. Основания гражданственности в античной философии // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 17–22.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

THE FOUNDATIONS OF CITIZENSHIP IN ANCIENT PHILOSOPHY

Petimat Kh. Akieva^{1, 2}

¹ Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia, p.akieva@rgiis.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4212-3773>

² Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow, Russia

Abstract. The article explores the ethical discussions about human nature among the Athenian philosophers of the 5th and 4th centuries BC as the foundations of the philosophy of public administration. A comparative analysis of philosophical approaches to education and upbringing of a virtuous citizen is conducted. These approaches have been developed within the framework of defining the most important human qualities that ensure sustainable development for society.

Keywords: human nature, virtues, knowledge, education, civil society, management

For citation: Akieva P. Kh. The Foundations of Citizenship in Ancient Philosophy. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;1:17–22 (In Russ.).

В историческом прошлом человечества эпоха Античности выступает самым ярким феноменом проявленной творческой мысли. Центральным элементом интеллектуально-духовного способа освоения действительности этого времени стало мыслетворчество, в первую очередь рождение мудрости как орудия социального переустройства.

Сложившиеся в афинском обществе кризисные явления потребовали поиска новых принципов консолидации, в результате на смену разрушающимся природно-родовым архаично-патерналистическим основаниям стали конструироваться новые — политические. Известно, что практическое начало институционализации в Афинах было положено реформами Солона и Клисфена (VI в. до н. э.), в результате которых было создано закрытое сообщество свободных граждан. Теперь принадлежностью к афинскому роду был гарантирован статус свободы, что позволяло определить границы полиса, единство которого обеспечивалось правовым положением гражданина. В эпоху расцвета полисной системы приоритет чистоты крови как основания привилегированности сменяется законным гражданством. Вертикаль «высшие — низшие» в итоге дополнилась оппозицией «эллыны — варвары».

Гражданская солидарность греческого полиса, как отметил в свое время Г. Ф. Шершеневич, позволяла обеспечивать единство общественной жизни и государства, моральных и правовых норм [1, с. 57–58]. Благодаря реформам Солона новый формат единства был построен на подчинении власти общих ценностей (природы человека, его труда, равенства граждан, права публичных выступлений, гражданского общества). Дальнейшее разрушение родового единства на общеполисное, осуществленное Клисфеном в 509–507 гг. до н. э., проходило через территориальное разделение на филы к демократии в Афинах. Заслуга Перикла состояла в формулировке демократической идеологии, прозвучавшей в знаменитой речи, посвященной павшим афинянам в Пелопонесской войне.

Единое социальное пространство, в рамках которого происходит взаимодействие государства, общества и человека, всегда нуждается в скрепляющем механизме, поскольку, пользуясь словами Демокрита, только единомыслие позволяет свершать великие дела [2, с. 168]. Таким механизмом в период расцвета афинской демократии стали представления о гражданских добродетелях. Составляя природу гражданства, они становились образом жизни эллина, определяли морально-этический облик гражданина полиса. Так, античность

превознесла нравственность над правом и определила ее границы полисным объединением граждан.

Новая теоретическая установка на познание человека вывела на первый план философию государственного управления. Всеобщий универсальный моральный закон эллинистического мира был сведен к положению: человек относится к государству как часть к целому, соответственно, и социальные отношения следует рассматривать через указанную систему. Поэтому поиск наиболее эффективного механизма управления был направлен на выявление важнейших человеческих качеств, обеспечивающих обществу устойчивое развитие.

Рассуждения о природе человека продуцировались стремлением ответить на главный вопрос — что есть счастье (т. е. высшее благо) и как его достичь. В рамках рождающейся греческой этики — «учения о жизни и свойствах человека» [3, с. 68] — формировался моральный канон добродетельной совершенной жизни «нового грека».

Бытие античного человека еще определяется природным упорядоченным миром, как писал М. Хайдеггер, оно еще «захвачено Космосом» [4, с. 103]. Доминирует тезис о человеке как квинтэссенции природного творения. Он сам есть микрокосмос, системный элемент природного Космоса.

В контексте античного космоцентризма складывается понятие *jus*, универсальность и обязательность законов природы: священный порядок мироздания будет восстановлен в ущерб виновному, поскольку воплощением справедливости космического порядка выступает искусственная норма, правило, закон (*nomos*) [5, с. 10]. Морально-этический контекст понятия справедливости, таким образом, стал качественным свойством права или его цели. Крайности греческого антропоцентризма, обусловленные культом природы и космологического восприятия мира, позволили «очеловечить» власть, т. е. рассматривать ее как часть человеческой природы [6, с. 175].

Античный тренд на самопознание — это поиск прежде всего общих этических критериев добродетельной жизни. Забота о своем назначении, о реализации потенциалов своей души [7, с. 102] как части общего полисного существования была обусловлена идеей сознательного служения полису, исполнения гражданского долга. В практике античной жизни идея сознательного подчинения граждан закону (*эвномия* — благозаконие), который, конечно, должен быть только справедливым, сформулированная Солоном, легла в основу гражданской идентичности полиса. Осознанное сле-

дование идее служения определяло следующую задачу государства, в философском ракурсе оно продуцировало этические дискуссии о природе человека, сущности добродетели, потенциальных возможностях и механизмах их воспитания.

Вопрос о том, можно ли научить человека добродетели, стал особенно актуален в кризисный IV в. до н. э., когда случилось трезвое осознание крушения золотой эпохи Античности. Последствия кризиса были настолько разрушительны (особенно после поражения, нанесенного Филиппом II при Херонее 338 г. до н. э., приведшего к потере независимости греческих городов-полисов), что «стремление строить новое общество, основываясь на духовном развитии граждан, никогда не проявлялось сильнее, чем в это время» [8, с. 7].

Если во время расцвета полиса образ гражданина строился на главной добродетели — человеческой мудрости, поскольку такой человек, по Сократу, «обладает большей доблестью, справедливостью, нравственностью», чем «безнравственный государственный муж» и «невежественный гражданин», то над определением воспитательной стратегии государства в период кризиса размышляют в риторической школе Исократ и Академии Платона, создатели которой предлагали свою стратегию обучения.

«Совершенствование софистической техники слова приводит Исократу к пониманию словесной деятельности в единстве трех аспектов, это умелое применение технических приемов, средство приносить пользу и свидетельство разумности говорящего» [9, с. 46]. Философ исходил из практических соображений — необходимости полезного знания («обладание мнением») и профессиональных навыков, которые могут быть востребованы как государством («политическое искусство»), но и применимы в организации хозяйственной жизни. Поэтому Исократ отрицает возможность научить человека добродетели, поскольку это незнание как таковое. Однако потенциально отбрасывая такую возможность, Исократ сам расширяет свою риторику, вводя в нее этические принципы, ведь только «в правдивом, честном и справедливом слове видим мы отображение доброй и справедливой души» [10, с. 34]. Так, во взглядах Исократы выстраивается диалектическое единство слова и дела, поскольку только владеющий словом (красноречием) способен быть добродетельным. Ведь героическое, благородное, справедливое слово способно увлечь любого, а будучи усвоенным молодежью, оно само становится их качеством, их добродетелью.

Исократовский подход был крайне актуален для полисной жизни. Недаром именно его школе удалось подготовить интеллектуальную элиту, представители которой в будущем займут серьезное политическое положение. В практике полисной жизни сложилась тесная взаимосвязь между политикой и логосом (словом): чрезвычайная актуальность красноречия, искусства убеждения словом как политического инструмента приводит к тому, что оно становится «ключом к влиянию в государстве, средством управления и господства над другими...» [11, с. 62, 64].

Методологическое допущение о существовании истинного бытия (мира идей), где душа человека могла увидеть добродетели справедливости, рассудительности, умеренности, мужества и т. д., позволило Платону дать свой ответ на ключевой вопрос: можно ли научиться добродетелям? Рассуждая над проблемой «добродетель — это знание или нечто иное, не поддающееся изучению и чему нельзя научиться», Платон предлагает концепцию идей как истинной реальности. Онтологически разделяя познание на два уровня (чувственное, мнимое, основанное на мнении, и рациональное, подлинное, основанное на разуме), философ обосновывает идею о возможности человеческой души в земной жизни воспроизвести только определенную степень добродетельности, которую она могла наблюдать в мире идей. «Способность человека приблизиться к миру идей зависит от того, насколько близко его бессмертной душе удалось приблизиться к Богу как носителю знания и в какой мере ей удалось вобрать в себя знания в период следования за Божеством, а затем, войдя в тело человека, припомнить эти знания» [12, с. 17].

В результате если познание есть «припоминание того, что видела душа, когда она сопутствовала Богу», то добродетельность человека достигается через обнаружение божественного в душе. О возможности воспитания в человеке ряда моральных качеств — добродетелей (справедливости, разума, мужества, щедрости и т. д.), изначально данных от божественной «Мировой Души», писал Платон [5, с. 7–15]. Добродетельным человеком можно стать лишь через правильное использование воспоминаний, что посильно далеко не всем. В полной мере познание «окрывает только разум философа: у него всегда по мере его сил память обращена на то, чем божествен бог» [13, с. 185]. Только душа, в которой сочетаются разум, рассудок, вера и способность к уподоблению, согласно Платону, способна приобрести знания. Полагая, что отмеченных божественным даром немного (только

философы расположены к обретению подлинного знания), Платон говорит, что остальным необходимо следовать за мудрыми, стремиться приобретать знания, обогащая тем самым свою душу. Постоянное общение с философами-мудрецами может привести к формированию добродетельного человека. Главное в таком процессе обучения — устойчивое стремление обучающегося к знанию и способность мудреца выступать в качестве учителя.

Организация эффективного процесса передачи мудрости особенно необходима для государства, т. к. ведет к благоденствию. Мудрость «несет людям счастье, ибо мудрость ни в чем не ошибается, но необходимо заставляет правильно действовать и преуспевать» [14, с. 123]. Приобщившись к мудрости, человек стремится реализовать свои знания и умения в полезной для государства и общества деятельности, в первую очередь в политической.

Таким образом, Платон возвышает знание (мудрость, науку) как носителя истинных правильно понимаемых ценностей, устанавливая его главным ориентиром жизни общества. Только знанию (мудрости, науке) надлежит быть основанием переустройства общества, а не воле или мнению отдельных лиц.

Аристотель выделял способность человека к общежительности, отмечая, что познание, воспитание и обучение субъекта возможно через освоение им ценностных понятий [15, с. 375, 644]. Более того, человек, «оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим» [16, с. 93–100]. При этом Пифагор, Платон и Аристотель (каждый по-своему) предполагали, что человек уже рождается со знаниями, полученными в мире идей.

Сама природа при рождении человека делит всех на тех, кому властвовать, а кому подчиняться. Эта цепь рассуждений приводит Аристотеля к выводу, что свободен лишь тот, кто может быть свободен. Аристотель видел высшее благо в том, что в первую очередь полезно для человека [15, с. 297]. Политическая эволюция человечества, по Аристотелю, завершается в государстве как высшей форме общения и организации жизни. Природа государства построена на общении (деятельности), целью которого является благо, причем высшее общение «обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим...» [15, с. 297]. Поэтому политика есть наука о высшем благе, а государство (полис) — высшая цель благой жизни. Только в таком государстве человек имеет возможность быть

полноправным гражданином, может обрести индивидуальное благо, т. к. в полисе действуют справедливые законы. Аристотель впервые рассматривает государство во множественности [15, с. 454], следовательно, общее благо, в его понимании, не есть благо целого, совокупность индивидуальных благ. Добрые деяния и человеческие добродетели (мудрость, рассудительность, правосудие и др.), лежащие в основе индивидуального блага, формируют благо сообщества как естественное и справедливое сосуществование людей [17, с. 66].

Ранжирование общества основано на природных качествах человека. Человек, проявляя свою активность, ориентируется не только на чувства и наслаждения (блаженство и счастье), но и на достижение высшей цели — общего блага. В «Политике» Аристотель определяет счастье как деятельность, соответствующую добродетелям. В другом произведении — «Никомахова этика» — автор дает классификацию добродетелей, разделяя их на этические (построенные на ощущениях и формируемые через привычки) и дианоэтические (создаваемые разумом и приобретаемые благодаря воспитанию). Человек в реализации своих добродетелей должен ориентироваться на «золотую середину», определить которую возможно благодаря разуму. Поэтому добродетель есть «сознательное приобретенное разумом качество души, состоящее в субъективной середине и определенное разумом, и притом определенное так, как бы его определил благоразумный человек» [17, с. 45]. В результате главная задача политиков состоит в развитии добродетелей через организацию политической жизни людей, т. е. через общение, которое обнимает собой все остальные общения и организуется ради всеобщего блага [18, с. 15]. Душевную (этическую) и деятельную (дианоэтическую) сущность человека Аристотель относит к внутренним благам человека, реализация которых возможна только благодаря общению. Таким даром общения могут пользоваться только граждане (исключая рабов, варваров, торговцев, женщин, земледельцев), т. к. иные сущностно не обладают способностями разумной части души: «прямо от рождения некоторые существа различаются к подчинению, другие — к властвованию» [18, с. 20–21].

Таким образом, несмотря на различные схемы преодоления кризисных явлений V–IV вв. до н. э., позиции философов сближаются в главном — исцеление общества возможно через приобщение к знанию. Средство преодоления духовного и морального крушения образа жизни, системы ценностей, норм и идеалов в целом афинские

философы увидели в образовании. Их заслуга состоит в определении новых векторов развития общества, главной единицей которого выступала добродетельная личность — гражданин полиса. В основу правовой реальности афинского мира был положен всеобщий универсальный моральный закон. Мысли философов по поводу правильного обучения и воспитания граждан, высказанные в рамках этических дискуссий, не теряют своей актуальности, поскольку как обществу, так и государству всегда нужны добродетельные воспитанные граждане.

Список источников

1. Шершеневич Г. Ф. История философии права. СПб.: Лань, 2001. 525 с.
2. Материалисты Древней Греции: собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / общ. ред. и вступ. ст. проф. М. А. Дынника. М.: Госполитиздат, 1955. 239 с.
3. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. 820 с.
4. Хайдеггер. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе: сборник статей / отв. ред. П. С. Гуревич. М.: Прогресс, 1986. 450 с.
5. Акиева П. Х. Правовая нормативность античной эпохи: включение метафизики свободы в пределы человеческой природы // Философия права. 2024. № 2 (109). С. 7–15.
6. Акиева П. Х. Идея общего блага в античной философской традиции // Россия и мир: развитие цивилизаций. Уроки Великой Победы и новое мироустройство: мат-лы XV Международной научно-практ. конф-ции: в 2 ч. М., 2025. С. 174–176.
7. Кессиди Ф. Х. Сократ. 2-е изд., доп. М.: Мысль, 1988. 220 с.
8. Йегер В. Пайдейя: Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем) / пер. с нем. М. Н. Ботвинника. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. Т. 2. 334 с.
9. Мочалова И. Н. Можно ли научиться добродетели? (софисты, Исократ и Платон о воспитании) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 4. С. 44–50.
10. Исократ. Никокл, или К жителям Кипра (III) // Малые аттические ораторы: речи, письма / под общ. ред. Э. Д. Фролова. М.: Ладомир, 2013. С. 32–45.
11. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли / под общ. ред. Ф. Х. Кессиди, А. П. Юшкевича. М.: Прогресс, 1988. 221 с.
12. Сидоренко Н. И. Онтологические и гносеологические основания науки в философии Платона // Вестник Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова. 2004. № 3. С. 10–25.
13. Платон. Соч.: в 3 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1968–1972. Т. 2. 1972. 678 с.
14. Платон. Диалоги / пер. с древнегреч. С. Я. Шейнман-Тонштейн; сост., ред. изд. и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев. М.: Мысль, 1998. 605 с.
15. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. 1975–1983. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
16. Молчан Э. М. Теоретико-методологические основания исследования духовно-нравственных ценностей в социальных системах // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 1 (21). С. 93–100.
17. Аристотель. Никомахова этика / пер. Э. В. Радлова, Т. А. Миллер. М.: Барлин: Директ-Медиа, 2020. 220 с.
18. Аристотель. Политика / пер. С. А. Жебелева. 2-е изд. М.: Академический проект, 2015. 317 с.

References

1. Shershenevich G. F. Istoriya filosofii prava. SPb.: Lan', 2001. 525 s.
2. Materialisty Drevnej Grecii: sobranie tekstov Geraklita, Demokrita i Epikura / obshch. red. i vstup. st. prof. M. A. Dynnika. M.: Gospolitizdat, 1955. 239 s.
3. Diogen Laertsij. O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenityh filosofov. M.: Mysl', 1979. 820 s.
4. Hajdegger. Vremya kartiny mira // Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade: sbornik statej / отв. red. P. S. Gurevich. M.: Progress, 1986. 450 s.
5. Akiyeva P. H. Pravovaya normativnost' antichnoj epohi: vkluyuchenie metafiziki svobody v predely chelovecheskoj prirody // Filosofiya prava. 2024. № 2 (109). S. 7–15.

6. Akieva P. H. Ideya obshchego blaga v antichnoj filosofskoj tradicii // Rossiya i mir: razvitie civilizacij. Uroki Velikoj Pobedy i novoe miroustrojstvo: mat-ly XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii: v 2 ch. M., 2025. S. 174–176.
7. Kessidi F. H. Sokrat. 2-e izd., dop. M.: Mysl', 1988. 220 s.
8. Jeger V. Pajdeja: Vospitanie antichnogo greka (epoha velikih vospitatelej i vospitatel'nyh sistem) / per. s nem. M. N. Botvinnika. M.: Greko-latinskij kabinet Yu. A. Shichalina, 1997. T. 2. 334 s.
9. Mochalova I. N. Mozhno li nauchit'sya dobrodeteli? (sofisty, Isokrat i Platon o vospitanii) // Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. 2014. T. 15. Vyp. 4. S. 44–50.
10. Isokrat. Nikokl, ili K zhitelyam Kipra (III) // Malye atticheskie oratory: rechi, pis'ma / pod obshch. red. E. D. Frolova. M.: Ladomir, 2013. S. 32–45.
11. Vernan Zh.-P. Proiskhozhdenie drevnegrecheskoy mysli / pod obshch. red. F. H. Kessidi, A. P. Yushkevicha. M.: Progress, 1988. 221 s.
12. Sidorenko N. I. Ontologicheskie i gnoseologicheskie osnovaniya nauki v filosofii Platona // Vestnik Rossijskoj ekonomicheskoy akademii im. G. V. Plekhanova. 2004. № 3. S. 10–25.
13. Platon. Soch.: v 3 t. / pod obshch. red. A. F. Loseva i V. F. Asmusa. M.: Mysl', 1968–1972. T. 2. 1972. 678 s.
14. Platon. Dialogi / per. s drevnegrech. S. Ya. Shejnman-Tonshtejn; sost., red. izd. i avt. vstup. st. A. F. Losev. M.: Mysl', 1998. 605 s.
15. Aristotel'. Politika // Aristotel'. Sochineniya: v 4 t. 1975–1983. M.: Mysl', 1983. T. 4. 830 s.
16. Molchan E. M. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya issledovaniya duhovno-nravstvennyh cennostej v social'nyh sistemah // Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya. 2019. № 1 (21). S. 93–100.
17. Aristotel'. Nikomahova etika / per. E. V. Radlova, T. A. Miller. M.: Barlin: Direkt-Media, 2020. 220 s.
18. Aristotel'. Politika / per. S. A. Zhebeleva. 2-e izd. M.: Akademicheskij proekt, 2015. 317 s.

Информация об авторе

П. Х. Акиева — доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

P. Kh. Akieva — Doctor of Science (History), Professor.

Статья поступила в редакцию 21.10.2025; одобрена после рецензирования 28.11.2025; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 21.10.2025; approved after reviewing 28.11.2025; accepted for publication 10.03.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 23–28.

Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 23–28.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 34.01

ФУНКЦИИ НЕТИПИЧНЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Кирилл Борисович Лазорин

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
kirill.lazorin@bk.ru

Аннотация. В статье представлен авторский взгляд на систему функций нетипичных нормативных правовых актов. В установочных методологических основаниях предполагается, что функции находящегося в поле исследовательского интереса феномена пересекаются с функциями нормативного правового акта как родового явления, в т. ч. как юридического документа нормативного характера. Автор рассматривает нетипичный нормативный правовой акт как социально-правовое явление в целом и как источник права в частности, что обуславливает разные объекты (системы) и, следовательно, направления функционального воздействия. Предлагается функции нетипичных нормативных правовых актов делить на социальные и собственно юридические. Дается краткая характеристика таких собственно юридических функций, как интеграционная, оптимизирующая, конкретизирующая (уточняющая), инновационная, системоразвивающая функция. Делается вывод о самостоятельности функций нетипичных нормативных правовых актов, их роли в оформлении, дополнении и развитии системы правового регулирования.

Ключевые слова: нетипичный нормативный правовой акт, функции, нормативный правовой акт, правовой акт, источник права

Для цитирования: Лазорин К. Б. Функции нетипичных нормативных правовых актов // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 23–28.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

FUNCTIONS OF UNTYPICAL REGULATORY LEGAL ACTS

Kirill B. Lazorin

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia,
kirill.lazorin@bk.ru

Abstract. The article presents the author's view on the system of functions of atypical normative legal acts. The author's methodological framework assumes that the functions of the phenomenon under study intersect with the functions of a normative legal act as a generic phenomenon, including a legal document of a regulatory nature. The author considers an atypical normative legal act as a socio-legal phenomenon in general and as a source of law in particular, which leads to different objects (systems) and, consequently, different functional effects. It is proposed to divide the functions of atypical normative legal acts into social and legal functions. A brief description of such legal functions as integration, optimization, specification (clarification), innovation, and system development is provided. The article concludes that the functions of atypical normative legal acts are independent and play a significant role in the formation, development, and implementation of legal acts.

Keywords: atypical regulatory legal act, functions, regulatory legal act, legal act, source of law

For citation: Lazorin K. B. Functions of Untypical Regulatory Legal Acts. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;1:23–28 (In Russ.).

Характерной чертой современного правового регулирования выступает усложнение системы нормативных правовых актов, как их содержательного наполнения, так и формы. Обособляется большая группа нормативных правовых актов, не вписывающихся в классическое представление о них, речь идет о так называемых нетипичных нормативных правовых актах. В ряде публикаций нами доказывается, что нетипичные нормативные правовые акты занимают важное место в системе источников российского права, отличаясь от классических видов нормативных актов спецификой содержания, структурой, целями регулирования и пр. Нетипичные нормативные правовые акты, будучи выражением особой категории нормативных предписаний, результатом нетипичного правотворчества, выходят за пределы классических моделей; нетипичность таких актов не является аномалией, а отражает закономерные процессы, обусловленные необходимостью реагирования на новые социальные и экономические вызовы.

Познание функционального проявления нетипичных нормативных правовых актов будет способствовать снижению препятствий к инкорпорированию их в отечественную систему правового регулирования. Исследование функциональной характеристики названных актов является важной задачей, требующей своего разрешения на пути познания нетипичных нормативных правовых актов с позиции общетеоретической правовой науки с целью более глубокого познания их роли и места в правовой системе.

Функции в системных исследованиях олицетворяют собой отражение избирательных взаимных связей и возникающего между элементами системы взаимодействия с внешней средой, что позволяет выразить ее внутреннюю непротиворечивую специфическую природу [1, с. 24]. Нельзя не отметить и такую характеристику, как функциональная целостность. Целостность отражает определенные параметры внутренней организации системы. Функциональная целостность — это особое внешнее свойство, демонстрирующее самостоятельность системы в ее проявлениях вовне, ее функциональную обособленность и функционально-структурную самодостаточность [2, с. 39].

Функциональный анализ дает возможность уяснить предназначение правового института или феномена, дополнить его общую характеристику. Функциональный аспект также включает в себя ценностно-целевую сторону какой-либо системы, демонстрирует особенности взаимодействия этой системы с внешней средой. При этом следует со-

гласиться с тем, что проведение полноценного функционального анализа конкретного объекта будет затруднительно без учета основных диалектических принципов и законов, фундаментальных положений общей теории систем и системного подхода и без применения, хотя бы частичного, таких методов, как исторический, структурный, сравнительный [2, с. 38–39]. Интересно, что далеко не все характеристики имеют непосредственную связь с характеристикой функциональной. Так, в настоящее время обособляют отличающуюся самостоятельностью совокупность элементов, относящихся исключительно к функциональной характеристике. В их число входят системный, структурный, социальный и генетический аспекты права [3, с. 15].

Функции как характеристика нетипичного нормативного правового акта концентрируют в себе отражение основных направлений их воздействия на две большие системы: социальную реальность и правовую действительность. В этой связи, думается, справедливо обособить группы функций социальных, или общих, и специальных, или юридических. Объединение функций в такие две совокупности, конечно же, условное и необходимо для того, чтобы вычленил собственно юридические функции нетипичных нормативных правовых актов, при этом не оставив без внимания общие направления воздействия, выступающие базой по отношению к специальным. Кроме того, вычленение функций само по себе носит условный характер, необходимо для того, чтобы «препарировать» деятельную сторону нормативных правовых актов, динамичную составляющую правового средства.

Собственно функции нетипичных нормативных правовых актов в научное поле зрения как самостоятельный предмет исследования на сегодняшний день не включены в полном объеме. Вместе с тем в российской правовой доктрине разработан вопрос функциональной характеристики смежных правовых средств. Для наших целей исследования интерес представляют имеющиеся наработки относительно функций юридических документов, а также функций правовых актов в целом, в т. ч. отдельных их видовых проявлений, которые выступают по отношению к функциям нетипичных нормативных правовых актов родовыми. Наиболее разработана в юридической теории функциональная характеристика правовых актов в целом, нормативных правовых актов в частности, отдельных видов.

М. М. Карабеков, выдвигая на передний план функцию оказания регулятивного воздействия на

правовые отношения, выделяет и конкретизирует такие функции правовых актов в механизме правового регулирования, как регулятивная функция; правореализационная функция; охранительная функция; целеполагающая функция; информационная функция; мотивационная функция; интерпретационная функция; системообразующая функция [4, с. 21–24]. Закономерно, что нетипичным нормативным правовым актам из перечисленных функций могут быть свойственны лишь те, которые характерны для нормативных правовых актов.

Ю. Г. Арзамасов, систематизируя теоретические знания о нормативном правовом акте, констатирует, что в отдельных определениях данного источника права указано на его функции, в числе которых установление, изменение, а равно отмена нормы права [5]. Утверждение является спорным, потому как норма права создается, изменяется, отменяется в результате правотворчества, нормативный правовой акт лишь фиксирует, отражает. Вместе с тем заслуживает поддержки утверждение автора о том, что для некоторых нормативных правовых актов присуща функция введения в действие других нормативных правовых актов [5]. Развивая идею Ю. Г. Арзамасова в аспекте темы нашего исследования, думается справедливым уточнить, что такие акты могут быть отнесены к нетипичным нормативным правовым актам, в частности приводимый в пример федеральный закон, определяющий порядок введения в действие кодекса.

Обширную классификацию функций подзаконных нормативных правовых актов предлагает А. В. Злобин, объединив их в пять крупных групп, сосредоточив внимание на раскрытии механизма взаимодействия подзаконных актов с другими правовыми актами, а также их воздействию на общественные отношения: «а) функции, присущие праву вообще и подзаконным нормативным правовым актам как социально-правовым явлениям; б) функции подзаконных нормативных актов как формы (источника) права; в) функции, обеспечивающие служебную роль подзаконных нормативных актов по отношению к закону; г) функции подзаконных нормативных актов, осуществляемые ими в рамках собственной подсистемы законодательства по отношению друг к другу; д) функции подзаконных нормативных актов в сфере правового регулирования системы государственного управления» [6, с. 12, 22–23]. Достоинством представленной классификации функций видится стремление автора показать многоплановость объектов воздействия, функционирование нормативных правовых актов в отношении разноуровневых систем, как то:

социально-правовая действительность в целом; система форм (источников) права; система законодательства; система правового регулирования государственного управления и пр. Такой подход к функциональной характеристике правовых явлений позволяет сформировать представление о широком спектре направлений воздействия. При построении функциональной характеристики нетипичных нормативных правовых актов также следует исходить из идеи множественности объектов воздействия. Разнообразие возможных функциональных проявлений надлежит группировать под общим знаменателем.

В контексте заявленной проблематики нельзя исключать из поля научного зрения обуславливающих отдельные функциональные возможности нетипичного нормативного правового акта факт, что объект исследования является юридическим документом, который обеспечивает «единство носителя, информации и формы (структуры) ее записи» [7, с. 62], в силу чего нормативный правовой акт занимает позиции основного источника (формы) права в российской правовой системе.

Н. И. Уздимаева, исследуя функции юридических документов в целом, исходит из объединения их в два множества. Первое образуют социальные функции, такие как «информационная, историко-культурная, воспитательная, экономическая, политическая, управленческая, символическая; второе включает собственно юридические функции, в их числе правоустановительная, правореализационная, правоохранительная, удостоверительная, учредительная, доказательственная» [8, с. 29–39]. Конечно же, нетипичным нормативным правовым актам как юридическим документам свойственны все социальные функции в интерпретации Н. И. Уздимаевой, однако перечень собственно юридических функций будет отличаться.

А. В. Ермолаева, констатируя отсутствие должного внимания к изучению нормативных актов как юридического документа, предлагает обособлять такие их функции, как информационную (информационно-правовую), коммуникативную, социальную, политическую, мнемоническую функцию, подчеркивая, что «социальные функции, коммуникативная, регулятивная и мнемоническая слиты и можно лишь выделить в документе одну из функций как доминирующую» [7, с. 63]. Автор ведет речь лишь о социальных функциях нормативного правового акта, что, как думается, обусловлено научным ракурсом исследования в виде институциональной характеристики нормативного акта как официального документа на основе теории документоведения.

В. В. Ковалева обособляет две группы функций нормативного правового акта как разновидности юридического документа: «функции общие (информационная, коммуникативная, историко-культурная, идеологическая, воспитательная, символическая, политическая и управленческая) и собственно юридические функции (правоустановительная, учредительная, регулятивная, охранительная)» [9, с. 7]. Данный подход к систематизации и препарированию функций нормативного правового акта видится весьма удачным для развития правовой теории юридических актов.

Р. А. Ижокин, рассматривая нетипичные правовые акты в механизме регулирования личных отношений, предлагает понимать «функции нетипичных правовых актов как относительно обособленные направления многопланового воздействия на реальную действительность, которые позволяют установить их место в системе иных средств социально-нормативного регулирования» [10, с. 15]. Исходя из того, что понятие нетипичных нормативных правовых актов значительно уже нетипичных правовых актов, функциональное поле их будет сравнительно меньше. Нетипичные нормативные правовые акты, будучи лишены некоторых классических черт, выполняют специфичные функции как источник права. Функциональный анализ позволяет увидеть динамику, правовую жизнь нетипичного нормативного правового акта, его назначение в правовой системе.

Вычленив функциональные возможности нетипичных нормативных правовых актов, видится целесообразным исходить из следующих установок. Первое, функции находящегося в поле исследовательского интереса феномена будут пересекаться

с функциями нормативного правового акта в целом как родового явления, в т. ч. как юридического документа нормативного характера. Второе, на нетипичный нормативный правовой акт следует смотреть и как на социально-правовое явление в целом, и как на источник права в частности, что будет обуславливать разные объекты (системы) и, следовательно, направления воздействия. Функции нетипичных нормативных правовых актов следует определить как основные направления воздействия на социальную и правовую системы. В этой связи предлагается все функции нетипичных нормативных правовых актов консолидировать по двум группам: социальные функции нетипичных нормативных правовых актов и собственно юридические функции. Через социальные функции нетипичных нормативных правовых актов прослеживается их роль в обществе, способность удовлетворять общественные потребности, решать социально значимые задачи, как и любого нормативного правового акта. Собственно юридические функции призваны раскрыть назначение нетипичного нормативного правового акта в правовой системе как источника права. Если социальные функции не обладают ярко выраженной спецификой в сравнении с социальными функциями любых правовых актов, то набор специально-юридических функций нуждается в уточнении. Функциональная характеристика нетипичных нормативных правовых актов позволяет продемонстрировать выполнение ими как общих задач, свойственных нормативным правовым актам, так и целого ряда специфических задач в системе правового регулирования. На рисунке 1 представлено авторское видение системы функций нетипичных нормативных правовых актов.

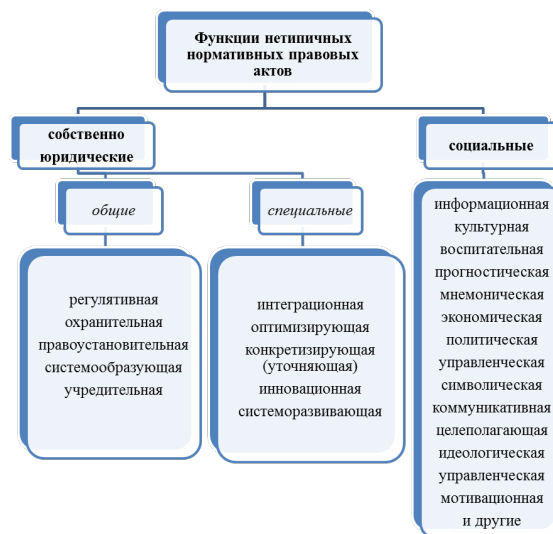


Рисунок 1. Функции нетипичных нормативных правовых актов

Интеграционная функция нетипичных нормативных правовых актов выражается в организующем воздействии на правовую систему посредством закрепления правовых предписаний нестандартным образом. Использование нехарактерных формы и способов изложения содержания нормативных правовых актов обеспечивает упорядоченность и взаимосвязь нормативных установлений. Нетипичный нормативный правовой акт может выступать в роли системообразующего фактора, способствующего объединению элементов правовой системы. Нетипичный нормативный правовой акт обеспечивает согласование и унификацию норм права.

Проявление оптимизирующей функции нетипичных нормативных правовых актов видится в их способности повысить эффективность и качество правового регулирования. Посредством нетипичных нормативных правовых актов может быть оптимизирован механизм правового воздействия на общественные отношения посредством совершенствования правовых норм, поиска баланса между императивным и диспозитивным методами правового регулирования, обеспечения паритета между интересами отдельной личности, общества и государства в контексте изменяющихся социально-экономических и политических условий. Нетипичный нормативный правовой акт может содержать эффективное решение проблемы в правовом регулировании, например преодолеть законодательный пробел.

Специфику нетипичного нормативного правового акта раскрывает конкретизирующая (уточняющая) функция. Нетипичные нормативные правовые акты обеспечивают детализацию правового регулирования, что позволяет нивелировать правовую неопределенность, стабилизировать правореализационную плоскость отношений. Р. А. Ижокин обратил внимание, что нетипичные предписания «в силу своей специфики более полно и точно по сравнению с обычными, традиционными выражают волю субъектов права» [10, с. 15]. По причине меньшей степени абстрактности правовых предписаний в сравнении с содержащимися в обычных нормативных правовых актах нетипичные нормативные правовые акты обеспечивают гибкость правового регулирования. Таким образом, нетипичные нормативные правовые акты позволяют

адаптировать правовые предписания к новым, нестандартным правовым ситуациям, регулирование которых не охвачено типичными актами, обеспечивая гибкость и своевременность правового воздействия. Кроме того, такие акты часто содержат дефиниции, пояснения, что способствует более точному толкованию и реализации норм права, создавая благоприятные условия для гармонизации правовой системы.

Нетипичные нормативные правовые акты позволяют оперативно реагировать на вызовы современности, закрепляя модель развития новых отношений, что весьма важно в настоящее время в связи со стремительным развитием технологий, например биотехнологий, искусственного интеллекта и пр. Рассматриваемые акты, фиксируя нормы, направленные на регулирование формирующихся общественных отношений, отражают поступательное развитие нормативной правовой базы вслед за социальными изменениями, предлагая оригинальный, прогрессивный вариант правового регулирования социального взаимодействия. В этом, полагаем, прослеживается инновационная функция нетипичных нормативных правовых актов.

Содержание системоразвивающей функции плавно вытекает из названных выше. Нетипичные нормативные правовые акты, обеспечивая интеграцию, точность, адаптивность и инновационность правового регулирования, а следовательно, и его эффективность в разрешении нетипичных (нестандартных) правовых ситуаций, способствуют формированию, развитию и эволюции правовой системы в целом. В частности, нетипичные нормативные правовые акты фиксируют нормы права, направленные на регулирование новых общественных отношений, защиту интересов отдельных социальных групп, нуждающихся в особом правовом статусе.

Как видим, нетипичные нормативные правовые акты выполняют ряд дополнительных функций в сравнении с нормативными правовыми актами общего характера. Названные функции показывают самостоятельность нетипичных нормативных правовых актов, их роль в оформлении, дополнении и развитии системы правового регулирования.

Список источников

1. Хасанов М. Х., Хабибуллаева Д. П. Методологическое значение системного подхода в научном познании // *Общественные науки в Узбекистане*. 1984. № 3.
2. Кулапов В. Л. Основные принципы функционального подхода при исследовании государственно-правовых явлений // *Вестник Саратовской юридической академии*. 2022. № 2 (145). С. 34–45.

3. Палазян А. С. Функциональная характеристика права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.
4. Карабеков М. М. Функции правовых актов в механизме правового регулирования // Юрист-Правоведь. 2010. № 1.
5. Арзамасов Ю. Г. Нормативный правовой акт // Общенациональный интерактивный энциклопедический портал «Знания». 2022. № 7. URL: <https://bigenc.ru/c/normativnyi-pravovoi-akt-25518d> (дата обращения: 27.09.2025).
6. Злобин А. В. Подзаконные нормативные правовые акты как форма современного российского законодательства: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.
7. Ермолаева А. В. Институциональные характеристики нормативного акта как официального документа // Документ. Архив. История. Современность: мат-лы VII Всероссийской научно-практ. конф-ции с международным участием, посвященной 80-летию исторического факультета Уральского федерального университета (Екатеринбург, 16–18 ноября 2018 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 61–66.
8. Уздимаева Н. И. Функции юридических документов // Научный формат. 2020. № 7 (10). С. 29–39.
9. Ковалева В. В. Нормативные правовые акты в механизме правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
10. Ижокин Р. А. Нетипичные правовые акты в регулировании личных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008.

References

1. Hasanov M. H., Habibullaeva D. P. Metodologicheskoe znachenie sistemnogo podhoda v nauchnom poznanii // Obshchestvennye nauki v Uzbekistane. 1984. № 3.
2. Kulapov V. L. Osnovnye principy funktsional'nogo podhoda pri issledovanii gosudarstvenno-pravovykh yavlenij // Vestnik Saratovskoy yuridicheskoy akademii. 2022. № 2 (145). S. 34–45.
3. Palazyan A. S. Funktsional'naya harakteristika prava: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2009.
4. Karabekov M. M. Funkcii pravovykh aktov v mekhanizme pravovogo regulirovaniya // Yurist"-Pravoved". 2010. № 1.
5. Arzamasov Yu. G. Normativnyj pravovoj akt // Obshchenacional'nyj interaktivnyj enciklopedicheskij portal «Znaniya». 2022. № 7. URL: <https://bigenc.ru/c/normativnyi-pravovoi-akt-25518d> (data obrashcheniya: 27.09.2025).
6. Zlobin A. V. Podzakonnye normativnye pravovye акты как форма современного russijskogo zakonodatel'stva: voprosy teorii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2013.
7. Ermolaeva A. V. Institucional'nye harakteristiki normativnogo akta kak oficial'nogo dokumenta // Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost': mat-ly VII Vserossijskoy nauchno-prakt. konf-cii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj 80-letiyu istoricheskogo fakul'teta Ural'skogo federal'nogo universiteta (Ekaterinburg, 16–18 noyabrya 2018 g.). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018. S. 61–66.
8. Uzdimayeva N. I. Funkcii yuridicheskikh dokumentov // Nauchnyj format. 2020. № 7 (10). S. 29–39.
9. Kovaleva V. V. Normativnye pravovye акты v mekhanizme pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2009.
10. Izhokin R. A. Netipichnye pravovye акты v regulirovanii lichnykh otnoshenij: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Vladimir, 2008.

Статья поступила в редакцию 07.09.2025; одобрена после рецензирования 27.10.2025; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 07.09.2025; approved after reviewing 27.10.2025; accepted for publication 10.03.2026.

МЕХАНИЗМ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: СИНЕРГИЯ ТОЛКОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Артур Артурович Леднев

Академия управления МВД России, Москва, Россия, arturlednev@list.ru

Аннотация. Автором предпринята попытка раскрыть механизм экспериментального правового регулирования через связку двух опорных элементов — актов интерпретации и актов реализации. Теоретическая часть материала уточняет соотношение внешней формы права и его реализации, а также место интерпретации как обязательной компоненты правоприменения. Эмпирическая часть статьи опирается на анализ судебных материалов и ведомственных актов, иллюстрируя, как отсутствие согласованных разъяснений и регламентов порождает вариативность толкования и процессуальные ошибки, тогда как заранее принятые и согласованные документы обеспечивают правовую определенность, сопоставимость результатов и легитимность выводов эксперимента. Итоговый тезис формулируется предметно: акты интерпретации и реализации выступают конструктивными элементами механизма экспериментального правового регулирования; их стандартизация и заблаговременное принятие являются необходимым условием успешного запуска, управляемого проведения и последующего тиражирования экспериментальных режимов.

Ключевые слова: механизм экспериментального правового регулирования, правовой эксперимент, акты интерпретации, акты реализации, толкование права, правоприменение

Для цитирования: Леднев А. А. Механизм экспериментального правового регулирования: синергия толкования и реализации // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 29–34.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

THE MECHANISM OF EXPERIMENTAL LEGAL REGULATION: SYNERGY OF INTERPRETATION AND IMPLEMENTATION

Artur A. Lednev

Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia, arturlednev@list.ru

Abstract. The author attempts to reveal the mechanism of experimental legal regulation through a combination of two basic elements - acts of interpretation and acts of implementation. The theoretical part of the material clarifies the relationship between the external form of law and its implementation, as well as the place of interpretation as a mandatory component of law enforcement. The empirical part of the article is based on an analysis of judicial materials and departmental acts, illustrating how the lack of agreed explanations and regulations generates variability of interpretation and procedural errors, while pre-accepted and agreed documents ensure legal certainty, comparability of results and legitimacy of the conclusions of the experiment. The final thesis is formulated in a substantive manner that acts of interpretation and implementation are constructive elements of the mechanism of experimental legal regulation; their standardization and early adoption are a prerequisite for the successful launch, controlled implementation and subsequent replication of experimental regimes.

Keywords: Mechanism of experimental legal regulation, legal experiment, acts of interpretation, acts of implementation, interpretation of law, law enforcement

For citation: Lednev A. A. The Mechanism of Experimental Legal Regulation: Synergy of Interpretation and Implementation. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2026;1:29–34 (In Russ.).

Что сегодня переменчивее всего? Кто-то скажет: технологии, которые обновляются быстрее, чем мы успеваем привыкнуть к предыдущей версии гаджета. Или, может, геополитическая картина мира: едва один гегемон теряет позиции, как почти мгновенно формируются новые союзы — настолько быстро, что дипломаты не успевают согласовать очередной меморандум. Возможно, кто-то напомнит о биржевых котировках, которые обрушиваются и взмывают столь неожиданно, что новостная лента едва успевает фиксировать очередной скачок. Думается, что все вышеперечисленные примеры меркнут перед тем, как стремительно меняется само общество: человеческие связи перекраиваются, экономические интересы мигрируют, а технологические контуры возникают заново еще до того, как мы успеваем к ним привыкнуть. Лишь стоит нам произнести слово «стабильность», как очередной кризис, технологический прорыв либо культурный сдвиг мгновенно изменяют правила игры. *Tempora mutantur, et nos mutamur in illis* (Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними). Социальная ткань изменяется непрерывно: нормы поведения, казавшиеся вечными, устаревают, а новые формируются буквально на наших глазах. Ни один институт не в силах окончательно зацементировать этот процесс, и именно поэтому обществу необходим регулятор, способный не только фиксировать существующие правила, но и гибко перенастраивать их под изменчивые условия.

Наиболее значимым регулятором этого процесса является право, которое выступает важнейшим инструментом упорядочивания и стабилизации общественных отношений. Для выполнения этой функции недостаточно наличия исключительно декларирующих норм, необходимо, чтобы право приобретало конкретное внешнее выражение, воплощалось в реальной деятельности субъектов общественных отношений. Иными словами, социальная эффективность права напрямую зависит от того, каким образом оно реализуется вовне, как переходит от абстрактной формы к конкретным действиям и решениям.

«Право имеет смысл и ценность для личности, общества, если оно реализуется. Если же право не претворяется в жизнь, оно неизбежно омертвляется. Главное назначение норм права состоит в том, что они помогают определить содержание прав и свобод субъектов и тем самым способствуют их реализации» [1, с. 417].

Ключевую роль в этом процессе играет форма выражения права, прежде всего нормативный правовой акт: «официальный акт — документ, за-

крепляющий решение компетентного правотворческого субъекта и содержащий нормативно-правовые предписания» [2, с. 234]. Именно нормативные правовые акты служат базовым источником, посредством которого право приобретает четкие границы вовне и становится общеобязательным.

Тем не менее издание права, т. е. формулирование правовых норм в тексте закона, еще не является его воплощением, большое значение имеет его реализация. Реализация права — «это реализация его социального назначения, воплощение норм права, содержащихся в них предписаний в реальную действительность» [3, с. 466].

Этот процесс реализуется в форме соблюдения, исполнения, использования и применения. Первые три условно считаются простыми и реализуются путем правомерных действий и зачастую могут быть реализованы непосредственными действиями граждан. Применение права — процесс более сложный хотя бы потому, что он выражается в трех ипостасях: как способ реализации права, как юридический факт и как стадия в механизме правового регулирования [3, с. 476]. Применение правовой нормы предполагает принятие уполномоченными органами специального акта (решения), с помощью которого она воплощается в жизнь.

Также важным элементом выступает толкование (интерпретация) — интеллектуально-волевая деятельность, направленная на уяснение и разъяснение действительного смысла и содержания норм права. Правовая норма, закрепленная в нормативных правовых актах, часто сформулирована достаточно обобщенно, а иногда и двусмысленно. Именно поэтому для ее эффективного применения требуется специальная деятельность по уточнению и раскрытию ее смысла.

Толкование права принято подразделять на два взаимосвязанных элемента: уяснение и разъяснение [4, с. 17]. Уяснение представляет собой внутренний мыслительный процесс интерпретатора, направленный на выяснение содержания нормы для самого себя, в то время как разъяснение является внешним процессом, направленным на доведение смысла нормы до сведения других лиц.

В широком смысле толкование сводится к пониманию воли законодателя и имеет чисто универсальное значение, но в рамках рассматриваемой темы стоит затронуть толкование как элемент процесса применения права [5, с. 296]. В данном случае процесс интерпретации рассматривается в качестве нормативного, социально-юридического выражения и элемента правоприменительного процесса [6, с. 69].

Важнейшая особенность толкования в правоприменении состоит в его двуедином характере: с одной стороны, это внутреннее уяснение смысла нормы самим правоприменителем, с другой — внешнее разъяснение, зафиксированное в мотивировке решения, приговора или иного акта. Этот процесс опирается не только на буквальный анализ слов и конструкций, но и на системное сопоставление с другими нормами, учет целей правового регулирования, а также практики.

Толкование в рамках правоприменительной деятельности неразрывно связано с обеспечением единообразия применения права. Оно позволяет устранять разночтения, возникающие из-за неполноты или многозначности нормативных формулировок, и тем самым предотвращает риск произвольного подхода к одинаковым фактическим ситуациям.

По сути, без толкования невозможно говорить о полноценном применении права: механическое воспроизведение текста закона без анализа его смысла неизбежно ведет к формализму, тогда как цель правоприменения — разрешение конкретного дела в соответствии с законом и справедливостью. Именно поэтому толкование следует рассматривать не как факультативную, а как обязательную составляющую правоприменительной деятельности, определяющую качество и правовую обоснованность итогового решения.

В условиях проведения правовых экспериментов акты интерпретации и акты реализации выполняют отнюдь не вспомогательную функцию, а являются важными элементами механизма экспериментального правового регулирования. Акты интерпретации в данном контексте выполняют функцию согласующего звена между экспериментальной нормой и ее практическим воплощением. Они не просто воспроизводят смысл положения, но уточняют его с учетом целей, заложенных законодателем, а также особенностей экспериментальной правовой среды. Благодаря этому правоприменители и участники эксперимента получают единый ориентир для действий, что позволяет минимизировать риск различного понимания ключевых терминов, снизить вероятность процедурных ошибок и обеспечить сопоставимость результатов эксперимента для их последующей оценки.

Акты реализации фокусируются на практическом воплощении экспериментальных норм: через них устанавливаются конкретные процедуры, порядок взаимодействия органов власти и участников, а также механизмы мониторинга и отчетности. Совместное действие этих правовых инструмен-

тов создает необходимую основу для проведения эксперимента: первый — обеспечивает единообразие толкования, второй — организует фактическое применение экспериментальных норм и порядок взаимодействия всех участников эксперимента.

В механизме экспериментального правового регулирования акты интерпретации выполняют функцию нормативно-технического сопровождения эксперимента. Посредством разъяснения новых или измененных правил они гарантируют, что все субъекты эксперимента понимают экспериментальные нормы одинаково. Это особенно важно, поскольку эксперимент предполагает отступление от общего правила [7, с. 47] и легального толкования, могут возникнуть правовые коллизии или разночтения. Юридическая природа актов интерпретации при этом остается вспомогательной: они не имеют самостоятельного регулирующего эффекта, а основаны на нормах закона об эксперименте или подзаконного акта, раскрывая их содержание. Назначение таких актов — обеспечить правовую определенность в эксперименте, повысить доверие участников и предупредить споры о смысле экспериментальных норм. В то же время акты реализации исполняют организационно-правовую функцию: через них экспериментальные нормы обретают практическое действие. Их юридическая природа двойкая. С одной стороны, это могут быть подзаконные нормативные акты (постановления и приказы исполнительных органов), издаваемые во исполнение федерального закона об эксперименте, они детализируют и конкретизируют процедуру эксперимента, определяют компетенцию органов, права и обязанности участников, механизмы контроля¹. С другой стороны, к актам реализации относятся индивидуальные правоприменительные решения: например, приказ о включении организации в число участников эксперимента, разрешение на осуществление определенной деятельности в рамках ЭПР, предписание об устранении нарушений особого режима или, напротив, решение об освобождении от отдельных требований законодательства на период эксперимента². Эти акты имеют обязательный

¹ О проведении на территории Российской Федерации эксперимента по маркировке средствами идентификации отдельных позиций продукции легкой промышленности [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 22.06.2019 № 790. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Об утверждении перечня аптечных организаций, являющихся участниками эксперимента по осуществлению розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения, отпускаемыми по рецепту на ле-

характер для адресатов и направлены на достижение целей эксперимента на практике — будь то тестирование инноваций, сбор статистики или проверка гипотезы.

Акты интерпретации и реализации играют важную роль в механизме экспериментального правового регулирования, поскольку обеспечивают необходимое единство и последовательность между нормативным замыслом законодателя и практической реализацией нововведений. Сам характер экспериментального регулирования, отличающийся высокой степенью нормативной неопределенности и инновационности, обуславливает повышенные требования к точности и полноте таких актов.

Разговор непосредственно о правоинтерпретационных актах стоит начать с того, что на сегодняшний день решений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам правовых экспериментов пока нет, так же как и разъяснений Конституционного Суда Российской Федерации. Но в то же время административные дела и гражданские споры в сфере правовых экспериментов возникают. Так, Решение Пресненского районного суда от 27 октября 2021 г. по делу № 2а-673/2021 касается административного иска кандидата в депутаты Государственной Думы Н. Л. Загордан. Она оспаривала итоги дистанционного электронного голосования (далее — ДЭГ) (которое проводилось в рамках правового эксперимента¹) на избирательном участке № 5010, утверждая, что были допущены нарушения, влияющие на достоверность результатов. Истец утверждала, что в протоколе об итогах голосования учтено на 21 545 избирателей больше, чем зарегистрировалось для участия в ДЭГ. Также указывалось на истечение срока действия сертификатов безопасности у наблюдателей и участие Департамента информационных технологий в подсчете голосов, что, по мнению истца, нарушало принципы прозрачности и достоверности выборов.

Представители избирательной комиссии и прокуратуры возражали против удовлетворения иска, указывая на отсутствие доказательств нарушений, способных повлиять на результаты голосования.

картственный препарат, дистанционным способом в городе Москве [Электронный ресурс]: приказ Департамента здравоохранения города Москвы от 13.03.2023 № 223. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

¹ О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 23.05.2020 № 152-ФЗ Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Они подчеркивали, что процедура ДЭГ соответствовала установленным нормативным актам и обеспечивала соблюдение избирательных прав граждан.

Суд пришел к выводу, что представленные истцом доказательства не подтверждают наличия существенных нарушений, способных исказить волеизъявление избирателей. Доводы о превышении числа избирателей были признаны голословными, поскольку истец не представила достоверных и допустимых доказательств. Также суд отметил, что участие Департамента информационных технологий в техническом обеспечении ДЭГ не выходило за рамки законодательства.

На основании изложенного суд отказал в удовлетворении административного иска, признав, что итоги голосования, оформленные протоколом № 1, являются действительными.

Данное решение демонстрирует подход суда к оценке доказательств в спорах, связанных с экспериментальными правовыми режимами, такими как ДЭГ. Суд акцентирует внимание на необходимости представления конкретных и допустимых доказательств нарушений, способных повлиять на результаты выборов. Отсутствие таких доказательств приводит к отказу в удовлетворении исковых требований.

Важное место среди субъектов интерпретационной деятельности занимают федеральные органы исполнительной власти, в частности министерства и ведомства, ответственные за проведение и координацию эксперимента. Так, Министерство финансов Российской Федерации, Федеральная налоговая служба России или Банк России могут выпускать ведомственные письма и методические рекомендации, содержащие конкретизацию и разъяснение экспериментальных правил. Подобные документы не имеют прямой нормативной силы, однако на практике существенно влияют на единообразие и правильность понимания экспериментальных норм участниками, минимизируя риски возникновения правоприменительных ошибок и споров. Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 24 мая 2010 г. № 49н² предусматривал проведение специального эксперимента, целью которого была апробация использования де-

² О проведении эксперимента по обеспечению федеральным казначейством получателей средств федерального бюджета наличными денежными средствами с использованием расчетных (дебетовых) банковских карт [Электронный ресурс]: приказ Министерства финансов Российской Федерации от 24.05.2010 № 49н. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

бетовых банковских карт для обеспечения наличными средствами бюджетных организаций, расположенных на территории Краснодарского края. Причиной для его проведения стала необходимость детального анализа и оценки практических результатов подобного подхода, чтобы в дальнейшем внедрить проверенную банковскую технологию по всей стране.

Суть эксперимента заключалась в следующем. Федеральное казначейство получило обязанность организовать процесс выдачи наличных денег не напрямую, как обычно происходило, через кассы казначейских органов, а посредством банковских карт, предоставляемых кредитными организациями. Эти кредитные учреждения выбирались в ходе конкурсных процедур, где основным критерием был отказ банков от взимания оплаты за свои услуги по выдаче наличных средств. Деньги перечислялись на особый счет Федерального казначейства, открытый в выбранных банках, после чего эти средства становились доступными бюджетополучателям через карточные расчеты.

Министерство финансов России установило строгий порядок и правила, обеспечивающие полную прозрачность всех операций. Каждая выданная дебетовая карта имела индивидуальный учет в специально заведенном журнале. Ответственные работники бюджетных учреждений должны были вести тщательный контроль за использованием карт и расходованием денежных средств в строгом соответствии с целевым назначением. Любые остатки денег, не использованные в установленный период, обязаны были быть возвращены на исходные казначейские счета.

Таким образом, данный приказ реализовал на практике модель бюджетного финансирования, при которой государственные организации получили возможность пользоваться современным

банковским сервисом для удобного и контролируемого расходования выделенных из бюджета денежных средств. Итогом этого подхода стало формирование конкретного практического опыта, необходимого для дальнейшего нормативного регулирования подобных операций на федеральном уровне.

Подводя итог, стоит отметить, что эффективность механизма экспериментального правового регулирования определяется качеством и согласованностью двух его основных элементов: актов интерпретации и актов реализации. Первые обеспечивают единое понимание экспериментальной нормы, уточняют пределы допустимых отступлений от общего регулирования, устраняют смысловые неопределенности и тем самым делают норму пригодной для непротиворечивого применения. Вторые переводят зафиксированный смысл в управляемую практику, распределяют компетенции и ответственность, устанавливают порядок действий, требования к уведомлению и контролю, а также режим мониторинга и оценки, придавая эксперименту процессуальную завершенность. Их совместное действие гарантирует правовую определенность для участников, сопоставимость и проверяемость результатов, снижает риск коллизий и правоприменительных ошибок и поддерживает легитимность получаемых выводов. При отсутствии или несогласованности указанных актов эксперимент утрачивает воспроизводимость и управляемость, а его результаты не могут служить надежной основой для последующих нормативных решений. Следовательно, акты интерпретации и реализации выступают не вспомогательным, а конструктивным элементом механизма экспериментального регулирования, а их стандартизация и заблаговременное принятие являются необходимым условием успешного запуска и дальнейшего тиражирования экспериментальных режимов.

Список источников

1. Фирсова К. Д. Правореализующие акты-документы как элемент механизма непосредственной реализации прав и свобод личности // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 11 (79). С. 417–422.
2. Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие: в 2 т. Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 2005. Т. 1. 547 с.
3. Радько Т. Н. Проблемы теории государства и права: учебник. М.: Проспект, 2023. 603 с.
4. Бошно С. В. Толкование норм права // Право и современные государства. 2013. № 4. С. 17–25.
5. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. 352 с.
6. Гандалоев Р. Б. Толкование норм права // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2020. № 5. С. 68–72.

7. Репьев А. Г. Правовой эксперимент и правотворческий опыт как специальные модели правового регулирования: техника, практика, пределы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 44–51.

References

1. Firsova K. D. Pravorealizuyushchie акты-dokumenty kak element mekhanizma neposredstvennoj realizacii prav i svobod lichnosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 11 (79). С. 417–422.
2. Kartashov V. N. Teoriya pravovoj sistemy obshchestva: uchebnoe posobie: v 2 t. Yaroslavl': Yaroslavskij gos. un-t, 2005. Т. 1. 547 s.
3. Rad'ko T. N. Problemy teorii gosudarstva i prava: uchebник. М.: Prospekt, 2023. 603 s.
4. Boshno S. V. Tolkovanie norm prava // Pravo i sovremennye gosudarstva. 2013. № 4. С. 17–25.
5. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava: v 2 t. М.: Yurid. lit., 1982. Т. 2. 352 с.
6. Gandaloev R. B. Tolkovanie norm prava // Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii. 2020. № 5. С. 68–72.
7. Rep'ev A. G. Pravovoj eksperiment i pravotvorcheskij opyt kak special'nye modeli pravovogo regulirovaniya: tekhnika, praktika, predely // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 1 (97). С. 44–51.

Статья поступила в редакцию 13.10.2025; одобрена после рецензирования 26.11.2025; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 13.10.2025; approved after reviewing 23.11.2025; accepted for publication 10.03.2026.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА В РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ

Татьяна Владимировна Мальцева

Академия управления МВД России, Москва, Россия, matlsewa2210@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования в настоящей статье является предупредительная функция российского права и ее реализация в отечественной судебной системе. Автор обосновывает тезис о самостоятельном характере данной функции. Раскрываются и аргументируются уровни реализации предупредительной функции права (общесоциальный, специально-юридический и индивидуально-мотивационный). Рассматривается роль судебной власти в реализации правового предупреждения на каждом из уровней, и делается вывод, что наиболее целостно и предметно предупредительная функция осуществляется судебной системой на специально-юридическом и индивидуально-мотивационном уровнях, в то время как на общесоциальном уровне правовое просвещение осуществляется пока что в скромных масштабах.

Анализируя правовое предупреждение внутри судебной системы, автор рассматривает ряд актуальных проблем кадровой политики внутри судейского корпуса, неопределенность в толковании понятий «конфликт интересов», «судебная ошибка», «дисциплинарный проступок».

Ключевые слова: правовое предупреждение, предупредительная функция права, конфликт интересов, органы судейского сообщества, назначение судей, правосознание

Для цитирования: Мальцева Т. В. Реализация предупредительной функции права в российской судебной системе // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 35–43.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

IMPLEMENTATION OF THE PREVENTIVE FUNCTION OF LAW IN THE RUSSIAN JUDICIAL SYSTEM

Tatiana V. Maltseva

Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia,
matlsewa2210@mail.ru

Abstract. The subject of the research in this article is the preventive function of Russian law and its implementation in the Russian judicial system. The author substantiates the thesis about the independent nature of this function. The levels of implementation of the preventive function of law (general social, special-legal and individual-motivational) are revealed and argued. The author examines the role of the judiciary in the implementation of legal prevention at each level and concludes that the most specific preventive function is performed by the judicial system at the special legal and individual motivational levels, while at the general social level legal education is carried out so far on a modest scale.

Analyzing the legal warning within the judicial system, the author examines a number of topical issues of personnel policy within the judiciary, uncertainty in the interpretation of the concepts of “conflict of interests”, “judicial error”, “disciplinary offence”.

Keywords: legal warning, preventive function of law, conflict of interests, judicial community bodies, appointment of judges, legal awareness

For citation: Maltseva T. V. Implementation of the Preventive Function of Law in the Russian Judicial System. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2026;1:35–43 (In Russ.).

Современной тенденцией развития теоретико-правовой науки, законодательства и правоприменительной практики является конкретизация предупредительной функции права. Если ранее она традиционно рассматривалась как составная часть охранительной или регулятивной функций, то сегодня можно говорить о том, что она приобретает самостоятельное значение. Аргументами в пользу этого тезиса выступают современные геополитические реалии, необходимость усиленной защиты традиционных национальных ценностей, защиты исторической памяти и недопущения переписывания истории, воспрепятствование негативному зарубежному влиянию [1]. В реалиях сегодняшнего дня становится очевидным, что восстановление уже нарушенных прав может быть слишком трудоемким, а в отдельных случаях и слабо реализуемым. Как болезнь лучше предотвращать, чем лечить, так и право должно предупреждать правонарушающее поведение, особенно когда речь идет о возможных посягательствах на основы конституционного строя и российского правопорядка.

На значимость правового предупреждения многократно обращал внимание Президент Российской Федерации В. В. Путин. Например, в своих выступлениях на расширенных заседаниях Коллегии МВД России он указывал на необходимость разработки программ по предупреждению подростковой и молодежной преступности [2]; предупреждению преступлений и правонарушений на этнической почве [3]; предупреждению аварий и сокращению смертности в ДТП [4].

Между тем природа предупредительной функции права, ее внутреннее содержание, круг реализующих ее субъектов, особенности их специального правового статуса остаются вопросами, требующими предметного анализа. В рамках настоящей статьи будет рассмотрен вопрос об уровнях реализации предупредительной функции права, а также о реализации правового предупреждения в судебной системе Российской Федерации. Такая постановка исследуемого вопроса неслучайна. Конституция Российской Федерации в ст. 18 указывает, что «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими <...> и обеспечиваются правосудием»¹. Избранная при принятии Основного Закона формулировка «обеспечиваются правосудием» (т. е. не «защищаются правосудием», не «охраняются правосудием»)

показывает общую конституционную идею, согласно которой суд не просто восстанавливает нарушенные права, разрешая конкретные правовые конфликты, но и выполняет несколько более широкие задачи, к числу которых относится и правовое предупреждение. Это указывает на необходимость рассмотрения вопроса о реализации судом предупредительной функции права.

Однако эффективность реализации предупредительной функции права посредством правосудия напрямую зависит от того, как эта функция реализуется непосредственно в самой судебной системе. Иными словами, правовое предупреждение в судебной власти имеет два взаимосвязанных вектора: внутренний, т. е. реализация предупредительных мер среди представителей судебной системы; и внешний — предупредительное воздействие судов на общественные отношения. Неэффективность правового предупреждения внутри судебной системы (например, назначение на судебные должности лиц с низким уровнем правосознания) неминуемо приведет к тому, что и в целом реализация судебными органами предупредительной функции права будет неэффективной.

Изложенное позволяет констатировать актуальность рассмотрения вопроса о реализации предупредительной функции права в российской судебной системе.

Уровни реализации предупредительной функции права

В реализации названной функции представляется возможным выделять три уровня: общесоциальный, специально-юридический и индивидуально-мотивационный. Рассмотрим каждый из них отдельно.

Общесоциальный уровень реализации предупредительной функции права

На данном уровне предупредительная функция права проявляется через формирование правосознания и правовой культуры в обществе. Как отмечал В. Н. Кудрявцев [5], право не только реагирует на уже совершенные правонарушения, но и создает систему ценностных ориентиров, способствующих профилактике девиантного поведения.

Центральным элементом общесоциального уровня реализации предупредительной функции права является правовое просвещение. Оно является приоритетным направлением профилактики правонарушений, что находит отражение в официальных документах Российской Федерации. Так, еще в 2011 г. Президентом Российской Федерации были приняты Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой

¹ Конституция Российской Федерации: официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

грамотности и правосознания граждан¹ (далее — Основы). Значение этого документа уже многократно рассматривалось в научной литературе [6, 7]. В рамках настоящей публикации обратим внимание на то, что, несмотря на безусловную важность Основ, роль судебной власти в правовом просвещении остается недостаточно конкретизированной. Так, п. 12 среди факторов, влияющих на состояние правовой культуры, называет доступность правосудия, судебной защиты нарушенных прав, безупречность и эффективность деятельности судов. Думается, здесь произошла некоторая подмена понятий: безупречность и эффективность судебной деятельности способствуют, скорее, укреплению доверия к суду и лишь косвенно формированию высокой правовой культуры. К мерам государственной политики в рассматриваемой сфере среди прочего отнесено совершенствование исполнения судебных решений, обеспечение законности и прозрачности деятельности частных лиц и организаций, содействующих кредиторам в исполнении судебных взысканий (п. 17). Согласимся с важностью этих мер, но опять же речь, скорее, идет об эффективности судебной власти в целом, чем эффективности реализации ею предупредительной функции права.

Есть свидетельства того, что некоторое внимание правовому просвещению уделял бывший Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев [8]. Однако в целом реализация судебной властью предупредительной функции права на общесоциальном уровне осуществляется в скромных масштабах. Думается, что судебная власть могла бы активнее проводить мероприятия по правовому просвещению населения, например, о специфике популярной в настоящее время процедуре банкротства, о современных признаках мошенничества с целью предотвращения наступления имущественного ущерба, об основах защиты прав потребителей и о многом другом. В целом определенные просветительские мероприятия российскими судами ведутся, но по большому счету они преследуют профориентационные задачи [9].

Специально-юридический уровень реализации предупредительной функции права

Данный уровень охватывает четко дифференцированные категории субъектов, чьи особые

правовые статусы определены нормами материального и процессуального законодательства. Предупредительное воздействие здесь осуществляется через совокупность норм уголовного, административного, трудового, финансового и иных отраслей законодательства, устанавливающих для отдельных категорий лиц специальный правовой режим. Каждая такая категория наделяется уникальным комплексом прав, обязанностей и ограничений (нередко — на определенный срок), формируя иерархическую систему статусов, направленную на минимизацию противоправных рисков как для самого субъекта, так и для общества в целом. Дифференциация правовых статусов позволяет выстроить многоуровневую систему профилактики: за каждым субъектом закрепляются индивидуализированные меры предупреждения, соответствующие его роли и степени ответственности.

Нетрудно заметить, что на специально-юридическом уровне судебная власть реализует предупредительную функцию наиболее конкретным образом. Если на общесоциальном уровне, как отмечалось выше, масштабы правового предупреждения, осуществляемые судебной властью, пока что достаточно скромные, то на специально-юридическом уровне суды выступают специальным субъектом предупреждения, воздействующим в рамках четко определенных дел на конкретные правовые отношения. Именно суд ставит точку в правовом конфликте, при этом от качества судебного решения зависит и эффективность правового предупреждения, а именно тот факт, что правовой конфликт не возникнет снова.

В свою очередь, индивидуально-мотивационный уровень реализации предупредительной функции права представляет собой наиболее конкретизированный механизм воздействия, направленный на предупреждение правонарушений посредством адресного влияния на личность потенциального правонарушителя с учетом его индивидуальных характеристик социального статуса, правового сознания, психологических и поведенческих особенностей. В отличие от общесоциального и специально-юридического уровней данный уровень реализуется преимущественно через личное взаимодействие уполномоченных субъектов профилактики с конкретным лицом, поведение которого указывает на возможную вероятность нарушения правопорядка.

Нормативной основой индивидуально-мотивационной профилактики выступает ст. 15 Федерального закона Российской Федерации «Об основах системы профилактики правонарушений

¹ Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан: утверждены распоряжением Президента Российской Федерации от 28.04.2011 № Пр-1168 // Российская газета. 2011. № 151.

в Российской Федерации» (далее — Закон об основах системы профилактики), в которой определено, что индивидуальная профилактика осуществляется в отношении лиц, поведение которых свидетельствует о возможной склонности к противоправным действиям, а также тех, кто уже совершил правонарушение¹.

Некоторое недоумение вызывает то обстоятельство, что в ст. 5 Закона об основах системы профилактики, в которой приводится перечень субъектов профилактики, отсутствует указание на судебные органы. Это представляется явным дефектом данного нормативного правового акта. Очевидно, что суд, вынося, например, приговор по уголовному делу, оказывает предельно конкретное воздействие на личность конкретного преступника и реализует в отношении него индивидуально-мотивационный уровень реализации предупредительной функции права. Достаточно вспомнить, что Уголовный кодекс Российской Федерации в ст. 45 в качестве цели наказания называет исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений².

Роль суда в реализации индивидуально-мотивационного уровня предупредительной функции права столь конкретна, что в науке формируются новые концепции осуществляемого судебной властью превентивного принуждения. Так, например, А. В. Борбат, Х. М. Лукожев, А. В. Петровский обосновывают необходимость формирования самостоятельного процессуального направления — превентивной юстиции, которая, по мнению ученых, должна регулировать процессуальный и процедурные аспекты общей и индивидуальной профилактической деятельности, определять порядок, последовательность действий, оформление мер (форм) профилактики, фиксацию криминологической информации [10]. Само предложение не лишено дискуссионной составляющей, но оно показывает главное: суд фактически является центральным государственным органом, осуществляющим индивидуальную превенцию.

Таким образом, конкретизируем промежуточный вывод. Предупредительная функция права реализуется на трех уровнях: общесоциальном, специально-юридическом и индивидуально-мотивационном. Экстраполяция этих уровней на судеб-

ную систему показывает, что на общесоциальном уровне судебная власть реализует предупредительные функции в скромных масштабах. Более конкретно они проявляются на специально-юридическом и индивидуально-мотивационном уровнях.

Реализация предупредительной функции права в судебной системе

Фундаментальным принципом функционирования судебной власти являются принципы независимости, несменяемости и неприкосновенности судей. Судьи, таким образом, являются субъектами со специальным правовым статусом. Статья 1 Закона о статусе судей имеет предельно конкретное название «Судьи — носители судебной власти»³. Правосудие в России осуществляется исключительно судом, судам принадлежит исключительная компетенция по окончательному устранению правового конфликта. О принципе независимости судей в научной литературе сказано достаточно много, поэтому представляется возможным воздержаться от его детальной характеристики [11]. Подчеркнем лишь, что независимость судей является необходимым условием эффективного функционирования судебной власти, без полноценной реализации которого по определению невозможно вынесение законных и обоснованных решений.

Специальный правовой статус судей, подробно регламентированный отдельным законом, — это не какая-либо особая привилегия представителей судебного корпуса, а необходимая гарантия эффективного и профессионального осуществления ими своих должностных обязанностей. А. Г. Репьев отмечает, что возможные «отступления от принципа формально-юридического равенства предоставлены субъектам со специальным правовым статусом для защиты их от компрометации, провокации» и что они служат гарантией объективности и беспристрастности при выполнении государственных функций [12]. В научной литературе было обосновано, что «установление особых судебных иммунитетов не означает какого бы то ни было выведения судей из числа субъектов, на которых распространяется действие ст. 19 Конституции Российской Федерации о равенстве всех перед законом и судом» [13, с. 10–11]. Отметим принципиально важный тезис, высказываемый рядом ученых: независимость судей не означает вседозволенности их поведения [14, 15].

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Российская газета. 2016. № 139.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. № 113-118.

³ О статусе судей в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 // Российская газета. 1992. № 170.

Изложенное актуализирует вопрос о том, как внутри судебной системы реализуется предупредительная функция права и как осуществляется деятельность по предупреждению правонарушающего поведения судей.

Для выполнения данных задач в России создана система органов судейского сообщества. Статья 4 Федерального закона Российской Федерации «Об органах судейского сообщества» называет основные цели их функционирования, среди которых названы защита прав и законных интересов судей, утверждение авторитета судебной власти, обеспечение выполнения судьями требований, предъявляемых кодексом судейской этики.

Функциями органов судейского сообщества являются формирование судейского корпуса, приостановление и прекращение полномочий судей, привлечение судей к дисциплинарной ответственности, присвоение квалификационных классов, рассмотрение вопросов о возможности привлечения судей к уголовной ответственности, а также ряд иных полномочий.

Реализация предупредительной функции права наиболее явным образом прослеживается при осуществлении органами судейского сообщества полномочий по даче рекомендаций на замещение вакантных должностей судей, а также при привлечении их к дисциплинарной ответственности. Сравнительно-правовые исследования показывают, что российская концепция судейского самоуправления в целом соответствует зарубежному опыту [16].

В Российской Федерации ключевая роль по отбору кандидатов на должности судей принадлежит квалификационным коллегиям судей (Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации и квалификационным коллегиям судей субъектов Российской Федерации). Требования к кандидатам на должности судей приведены в Конституции России и подробно раскрываются в Законе о статусе судей, в свою очередь, Закон об органах судейского сообщества регламентирует полномочия квалификационных коллегий судей.

Рассматривая заявление конкретного соискателя на судейскую должность, квалификационная коллегия судей оценивает соответствие представленных документов требованиям законодательства и, что не менее важно, делает заключение о готовности кандидата работать в судейской должности. Оценке подлежат деловые и личностные качества кандидата, его профессиональный и жизненный опыт. Рассмотрение заявления кандидата на судей-

скую должность и прилагаемых документов отличается детальностью. По сути, квалификационная коллегия судей должна предупредить и предотвратить назначение на судейскую должность лиц, которые не готовы к данной работе и чья деятельность в качестве судьи не будет способствовать укреплению законности и правопорядка, а, напротив, будет создавать риск нарушения прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

Не секрет, что препятствием к назначению на должность судьи являются различные формы конфликта интересов. Вряд ли получит рекомендацию на судейскую должность кандидат, состоящий в родственных связях с руководителем соответствующего суда; кандидат, поддерживающий отношения с родственниками, проживающими в зарубежных странах; кандидат, чьи родственники, будучи юристами, сами участвуют в судебных процессах в том же самом судебном органе.

Выявление потенциальных конфликтов интересов квалификационными коллегиями судей — задача более чем целесообразная. Однако на современном этапе сложилась проблема излишне расширительного толкования понятия «конфликт интересов» органами судейского сообщества. Подобное толкование приводит к тому, что многие претенденты из-за мнимой заинтересованности отказываются от замещения судейских должностей (либо им отказывают квалификационные коллегии судей). В мае 2025 г. на Петербургском международном юридическом форуме на аналогичную проблему обратил внимание член Высшей квалификационной коллегии судей А. И. Ковлер. Он констатировал, что зачастую достойные кандидаты получают отказы в замещении вакантных должностей по надуманным предлогам: в связи с неуказанием доходов (до ста рублей), в связи с неотражением в анкете сведений о давно пропавших связях с дальними родственниками или, например, в связи с трактовкой возврата на банковскую карту денежных средств за отмененную покупку как имеющего коррупционные признаки [17]. Подобные перегибы действительно можно обнаружить в практике квалификационных коллегий судей: например, в мае 2024 г. отказ в рекомендации на должность Председателя Арбитражного суда Тульской области получил кандидат, ранее выигравший приз в лотерее [18].

Эта проблема показывает, что реализация органами судейского сообщества предупредительной функции права при рассмотрении кадровых вопросов нуждается в конкретизации. В частности, понятие «конфликт интересов» требует кон-

цептуального осмысления и детального раскрытия в нормативных правовых актах.

Следует заметить и то, что различные виды конфликта интересов уже были предметом осмысления ученых. В частности, интерес представляют выводы В. И. Малкиной, которая полагает, что, во-первых, конфликт интересов имеет объективную социально-экономическую природу взаимосвязи и столкновения различных интересов субъектов права; во-вторых, состояние конфликта интересов является естественным и правомерным, оно имманентно присуще большинству правоотношений [19, с. 12–13]. Эти выводы заслуживают поддержки. Думается, что само состояние конфликта интересов не следует рассматривать как некое негативное явление. Негативные последствия начинаются в ситуациях его неурегулирования. Попытки предупредить все возможные конфликты интересов подразумевают некоторую наивность. Поэтому задача органов судейского сообщества должна сводиться не к выискиванию потенциальных конфликтов интересов с участием кандидата на судейскую должность, а к оценке нравственных качеств кандидата и выяснению, как он будет себя вести, например, если сторонами процесса окажутся его близкие родственники. Отметим и то, что в регионах Российской Федерации с малой численностью населения (например, Магаданской области или Республике Марий Эл) судье очень сложно застраховаться от того, что к нему на заседание придет дальний родственник, однокурсник, знакомый знакомых. Поэтому дальнейшее расширительное толкование конфликта интересов приведет не к полноценной реализации предупредительной функции права, а лишь к сокращению российского судейского корпуса.

Реализация предупредительной функции права, как отмечалось выше, находит отражение в осуществлении квалификационными коллегиями судей полномочий по привлечению представителей судейского корпуса к дисциплинарной ответственности. Закон о статусе судей называет четыре меры дисциплинарной ответственности — замечание, предупреждение, понижение в квалификационном классе и досрочное прекращение полномочий (с лишением всех положенных судье гарантий). Таким образом, мы видим, что одна из санкций именуется предупреждением. При этом каждая из них имеет предупредительный потенциал. Выбирая конкретную санкцию, квалификационная коллегия судей должна прийти к обоснованному заключению, что именно она предотвратит дальнейшее правонарушающее поведение пред-

ставителя судейского корпуса. Если же тяжесть проступка слишком велика (например, причинен существенный ущерб авторитету судебной власти, правам и законным интересам граждан и организаций), то квалификационная коллегия судей применяет самую строгую меру ответственности — досрочное прекращение полномочий.

Вопросы о привлечении судей к дисциплинарной ответственности возникают в практике квалификационных коллегий судей достаточно часто. Например, председателю Советского районного суда Ставропольского края было объявлено предупреждение в связи с тем, что он самоустранился от выполнения административных обязанностей и надлежащей организации судебных процессов [20]. Правоприменительная практика также показывает, что привлечение судей к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий имеет место в самых вопиющих случаях нарушения этики. Так, судья Арбитражного суда Омской области Т. Шабаршина была лишена судейских полномочий после того, как появилась на рабочем месте в нетрезвом виде и в таком же виде провела несколько судебных заседаний¹. Судья Третьего апелляционного арбитражного суда Д. Шелег, выполнявший также полномочия заместителя председателя суда, был лишен полномочий после систематических прогулов, опозданий на работу и прецедентов общения с сотрудниками суда с использованием ненормативной лексики [21]. Исключение подобных судей из судейского корпуса с лишением всех социальных гарантий, положенных судьям, хотя и выглядит суровой мерой, но при этом направлено на предупреждение совершения в последующем правонарушений, наносящих непоправимый ущерб имиджу судебной власти. В подобных случаях привлечения к ответственности можно заметить реализацию квалификационными коллегиями судей предупредительной функции права. Очевидно, что если бы указанные представители судейского корпуса продолжили исполнять судейские обязанности, то их сомнительное поведение неминуемо бы привело к нарушению прав и законных интересов участников процесса.

Полагаем, преждевременно утверждать, что в российской правовой системе сформирован некий совершенный и идеальный институт дисципли-

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.02.2024 № АПЛ24-1Д // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2342808 (дата обращения: 20.07.2025).

плинарной ответственности судей. Напротив, он постоянно находится в состоянии модернизации и продолжает требовать концептуального осмысления многих принципиальных вопросов. Так, в российском законодательстве до сих пор нет четкого понятия «дисциплинарный проступок», равно как нет раскрытия дефиниции судебной ошибки. Понятно, что если бы за каждый случай судебной ошибки судью привлекали бы к дисциплинарной ответственности, то очень скоро российский судебный корпус опустел бы. Тем не менее необходима конкретизация тех видов судебных ошибок, которые требуют привлечения судьи к дисциплинарной ответственности, равно как необходима и конкретизация понятия дисциплинарного проступка. Не вызывает сомнений, что решение этой проблемы будет способствовать повышению эффективности в российской судебной системе.

Таким образом, в рамках настоящего краткого исследования был предложен авторский подход к пониманию уровней реализации предупредительной функции права. В частности, согласно авторской позиции, у данной функции следует выделять общесоциальный, специально-юридический и индивидуально-мотивационный уровни.

Все три уровня наблюдаются и в реализации предупредительной функции права российской судебной властью, что фактически подтверждает

авторскую концепцию. Между тем степень конкретики и эффективности правового предупреждения на каждом из обоснованных уровней все же различна. В частности, в статье было показано, что на общесоциальном уровне предупредительная функция права реализуется через мероприятия правового просвещения, однако подобными мероприятиями российские суды занимаются в достаточно скромных масштабах и формах. Тем не менее большую степень конкретики имеет осуществляемое судами правовое предупреждение на специально-юридическом и индивидуально-мотивационных уровнях.

Большое значение имеет реализация предупредительной функции права и внутри российской системы, в частности, при отборе кандидатов на должности судей и при решении вопроса о привлечении представителей судейского корпуса к различным видам дисциплинарной ответственности. В статье проанализированы соответствующие полномочия российских органов судейского сообщества. Сделаны выводы о том, что детализации требуют понятия «конфликт интересов», «судебная ошибка», «дисциплинарный проступок». Уточнение этих понятий будет способствовать полноценной и эффективной реализации предупредительной функции российского права в отечественной судебной системе.

Список источников

1. В Госдуме заявили о недопустимости переписывания истории Великой Отечественной войны // Парламентская газета. 21.04.2025. URL: <https://www.pnp.ru/social/deputat-melnikov-nedopustimo-perepisyvat-istoriyu-velikoy-otechestvennoy-voyny.html> (дата обращения: 24.07.2025).
2. Расширенное заседание коллегии МВД 20.03.2023 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70744> (дата обращения: 29.05.2025).
3. Расширенное заседание коллегии МВД 02.04.2024 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 29.05.2025).
4. Расширенное заседание коллегии МВД 05.03.2025 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408> (дата обращения: 29.05.2025).
5. Кудрявцев В. Н. Право и поведение: монография. М.: Юридическая литература, 1978. 192 с.
6. Дорошков В. В. Воспитание современного человека и профилактика правонарушений // Мировой судья. 2024. № 11. С. 2–8.
7. Карабанова Е. Н. Аксиологические основы уголовно-правовых запретов // Журнал российского права. 2023. № 4. С. 72–83.
8. Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедева (редакционный материал) // Российский судья. 2009. № 1. С. 2–5.
9. В суде округа прошла ознакомительная экскурсия для школьников // Официальный сайт Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа. URL: <https://fasvso.arbitr.ru/material/357123> (дата обращения: 18.07.2025).
10. Борбат А. В., Лукожев Х. М., Петровский А. В. О процессуальном обеспечении антикриминального превентивного принуждения // Российский следователь. 2025. № 3. С. 41–44.

11. Никитин С. В. Принцип независимости судей // Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности: монография / отв. ред. В. М. Жуйков, С. С. Завриев. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2024. С. 85–96.
12. Репьев А. Г. Правосознание субъектов со специальным правовым статусом // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 205–209.
13. Кузнецова И. С. Иммуниеты и ответственность как элементы конституционно-правового статуса судьи: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2010. 33 с.
14. Репьев А. Г. Преодоление кризиса профессиональной правовой культуры и правосознания субъектов, обладающих юридическими преимуществами, как направление правовой политики // Правовая культура. 2019. № 3. С. 30–39.
15. Фокин Е. А. Самостоятельность судебной власти (суды и разделение властей) // Современные концепции верховенства права и правового государства: сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер. М.: ИЗиСП при Правительстве РФ, Норма, ИНФРА-М, 2024. С. 267–281.
16. Фокин Е. А. Основные тенденции развития органов судейского сообщества в зарубежных странах // Российская юстиция. 2023. № 10. С. 57–65.
17. Судебная власть в современном правовом порядке // Официальный портал XIII Петербургского международного юридического форума. URL: <https://legalforum.info/programme/business-programme/7803/> (дата обращения: 20.07.2025).
18. ВККС рекомендовала председателей арбитражных судов // Интернет-портал Pravo.ru. URL: <https://pravo.ru/news/253235/> (дата обращения: 20.07.2025).
19. Малкина В. И. Конфликт интересов в юридических лицах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 197 с.
20. Неорганизованный процесс и вражда с председателями: как прошел день жалоб в ВККС // Интернет-портал Pravo.ru. URL: <https://pravo.ru/story/258928/> (дата обращения: 20.07.2025).
21. ВККС досрочно лишила полномочий зампреда 3-го ААС // Интернет-портал Pravo.ru. URL: <https://pravo.ru/news/252345/> (дата обращения: 20.07.2025).

References

1. V Gosdume zayavili o nedopustimosti perepisyvaniya istorii Velikoj Otechestvennoj vojny // Parlamentskaya gazeta. 21.04.2025. URL: <https://www.pnp.ru/social/deputat-melnikov-nedopustimo-perepisyvat-istoriyu-velikoy-otechestvennoj-voyny.html> (дата обращения: 24.07.2025).
2. Rasshirennoe zasedanie kollegii MVD 20.03.2023 // Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70744> (дата обращения: 29.05.2025).
3. Rasshirennoe zasedanie kollegii MVD 02.04.2024 // Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 29.05.2025).
4. Rasshirennoe zasedanie kollegii MVD 05.03.2025 // Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408> (дата обращения: 29.05.2025).
5. Kudryavcev V. N. Pravo i povedenie: monografiya. M.: Yuridicheskaya literatura, 1978. 192 s.
6. Doroshkov V. V. Vospitanie sovremennogo cheloveka i profilaktika pravonarushenij // Mirovoj sud'ya. 2024. № 11. S. 2–8.
7. Karabanova E. N. Aksiologicheskie osnovy ugovovno-pravovyh zapretov // Zhurnal rossijskogo prava. 2023. № 4. S. 72–83.
8. Vystuplenie Predsedatelya Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii V. M. Lebedeva (redakcionnyj material) // Rossijskij sud'ya. 2009. № 1. S. 2–5.
9. V sude okruga proshla oznakomitel'naya ekskursiya dlya shkol'nikov // Oficial'nyj sajt Arbitrazhnogo Suda Vostochno-Sibirskogo okruga. URL: <https://fasvso.arbitr.ru/material/357123> (дата обращения: 18.07.2025).
10. Borbat A. V., Lukozhev H. M., Petrovskij A. V. O processual'nom obespechenii antikriminal'nogo preventivnogo prinuzhdeniya // Rossijskij sledovatel'. 2025. № 3. S. 41–44.
11. Nikitin S. V. Princip nezavisimosti sudej // Problemy realizacii principov grazhdanskogo sudoproizvodstva v pravoprimenitel'noj deyatelnosti: monografiya / отв. ред. В. М. Жуйков, С. С. Завриев. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2024. С. 85–96.

12. Rep'ev A. G. Pravosoznanie sub»ektov so special'nyim pravovym statusom // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 6. S. 205–209.
13. Kuznecova I. S. Immunitety i otvetstvennost' kak elementy konstitucionno-pravovogo statusa sud'i: avtoref. ... dis. kand. yurid. nauk. M., 2010. 33 s.
14. Rep'ev A. G. Preodolenie krizisa professional'noj pravovoj kul'tury i pravosoznaniya sub»ektov, obladayushchih yuridicheskimi preimushchestvami, kak napravlenie pravovoj politiki // Pravovaya kul'tura. 2019. № 3. S. 30–39.
15. Fokin E. A. Samostoyatel'nost' sudebnoj vlasti (sudy i razdelenie vlastej) // Sovremennye koncepcii verhovenstva prava i pravovogo gosudarstva: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: monografiya / otv. red. T. Ya. Habrieva, A. I. Kovler. M.: IZiSP pri Pravitel'stve RF, Norma, INFRA-M, 2024. S. 267–281.
16. Fokin E. A. Osnovnye tendencii razvitiya organov sudejskogo soobshchestva v zarubezhnyh stranah // Rossijskaya yusticiya. 2023. № 10. S. 57–65.
17. Sudebnaya vlast' v sovremennom pravoporyadke // Oficial'nyj portal XIII Peterburgskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma. URL: <https://legalforum.info/programme/business-programme/7803/> (data obrashcheniya: 20.07.2025).
18. VKKS rekomendovala predsedatelej arbitrazhnyh sudov // Internet-portal Pravo.ru. URL: <https://pravo.ru/news/253235/> (data obrashcheniya: 20.07.2025).
19. Malkina V. I. Konflikt interesov v yuridicheskikh licah: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2021. 197 s.
20. Neorganizovannyj process i vrazhda s predsedatelyami: kak proshel den' zhalob v VKKS // Internet-portal Pravo.ru. URL: <https://pravo.ru/story/258928/> (data obrashcheniya: 20.07.2025).
21. VKKS dosrochno lishila polnomochij zampreda 3-go AAS // Internet-portal Pravo.ru. URL: <https://pravo.ru/news/252345/> (data obrashcheniya: 20.07.2025).

Статья поступила в редакцию 05.08.2025; одобрена после рецензирования 25.09.2025; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 05.08.2025; approved after reviewing 25.09.2025; accepted for publication 10.03.2026.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 44–49.

Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 44–49.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.9:351.855.3

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ИДЕНТИФИКАЦИИ И АУТЕНТИФИКАЦИИ ЗРИТЕЛЕЙ, УЧАСТНИКОВ ОФИЦИАЛЬНЫХ СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ, ИНЫХ ЛИЦ, ЗАДЕЙСТВОВАННЫХ В ПРОВЕДЕНИИ ТАКИХ СОРЕВНОВАНИЙ

Александр Геннадьевич Бачурин¹, Иван Иванович Самсонов²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, vooky22@yandex.ru

² Центр спортивной подготовки сборных команд Алтайского края, Барнаул, Россия, sii2009@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается алгоритм отнесения спортивных соревнований к числу официальных, т. е. обладающих особым статусом. При проведении официальных соревнований существует обязательное требование — это необходимость идентификации и аутентификации зрителей, участников, иных лиц. Рассматривается понятийный аппарат с оперированием такими терминами, как зрители, участники официальных спортивных соревнований, иные лица.

Ключевые слова: общественная безопасность, общественный порядок, паспорт болельщика, персонифицированная карта, участники официальных спортивных соревнований

Для цитирования: Бачурин А. Г., Самсонов И. И. Административно-правовое регулирование процесса идентификации и аутентификации зрителей, участников официальных спортивных соревнований, иных лиц, задействованных в проведении таких соревнований // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 44–49.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE PROCESS OF IDENTIFICATION AND AUTHENTICATION OF SPECTATORS, PARTICIPANTS IN OFFICIAL SPORTS COMPETITIONS, AND OTHER PERSONS INVOLVED IN THE HOLDING OF SUCH COMPETITIONS

Alexander G. Bachurin¹, Ivan I. Samsonov²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, vooky22@yandex.ru

² Center for Sports Training of National Teams of the Altai Territory, Barnaul, Russia, sii2009@yandex.ru

Abstract. This article discusses an algorithm for classifying sports competitions as official, that is, having a special status. When conducting official competitions, there is a mandatory requirement – the need for identification and authentication of spectators, participants, and other persons. The conceptual framework is considered, using terms such as: spectators, participants in official sports competitions, and other persons. The existence of legal gaps in the regulation of identification and authentication algorithms is proved. Based on the requirements of regulatory legal acts, the procedure for issuing and using a personalized card to attend a sports competition is being studied.

Keywords: public safety, public order, competition organizer, official sports events, fan ID, personalized card, owner (user) of a sports facility, participants in official sports competitions

For citation: Bachurin A. G., Samsonov I. I. Administrative and Legal Regulation of the Process of Identification and Authentication of Spectators, Participants in Official Sports Competitions, and other Persons Involved in the Holding of such Competitions. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2026; 1:44–49 (In Russ.).

© Бачурин А. Г., Самсонов И. И., 2026

Спорт в нашей стране является важнейшей частью общественной жизни. Поддержка и развитие спорта государством заявлены как единая задача в рамках достижения национальной цели «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи»¹.

Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркивал верность нашей страны идеалам спорта, значение ценностей гуманизма, справедливости и честной борьбы, необходимость развития спорта во взаимодействии с дружественными партнерами [1]. Изложенное подтверждается и существующей статистикой. Так, по итогам 2025 г. в России было проведено более 14,4 тыс. спортивных мероприятий, в т. ч. 95 международных турниров [2].

Одним из обязательных условий проведения официальных спортивных соревнований (далее — соревнований) любого уровня является обеспечение безопасности зрителей, участников (спортсменов) и иных лиц, задействованных в проведении таких соревнований (далее — посетители). Особенно строгие требования к обеспечению безопасности предъявляются при проведении соревнований, внесенных на основании требований нормативного акта² Министерства спорта Российской Федерации (далее — Минспорт России) в Единый календарный план³.

К мероприятиям и соревнованиям, имеющим заявленный выше статус, применяются нормативно установленные правила обеспечения безопасности⁴. На основании данных правил одной из составляющих процесса организации обеспечения общественного порядка и общественной безопас-

ности при проведении соревнований является процедура допуска зрителей, участников и иных лиц, задействованных в проведении соревнований, в места их проведения только при наличии входных билетов или иных документов, предоставляющих право на посещение. Названная процедура должна предусматривать возможность идентификации и аутентификации зрителей, участников соревнования и иных лиц, задействованных в проведении такого соревнования. Это необходимо для исключения допуска на объекты спорта лиц, в отношении которых вступило в законную силу постановление суда об административном запрете на посещение мест проведения соревнований в дни их проведения. Кроме того, не допускаются на спортивные объекты лица, нарушающие порядок идентификации и аутентификации в случаях проведения соревнований, определенных нормативным документом Правительства Российской Федерации в соответствии с ч. 2.2 ст. 20 Федерального закона Российской Федерации от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 329). Отметим, что в нормативном регулировании подобной идентификации и аутентификации присутствуют определенные правовые пробелы, которые мы рассмотрим более подробно.

Начнем с понятийного аппарата. Термины «идентификация» и «аутентификация» имеют свое толкование в словарях русского языка. Так, Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова под глаголом «идентифицировать» понимает установление совпадения, тождественности [3]. Аутентификация — это более современный термин, под которым понимается опознавание пользователя, подающего запрос на доступ и проверку подлинности пароля [4].

Указанные выше термины предусмотрены и нормативно, а именно в Федеральном законе Российской Федерации от 29.12.2022 № 572-ФЗ⁵. Так, аутентификация представляет собой совокупность мероприятий, направленных на проверку лица на принадлежность ему идентификаторов. Это производится путем сопоставления идентификаторов со сведениями о конкретном лице. В свою очередь, идентификация — это алгоритм действий

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309.

² Об утверждении порядка включения физкультурных и спортивных мероприятий (в том числе значимых международных официальных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий) в Единый календарный план межрегиональных, всероссийских и международных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий: приказ Минспорта России от 07.02.2025 № 97.

³ Единый календарный план межрегиональных, всероссийских и международных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий, календарные планы физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий субъектов Российской Федерации, федеральной территории «Сириус», муниципальных образований.

⁴ Об утверждении Правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований: постановление Правительства Российской Федерации от 18.04.2014 № 353.

⁵ Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2022 № 572-ФЗ.

по установлению сведений о лице и их проверке, осуществляемых в соответствии с требованиями действующего законодательства. Аутентификация и идентификация необходимы в отношении зрителей, участников официальных спортивных соревнований, иных лиц, задействованных в проведении таких соревнований.

Зрители — это физические лица, находящиеся в месте проведения официального спортивного соревнования, не являющиеся его участниками, а также иным образом не задействованные в проведении соревнования, в т. ч. в деятельности по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности. Нельзя оставить без внимания, что в действующем законодательстве понятия «зритель» и «болельщик» встречаются в различных нормативных правовых актах. В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) используется понятие «зритель» (ст. 20.31 КоАП РФ), в названии ст. 20.5 ФЗ № 329 применяется термин «зритель», а в тексте самой статьи — понятие «болельщик», соответственно, мы понимаем данные термины как тождественные.

Перечень участников спортивных соревнований определяется правилами соответствующего вида спорта. Это физические и юридические лица, принимающие участие в спортивном соревновании, такие как спортсмены, тренеры, спортивные судьи, спортивные команды и их члены (врачи, массажисты, менеджеры и т. п.), представители международных спортивных федераций.

Иные же лица, задействованные в проведении соревнований, не являются его участниками и болельщиками, но к ним, как правило, относятся любые субъекты, находящиеся в месте проведения соревнования в связи с выполняемыми обязанностями: это и персонал объекта спорта, и контролеры-распорядители, и другие лица.

Отметим, что детально прописанной в нормах права и обязательной является процедура идентификации и аутентификации зрителей, участников, а также иных лиц лишь при проведении отдельных официальных спортивных соревнований, перечень которых установлен Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25.06.2022 № 1694-р¹.

¹ Об утверждении перечня официальных спортивных соревнований, на которых идентификация и аутентификация зрителей, участников таких официальных спортивных соревнований, а также иных лиц, задействованных в их проведении, являются обязательными: распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.06.2022 № 1694-р. К числу таковых относятся: игры чемпионата России по

Идентификация и аутентификация осуществляются в порядке и способами, установленными Правительством Российской Федерации². Основой такой процедуры является оформление и использование персонифицированной карты для посещения спортивного соревнования (паспорт болельщика, или Fan ID). Д. Б. Трошев, А. В. Карагодин отмечают, что Fan ID направлен прежде всего «на противодействие противозаконным действиям футбольных болельщиков во время матчей» [5].

Аналоги Fan ID существуют и в зарубежных государствах. Так, с 2012 г. идентификационные карты болельщика (Tessera del Tifoso) применяются и в футбольном чемпионате Италии. Карты болельщикам выдают сами футбольные клубы, это является проявлением клубных программ лояльности.

Система Passolig появилась в 2013 г. в Турции, в ней необходимо зарегистрироваться, чтобы получить карту болельщика или пользоваться ею в веб-приложении. Passolig необходима для посещения футбольных матчей Суперлиги (Trendyol Süper Lig) и Первой лиги (Trendyol 1. Lig), а также Кубка и Суперкубка Турции.

С 2022 г. введен паспорт болельщика в чемпионате по футболу Мексики. Администрирует онлайн-реестр болельщиков сама футбольная лига, а не государство.

В Российской Федерации паспорт болельщика был введен как обязательное условие посещения матчей чемпионата мира по футболу 2018 г. и зарекомендовал себя достаточно эффективно. В настоящее время это электронный документ, необходимый для идентификации посетителя соревнования, а также иного лица, задействованного в его проведении. Администратором по предоставлению государственной услуги «оформление персонифицированной карты для посещения спортивного соревнования» является Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации³.

футболу среди мужских команд клубов Премьер-лиги, финальные матчи на Кубок и Суперкубок России по футболу.

² О порядке применения персонифицированной карты для посещения спортивного соревнования, а также идентификации и аутентификации зрителей, участников официального спортивного соревнования, иных лиц, задействованных в проведении такого соревнования: постановление Правительства Российской Федерации от 25.06.2022 № 1140.

³ Об утверждении Административного регламента Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации по предоставлению государственной услуги «Оформление персонифицированной карты для посещения спортивного соревнования»: приказ Минцифры России от 16.07.2025 № 621.

Реализуется названная услуга путем обращения заявителя в многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг (далее — МФЦ) либо посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций) (далее — Госуслуги). Для получения услуги заявитель предоставляет:

1) документы, удостоверяющие личность (при подаче заявления в МФЦ, уполномоченные организации подается оригинал документа; посредством портала Госуслуги — предоставление документа не требуется);

2) документы, подтверждающие согласие на последующую обработку персональных данных, и согласие на получение уведомлений в личном кабинете;

3) фотографию заявителя;

4) в случае оформления персонифицированной карты в качестве представителя документы, подтверждающие факт представительства (например, свидетельство о рождении ребенка).

При оформлении персонифицированной карты администратор (Минспорта России) может отказать в ее выдаче на основании информации, полученной в рамках электронного межведомственного взаимодействия с ФСБ России и МВД России. Для такого отказа должны быть определенные основания:

- во-первых, если это необходимо в целях обеспечения безопасности, обороноспособности государства либо общественного порядка;

- во-вторых, если лицо считается привлеченным к административной ответственности с назначением наказания в виде административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения;

- в-третьих, в случае, если в отношении лица установлен административный надзор и имеется административное ограничение в виде запрета на посещение мест проведения массовых и иных мероприятий и участие в указанных мероприятиях.

Аутентификация при проходе в место проведения соревнования для его посетителей осуществляется контролером-распорядителем с помощью информационной системы контроля доступа объектов спорта (далее — информационная система). Информационная система работает в автоматическом режиме путем открытия турникета с отображением фотографии посетителя на экране монитора информационной системы. Контролер-распорядитель должен визуально сличить лицо посетителя с фотографией. В случае выявления несоответствий (например, несхожесть с фотографией) контролер-распорядитель ограничивает проход посетителю

на объект спорта и разъясняет ему причину такого ограничения. Не допускается пропуск посетителей при недействительной персонифицированной карте, а также при использовании ее другим лицом.

Таким образом, информационная система идентификации и аутентификации, описанная нами выше, имеет достаточно проработанное правовое регулирование и успешно применяется. Так, согласно данным издания Sports.ru, на конец 2025 г. было оформлено 2,9 млн Fan ID, в т. ч. 562 000 для детей до 14 лет, прирост только за год — 910 259 [6].

Однако, как было отмечено нами выше, данная информационная система применяется лишь для ограниченного числа соревнований. Связано это с огромными финансовыми затратами на внедрение соответствующего оборудования и программных сервисов идентификации посетителей. В 2021–2022 гг. затраты федерального бюджета на эти цели составили более 773 млн рублей [7].

Вполне логично, что распространить данную информационную систему на соревнования различного уровня в настоящее время просто невозможно. Необходимо искать иные пути, в т. ч. и в части совершенствования действующих норм права и разработки новых.

Более того, опрос 95 представителей алтайских краевых спортивных федераций о возможных системах допуска посетителей к соревнованиям не позволил определить приоритетный вариант допуска. Тем не менее опрошенные респонденты крайне отрицательно относятся к идее о распространении практики использования информационной системы, описанной нами выше, т. к. это фактически неподъемный в финансовом плане для большинства субъектов и муниципалитетов Российской Федерации проект.

Действующее постановление Правительства Российской Федерации¹, утверждающее правила обеспечения безопасности при проведении соревнований, содержит в себе следующее положение: «допуск зрителей, участников соревнований и иных лиц, задействованных в проведении соревнований, в места проведения соревнований осуществляется только при наличии входных билетов или иных документов, предоставляющих право на посещение соревнований». Исходя из этих требований, именно входные билеты или некие «иные документы» должны каким-то образом позволять идентифицировать и аутентифицировать посетителей соревно-

¹ Об утверждении Правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований: постановление Правительства Российской Федерации от 18.04.2014 № 353.

ваний (за исключением тех, на которых применяется персонифицированная карта), иных лиц, задействованных в проведении таких соревнований.

ФЗ № 329 содержит лишь положение о том, что организаторы соревнований, собственники, пользователи объектов спорта устанавливают требования к реализации входных билетов, иных документов, предоставляющих право на посещение таких соревнований. О форме, содержании входных билетов и иных документов в ФЗ № 329 речи не идет.

В письме Федеральной налоговой службы России говорится о единых требованиях к бланкам билетов на театральные-концертные и спортивно-зрелищные мероприятия как документам строгой отчетности¹. В статье 52.1 Основ законодательства Российской Федерации о культуре предусмотрено, что Министерство культуры России утверждает форму билета, в т. ч. и электронного².

Билет должен содержать:

- полные сведения об организации, индивидуальном предпринимателе с указанием его адреса и индивидуального налогового номера;

- вид билета (на бумажном носителе или электронный билет);

- знак информационной продукции;

- серию и номер билета или уникальный номер электронного билета;

- сведения о проводимом мероприятии (его наименование, дата, время и место его проведения), стоимость билета (в т. ч. электронного билета), место размещения посетителя (место, ряд, зона, сектор, уровень);

- сведения о посетителе (в случае реализации именных билетов (в т. ч. электронных));

- иную информацию (сведения (реквизиты), предусмотренные законодательством Российской Федерации о применении контрольно-кассовой техники, а также сведения об уполномоченном или другом лице, осуществляющем реализацию билетов (в т. ч. электронных билетов));

- в случае реализации билета (в т. ч. электронного билета) в рамках программы «Пушкинская карта» — указание об этом;

¹ Об использовании бланков строгой отчетности в случае применения компьютерной программы для продажи билетов на театральные-концертные и спортивно-зрелищные мероприятия: письмо ФНС РФ от 29.04.2005 № ГИ-6-22/364.

² Об утверждении форм билета, абонеента и экскурсионной путевки (в том числе форм электронного билета, электронного абонеента и электронной экскурсионной путевки) на проводимые организациями исполнительских искусств и музеями зрелищные мероприятия как бланки строгой отчетности: приказ Минкультуры России от 29.06.2020 № 702.

- сведения об изготовителе бланка билета.

Исходя из приведенной информации, идентификация и аутентификация посетителей соревнований возможны лишь при наличии именного билета (которых единицы) или пропуска (иной документ), выписанного на конкретное лицо.

В современных условиях, на наш взгляд, идентификация и аутентификация посетителей соревнований должны удовлетворять требованиям государственной политики о цифровой трансформации и являться для физических лиц соответствующей услугой. В настоящее время уже существует ряд ресурсов для цифровой идентификации населения.

Применимо к соревнованиям наиболее приоритетным является использование мобильного приложения «ГосДоки» — сервиса в приложении «Госуслуг». В Постановлении Правительства Российской Федерации от 19.09.2025 № 1443³ закреплено, что мобильное приложение «ГосДоки», которое формирует QR-код, может использоваться для подтверждения возраста посетителя музея и (или) зрелищного мероприятия. Вполне логично, что необходимо изменить имеющуюся формулировку пункта 2 Приложения⁴, изложив ее в следующей редакции: «Подтверждение возраста (личности) посетителя музея и (или) зрелищного (официального спортивного) мероприятия (соревнования)».

Таким образом, предложенные нами новеллы направлены на совершенствование существующего административно-правового регулирования процедуры идентификации и аутентификации зрителей, участников официальных спортивных соревнований, иных лиц, задействованных в проведении таких соревнований. Это в конечном итоге позволит оптимизировать деятельность организаторов и собственников (пользователей) объектов спорта по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности на официальных спортивных соревнованиях.

³ О применении мобильного приложения федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» в целях представления гражданами Российской Федерации сведений, содержащихся в документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, либо иных документах, выданных гражданам Российской Федерации государственными органами Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 19.09.2025 № 1443.

⁴ Правила применения мобильного приложения федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)».

Список источников

1. Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75892> (дата обращения: 13.01.2026).
2. Официальный интернет-ресурс для информирования о социально-экономической ситуации в России. URL: <https://объясняем.пф/articles/news/v-2025-godu-v-rossii-proydet-95-mezhdunarodnykh-turnirov/> (дата обращения: 13.01.2026).
3. Токовый словарь С. И. Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9452> (дата обращения: 14.01.2026).
4. Универсальный дополнительный практический толковый словарь (И. Мостицкий). URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/mostitskiy/fc/slovar-192-3.htm#zag-621> (дата обращения: 13.01.2026).
5. Трошев Д. Б., Карагодин А. В. Об отдельных аспектах введения в Российской Федерации паспортов болельщиков (FAN ID) // Вестник БелЮИ МВД России. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-otdelnyh-aspektah-vvedeniya-v-rossiyskoy-federatsii-pasportov-bolelschikov-fan-id> (дата обращения: 13.01.2026).
6. Более 910 тысяч человек оформили Fan ID в сезоне-2024/25. Число правонарушений на стадионах сократилось по сравнению с прошлым сезоном. URL: <https://www.sports.ru/football/1116817678-bole-910-tysyach-chelovek-oformili-fan-id-v-sezone-2024-25-chislo-pra.html?ysclid=mkce7mpqck666203523> (дата обращения: 13.01.2026).
7. Официальный сайт информационного агентства ТАСС. URL: <https://tass.ru/sport/12940683> (дата обращения: 13.01.2026).

References

1. Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75892> (data obrashcheniya: 13.01.2026).
2. Oficial'nyj internet-resurs dlya informirovaniya o social'no-ekonomicheskoy situacii v Rossii. URL: <https://ob'yasnyaem.rf/articles/news/v-2025-godu-v-rossii-proydet-95-mezhdunarodnykh-turnirov/> (data obrashcheniya: 13.01.2026).
3. Tokovyj slovar' S. I. Ozhegova onlajn. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9452> (data obrashcheniya: 14.01.2026).
4. Universal'nyj dopolnitel'nyj prakticheskij tolkovyj slovar' (I. Mostickij). URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/mostitskiy/fc/slovar-192-3.htm#zag-621> (data obrashcheniya: 13.01.2026).
5. Troshev D. B., Karagodin A. V. Ob otdel'nyh aspektah vvedeniya v Rossijskoj Federacii pasportov bolel'shchikov (FAN ID) // Vestnik BelYuI MVD Rossii. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-otdelnyh-aspektah-vvedeniya-v-rossiyskoy-federatsii-pasportov-bolelschikov-fan-id> (data obrashcheniya: 13.01.2026).
6. Bolee 910 tysyach chelovek oformili Fan ID v sezone-2024/25. Chislo pravonarushenij na stadionah sokratilos' po sravneniyu s proshlym sezonom. URL: <https://www.sports.ru/football/1116817678-bole-910-tysyach-chelovek-oformili-fan-id-v-sezone-2024-25-chislo-pra.html?ysclid=mkce7mpqck666203523> (data obrashcheniya: 13.01.2026).
7. Oficial'nyj sajt informacionnogo agentstva TASS. URL: <https://tass.ru/sport/12940683> (data obrashcheniya: 13.01.2026).

Информация об авторах

А. Г. Бачурин — кандидат юридических наук, доцент.

И. И. Самсонов — кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors

A. G. Bachurin — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

I. I. Samsonov — Candidate of Science (Pedagogical), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 15.01.2026; approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 50–56.

Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 50–56.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.9:343.34

СООТНОШЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Татьяна Олеговна Брылёва

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, bryleva2002@list.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу соотношения контрольно-надзорной деятельности и обеспечения общественной безопасности как ключевых элементов государственной политики. Автор исследует теоретические подходы к определению понятий «общественная безопасность» и «контрольно-надзорная деятельность». В работе проводится сравнительный анализ субъектного состава, форм и методов реализации данных направлений. Особое внимание уделено дискуссионному вопросу о соотношении категорий «контроль» и «надзор», рассматриваются основные научные позиции — от их отождествления до признания автономными видами деятельности. На основе проведенного исследования делается вывод о том, что контрольно-надзорная деятельность, осуществляемая специализированными субъектами, является составным элементом и инструментом управления в системе обеспечения общественной безопасности, состояние которой в значительной степени отражается в результатах контрольно-надзорных мероприятий.

Ключевые слова: общественная безопасность, контрольно-надзорная деятельность, государственный контроль, надзор, субъекты обеспечения безопасности, формы и методы контроля, правоохранительная деятельность, административное принуждение

Для цитирования: Брылёва Т. О. Соотношение отдельных элементов контрольно-надзорной деятельности и обеспечения общественной безопасности // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 50–56.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

CORRELATION OF INDIVIDUAL ELEMENTS OF CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES AND PUBLIC SAFETY

Tatiana O. Bryleva

Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia, bryleva2002@list.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the relationship between control and supervision activities and public safety as key elements of state policy. The author explores theoretical approaches to defining the concepts of «public safety» and «control and supervision activities». The article provides a comparative analysis of the subject composition, forms, and methods of implementing these areas. Special attention is given to the controversial issue of the relationship between the categories of «control» and «supervision», and the main scientific positions are examined, ranging from their identification to their recognition as autonomous activities. Based on the conducted research, it is concluded that control and supervision activities carried out by specialized entities are an integral part and management tool in the system of public safety, the state of which is largely reflected in the results of control and supervision activities.

Keywords: public safety, control and supervision activities, state control, supervision, security subjects, forms and methods of control, law enforcement activities, and administrative coercion

For citation: Bryleva T.O. Correlation of Individual Elements of Control and Supervision and Individual Elements of Public Safety. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026; 1:50–56 (In Russ.).

Обеспечение общественной безопасности является одной из основных целей в политике государства, данное положение отражено в ряде нормативных правовых актов, одним из которых является Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»¹. В нем выделяется раздел «государственная и общественная безопасность», что свидетельствует о разграничении законодателем названных категорий. Традиционно безопасность представляет собой состояние защищенности объекта от внутренних и внешних угроз.

Контрольно-надзорная деятельность является одним из направлений развития государственной политики. В настоящее время в Российской Федерации реализуется Концепция совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 г. в рамках Распоряжения Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2023 г. № 3745-р². Существенные изменения, связанные с оптимизацией контрольно-надзорной деятельности, обусловили реализацию проекта «регуляторной гильотины», в рамках которой был отменен ряд нормативных правовых актов, приняты новые законы, регламентирующие деятельность контрольно-надзорных органов, осуществляется снижение административной нагрузки на бизнес, внедряются новые механизмы, связанные с цифровизацией и внедрением риск-ориентированного подхода.

Следует отметить, что в научной литературе отсутствует разграничение категорий «обеспечение общественной безопасности» и «контрольно-надзорная деятельность в сфере обеспечения общественной безопасности». Для установления соотношения необходимо рассмотреть ряд теоретических вопросов, которые позволят сделать обоснованный вывод. К таковым относятся: теоретическое обоснование категорий «общественная безопасность» и «контрольно-надзорная деятельность»; субъекты обеспечения общественной безопасности и контрольно-надзорной деятельности; формы и методы обеспечения общественной безопасности и реализации контрольно-надзорной деятельности.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.12.2023 № 3745-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Определению понятия «общественная безопасность» уделяется значительное внимание в различных отраслях права. Существует большое количество воззрений в отношении рассматриваемой правовой категории. Термин «общественная безопасность» широко используется как в научной литературе, так и в правоприменительной деятельности органов государственной власти, правоохранительных органов. Несмотря на большое количество подходов, единой точки зрения так и не выработано. В условиях современных реалий общественные отношения с каждым годом претерпевают существенные изменения, появляются новые угрозы их нормальному функционированию, а также общественной безопасности в целом. В связи с этим рассмотрение данного понятия видится нам актуальным и обоснованным.

Следует отметить, что на законодательном уровне понятие «общественная безопасность» не закреплено. В Концепции общественной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 14.11.2013 № Пр-2685, которая не была пролонгирована, под общественной безопасностью понималось состояние защищенности человека, гражданина, материальных и духовных ценностей общества от угроз различного характера (преступных посягательств, чрезвычайных ситуаций и т. д.)³.

В статье 3 Федерального закона Российской Федерации от 28.12.2010 № 390 «О безопасности» определено содержание деятельности по обеспечению безопасности, оно включает в себя следующие направления: прогнозирование и анализ возможных угроз безопасности; определение направлений государственной политики; правовое регулирование обеспечения безопасности; финансирование расходов на обеспечение общественной безопасности; международное сотрудничество и иные направления⁴.

А. А. Варгузова в своем диссертационном исследовании «Административно-правовое регулирование деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации» характеризует общественную безопасность как состояние защищенности общества, обеспечивающего беспрепятствен-

³ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 14.11.2013 № Пр-2685) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О безопасности [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 28.12.2010 № 390-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ную реализацию его жизненно важных интересов, а также состояние общественных отношений, которые реализуются в процессе жизнедеятельности личности, общества и государства [1, с. 35].

Ю. Ю. Басова на основе анализа научных воззрений приходит к выводу, что общественная безопасность определяется достаточным состоянием защищенности граждан от реальных или потенциальных опасностей, а также деятельностью по созданию мер, поддерживающих состояние защищенности. Помимо этого, автор акцентирует внимание на такой категории, как «общественный порядок», отмечает взаимосвязь и взаимообусловленность данных категорий [2, с. 65]. Аналогичной точки зрения придерживается И. В. Потапенкова, которая отмечает неразрывную связь рассматриваемых категорий, а также возможность отождествления понятий [3, с. 171].

Вопрос о соотношении категорий «контроль» и «надзор» в науке административного права представляет как теоретическое, так и практическое значение. Данное положение обусловлено тем, что неоднозначность и неясность правового регулирования неизбежно препятствуют адекватному уяснению его содержания, а также созданию предпосылок для административного произвола.

Одной из наиболее распространенных точек зрения является рассмотрение надзора как суженного контроля. На это в своих исследованиях обращает внимание Д. Н. Бахрах, который контроль характеризует как наблюдение за законностью и целесообразностью деятельности, надзор — как ограниченный, суженный контроль [4, с. 324]. Схожей точки зрения придерживается М. С. Студеникина, которая характеризует контроль как способ обеспечения законности, основная цель контроля заключается в получении информации, объективно отражающей состояние дел на подконтрольном объекте [5, с. 24].

Противоположной точки зрения придерживается В. П. Беляев, который рассматривает контроль и надзор как две автономные формы юридической деятельности. Сущность контроля состоит в обеспечении охраны интересов общества и государства, защиты прав и свобод граждан, она реализуется управомоченными органами в рамках контрольного производства в целях получения юридически значимых результатов и оказания юридического воздействия на подконтрольных объектах. Надзор предполагает осуществление управомоченными субъектами деятельности, которая заключается в совершении ими значимых действий по разрешению на поднадзорных объектах в строгом соот-

ветствии с законом конкретных юридических дел, возникающих в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением законов государственными органами и должностными лицами [6, с. 235].

Ю. Ш. Никонова отмечает, что контроль и надзор являются составными элементами контрольного процесса. Контроль присутствует на всех стадиях реализации контрольно-надзорной деятельности, позволяет более детально рассмотреть подконтрольный субъект, охарактеризовать степень опасности или безопасности ситуации. На этапе надзора осуществляется установление факта соответствия или несоответствия требованиям законодательства [7, с. 204].

С. М. Зубарев отмечает, что смешение рассматриваемых категорий существенно осложняет практическую деятельность как проверяемых, так и проверяющих [8, с. 47]. При этом автор отмечает, что контроль и надзор имманентно взаимосвязаны, но в то же время обладают спецификой как самостоятельные формы администрирования. По своей природе сущность контрольной деятельности предстает в управленческом аспекте, а надзорной — в правоохранительном.

Некоторые исследователи и вовсе не считают вопрос о соотношении понятий «контроль» и «надзор» значимым для повышения уровня оптимизации контрольно-надзорной деятельности. С. М. Зырянов отмечает его как не имеющего смысла, автор говорит о необходимости более подробного рассмотрения контроля (надзора) как самостоятельной функции [9, с. 57]. М. Н. Кудинский считает, что контроль и надзор не следует рассматривать как разные элементы государственно-властной деятельности. Автор характеризует надзор как наименование отдельных видов контроля [10, с. 40].

В законодательных актах категории «контроль» и «надзор» используются произвольно. Например, в ст. 44 Федерального закона Российской Федерации от 30.03.1999 № 52 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» закреплено наименование «федеральный государственный санитарно-эпидемиологический контроль (надзор)», но в Едином перечне продукции (товаров), подлежащей государственному санитарно-эпидемиологическому надзору (контролю) на таможенной границе и таможенной территории Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Комиссии таможенного союза от 28 мая 2010 г. № 299, надзор выведен на первый план.

Рассматривая вопрос разграничения категорий «контроль» и «надзор», следует обратиться к своей

ству эмерджентности, суть которого заключается в том, что системы обладают определенными характеристиками, но при взаимодействии появляются новые свойства и качества, которые не присущи отдельным элементам. Контроль и надзор являются самостоятельными элементами. На этапе контроля реализуется комплекс мероприятий, направленных на выявление нарушений, которые в последующем устраняются в рамках надзора. Контрольно-надзорная деятельность представляет собой механизм, который вбирает в себя как контрольные, так и надзорные полномочия.

Вторым аспектом разграничения категорий «обеспечение общественной безопасности» и «контрольно-надзорная деятельность в сфере обеспечения общественной безопасности» являются субъекты реализации данных направлений. А. М. Воронов акцентирует внимание на том, что субъектом обеспечения общественной безопасности выступает государство, общество в целом и отдельные граждане. Систему обеспечения общественной безопасности автор разделяет на три уровня управления: местный (включает ресурсы муниципальных органов власти и управления, а также служб и сил, дислоцирующихся на территории муниципального образования); региональный (субъекты обеспечения общественной безопасности дислоцируются в пределах определенной административно-территориальной единицы); федеральный (субъекты реализуют координацию действий и стратегическое планирование) [11, с. 58].

С. М. Зырянов, рассматривая режим общественной безопасности, основным субъектом его обеспечения выделяет полицию, а также негосударственные субъекты (народные дружины, общественные организации правоохранительной направленности) [12, с. 36]. И. А. Коннов в своем диссертационном исследовании в качестве основного субъекта обеспечения общественной безопасности рассматривает государство, которое реализует свои функции через законодательную, исполнительную и судебную ветви власти [13].

К субъектам реализации контрольно-надзорной деятельности относятся специальные органы, которые уполномочены реализовывать функции, связанные с осуществлением контроля и надзора. Следует отметить, что в ч. 1 ст. 26 Федерального закона Российской Федерации от 31.07.2020 № 248 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле» содержится понятие контрольного (надзорного) органа. Отметим, что положения о реализации функций отражены в ве-

домственных документах субъектов, реализующих контрольно-надзорную деятельность. Например, в Указе Президента Российской Федерации от 21.12.2016 № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» закреплено, что основными задачами МВД России являются обеспечение федерального государственного контроля (надзора) в сфере внутренних дел¹. Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий также наделено полномочиями в сфере реализации контрольно-надзорной деятельности, данное положение закреплено в п. 8 Указа Президента Российской Федерации от 11.07.2004 № 868 «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий»².

В части рассмотрения административно-правового статуса сотрудника контрольно-надзорного органа наблюдается ситуация, связанная с отсутствием его унификации, обособления по признаку реализуемой функции. На данное положение в своем исследовании обращает внимание С. М. Зырянов [14, с. 109]. Исходя из анализа нормативно-правовой базы, также можно сделать вывод о том, что отсутствует четко сформированная позиция. Несмотря на то что на первоначальном этапе сотрудники контрольно-надзорного органа выполняют схожие действия, которые закреплены в федеральном законодательстве, административных регламентах контролирующих субъектов, отсутствует единый нормативный правовой акт, определяющий общие положения, необходимые для выполнения сотрудниками контрольно-надзорного органа или лицами, реализующими полномочия в сфере контрольно-надзорной деятельности.

¹ Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 21.12.2016 № 699. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2004 № 868. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Следует отметить, что контрольно-надзорная деятельность реализуется субъектами, обладающими полномочиями в сфере реализации контроля и надзора. Обеспечение общественной безопасности может осуществляться не только специализированными субъектами (например, участие общественных объединений в охране общественного порядка).

Формы и методы обеспечения общественной безопасности носят разнообразный характер и реализуются в большом количестве сфер общественной жизни. Несмотря на достаточную проработанность исследуемой проблематики, в теории административного права не сложилось единого мнения в части разграничения категорий «форма» и «метод» обеспечения общественной безопасности. Некоторые исследователи отождествляют рассматриваемые категории. В рамках настоящего исследования мы считаем необходимым разграничить понятия «форма» и «метод» в сфере обеспечения общественной безопасности. Классификация административно-правовых форм может быть осуществлена по следующим основаниям: целенаправленность (внутренние и внешние), содержание (правотворческие и правореализующие), способ выражения, наименование, субъект безопасности.

Некоторые исследователи выделяют негосударственную форму обеспечения общественной безопасности (публично-частное партнерство). А. М. Кононов к таковым относит участие граждан в охране общественного порядка [15].

В учебном пособии «Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности» приводится классификация административно-правовых форм управленческой деятельности ОВД в сфере обеспечения общественной безопасности, к таковым относятся: правовая (основная особенность состоит в наступлении юридических последствий); неправовая (в большинстве случаев является основанием для возникновения юридической формы, однако наступления прямых юридических последствий не влечет) [16, с. 53].

Формы обеспечения общественной безопасности состоят из социально-экономических, политических и организационных мер. Направленность реализации данных сфер связана с противодействием противоправным посягательствам, предупреждением чрезвычайных ситуаций и происшествий. Обозначим некоторые ориентиры государственной политики: реализация мониторинга состояния общественной безопасности (направлен

на предупреждение противоправных действий, анализ данных и создание прогноза); совершенствование законодательного регулирования; развитие международного сотрудничества, а также рассмотрение опыта иностранных государств и т. д.

Методами обеспечения общественной безопасности являются убеждение и принуждение. Убеждение — это универсальный метод, сущность которого состоит в воздействии на поведение людей, реализуемом в целях минимизации возникновения угроз общественной безопасности. Применение убеждения осуществляется посредством разъяснительной работы с гражданами. Принуждение осуществляется в отношении физических и юридических лиц, которые не выполняют общеобязательные нормы, правила поведения, а также создают угрозу для общественной безопасности.

Формы и методы контрольно-надзорной деятельности отражены в ч. 1 ст. 65 Федерального закона Российской Федерации от 31.07.2020 № 248 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»¹. К их числу относятся: осмотр, досмотр, опрос, получение письменных объяснений, истребование документов, испытание, экспертиза и иные.

Ю. Ш. Никонова в ходе рассмотрения методов и форм контрольно-надзорной деятельности выделяет форму как конструктивную организацию взаимодействия участников контрольно-надзорных правоотношений, определяющую положение контролируемых органов и подконтрольных субъектов. Метод характеризуется как совокупность способов и средств, используемых при реализации форм контрольно-надзорной деятельности [7, с. 206].

К методам контрольно-надзорной деятельности целесообразно отнести совокупность способов и средств, посредством которых происходит реализация контрольно-надзорных мероприятий. Таковыми являются административное принуждение (согласно определению Конституционного Суда Российской Федерации, федеральный законодатель в рамках проведения государственной политики в сфере контрольно-надзорной деятельности не лишен возможности устанавливать специальные условия привлечения к административной ответственности субъектов малого и среднего

¹ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 31.07.2020 № 248-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

бизнеса¹), профилактика (информирование поднадзорных субъектов по вопросам обязательных требований, размещение на официальных сайтах контролирующих субъектов разъясняющей информации и т. д.), рассмотрение обращений, принятие соответствующего решения по окончании проведения проверочных мероприятий (например, выдача предостережения о нарушении обязательных требований).

Таким образом, в рамках проведенного исследования могут быть сформулированы следующие выводы:

Во-первых, круг субъектов, осуществляющих обеспечение общественной безопасности значительно шире, данное положение обусловлено тем, что к выполнению функции, связанной с охраной общественного порядка, могут быть привлечены граждане, которые состоят в общественных объединениях. Контрольно-надзорная деятельность осуществляется специализированными субъектами, которые наделены полномочиями в сфере реализации контроля и надзора.

Во-вторых, формы и методы обеспечения общественной безопасности разнообразны,

охватывают обширный круг правоотношений в различных сферах общественной жизни. Контрольно-надзорная деятельность реализуется в форме проведения контрольно-надзорных мероприятий, закрепленных в федеральном законодательстве. К методам реализации контрольно-надзорной деятельности нами были отнесены осуществление профилактического воздействия, применение административного принуждения, принятие соответствующих решений контролирующим субъектом и т. д.

В-третьих, в целях обеспечения общественной безопасности контрольно-надзорные органы занимаются проверкой и оценкой состояния подконтрольного объекта, которая состоит в сборе и анализе информации о данном объекте с точки зрения наличия угроз различного характера. Результаты осуществления контрольно-надзорной деятельности в определенной степени отражают состояние общественной безопасности в целом. Соответственно, контроль и надзор являются составными элементами и относятся к функции процесса управления обеспечением общественной безопасности.

Список источников

1. Варгузова А. А. Административно-правовое регулирование деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 172 с.
2. Басова Ю. Ю. Теоретические аспекты и правовые подходы к определению понятия общественной безопасности // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 61–66.
3. Потапенкова И. В. Вопросы административно-правового регулирования деятельности полиции по обеспечению общественной безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 11. С. 170–174.
4. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право России: учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 715 с.
5. Студеникина М. С. Государственный контроль в сфере управления: проблемы надведомственного контроля: монография. М.: Юридическая литература, 1974. 159 с.
6. Беляев В. П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. 436 с.
7. Никонова Ю. Ш. Формы и методы государственного контроля (надзора) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3 (41). С. 202–210.
8. Зубарев С. М. Система контроля в сфере государственного управления: монография. М.: Норма: ИНФА-М, 2019. 152 с.
9. Зырянов С. М. Государственный контроль (надзор): монография. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2023. 228 с.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Задорожной Ирины Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью 3 статьи 3.4 и частью 1 статьи 4.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.02.2019 № 285-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Кудилинский М. Н. Контроль как вид государственно-управленческой деятельности: к соотношению понятий «контроль» и «надзор» // Социология и право. 2015. № 1 (27). С. 38–49.
11. Воронов А. М. Система обеспечения общественной безопасности: проблемы оптимизации // Право и практика. 2012. № 2. С. 56–72.
12. Зырянов С. М. Режим общественной безопасности // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. С. 34–41.
13. Коннов И. А. Общественные субъекты правоохранительной деятельности в современном российском политическом процессе. Нижний Новгород, 2006.
14. Зырянов С. М. Административно-правовой статус сотрудника контрольно-надзорного органа // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 100–110.
15. Кононов А. М. О возможностях и перспективах развития негосударственных форм реализации функций обеспечения правопорядка и общественной безопасности // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы. 2020. С. 390.
16. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: учебник: в 2 ч. / С. В. Байгажаков [и др.]. М.: Академия управления МВД России, 2017. Ч. 1.

References

1. Varguzova A. A. Administrativno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti organov vnutrennih del v sfere obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2005. 172 s.
2. Basova Yu. Yu. Teoreticheskie aspekty i pravovye podhody k opredeleniyu ponyatiya obshchestvennoj bezopasnosti // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2016. № 8. S. 61–66.
3. Potapenkova I. V. Voprosy administrativno-pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti policii po obespecheniyu obshchestvennoj bezopasnosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 11. S. 170–174.
4. Bahrah D. N., Rossinskij B. V., Starilov Yu. N. Administrativnoe pravo Rossii: uchebnik dlya vuzov. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2020. 715 s.
5. Studenikina M. S. Gosudarstvennyj kontrol' v sfere upravleniya: problemy nadvedomstvennogo kontrolya: monografiya. M.: Yuridicheskaya literatura, 1974. 159 s.
6. Belyaev V. P. Kontrol' i nadzor kak formy yuridicheskoy deyatel'nosti: voprosy teorii i praktiki: dis. ... d-ra jurid. nauk. Saratov, 2006. 436 s.
7. Nikonova Yu. Sh. Formy i metody gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2017. № 3 (41). S. 202–210.
8. Zubarev S. M. Sistema kontrolya v sfere gosudarstvennogo upravleniya: monografiya. M.: Norma: INFRA-M, 2019. 152 s.
9. Zyryanov S. M. Gosudarstvennyj kontrol' (nadzor): monografiya. M.: Yuridicheskaya firma «Kontrakt», 2023. 228 s.
10. Kudilinskij M. N. Kontrol' kak vid gosudarstvenno-upravlencheskoj deyatel'nosti: k sootnosheniyu ponyatij «kontrol'» i «nadzor» // Sociologiya i pravo. 2015. № 1 (27). S. 38–49.
11. Voronov A. M. Sistema obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti: problemy optimizacii // Pravo i praktika. 2012. № 2. S. 56–72.
12. Zyryanov S. M. Rezhim obshchestvennoj bezopasnosti // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2016. № 3. S. 34–41.
13. Konnov I. A. Obshchestvennye sub'ekty pravoohranitel'noj deyatel'nosti v sovremennom rossijskom politicheskom processe. Nizhnij Novgorod, 2006.
14. Zyryanov S. M. Administrativno-pravovoj status sotrudnika kontrol'no-nadzornogo organa // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 9. S. 100–110.
15. Kononov A. M. O vozmozhnostyah i perspektivah razvitiya negosudarstvennyh form realizacii funkicii obespecheniya pravoporyadka i obshchestvennoj bezopasnosti // Strategicheskoe razvitie sistemy MVD Rossii: sostoyanie, tendencii, perspektivy. 2020. S. 390.
16. Organizaciya ohrany obshchestvennogo poryadka i obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti: uchebnik: v 2 ch. / S. V. Bajgazhakov [i dr.]. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2017. Ch. 1.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025; одобрена после рецензирования 09.12.2025; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 10.11.2025; approved after reviewing 09.12.2025; accepted for publication 10.03.2026.

ВСКРЫТИЕ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ СОТРУДНИКАМИ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ МВД РОССИИ: КОЛЛИЗИЯ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Елена Викторовна Ковалева

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, ev_kovaleva01@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу правоприменительных проблем, возникающих при применении сотрудниками Госавтоинспекции МВД России меры административного принуждения — вскрытие транспортных средств. Актуальность темы обусловлена коллизией между публичным интересом в обеспечении безопасности дорожного движения и пресечении административного правонарушения, такого как управление транспортным средством в состоянии опьянения, и частным интересом — неприкосновенность собственности, гарантированная Конституцией Российской Федерации.

Центральной проблемой является правовая неопределенность оценочной формулировки «имеются достаточные основания полагать», содержащейся в ст. 15.1 Закона Российской Федерации «О полиции», которая выступает ключевым условием для применения соответствующей принудительной меры. Автор выделяет ряд системных трудностей: отсутствие четких законодательных критериев для оценки «достаточности» оснований, ведущее к субъективизму и риску злоупотреблений полномочиями; сложность соблюдения и доказывания принципа субсидиарности.

Ключевые слова: вскрытие транспортного средства, Госавтоинспекция МВД России, административное принуждение, достаточные основания, состояние опьянения, коллизия публичного и частного интереса, законность, принцип субсидиарности, право собственности

Для цитирования: Ковалева Е. В. Вскрытие транспортных средств сотрудниками Госавтоинспекции МВД России: коллизия публичных и частных интересов // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 57–62.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

FORCED OPENING OF VEHICLES BY OFFICERS OF THE STATE TRAFFIC INSPECTORATE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA: THE CONFLICT OF PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS

Elena V. Kovaleva

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, ev_kovaleva01@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of law enforcement problems arising when officers of the State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia apply an administrative coercion measure – the forced opening of a vehicle. The relevance of the topic is determined by the conflict between the public interest in ensuring road traffic safety and suppressing administrative offenses, such as driving under the influence of alcohol, and the private interest (the inviolability of property guaranteed by the Constitution of the Russian Federation).

The central problem is the legal uncertainty of the evaluative formulation "there are sufficient grounds to believe," (Article 15.1 of the "On Police" Law), which serves as the key condition for applying this coercive measure. The author identifies a number of systemic difficulties, such as the lack of clear legislative criteria for assessing the "sufficiency" of grounds, leading to subjectivism and the risk of abuse of power; the complexity of complying with and proving the principle of subsidiarity.

Keywords: forced opening of a vehicle, Russian State Traffic Inspectorate, administrative coercion, sufficient grounds, state of intoxication, conflict of public and private interests, legality, principle of subsidiarity, property rights

For citation: Kovaleva E. V. Forced Opening of Vehicles by Officers of the State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia: the Conflict of Public and Private Interests. *Altajskij juridicheskiy vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;1:57–62 (In Russ.).

Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее — Закон «О полиции»)¹ предоставляет ее сотрудникам право применять в целях выполнения возложенных на них обязанностей различные меры государственного принуждения. Одна из таких мер — вскрытие транспортных средств. В соответствии со ст. 15.1 Закона «О полиции» сотрудники вправе вскрывать транспортные средства, т. е. нарушать их конструктивную целостность, путем повреждения различных частей автомобиля по предусмотренным на то основаниям. В рамках настоящего исследования предметом специального анализа выступает одно из оснований для применения рассматриваемой меры — необходимость применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении в ситуации, когда имеются достаточные основания полагать, что лицо, его совершившее, находится в состоянии опьянения.

Проблема понятийного аппарата и сущности мер принуждения неоднократно поднималась в работах ряда ученых-административистов. Так, Д. Н. Бахрах под принуждением понимает «отрицание воли подвластного и внешнее воздействие на его поведение». «В случае, когда команда не исполнена, нарушена воля властвующего и последний воздействует на моральную, имущественную, организационную, физическую сферы подвластного, чтобы преобразовать его волю, добиться подчинения» [1].

В процессе осуществления своих служебных полномочий, связанных с применением мер государственного принуждения, сотрудники подразделений Госавтоинспекции МВД России сталкиваются с комплексом существенных проблем правового и организационного характера. Такие проблемы возникают на различных этапах административно-юрисдикционной деятельности, начиная от выявления правонарушений и заканчивая фактической реализацией принудительных мер воздействия. Сотрудники часто вынуждены прибегать к применению мер принуждения, в т. ч. к вскрытию транспортных средств, т. к. их деятельность напрямую связана с обеспечением безопасности дорожного движения.

В контексте указанных проблем данная научная статья направлена на комплексное рассмотрение правового регулирования, практических условий и ключевых проблемных вопросов, возникаю-

щих при принудительном вскрытии транспортных средств в рамках одного из оснований, указанных в ст. 15.1 Закона «О полиции», а именно п. 5 ч. 1, в целях применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, если имеются основания полагать, что лицо, совершившее данное правонарушение, находится в состоянии опьянения².

Актуальность избранной темы обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов теоретического и прикладного характера. С одной стороны, сохраняющаяся высокая степень общественной опасности правонарушений, связанных с управлением транспортными средствами в состоянии опьянения, оправдывает необходимость наделяния правоприменителя эффективным инструментарием для их пресечения. Справедливо отмечает А. И. Марцев: «Общественная опасность первична по отношению к признаку формальной запрещенности преступления, а признак запрещенности, в свою очередь, вторичен по отношению к общественной опасности» [2]. Статистические данные свидетельствуют о стабильно значительной доле данного вида правонарушений в общей структуре административных деликтов, а их последствия часто носят тяжкий и необратимый характер, что объективно требует оперативного и решительного реагирования. Согласно данным официальной судебной статистики, представленным на портале «Судебная статистика. РФ», по ч. 1 и 3 ст. 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) в течение 2024 г. к административной ответственности было привлечено 152 201 лицо³.

С другой стороны, применение такой меры административного принуждения, как вскрытие транспортного средства, непосредственно затрагивает конституционно защищаемое право частной собственности, гарантированное ст. 35 Конституции Российской Федерации⁴. Возникает правовая коллизия между публичным интересом в обеспечении безопасности дорожного движения, неотвратимости наказания и частным интересом собственника в неприкосновенности его имущества. Данное противоречие порождает на практике

² Там же.

³ Официальные данные судебной статистики // Портал «Судебная статистика. РФ». URL: <https://sudstat.ru> (дата обращения: 30.09.2025).

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.

¹ О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

множество дискуссионных вопросов, касающихся правовых оснований, условий и пределов применения рассматриваемой меры. Так, по нашему мнению, необходимо уделить внимание анализу оценочной формулировки «имеются достаточные основания полагать, что лицо, его совершившее, находится в состоянии опьянения» на предмет ее содержательной определенности и правоприменительной эффективности.

Содержание понятия «достаточные основания» формируется через совокупность фактических данных, позволяющих разумно предположить необходимость вскрытия транспортного средства. Провозглашенная в законе строгость процедуры наталкивается на значительные сложности при ее реализации, что порождает ряд системных проблем. Центральной из них является расплывчатость и субъективность ключевого критерия правомерности — «наличия достаточных оснований полагать», что является во многом оценочной категорией, формируемой через совокупность так называемых «фактических данных».

Соответственно, актуальность указанного выше анализа определяется настоятельной потребностью в выработке научно обоснованного подхода к разрешению указанной коллизии, поиске баланса между эффективностью административного преследования и соблюдением прав личности, а также в унификации правоприменительной практики, которая в настоящее время отличается неоднозначностью.

Вскрытие транспортного средства сотрудниками Госавтоинспекции МВД России для применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении (если есть основания полагать, что водитель находится в состоянии опьянения) — крайняя мера, требующая строгого соблюдения закона.

Ее правовой основой является ст. 15.1 Закона «О полиции», которая закрепляет материально-правовые условия для совершения данного действия. Нормативный анализ указанной статьи позволяет выявить ее системное строение, включающее круг уполномоченных субъектов (сотрудников полиции), непосредственный объект воздействия (транспортное средство), а также исчерпывающий перечень целей, оправдывающих применение данной меры государственного принуждения. Ключевым условием правомерности выступает наличие достаточных оснований полагать, что достижение указанных в законе целей иными способами невозможно.

Основная сложность заключается в отсутствии легальной дефиниции и четких критериев отнесения тех или иных обстоятельств к «достаточным основаниям». Например, является ли таким достаточным основанием категорический отказ водителя выйти из автомобиля, или это пассивное сопротивление, выражающееся в заблокированных дверях и нежелании открыть окно для коммуникации с сотрудником полиции. Дискуссионным остается и вопрос, достаточно ли для применения столь жесткой меры одного лишь требования сотрудника Госавтоинспекции МВД России, основанного на внешних признаках (поведение, запах алкоголя и т. д.), или есть возможность у водителя скрыться с места правонарушения.

В рамках применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренных ст. 27.12 КоАП РФ¹, возникает необходимость правового обоснования вскрытия транспортного средства. Зачастую рассматриваемая нами мера принуждения направлена на возможность применения уже мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении: отстранение от управления транспортным средством и последующее освидетельствование на состояние опьянения в ситуациях, когда у уполномоченного должностного лица имеются достаточные основания полагать, что лицо, совершившее правонарушение, находится в состоянии опьянения.

Такие основания предусмотрены ведомственными нормативными актами, в частности Приказом Минздрава России от 29.04.2025 № 262н. К ним относятся объективные признаки: наличие запаха алкоголя изо рта, неустойчивость позы, шаткость походки, нарушение речи, резкое изменение окраски кожных покровов лица². Наличие одного или нескольких перечисленных признаков следует рассматривать в качестве основания для направления лица, совершившего административное правонарушение, на медицинское освидетельствование на состояние опьянения. При этом составляется протокол в соответствии с ч. 3 ст. 27.12.1 [3]. Одна-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.

² Об утверждении Порядка проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического): приказ Минздрава России от 29.04.2025 № 262н (вступил в силу с 01.09.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.11.2025).

ко в контексте необходимости вскрытия транспортного средства, когда водитель находится внутри салона с закрытыми дверями, непосредственное выявление указанных сенсорных признаков (обонятельных и визуальных) становится невозможным. Это создает правовую коллизию, поскольку формальное отсутствие возможности зафиксировать классические признаки состояния опьянения лишает сотрудника Госавтоинспекции МВД России прямого основания для правомерных действий.

В свою очередь, это оправдывает необходимость субъективного толкования понятия «достаточные основания полагать» при принятии решения о вскрытии транспортного средства. В данной ситуации такими основаниями могут выступать иные факторы, доступные для наблюдения вне салона автомобиля сотруднику полиции. К ним могут относиться поведение водителя, невыполнение требования об остановке транспортного средства, характер движения транспортного средства до его остановки, наличие информации из баз данных МВД России о том, что водитель конкретного транспортного средства уже ранее привлекался к ответственности за управление в состоянии опьянения.

Следовательно, применение принудительной меры в виде вскрытия требует комплексной оценки всей совокупности доступных фактических данных, а не только критериев, применимых исключительно в условиях непосредственного контакта водителя и сотрудника полиции.

Это оправдывает, что в условиях нормативной неопределенности оценка «достаточности» оснований неизбежно становится прерогативой сотрудника полиции, действующего непосредственно на месте выявления правонарушения, зачастую в условиях принятия решения здесь и сейчас (немедленно). Подобная широкая дискреция создает почву для субъективизма и потенциальных злоупотреблений, когда исключительная мера применяется не в качестве крайнего средства, а по умолчанию. Это приводит к нарушению фундаментального принципа subsidiarity, заложенного в ст. 15.1 Закона «О полиции», согласно которому вскрытие транспортного средства допустимо лишь тогда, когда достижение законных целей иными способами невозможно.

Также немаловажно отметить сложность доказывания соблюдения принципа «крайней меры», заключающегося в невозможности достичь целей иными способами, что порождает значительную процессуальную нагрузку для сотрудников полиции. В случае судебного оспаривания действий со-

трудников Госавтоинспекции МВД России именно на них возлагается бремя доказывания того, что все альтернативные меры были исчерпаны или их применение было заведомо неэффективно. При этом возникает обоснованный вопрос о содержании понятия «иные меры». Требуется разрешения и неопределенность относительно того, является ли достаточным комплекс действий, включающий устные требования, убеждение, предложение добровольно открыть дверь транспортного средства, или же необходимой частью процедуры следует считать выжидательную тактику, предоставление времени для самостоятельного выхода водителя, а также рассмотрение возможности применения специальных технических средств, позволяющих осуществить доступ в салон без причинения существенных повреждений автомобиля.

Уже неоднократно указанная нами нормативная неконкретность усугубляется проблемой недостаточной процессуальной фиксации. Зачастую в протоколе и иных материалах дела об административном правонарушении отражается лишь конечный факт неподчинения водителя, в то время как последовательность действий сотрудника, направленных на несилевое разрешение ситуации, детально не документируется. Отсутствие фиксации таких элементов, как хронология и содержание диалога, продолжительность ожидания, разъяснение последствий отказа, лишает суд объективных критериев для оценки соразмерности примененной меры. Это приводит к тому, что рапорт сотрудника полиции как основной документ, обосновывающий правомерность вскрытия, становится уязвимым для критики и не может в полной мере служить доказательством соблюдения принципа subsidiarity, обозначенного нами ранее.

Для минимизации выявленных правовых рисков и в целях формирования единообразной правоприменительной практики необходим комплексный подход, включающий совершенствование нормативного регулирования.

Так, наиболее эффективным способом преодоления правовой неопределенности является детализация ключевых понятий на законодательном или подзаконном уровне. Целесообразно закрепить в нормативном акте (например, в соответствующем ведомственном приказе МВД России) примерный, но не исчерпывающий перечень обстоятельств, которые могут рассматриваться как «достаточные основания».

Такой перечень мог бы включать:

1. Прямой отказ водителя покинуть транспортное средство после неоднократных законных тре-

бований сотрудника полиции, озвученных с разумными временными интервалами.

2. Конкретные и реальные действия водителя, указывающие на намерение скрыться (запуск двигателя, попытка тронуться с места, агрессивные действия, создающие угрозу безопасности и т. д.).

3. Состояние водителя, объективно препятствующее установлению его личности и пресечению правонарушения иными способами (например, потеря сознания, неадекватная реакция, делающая невозможным любой контакт).

Критически важным является одновременное закрепление перечня действий, которые сотрудник обязан предпринять до принятия решения о вскрытии. Это создаст «процедурный фильтр», обеспечивающий соблюдение принципа крайней меры.

Кроме того, такой приказ МВД России должен детализировать и ведомственную инструкцию, регламентирующую порядок действий сотрудников в ситуациях, потенциально ведущих к вскрытию транспортного средства. Нормативно должна быть прописана данная инструкция и последовательность действий: от устного предупреждения и предложения добровольно выполнить требования до фиксации всех этапов взаимодействия с водителем с помощью средств аудио- и видеозаписи. Установить требование к обязательной фиксации в рапорте не только факта отказа, но и всех предпринятых сотрудником мер для его преодоления, а также конкретных обстоятельств, свидетельствующих о невозможности достичь цели иным путем.

Анализ действующего ведомственного регулирования показывает, что п. 33 Приказа МВД России от 02.05.2023 № 264 «Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения» (далее — Приказ № 264)¹ содержит отсылочную норму, предоставляющую сотруднику право на вскрытие транспортного средства, в т. ч. проникновение в него, в случаях, предусмотренных федеральным законом Российской Федерации «О полиции». Однако указанный нормативный правовой акт не детализирует конкретные административные процедуры.

¹ Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 02.05.2023 № 264 (ред. от 18.03.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.11.2025).

В целях минимизации правовых рисков и унификации практики представляется логичным и обоснованным дополнение действующего Приказа № 264 новым пунктом — 33.1. Содержательное наполнение данной нормы должно быть направлено на установление исчерпывающей поэтапной процедуры, указанной нами ранее, обеспечивающей соблюдение публичных и частных интересов.

Предлагаем изложить п. 33.1 с подпунктами в следующей редакции:

33.1. Порядок действий сотрудника при необходимости вскрытия транспортного средства.

Действия сотрудника полиции, связанные с вскрытием транспортного средства, должны осуществляться в строгом соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами.

33.1.1. Обязательными этапами, предшествующими вскрытию, являются:

33.1.1.2. Устное предупреждение лица о намерении применить меру — вскрытие транспортного средства — с помощью светосигнальных громкоговорящих установок, с разъяснением правовых оснований таких действий.

33.1.1.3. Прямое предложение владельцу (водителю, иному лицу, в распоряжении которого находится транспортное средство) добровольно выполнить законное требование.

33.1.1.4. Предоставление лицу разумного времени и возможности для добровольного выполнения требований за исключением случаев, когда промедление создает непосредственную угрозу жизни и здоровью людей либо может привести к утрате доказательств, сокрытию правонарушения.

33.1.1.5. Все без исключения этапы взаимодействия с лицом, включая устное предупреждение, ответную реакцию лица, отказ от добровольного выполнения требований и непосредственно процесс вскрытия, подлежат обязательной непрерывной фиксации с использованием штатных средств аудио- и видеозаписи.

33.1.1.6. В случае невозможности осуществления записи (отказ техники, чрезвычайные обстоятельства) сотрудник обязан сделать соответствующую запись в рапорте.

33.1.1.7. В рапорте о вскрытии транспортного средства подлежат обязательному детальному отражению:

- факт отказа лица от добровольного выполнения законных требований сотрудника;

- исчерпывающий перечень всех предпринятых сотрудником мер для добровольного выполнения требований сотрудника Госавтоинспекции;

- конкретные обстоятельства, свидетельствующие о невозможности достижения цели применения меры обеспечения иным путем, кроме вскрытия;

- сведения о примененных технических средствах фиксации (тип устройства, заводской номер, время начала и окончания записи).

33.1.1.8. При необходимости вскрытия транспортного средства сотрудник обязан отдавать приоритет применению специальных средств и инструментов, минимизирующих материальный ущерб.

33.1.1.9. Использование методов, ведущих к значительным повреждениям транспортного средства (разбитие стекол, выламывание дверей, разрушение замков силовым воздействием), допускается лишь в случаях, когда:

33.1.1.9.1. Применение специальных средств технически невозможно в сложившихся обстоятельствах (отсутствие доступа, особенности конструкции автомобиля).

33.1.1.9.2. Применение специальных средств не привело к достижению цели.

33.1.1.9.3. Промедление, связанное с применением специальных средств, создает непосредственную угрозу жизни и здоровью людей.

В случаях, предусмотренных пунктом 33.1.1.9 настоящей Инструкции, сотрудник в служебных

документах обязан указать причины, по которым применение специальных средств было невозможно или нецелесообразно.

Таким образом, решение проблемы лежит в плоскости системного подхода, сочетающего четкую законодательную регламентацию, детальную ведомственную процедуру. Только такой комплекс мер позволит обеспечить баланс между эффективностью государственного принуждения и незыблемостью прав и законных интересов граждан. В этой связи для минимизации правовых рисков и формирования единообразной практики нами обоснована необходимость совершенствования ведомственного нормативного регулирования. В частности, предложено дополнить действующий Порядок надзора за безопасностью дорожного движения новой нормой, детализирующей исчерпывающий перечень как обстоятельств, которые могут рассматриваться в качестве «достаточных оснований», так и обязательных процедурных действий сотрудника, обеспечивающих приоритет несиловых мер и гарантирующих фиксацию процесса принятия решения. Реализация предложенных мер позволит найти взаимодействие между оперативной необходимостью пресечения правонарушений и недопустимостью несоразмерного ограничения прав собственников транспортных средств, повысив тем самым законность и обоснованность применения одной из мер административного принуждения.

Список источников

1. Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник для вузов. М.: Эксмо, 2022. 608 с.
2. Марцев А. И. Некоторые вопросы методологии уголовно-правовых исследований // Актуальные проблемы теории уголовного права и правоприменительной практики: межвузовский сборник научных трудов. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1997. С. 3–9.
3. Меркулова Д. Е., Бабин С. В. Проблемы квалификации действий лиц, отказывающихся пройти медицинское освидетельствование на состояние опьянения в соответствии со ст. 27.12.1 КоАП РФ // Научные дискуссии талантливой молодежи: мат-лы Всероссийского круглого стола (Иркутск, 24 октября 2024 г.). Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2024. С. 195–198.

References

1. Bahrah D. N. Administrativnoe pravo Rossii: uchebnik dlya vuzov. M.: Eksmo, 2022. 608 s.
2. Marcev A. I. Nekotorye voprosy metodologii ugolovno-pravovyh issledovanij // Aktual'nye problemy teorii ugolovnogo prava i pravoprimeritel'noj praktiki: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. un-ta, 1997. S. 3–9.
3. Merkulova D. E., Babin S. V. Problemy kvalifikacii dejstvij lic, otkazyvayushchihsyaj projti medicinskoje osvidetel'stvovanie na sostoyanie op'yaneniya v sootvetstvii so st. 27.12.1 KoAP RF // Nauchnye diskussii talantlivoj molodezhi: mat-ly Vserossijskogo kruglogo stola (Irkutsk, 24 oktyabrya 2024 g.). Irkutsk: Vostochno-Sibirskij institut MVD Rossii, 2024. S. 195–198.

Статья поступила в редакцию 16.12.2025; одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 16.12.2025; approved after reviewing 09.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 63–68.

Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 63–68.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 351.74

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ КАК СПЕЦИАЛЬНОЙ МЕРЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ: МАТЕРИАЛЬНЫЙ И ПРОЦЕДУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Сергей Вячеславович Кузнецов¹, Александр Николаевич Волков², Антон Михайлович Субботин³

^{1, 2, 3} Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

² wolkow.70@mail.ru

³ sam1981@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы нормативного закрепления применения физической силы, в т. ч. с точки зрения терминологического аппарата полицейского законодательства, который оказывает влияние на процедурные аспекты применения соответствующей меры административного принуждения. Авторы исследуют закрепление и использование термина «боевые приемы борьбы» в нормативных правовых актах МВД России, регламентирующих деятельность сотрудников органов внутренних дел. Обосновывается, что данное определение носит дискуссионный характер, что может вызывать ошибки правоприменения, формируя образ полиции как военизированной силовой структуры. Отмечается недостаточная конкретизация содержательного аспекта применения физической силы для регулирования различных правоохранительных ситуаций (отражение нападения, задержание, массовые беспорядки).

Ключевые слова: полиция, законодательство, административное принуждение, физическая сила, боевые приемы борьбы

Для цитирования: Кузнецов С. В., Волков А. Н., Субботин А. М. Проблемы применения физической силы как специальной меры административного принуждения: материальный и процедурный аспекты // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 63–68.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

PROBLEMS OF THE USE OF PHYSICAL FORCE AS A SPECIAL MEASURE OF ADMINISTRATIVE COERCION: MATERIAL AND PROCEDURAL ASPECTS

Sergey V. Kuznetsov¹, Alexander N. Volkov², Anton M. Subbotin³

^{1, 2, 3} Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

² wolkow.70@mail.ru

³ sam1981@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the problems of normative consolidation of the use of physical force, including from the point of view of the terminological apparatus of police legislation, which affects the procedural aspects of the application of an appropriate measure of administrative coercion. The authors examine the consolidation and use of the term «combat wrestling techniques» in the normative legal acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia regulating the activities of law enforcement officers. It is proved that this definition is controversial, which can cause mistakes in law enforcement, forming the image of the police as a paramilitary security structure. The authors note the ambiguity of the interpretation of this term in various fields of activity (military, sports, cultural and historical), which makes it difficult for its legitimate and justified application in the field of law enforcement. There is insufficient specification of the substantive aspect of the use of physical force to regulate various law enforcement situations (repelling attacks, detention, mass riots).

Keywords: police, legislation, administrative coercion, physical force, combat wrestling techniques

For citation: Kuznetsov S. V., Volkov A. N., Subbotin A. M. Problems of the Use of Physical Force as a Special Measure of Administrative Coercion: Material and Procedural Aspects. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2026;1:63–68 (In Russ.).

© Кузнецов С. В., Волков А. Н., Субботин А. М., 2026

Предназначение правовой науки заключается в поисках и обосновании закономерностей, которые свойственны праву в целом, его отдельным явлениям и процессам, а не случайным, единичным связям [1]. Юристов-исследователей в ряде случаев упрекают в акцентировании внимания на формулировании и уточнении очередных дефиниций. Данную позицию следует разделить, но только частично. Следует признать, что неверность закрепления и использования понятийного аппарата включает в себе существенную угрозу для упорядочивания общественных отношений, что особенно опасно для правоохранительной сферы. В этой связи А. Б. Агапов отмечает: «Любая дефиниция должна устанавливать суть определяемого понятия, отличающую его от сходных терминов и определений» [2, с. 7].

Первостепенное значение понятийный аппарат имеет для должного разрешения доктринальных и дидактических задач. Данный посыл в полной мере относится как к правоведению, так и другим наукам. Качество понятийного аппарата позволяет судить о ясности юридического мышления, что во многом способствует адекватному восприятию правовой действительности. Постигание правовой материи различными категориями обучающихся совершенно невозможно без адекватного понятийного аппарата. К сожалению, государственное принуждение, которое применяется сотрудниками полиции, в ряде ситуаций отождествляется с насилием [3]. Вместе с тем является очевидной ошибкой игнорирование значимости использования выверенных, получивших нормативное правовое опосредование определений, понятий в правоприменительной деятельности. В пользу нашей позиции свидетельствует то, что несовершенство нормативного правового закрепления определений в ряде случаев приводит к необоснованному привлечению к юридической ответственности сотрудников полиции.

Обращение к действующему российскому законодательству позволяет заключить, что наиболее широкими полномочиями по применению мер государственного принуждения наделены сотрудники полиции. Не случайно одной из очевидных новелл федерального закона Российской Федерации «О полиции»¹ является содержание главы 4. В ней получили нормативное правовое опосредование такие меры государственного принуждения, как задержание, проникновение в жилые и иные

помещения, на земельные участки и территории, вскрытие транспортного средства, оцепление (блокирование) территорий, жилых помещений, строений и других объектов, а также формирование и ведение банков данных о гражданах. В то же время можно говорить об определенной преемственности с Законом Российской Федерации «О милиции»², о чем свидетельствует закрепление мер специального административного пресечения (физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия) [4].

Среди мер специального административного пресечения наиболее широкое применение получила физическая сила. Такое положение вполне закономерно. Специфика обеспечения общественного порядка и безопасности требует оказания сотрудниками полиции оперативного физического противодействия противоправному поведению соответствующих субъектов. В этой связи принципиально важное значение имеет верное восприятие как правоприменителями, так и субъектами контрольно-надзорной деятельности термина «физическая сила». Закономерным является обращение повышенного внимания со стороны экспертного сообщества к рассмотрению вопросов сущности понятий «физическая сила» и связанного с ней «боевые приемы борьбы» [5, 6]. Дело в том, что в ч. 1 ст. 20 федерального закона Российской Федерации «О полиции» сотрудник полиции наделяется правами по применению физической силы, «в том числе боевых приемов борьбы». В этой связи можно констатировать, что законодатель рассматривает «боевые приемы борьбы» в качестве разновидности «физической силы».

При этом следует соблюсти условие, что не представляется возможным несиловыми способами выполнить возложенные на полицию обязанности. В этой связи следует присоединиться к позиции Ю. П. Соловья: «Отсюда следует, что, прежде чем применять физическую силу, сотрудник полиции должен убедиться в отсутствии или несостоятельности доступных ему "мирных" способов достижения законных целей» [7, с. 5].

Определение понятия «физическая сила» и ранее было встроено в правовой тезаурус правоохранительной деятельности, о чем свидетельствуют положения Закона РСФСР «О милиции». Следует

¹ О полиции: федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

² О милиции: Закон Российской Федерации от 18.04.1991 № 1026-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16, ст. 503.

признать, что в законодательстве ряда государств СНГ используются аналогичные подходы¹.

Определенную остроту указанному вопросу придает вступление в силу нового нормативного правового акта, регламентирующего организацию физической подготовки в органах внутренних дел, — приказа МВД России от 2 февраля 2024 г. «Об утверждении Порядка подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации»² (далее — Порядок). Данное обстоятельство в значительной степени актуализировало дискуссию о сущности определения понятия «боевые приемы борьбы».

Из номенклатуры «боевых приемов борьбы» были исключены и приобрели статус тактических действий приемы наружного досмотра, сковывания специальными и подручными средствами ограничения подвижности, действия с палкой специальной и автоматом. В статье 20 Федерального закона Российской Федерации «О полиции» определено: «Сотрудник полиции имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы...». В связи с этим возникает проблема правовой регламентации применения сотрудниками полиции «тактических действий», а также более широкая терминологическая проблема в сфере правового регулирования применения сотрудниками полиции физической силы.

Так, А. В. Горелик и А. А. Евтушенко считают, что «составители первого Наставления по физической подготовке для сотрудников ОВД допустили ошибку, включив в раздел "Боевые приемы борьбы НФП-96" не только удары и защиту от ударов, болевые приемы, удушающие приемы, броски, освобождения от захватов и обхватов, пресечение действий вооруженного преступника, способы помощи, способы наружного осмотра, связывания, но и способы надевания наручников, действия с использованием средств индивидуальной защиты и активной обороны, приемы рукопашного боя с автоматом» [6]. По мнению указанных авторов, именно данная нормативная неточность стала предпосылкой к возникновению не разрешенного

¹ Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 17.06.2007 № 263-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»: Беларусь.

² Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 02.02.2024 № 44 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.09.2025).

до сих пор конфликта соотношения формы и содержания боевых приемов борьбы в действующем в тот период Наставлении по организации физической подготовки для сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации³. Таким образом, с их позиции, решение авторов Порядка отнести эти действия (наружный досмотр и др.) к новому классу тактических действий эту ошибку устраняет.

Следует категорически не согласиться с указанной позицией. Здесь отсутствует какая-либо ошибка. Проблема возникает в силу размытости десигната (конкретного значения) термина «боевые приемы борьбы», обусловленного широтой его денотата (класса, группы объектов, которые подпадают под данное понятие).

Союз «в том числе» означает «включающий» или «среди прочих». Данная конструкция обычно используется для выделения конкретных примеров или компонентов, которые являются частью более широкой категории или набора. Например, в предложении типа: «Он любит разные виды спорта, в том числе футбол и теннис» подчеркивается, что футбол и теннис являются частью более широкого понятия «виды спорта».

Таким образом, следует признать, что применение «боевых приемов борьбы» является одной из форм применения «физической силы». Однако в ст. 121.2 Порядка понятие «боевые приемы борьбы» вводится в скобках после понятия «специальные физические упражнения». В соответствии с построением предложения в русском языке такая синтаксическая конструкция, кроме прочего, означает альтернативный или эквивалентный вариант понятия. Значит ли это, что фразы «применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы» и «применять физическую силу, в том числе специальные физические упражнения» эквивалентны?

В теории и методике физического воспитания термин «упражнение» имеет двойственную семантику. С одной стороны, он обозначает определенные виды двигательных действий, сформировавшихся в качестве средств физического совершенствования. С другой стороны, данный термин подразумевает процесс многократного повторения этих действий в соответствии с методическими принципами физического воспитания. Эти два значения взаимосвязаны и частично пересекаются.

³ Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 01.07.2017 № 450 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.09.2025).

Однако в первом случае речь идет о средствах воздействия на физическое состояние индивида в рамках физического воспитания, тогда как во втором — о методах реализации этого воздействия. Для разграничения значений принято использовать уточнения: «физическое упражнение» и «метод упражнения» соответственно.

Не любое двигательное действие может быть отнесено к категории физических упражнений, например, обычная ходьба или бег в быту не являются физическими упражнениями, даже если они способствуют физическому развитию; бег трусцой ради удовольствия не является физическим упражнением, в отличие от бега на тренировке по специальной методике. Отсюда следует, что только те действия, которые направлены на решение задач физического воспитания и подчиняются его закономерностям, специально организованы в рамках педагогического процесса физического воспитания, составляют физические упражнения.

Приемы борьбы могут употребляться в значении «физические упражнения» только в образовательном процессе (например, в школе), где они являются частью программ физического воспитания учащихся, или же в служебно-прикладных видах спорта, где отработка бросков, захватов, болевых и удушающих приемов — неотъемлемая часть тренировочного процесса борцов. В оперативно-служебной деятельности сотрудников полиции, где приемы борьбы используются в качестве специфических навыков и техник для достижения целей физического принуждения граждан к выполнению законных требований сотрудников полиции, они как физические упражнения не рассматриваются. В этом контексте боевые приемы борьбы являются частью профессиональной подготовки и деятельности, а не упражнениями для общего физического развития. Понимать же боевые приемы борьбы в значении физических упражнений уместно только в период обучения и совершенствования их в образовательных организациях МВД России.

В процессе обучения боевым приемам борьбы эквивалентным понятию «специальные физические упражнения» выступает понятие «средства обучения боевым приемам борьбы». Поэтому понимание боевых приемов борьбы как специальных физических упражнений не релевантно задачам физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации.

Размытость значения термина «боевые приемы борьбы» обусловлена широтой его употребления в различных областях, таких как военной, спортивной и культурно-исторической.

В вооруженных силах «боевые приемы борьбы» представляют собой высокоэффективные, зачастую травматичные приемы рукопашного боя, предназначенные для уничтожения противника. Они включают в себя болевые воздействия, удушения, броски и т. д. Такие приемы направлены на причинение максимального вреда противнику.

В служебно-прикладных видах спорта приемы рукопашного боя и борьбы применяются в соответствии с правилами соревнований для достижения победы над соперником, а не для нанесения ему серьезных травм. Здесь акцент делается на технике, скорости и тактике.

В традиционных боевых искусствах и культурных практиках «боевые приемы» могут использоваться для демонстрации мастерства, самовыражения и передачи культурных традиций. Они не обязательно предназначены для реального применения в качестве оружия.

При использовании понятия «боевые приемы борьбы» в сфере правоохранительной деятельности возникает проблема неоднозначности его трактовки. В какой мере боевые приемы борьбы должны быть такими же эффективными, но потенциально травматичными, как и приемы, предназначенные для применения в условиях боевых действий, или же речь идет об ограниченном и дозированном применении силы, как в спортивных единоборствах? Также необходимо понять, в каком технико-тактическом аспекте боевые приемы борьбы могут быть заимствованы из многочисленных боевых искусств.

Другой аспект проблемы использования термина «боевые приемы борьбы» в правоохранительной деятельности заключается не только в избыточности его трактовки, но и недостаточности конкретики для регулирования способов применения сотрудниками полиции силы. Характер применяемых ими приемов, к примеру, в ситуациях отражения нападения, задержания подозреваемого или же в ситуациях пресечения массовых беспорядков существенно отличается друг от друга. Поэтому А. В. Горелик и А. А. Евтушенко [6] не дают объективную оценку существующей проблеме. Очевидно не только то, что приемы наружного досмотра, сковывания специальными и подручными средствами, действия с палкой специальной и автоматом существенно отличаются от приемов ведения борьбы и якобы ошибочно объединены в один класс, но и то, что этот класс действий ошибочно называется термином «боевые приемы борьбы».

Использование термина «боевые приемы борьбы» может вызывать у граждан ощущение, что

правоохранительные органы действуют как военизированная сила, а не как органы, призванные защищать права и свободы граждан. В этой связи у них может сформироваться образ полиции как силовой структуры, нацеленной на подавление, а не на сотрудничество с населением. Словосочетание «боевые приемы борьбы» фактически ассоциируется с применением грубой физической силы, травматичными приемами, направленными на причинение вреда противнику. Граждане могут воспринимать это как свидетельство того, что полиция готова прибегать к чрезмерно жестким методам воздействия, даже когда ситуация этого не требует. А также «боевые приемы борьбы» ассоциируются у граждан с наделением сотрудников полиции чрезмерными полномочиями по применению силы, с неконтролируемым насилием, что позволяет использовать указанные методы не по назначению [8].

Таким образом, отсутствие четкого определения понятия «боевые приемы борьбы» создает почву для многочисленных интерпретаций, непонимания критериев соразмерности применения силы полицией и обстоятельств правонарушения, характера и степени опасности оказываемого сопротивления; не способствует формированию более позитивного образа полиции и снижению негативных ассоциаций граждан. Очевидно, что проблема значительно сложнее и глубже и не ограничивается исключительно рамками формирования адекватного понятийного аппарата. Она

приводит к неверной оценке правоприменительной практики сотрудников полиции, связанной с применением физической силы и, как результат, незаконному привлечению вышеуказанных должностных лиц к юридической ответственности. В этой связи указанные субъекты в ряде ситуаций отказываются применять физическую силу из-за опасений быть наказанными, что в конечном итоге негативно сказывается на результатах служебной деятельности.

Для нормализации существующей ситуации представляется необходимым заменить в нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность сотрудников органов внутренних дел, термины «физическая сила» и «боевые приемы борьбы» на более нейтральный термин, который разрешит проблему названия класса действий, связанных с применением полицией мер государственно-принудительного воздействия. В качестве такого, на наш взгляд, можно использовать термин «приемы физического воздействия, предусмотренные нормативными актами, регламентирующими применение силы сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации». Его легальное закрепление в действующем полицейском законодательстве как на законодательном, так и подзаконном уровнях нормативного правового регулирования позволит преодолеть существующую неопределенность у правоприменителей при реализации сотрудниками полиции рассматриваемого метода административного пресечения.

Список источников

1. Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практ. конф-ции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 г.): в 2 т. / под общ. ред. В. А. Толстика. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013.
2. Агапов А. Б. Традиционализм и прагматизм в административно-правовой науке // Административное право и процесс. 2024. № 6. С. 7–10.
3. Карabanова Е. Н. Квалификация незаконного применения насилия сотрудниками полиции // Законность. 2020. № 11. С. 48–52.
4. Макарейко Н. В. Преимущество правового закрепления мер пресечения, применяемых полицией // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6. Ч. 3. С. 90–94.
5. Багуцкий Н. В. К вопросу об определении понятий физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, применяемых сотрудниками полиции // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 5 (61). Ч. 3. С. 34–38.
6. Горелик А. В., Евтушенко А. А. Эволюция боевых приемов борьбы в органах внутренних дел Российской Федерации (правоприменительные и организационно-тактические аспекты). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-boevykh-priemov-borby-v-organah-vnutrennih-del-rf-pravoprimeritelnye-i-organizatsionno-takticheskie-aspekty> (дата обращения: 20.09.2025).
7. Соловей Ю. П. Правовое регулирование применения сотрудниками полиции физической силы // Административное право и процесс. 2012. № 7. С. 2–9.
8. Макарейко Н. В. Государственное принуждение и насилие: проблема соотношения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 305–307.

References

1. Gosudarstvenno-pravovye zakonomernosti: teoriya, praktika, tekhnika: sbornik statej po mat-lam Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii (g. N. Novgorod, 23–24 maya 2013 g.): v 2 t. / pod obshch. red. V. A. Tolstika. N. Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2013.
2. Agapov A. B. Tradicionalizm i pragmatizm v administrativno-pravovoj nauke // Administrativnoe pravo i process. 2024. № 6. S. 7–10.
3. Karabanova E. N. Kvalifikaciya nezakonno go primeneniya nasiliya sotrudnikami policii // Zakonnost'. 2020. № 11. S. 48–52.
4. Makarejko N. V. Preemstvennost' pravovogo zakrepleniya mer presecheniya, primenyaemyh policiej // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2011. № 6. Ch. 3. S. 90–94.
5. Baguckij N. V. K voprosu ob opredelenii ponyatij fizicheskoy sily, special'nyh sredstv i ognestrel'nogo oruzhiya, primenyaemyh sotrudnikami policii // Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire. 2020. № 5 (61). Ch. 3. S. 34–38.
6. Gorelik A. V., Evtushenko A. A. Evolyuciya boevyh priemov bor'by v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii (pravoprimenitel'nye i organizacionno-takticheskie aspekty). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-boevyh-priemov-borby-v-organah-vnutrennih-del-rf-pravoprimenitelnye-i-organizatsionno-takticheskie-aspekty> (data obrashcheniya: 20.09.2025).
7. Solovej Yu. P. Pravovoe regulirovanie primeneniya sotrudnikami policii fizicheskoy sily // Administrativnoe pravo i process. 2012. № 7. S. 2–9.
8. Makarejko N. V. Gosudarstvennoe prinuzhdenie i nasilie: problema sootnosheniya // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2014. № 3 (27). S. 305–307.

Информация об авторах

- С. В. Кузнецов* — кандидат психологических наук, доцент.
А. Н. Волков — кандидат педагогических наук.
А. М. Субботин — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

- S. V. Kuznetsov* — Candidate of Science (Psychological), Associate Professor.
A. N. Volkov — Candidate of Science (Pedagogical).
A. M. Subbotin — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 07.10.2025; одобрена после рецензирования 03.12.2025; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 07.10.2025; approved after reviewing 03.12.2025; accepted for publication 10.03.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 69–75.

Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 69–75.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.951:351.74

ВНУТРИВЕДОМСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СФЕРЕ МИГРАЦИОННОГО КОНТРОЛЯ: РОЛЬ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ

Андрей Максимович Павлюченко

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, a_pavlyuchenko1997@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется деятельность участкового уполномоченного полиции при реализации контрольно-надзорных функций в сфере миграции. Рассматриваются новеллы миграционного законодательства и их влияние на выполнение служебных обязанностей участковым уполномоченным полиции на закрепленном административном участке. В настоящем исследовании детальному анализу подвергается алгоритм действий участковых уполномоченных полиции по профилактике правонарушений в миграционной сфере. В статье рассматривается порядок взаимодействия подразделений участковых уполномоченных полиции и по вопросам миграции. Выявлены правовые коллизии, которые снижают эффективность деятельности правоприменителей по рассматриваемому направлению деятельности. Формулируются авторские предложения, направленные на совершенствование нормативно-правового регулирования и оптимизацию деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции в сфере миграции.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, контрольно-надзорные функции в сфере миграции, иностранный гражданин

Для цитирования: Павлюченко А. М. Внутриведомственное взаимодействие в сфере миграционного контроля: роль участкового уполномоченного полиции // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 69–75.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

INTERDEPARTMENTAL COOPERATION IN THE FIELD OF MIGRATION CONTROL: THE ROLE OF THE DISTRICT POLICE OFFICER

Andrey M. Pavlyuchenko

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, a_pavlyuchenko1997@mail.ru

Abstract. The article analyzes the activities of the district police commissioner for the implementation of control and supervisory functions in the field of migration. The novelties of the migration legislation and their impact on the performance of official duties by the district police officer at the assigned administrative site are considered. In this study, a detailed analysis is made of the algorithm of actions of district police officers to prevent offenses in the migration sphere. This article discusses the procedure for interaction between the district police officers and migration units. In this study, legal conflicts were identified that reduce the effectiveness of law enforcement agencies in this area of activity. Author's proposals are formulated and aimed at improving regulatory and legal regulation, optimizing the organization of activities of units of district police officers in the field of migration.

Keywords: district police officer, control and supervisory functions in the field of migration, foreign citizen

For citation: Pavlyuchenko A. M. Interdepartmental Cooperation in the Field of Migration Control: the Role of the District Police Officer. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2026;1:69–75 (In Russ.).

© Павлюченко А. М., 2026

Сегодня вопросы миграции активно обсуждаются как органами публичной власти, так и среди населения нашей страны. Необходимо признать факт напряженной оперативной обстановки в сфере миграции в России. Это обусловлено рядом ключевых проблем, а именно большим объемом каналов нелегальной миграции, проблемами с социальной интеграцией мигрантов в российское общество и, как следствие, ростом правонарушений, совершаемых с участием иностранных граждан. Так, за первое полугодие 2025 г. количество составленных протоколов по фактам нарушений в сфере миграции, допущенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, возросло на 22 % (до 481 753) [1]. На расширенном заседании коллегии МВД России Президент Российской Федерации обратил внимание на то, что необходимо пресекать нелегальные каналы миграции, а также внедрять в деятельность современные инструменты миграционного контроля [2].

Утвержденная Концепция миграционной политики России (далее — Концепция) на период до 2030 г.¹ определила ряд основных направлений деятельности властных органов в сфере миграции. Одним из ключевых мероприятий по профилактике правонарушений миграционного законодательства является совершенствование правовой основы противодействия незаконной миграции, в т. ч. регулирование ответственности за нарушение миграционного законодательства. В целях реализации положений рассматриваемого стратегического документа деятельность органов государственной власти претерпевает значительные изменения на протяжении нескольких лет.

В Российской Федерации основным органом государственной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, а также нормативно-правовому регулированию в сфере миграции, является МВД России. Головным подразделением в структуре министерства в сфере миграции является Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан, образованная в апреле 2025 г. (далее — Миграционная служба МВД России)². Помимо создания новой Миграционной службы МВД Рос-

¹ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О совершенствовании государственного управления в сфере миграции [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2025 № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сии, в 2025 г. был введен режим высылки, а также создан реестр контролируемых лиц. Озвученные изменения направлены на оптимизацию деятельности в миграционной сфере и призваны обеспечить более строгий контроль за лицами, нарушающими миграционное законодательство.

Учитывая специфику нарушений, которые совершаются иностранными гражданами, очевидным является тот факт, что территориальные органы по вопросам миграции являются не единственными, выполняющими функции в данной сфере. В этой связи возникает необходимость взаимодействия с другими подразделениями органов внутренних дел.

На сегодняшний день наблюдается наиболее тесное взаимодействие между Миграционной службой и подразделениями участковых уполномоченных полиции (далее — УУП) территориальных органов МВД России. Вместе с тем отдельных нормативных актов, регулирующих вопросы такого внутриведомственного взаимодействия, нет. Как правило, взаимодействие происходит в формате запросов подразделения по вопросам миграции в службу УУП с требованиями о проверке иностранных граждан по месту их пребывания (проживания) либо же в рамках оперативно-профилактических операций. Вместе с тем, как справедливо отмечает У. С. Семенова, конкретные полномочия по осуществлению деятельности по пресечению правонарушений в сфере миграции на УУП не возложены [3].

В рамках реализации такой формы несения службы, как профилактический обход административного участка, УУП уделяет особое внимание информации об иностранных гражданах, проживающих на административном участке. На сегодняшний день УУП — практически единственный представитель власти на территории, который имеет возможность оперативно владеть данными о миграционной ситуации на закрепленном административном участке. Абсолютно верно отметил А. Э. Ваганов, что фактический объем функциональных обязанностей и оперативный потенциал службы участковых уполномоченных полиции существенно превосходят нормативно декларируемые параметры [4]. В то же время подразделения по вопросам миграции демонстрируют ограниченную автономию в части самостоятельного выявления правонарушений в пределах закрепленных за ними территорий. В рамках осуществления служебных обязанностей УУП посещает учреждения, жилые дома и организации, где трудятся или проживают иностранные граждане, выявляет наруше-

ния и документирует их в соответствии с уголовным или административным законодательством.

Несмотря на вышеизложенное, в прикладной деятельности УУП имеется ряд проблем, одной из которых является отсутствие информации об иностранных гражданах, вставших на миграционный учет и проживающих на закрепленном административном участке. Подобные сведения, как правило, поступают в подразделение УУП только в рамках профилактических мероприятий. Таким образом, последний не имеет возможности оперативно осуществлять контрольные мероприятия в сфере миграции на своем административном участке.

С момента введения реестра контролируемых лиц и применения к иностранным гражданам режима высылки обозначенная в предыдущем абзаце проблема приобретает ряд особенностей. Во-первых, у сотрудников подразделений по вопросам миграции отсутствует обязанность уведомления подразделений УУП о внесении в реестр иностранного гражданина, в связи с чем у УУП отсутствует возможность оперативно узнавать о проживающем иностранце на обслуживаемой территории, что не позволяет своевременно контролировать применяемые к нему ограничения. Во-вторых, у УУП отсутствует доступ к сервисам обеспечения деятельности подразделений по вопросам миграции, используя которые возможно оперативно получить информацию и осуществлять контрольно-надзорные мероприятия. Таким образом, перечисленные факторы негативно влияют на выполнение участковым уполномоченным полиции обязанностей по профилактике правонарушений в миграционной сфере.

Рассматривая факторы, отрицательно влияющие на осуществление контроля за иностранными гражданами со стороны УУП, следует обратиться к статистической информации. По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, подразделениями участковых уполномоченных полиции за 9 месяцев 2025 г. пресечено более 207 тыс. административных правонарушений¹, ответственность за которые предусмотрена главой 18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) (правонарушения совершены как иностранными гражданами, так и юридическими лицами). В сравнении с показателями пресеченных правонарушений миграционной службой МВД России по аналогичной главе КоАП РФ (961 042) результат

¹ Статистическая форма «1-АП». По данным ЦСИ ГИАЦ МВД России.

является вполне закономерным. Однако количество составленных протоколов об административных правонарушениях службой УУП значительно ниже числа выявленных административных правонарушений. Обусловлено это в первую очередь тем, что документирование административных правонарушений в сфере миграции имеет свою специфику и отличается сложностью. Ю. В. Растяпин отметил, что эффективность деятельности участкового уполномоченного полиции по противодействию правонарушениям в сфере миграции обусловлена комплексом субъективно-личностных и профессиональных факторов, одним из которых выступает знание миграционного законодательства, регулирующего правовой статус иностранных граждан [5]. Анализируя составы административных правонарушений, совершаемых иностранными гражданами, можно сделать вывод, что нормы, устанавливающие ответственность, носят бланкетный характер и обязывают должностных лиц детально знать и ориентироваться в миграционном законодательстве, которое представляет собой большой массив нормативных правовых актов различного уровня (федеральный, региональный и ведомственный).

В качестве подтверждения вышеуказанного тезиса было проведено интервьюирование сотрудников подразделений УУП, осуществляющих свою деятельность на территории г. Барнаула. В рамках опроса удалось установить, что при осуществлении контрольных мероприятий УУП ограничиваются лишь выявлением рассматриваемой группы административных правонарушений. В дальнейшем осуществляется лишь физическое сопровождение дела об административном правонарушении, под которым следует понимать выполнение таких действий, как сбор и фиксация доказательств, доставление, задержание, личный досмотр иностранных граждан и др. Вместе с тем такие процессуальные действия, как составление протокола об административном правонарушении, направление запроса и проведение документарных проверок работодателей иностранных граждан, помещение иностранцев в специализированные центры, привлечение переводчика и др., осуществляются исключительно должностными лицами Миграционной службы МВД России.

Анализируя административно-правовой статус УУП в контексте выполнения им задач по обслуживанию закрепленного административного участка, можно сделать вывод, что он является самостоятельным и практически независимым должностным лицом полиции. Как верно отме-

чают отдельные авторы, деятельность службы участковых уполномоченных полиции обладает высокой практической значимостью, обусловленной широкой компетенцией, которая интегрирует в себе комплекс взаимосвязанных прав, обязанностей и функциональных задач [6]. Однако отсутствие самостоятельности при документировании правонарушений, совершаемых иностранными гражданами, не всегда верное толкование административно-правовых норм в сфере миграции, и иные факторы могут привести к нарушению прав и свобод иностранных граждан. С одной стороны, УУП действительно выполняют огромный объем работы по различным направлениям полицейской деятельности, и перегружать их обязанностями по документированию правонарушений в сфере миграции нецелесообразно. В противовес этому следует выделить некоторые причины, обуславливающие необходимость УУП более детально ориентироваться в миграционной сфере:

- во-первых, Миграционная служба МВД России имеет отличный от подразделения УУП график несения службы. Отсутствие возможности оперативно получить «консультацию» сотрудников подразделения по вопросам миграции может повлечь нарушение сроков задержания иностранного гражданина, непредоставление переводчика и другие нарушения прав;

- во-вторых, отсутствие подразделений миграционной службы в каждом территориальном органе МВД России на районном уровне, что вынуждает УУП расходовать временной ресурс на доставку иностранных граждан к должностным лицам миграционной службы;

- в-третьих, участковые уполномоченные полиции в сельской местности в целом ограничены в возможности передать иностранного гражданина с имеющимися материалами дела в подразделение по вопросам миграции.

Приведенные причины существенно влияют на результативность контрольно-надзорных мероприятий в сфере миграции, реализуемых участковым уполномоченным полиции на закрепленном административном участке. В качестве повышения эффективности деятельности УУП по рассматриваемому направлению деятельности необходимо проведение организационных мероприятий, ориентированных на повышение уровня правовых знаний, а также оптимизацию алгоритма действий УУП при выявлении правонарушений в миграционной сфере. Кроме того, действенным является способ, направленный на создание и распространение образцов фабул протоколов по наиболее рас-

пространственным составам административных правонарушений (ст. 18.8, 18.9, 18.10, 18.15 КоАП РФ и др.), а также выдержек из нормативных правовых актов, содержащих наиболее распространенные нарушения закона со стороны иностранцев.

Говоря о качестве внутриведомственного взаимодействия между двумя рассматриваемыми структурными подразделениями МВД России, следует отметить, что отсутствие детально проработанных и закреплённых в нормативных правовых актах форм взаимодействия влечет за собой низкую эффективность деятельности по противодействию нарушениям миграционного законодательства. Одним из основных направлений реализации миграционной политики является оптимизация информационного обмена между государственными органами о передвижении иностранных граждан по территории России¹. До ликвидации Федеральной миграционной службы² (далее — ФМС) в совместных приказах был определен порядок взаимодействия между ФМС и МВД России. В частности, в п. 34 Административного регламента³ было закреплено, что контроль за соблюдением иностранными гражданами миграционного законодательства в части правил въезда и режима пребывания (проживания) на территории Российской Федерации в жилом секторе осуществляется участковыми уполномоченными полиции. Данная деятельность реализуется в процессе профилактического обхода административных участков как в самостоятельной форме, так и в рамках межведомственного взаимодействия с сотрудниками ФМС России. Нельзя не согласиться с мнениями И. М. Зраевой, М. Г. Зениной, которые в своем ис-

¹ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 156. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении Административного регламента по исполнению Федеральной миграционной службой, ее территориальными органами и органами внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) за пребыванием и проживанием иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации и трудовой деятельностью иностранных работников [Электронный ресурс]: приказ ФМС России № 367, МВД России № 807 от 31.07.2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (документ утратил силу).

следовании отметили, что значительная часть сотрудников подразделений УУП и Миграционной службы МВД России демонстрирует недостаточный уровень знаний нормативно-правовой базы, регламентирующей порядок межведомственного взаимодействия в сфере миграционного контроля [7]. На сегодняшний день в нормативных документах¹ отсутствуют подобные формулировки, что негативно отражается на внутриведомственном взаимодействии между подразделениями УУП и Миграционной службой МВД России.

Отдельно следует остановиться на полномочиях УУП в сфере трудовой миграции. В Концепции отмечено, что в целях повышения эффективности миграционного контроля необходимо принятие дополнительных мер, направленных на повышение ответственности работодателей. В этой связи особую актуальность приобретает применение средств административного воздействия со стороны контрольно-надзорных органов. На закрепленном административном участке УУП не только обеспечивает охрану общественного порядка в жилом секторе, но и контролирует соблюдение законодательства юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Проверка помещений и территории, принадлежащих юридическим лицам, имеющим в качестве работников иностранных граждан, является важной задачей УУП. В соответствии с п. 5.5–5.7 Административного регламента² должностные лица МВД России при осуществлении миграционного контроля имеют право:

- выносить предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований;
- выдавать предписания об устранении выявленных нарушений обязательных требований;
- выносить представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения.

Перечисленные предупредительные меры широко используются подразделениями УУП. По данным ГИАЦ МВД России, за шесть месяцев 2025 г. УУП вынесено 18 210 представлений об устранении причин и условий³, способствовавших совершению административных правонаруше-

¹ Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 28.06.2022 № 468. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ Статистическая форма «039-Профилактика КП». По данным ЦСИ ГИАЦ МВД России.

ний. Однако приведенные меры противодействия правонарушениям не реализуются при осуществлении контроля в сфере миграции подразделениями УУП. Эффективность противодействия незаконному привлечению иностранной рабочей силы обеспечивается комплексом мер. Помимо регулярных проверок работодателей, существенную роль играют меры административного предупреждения, направленные на устранение криминогенных факторов. Неисполнение данных предписаний предполагает для субъектов предпринимательства не только административную ответственность по ст. 17.7 КоАП РФ, но и риски приостановления деятельности, что оказывает непосредственное негативное воздействие на их экономическую устойчивость.

Проведенный анализ проблем взаимодействия участковых уполномоченных полиции с Миграционной службой МВД России выявил несовершенство его нормативно-правового регулирования, выражающееся в неполноте соответствующих правовых норм. Помимо этого, динамичность развития миграционного законодательства обуславливает необходимость постоянной профессиональной актуализации знаний сотрудников, которые должны обладать не только теоретической подготовкой, но и практическими компетенциями в сфере контроля за соблюдением правил регистрационного учета.

Резюмируя, можно отметить, что участковые уполномоченные полиции играют важную роль в противодействии правонарушениям в сфере миграции. При этом успешное выполнение контрольно-надзорных мероприятий в миграционной сфере зависит в том числе от объема оперативно значимой информации об иностранных гражданах, проживающих на закрепленном административном участке. В связи с этим предлагаем следующее:

Во-первых, дополнить п. 10 Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полицией служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке, утвержденной приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полицией на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (далее — Инструкция)⁴, п. 10.6, изложив его в следующей редакции: «Федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции».

⁴ О несении службы участковым уполномоченным полицией на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29.03.2019 № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Во-вторых, расширить раздел шестой Инструкции «Участие участкового уполномоченного полиции в иных мероприятиях по профилактике правонарушений», закрепив основания проведения профилактических мероприятий в отношении иностранных граждан, которые внесены в реестр контролируемых лиц и к которым применяется режим высылки. При этом обязательно дополнить соответствующие разделы Инструкции тем, что подобная информация должна поступать в подразделение УУП из подразделений по вопросам миграции в установленные сроки.

В-третьих, обеспечить участковым уполномоченным полиции возможность доступа к сервисам обеспечения деятельности подразделений по вопросам миграции. Данное предложение со-

ответствует положениям Концепции миграционной политики, в которой в качестве основных направлений реализации миграционной политики определено «расширение практики использования цифровых технологий в сфере миграции, в том числе для профилирования данных об иностранных гражданах».

На первый взгляд, предложенные изменения увеличат и без того большую нагрузку на подразделения УУП, однако на сегодняшний день они и так уже выполняют профилактические мероприятия в сфере миграции. Данные предложения помогут оптимизировать работу рассматриваемого подразделения по выполнению контрольно-надзорных функций в сфере миграции на закрепленном административном участке.

Список источников

1. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь — июнь 2025 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/68790619/>.
2. Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76408>.
3. Семенова У. С. Роль участкового уполномоченного полиции в сфере миграционного контроля: проблемы и предложения по совершенствованию // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты: сборник научных статей XVII Международной научной конференции обучающихся образовательных организаций высшего образования, проводимой в рамках IV Санкт-Петербургского международного молодежного научного форума «Северная Пальмира: территория возможностей» (Санкт-Петербург, 30 мая 2024 г.). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 373–378.
4. Ваганов А. Э. К вопросу об оценке эффективности взаимодействия подразделений участковых уполномоченных полиции с подразделениями ОВД по вопросам миграции // Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств — участников СНГ: мат-лы Международной научно-практ. конф-ции (Санкт-Петербург, 19 октября 2019 г.) / под ред. С. С. Лампадовой; сост.: С. С. Лампадова, Т. А. Сахарова, А. А. Беженцев, О. С. Габова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. С. 19–24.
5. Растяпин Ю. В. Участие участкового уполномоченного полиции в предупреждении преступлений и правонарушений в сфере миграции // Криминологический журнал. 2023. № 4. С. 135–137.
6. Организация деятельности участкового уполномоченного полиции: учебно-методическое пособие / А. Г. Бачурин, Я. Е. Верхоглядов, А. А. Гайдуков [и др.]. Барнаул: БЮИ МВД России, 2021. 204 с.
7. Зраева И. М., Зенина М. Г. Актуальные вопросы взаимодействия участковых уполномоченных полиции и сотрудников подразделений по вопросам миграции при осуществлении контроля за соблюдением иностранными гражданами миграционного законодательства // Вестник образовательного консорциума «Среднерусский университет». Серия: Юриспруденция. 2022. № 20. С. 41–42.

References

1. Analiticheskaya spravka o rezul'tatah deyatel'nosti podrazdelenij po voprosam migracii territorial'nyh organov MVD Rossii za yanvar' — iyun' 2025 g. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/68790619/>.
2. Rasshirenoe zasedanie kollegii MVD Rossii. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76408>.
3. Semenova U. S. Rol' uchastkovogo upolnomochennogo policii v sfere migracionnogo kontrolya: problemy i predlozheniya po sovershenstvovaniyu // Bezopasnost' lichnosti, obshchestva i gosudarstva: teoretiko-pravovye aspekty: sbornik nauchnyh statej XVII Mezhdunarodnoj nauchnoj konf-cii obuchayushchihsya obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovaniya, provodimoj v ramkah IV Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo

molodezhnogo nauchnogo foruma «Severnaya Pal'mira: territoriya vozmozhnostej» (Sankt-Peterburg, 30 maya 2024 g.). SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2024. S. 373–378.

4. Vaganov A. E. K voprosu ob ocenke effektivnosti vzaimodejstviya podrazdelenij uchastkovyh upolnomochennyh policii s podrazdeleniyami OVD po voprosam migracii // Aktual'nye problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya migracionnyh processov na territorii gosudarstv — uchastnikov SNG: mat-ly Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii (Sankt-Peterburg, 19 oktyabrya 2019 g.) / pod red. S. S. Lampadovoj; sost.: S. S. Lampadova, T. A. Saharova, A. A. Bezhencev, O. S. Gabova. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2019. S. 19–24.

5. Rastyapin Yu. V. Uchastie uchastkovogo upolnomochennogo policii v preduprezhdenii prestuplenij i pravonarushenij v sfere migracii // Kriminologicheskij zhurnal. 2023. № 4. S. 135–137.

6. Organizaciya deyatelnosti uchastkovogo upolnomochennogo policii: uchebno-metodicheskoe posobie / A. G. Bachurin, Ya. E. Verhoglyadov, A. A. Gajdukov [i dr.]. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2021. 204 s.

7. Zraeva I. M., Zenina M. G. Aktual'nye voprosy vzaimodejstviya uchastkovyh upolnomochennyh policii i sotrudnikov podrazdelenij po voprosam migracii pri osushchestvlenii kontrolya za soblyudeniem inostrannymi grazhdanami migracionnogo zakonodatel'stva // Vestnik obrazovatel'nogo konsorciuma «Srednerusskij universitet». Seriya: Yurisprudenciya. 2022. № 20. S. 41–42.

Статья поступила в редакцию 27.10.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 27.10.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 10.03.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 76–81.

Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 76–81.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.739 :347.65/68

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Галина Борисовна Федоренко

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, galgofe@mail.ru

Аннотация. В данной статье говорится о реализации конституционных принципов, таких как гарантия наследования в Российской Федерации, в т. ч. и для лиц, не достигших возраста восемнадцати лет, о защите прав несовершеннолетних детей, о механизме реализации наследственных прав несовершеннолетних, участии и роли органов опеки и попечительства, законных представителей несовершеннолетних, а также особенностях реализации прав и исполнении возлагаемых законом обязанностей, а главные проблемы, возникающие при реализации этих прав, некоторых пробелах в праве в этой области. Автор проводит некоторый анализ выдвигаемых исследователями в последнее время сложностей регулирования вышеозначенных общественных отношений, их точек зрения, тем самым подчеркивая актуальность исследования и необходимость нахождения путей регулирования возникающих проблем. В статье приводятся примеры из практической деятельности автора, анализируются судебная практика и позиции высших судов, рассматривающих подобные вопросы. В частности, исследуются проблемы наследования несовершеннолетними объектов недвижимости в стадии незавершенного строительства, возведенных с использованием материнского капитала.

Ключевые слова: конституционные наследственные права, защита прав несовершеннолетних, законные представители, отказ от наследства, материнский капитал

Для цитирования: Федоренко Г. Б. Особенности и проблемы реализации конституционных наследственных прав несовершеннолетних // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 76–81.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

FEATURES AND PROBLEMS OF REALIZATION OF CONSTITUTIONAL INHERITANCE RIGHTS OF MINORS

Galina B. Fedorenko

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, galgofe@mail.ru

Abstract. This article discusses the implementation of constitutional principles, such as the guarantee of inheritance in the Russian Federation, including persons under the age of eighteen, the protection of the rights of minor children, the mechanism for implementing the inheritance rights of minors, the participation and role of guardianship and guardianship authorities, legal representatives of minors, as well as the specifics of the implementation of rights and the fulfillment of duties imposed by law, and most importantly, the problems that arise in the exercise of these rights, considering some gaps in the law in this area. The author conducts some analysis of the recent difficulties put forward by researchers in regulating the above-mentioned public relations, their points of view, thereby emphasizing the relevance of the study and the need to find ways to regulate emerging problems. The article provides examples from the author's practical activities, analyzes judicial practice and the positions of higher courts dealing with such issues. In particular, the problems of inheritance by minors of real estate objects in the stage of unfinished construction, erected using maternity capital, are being investigated.

Keywords: constitutional inheritance rights, protection of the rights of minors, legal representatives, renunciation of inheritance, maternity capital

For citation: Fedorenko G. B. Features and Problems of Realization of Constitutional Inheritance Rights of Minors. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2026;1:76–81 (In Russ.).

«Право наследования гарантируется», — гласит ч. 4 ст. 35 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ). Часть 1 ст. 38 Конституции РФ¹ подчеркивает, что детство в том числе находится под защитой государства. Подразумевается, что реализация права наследования несовершеннолетними гражданами является не только обязанностью родителей, иных законных представителей, но и во многом зависит от действий государственных органов либо уполномоченных ими органов. Некоторые вопросы при осуществлении действий, связанных с наследственными правами несовершеннолетних, не могут разрешаться, например, без согласия органов опеки и попечительства. И здесь речь идет не только о детях, оставшихся без попечения родителей. Многие наследственные дела обрастают сложностями, если среди наследников находятся несовершеннолетние дети, особенно если законные представители выбирают действия, не просто связанные с принятием наследства несовершеннолетними, а пытаясь в интересах тех же детей перераспределить наследственное имущество. Сами граждане, да и нотариусы сталкиваются с неоднозначными ситуациями, которые нередко приходится разрешать в судебном порядке, поскольку закон не предусматривает всех нюансов и тонкостей, которые могут возникнуть в практической деятельности. Именно таким моментам и вопросам посвящено наше исследование.

Данная тематика не оставлена без внимания исследователей. В последние годы реализации наследственных прав несовершеннолетних посвящены многие статьи, например работы В. В. Долинской, Н. В. Летовой, Е. А. Останиной и др. Исследователи в целом указывают на одни и те же проблемные моменты, однако смотрят на них с разных точек зрения, а предложения могут быть совершенно диаметрально противоположными, что, с одной стороны, делает более интересным исследование и обсуждение данных вопросов, с другой стороны, подтверждает необходимость их правового регулирования.

Владимира Владимировна Долинская в своей статье [1, с. 14–23] указывает на многие проблемные моменты, такие как: признание постмортального ребенка наследником, наследственные права после отмены усыновления, спорный вопрос об

определении подопечных детей к категории иждивенцев, возможность фактического принятия наследства несовершеннолетними наследниками, отсутствие в законе обязательства уведомлять органы опеки и попечительства о выдаче свидетельства о наследстве на имя несовершеннолетних.

Безусловно, все затронутые темы интересны, но в рамках данного исследования хотелось бы обратить внимание лишь на некоторую заявленную проблематику. Конечно, особенностью принятия наследства несовершеннолетними является опосредованность действий. Поскольку малолетний ребенок не может самостоятельно заявить о принятии наследства, а достигший четырнадцатилетнего возраста должен это сделать с согласия законных представителей, как раз активная позиция законных представителей ребенка и является тем ключевым фактором, влияющим на реализацию наследственных прав несовершеннолетних. Если семья благополучная в классическом понимании этого слова и родители должным образом заботились и заботятся о своих детях, то и при необходимости вступления в наследство после смерти одного из родителей, скорее всего, также продолжат действовать в интересах своих детей. В этой ситуации проблемы могут возникнуть не из-за отсутствия активных действий законных представителей, а от иных факторов, которые мы чуть позже также рассмотрим.

Нам хотелось бы обсудить, насколько адекватным должно быть участие органов опеки и попечительства в данных вопросах. Не берем во внимание случаи, когда органы опеки и попечительства выполняют роль законного представителя ребенка, нас интересуют те, когда закон предусматривает их непосредственное участие. Так, п. 4 ст. 1157 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)² предусматривает, что в случае отказа несовершеннолетнего от наследства необходимо получить предварительное согласие органа опеки и попечительства. В каких случаях отказ от наследства может быть произведен в интересах ребенка? Когда получение такого наследства максимально обременительно, например после смерти наследодателя осталась задолженность, превышающая стоимость наследственного имущества. И если до настоящего времени решение об отказе от наследства наследникам, а также законным представителям наследников было сложнее при-

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 3) [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 26.11.2001 № 146-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нять из-за отсутствия информации о долгах, то начиная с 24 ноября 2025 г. вступил в силу закон¹, обязывающий нотариусов запрашивать сведения о кредитной истории наследодателя и информировать наследников об имеющихся долгах. В таких случаях и самому нотариусу будет понятным мотив отказа от наследства, более того, нотариус сможет предупредить и разъяснить наследникам последствия принятия такого наследства. И здесь возникает вопрос: так ли нужно предварительное согласие органов опеки на отказ от наследства от имени несовершеннолетних в предложенных ситуациях? Родители, действующие добросовестно и в соответствии с предусмотренными законом обязанностями, и так будут поступать в интересах ребенка. Было бы логичным требовать такого согласия в случае отказа от наследства от имени детей, оставшихся без попечения родителей. Это обусловлено необходимостью осуществления контроля за сделками с их участием со стороны органов опеки и попечительства, учитывая объем полномочий, делегированных им государством согласно п. 8, 11 ст. 8 Федерального закона Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 48 «Об опеке и попечительстве» и ч. 1 ст. 145 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ).

Подобной точки зрения придерживается Н. В. Летова, которая в своей работе [2, с. 24–27] указывает, что в случае, если интересы несовершеннолетнего наследника представляют его законные представители, в частности родители, их мнение должно обладать превалирующим значением, т. к. они обладают наиболее полным и достоверным знанием о его потребностях, интересах и жизненных обстоятельствах.

По ее мнению, применительно к наследникам, правовой статус которых не определен вследствие особых жизненных обстоятельств, таких как смерть родителей, тяжелое заболевание или иные неблагоприятные события, представляется целесообразным введение в законодательство понятия «приобретение статуса в чрезвычайных обстоятельствах или чрезвычайной ситуации» по аналогии со ст. 1129 ГК РФ «Завещание в чрезвычайных обстоятельствах». Это позволит обеспечить надлежащую защиту прав несовершеннолетнего наследника, находящегося в трудной жизненной ситуации на момент принятия наследства, и будет

способствовать более эффективному правовому регулированию в данной области.

Противоположной точки зрения придерживается В. В. Долинская [1, с. 14–23]. По ее мнению, наоборот, нужно усилить роль органов опеки и попечительства в данной области и на вступление в наследство также получать согласие органов опеки и попечительства, мотивируя тем, что в некоторых случаях вступление в наследство может быть осуществлено как раз не в интересах ребенка (наличие тех же долгов).

Увеличение полномочий органов опеки и попечительства, имеющих и в настоящее время очень широкий спектр таких полномочий, приведет к тому, что встанет вопрос либо об увеличении штата сотрудников таких органов, либо в целом о создании специальных ювенальных органов, что, по нашему мнению, «инфантилизирует» и так во многом несвободных в своих действиях родителей.

Но не во всех случаях наличия задолженности наследодателя можно отказаться от наследства. А если наследственным имуществом является часть жилого помещения, в котором проживает несовершеннолетний наследник, и это жилое помещение является единственным для него жильем?

Вопрос исполнения денежных обязательств за счет имущества несовершеннолетнего представляет собой сложную и многогранную проблему, актуальную как для теоретической юриспруденции, так и для судебной практики. В основе этого вопроса лежит дилемма между необходимостью защиты прав и интересов несовершеннолетнего, с одной стороны, и необходимостью обеспечения исполнения обязательств перед кредиторами — с другой. В большинстве случаев российское законодательство предусматривает, что ответственность по обязательствам несовершеннолетнего возлагается на его родителей или иных законных представителей. Однако это верно, если мы говорим о деликтной ответственности. При наследовании норма о деликтной ответственности родителей малолетних детей не должна применяться. Наследник отвечает по долгам наследодателя лишь в размере стоимости наследственного имущества. По вышеприведенному примеру, где единственное жилье обладает «исполнительским иммунитетом», а нормы о деликтной ответственности к родителю нельзя применить, весьма затруднительно взыскать с несовершеннолетнего наследника долги. Поэтому в практической деятельности, если несовершеннолетний не является единственным наследником, кредиторы обращаются с требованием

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 23.11.2024 № 407-ФЗ (ред. от 28.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

о взыскании к иному совершеннолетнему наследнику, а поскольку наследники являются солидарными должниками, то кредиторы могут взыскать задолженность в полном размере с этого наследника. Таким образом, решение вопроса о распределении ответственности между несовершеннолетним и его родителями или опекунами требует тщательного анализа всех обстоятельств дела и применения комплексного подхода, учитывающего как интересы несовершеннолетнего, так и интересы законных представителей и кредиторов. Важно найти баланс между этими интересами, чтобы обеспечить справедливое и эффективное исполнение обязательств, не нарушая при этом прав и законных интересов несовершеннолетнего.

Е. А. Останина в своей работе «Несовершеннолетние как должники: сравнительно-правовое исследование» [3, с. 137–172] указывает на то, что российским законодательством не предусмотрена процедура банкротства несовершеннолетнего гражданина, однако указывает, что норма статьи 223.1 федерального закона Российской Федерации «О несостоятельности (банкротстве)», регулирующая банкротство наследственного имущества, является в таком случае применимой, однако не решает полностью проблемы, связанные с наследованием долговых обязательств. Сохраняется проблема возникновения задолженности, значительно увеличивающейся в результате бездействия или ошибки законного представителя несовершеннолетнего наследника. Мнение исследователя — ввести правовое регулирование случаев банкротства несовершеннолетних.

В настоящее время доктрина допускает возможность признания несовершеннолетнего банкротом, однако данное положение пока не нашло своего законодательного закрепления.

Конечно, рассматриваются различные аспекты, возникающие при получении наследства несовершеннолетними наследниками. Много вопросов возникает, как мы уже отмечали, при реализации права отказа от наследства от имени несовершеннолетних граждан, перераспределении наследственной массы, возникают также вопросы не только при реализации прав несовершеннолетних, но и выполнении обязательств, которые переходят по наследству. Возникающие проблемы часто обусловлены и тем, что реализация прав в данном случае происходит не напрямую, а опосредована действиями иных лиц — законных представителей, которые во многих случаях также являются наследниками и, реализуя права несовершеннолетних, должны учитывать и свои интересы и возмож-

ности, а также возлагаемые на них обязательства, связанные не только с наследством, но и, например, с последующим содержанием детей. Ни для кого не секрет, что оформление наследства является отнюдь не дешевой процедурой, доступной не для всех.

Рассмотрим сложности реализации прав несовершеннолетних на практическом примере. После смерти наследодателя (отца несовершеннолетних наследников) в наследственную массу в том числе входил объект незавершенного строительства — дом, в котором проживала семья. Наследниками стали супруга и его двое несовершеннолетних детей, не достигших возраста 14 лет. Надо также отметить, что отец несовершеннолетних был единственным кормильцем, и теперь единственному законному представителю детей — матери — не только необходимо оформить наследственные права несовершеннолетних, но и сделать это таким рациональным образом, чтобы иметь возможность содержать детей, в т. ч. и за счет наследственного имущества. Плюсом ко всем сложностям при строительстве дома был использован материнский капитал, и обязательство наделить несовершеннолетних соответствующей долей могло быть исполнено после завершения строительства. То есть на момент открытия наследства такого соглашения между родителями (супругами) не было составлено.

Средства материнского (семейного) капитала предназначены для целевого использования, в частности для улучшения жилищных условий семьи. Это регулируется Федеральным законом Российской Федерации № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»¹. Использование материнского капитала на строительство или приобретение жилого помещения влечет за собой обязанность выделения долей в праве собственности на данное помещение детям. Это предусмотрено статьей 10 указанного федерального закона. Размер долей определяется по соглашению между родителями. Согласно разъяснению Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2016 г.² [8] Федеральным законом Российской Федерации

¹ О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2006 № 256-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Обзор судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22.06.2016) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

«О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» определен круг субъектов, которым переходит право собственности на жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского капитала. Установлен также вид собственности, возникающей у данных лиц, — общая долевая. Важно отметить, что доли в праве собственности на жилое помещение должны определяться исходя из равенства долей родителей и детей на средства материнского капитала, потраченные на приобретение (строительство) данного жилого помещения, а не на все средства, за счет которых оно было куплено (построено).

В правоприменительной практике существуют два подхода к вопросу о моменте возникновения права собственности на жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского капитала. Первый подход основывается на общих правилах гражданского законодательства и предполагает, что право собственности на жилое помещение возникает с момента государственной регистрации данного права в Едином государственном реестре недвижимости (далее — ЕГРН). Второй подход отсылает к Обзору судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал, утвержденному Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2016 г. Согласно данному Обзору, право на доли в жилом помещении возникает в силу факта перечисления средств материнского капитала на оплату данного помещения.

Проблема же в описанной ситуации заключается в том, что соглашения об определении долей в праве собственности, исходя из размера материнского капитала, на момент открытия наследства не было. Дом, хотя и зарегистрирован в ЕГРН как объект незавершенного строительства, все же не достроен, и вычислить окончательную долю для вышеозначенного соглашения не представляется возможным, даже если считать, что доли равные на ту часть, которая оплачена материнским капиталом. При таких обстоятельствах нотариус отказался выдавать свидетельства о праве на наследство, поскольку невозможно точное определение долей в наследственном имуществе. Единственный выход у наследников в данном случае — обратиться в суд. Несмотря на то что судебная практика уже

рассматривала подобные споры, законодательно закрепленных норм не появилось. А учитывая частоту использования материнского капитала при индивидуальном строительстве и объективные обстоятельства текущего времени, такое правовое регулирование просто необходимо.

Таким образом, можно сформулировать некоторые аспекты для правового регулирования в исследуемой сфере.

Следует упростить процедуру оформления наследства для несовершеннолетних наследников, чтобы их права не нарушались из-за бюрократических сложностей, исключив получение предварительного согласия органов опеки и попечительства в случаях, если несовершеннолетний наследник не относится к категории детей, оставшихся без попечения родителей. Вместе с тем необходимо закрепить информирование органов опеки и попечительства о вступлении несовершеннолетних в наследство (при необходимости органы опеки могут проверить соблюдение прав детей, если речь идет, например, о неблагополучных семьях, состоящих на профилактическом учете).

Необходимо четко определить порядок управления наследственным имуществом, находящимся в собственности несовершеннолетнего наследника. Это может включать назначение доверительного управляющего или установление правил управления имуществом до достижения наследником совершеннолетия. Здесь речь идет именно о закреплённом порядке: сроки, уполномоченные лица, контроль за деятельностью управляющего. То есть чтобы эти вопросы получили специальное, а не общее правовое регулирование.

Установить специальное правовое регулирование определения долей в праве собственности на жилое помещение, приобретенное (построенное) с использованием средств материнского капитала, на случай невозможности составления соглашения из-за отсутствия одной из сторон.

Также возможно предусмотреть дополнительные гарантии для несовершеннолетних наследников при разделе наследственного имущества между ними и другими наследниками. Это может включать установление приоритета при распределении определенных видов имущества (например, имущества, необходимого для проживания) в пользу несовершеннолетних.

Список источников

1. Долинская В. В. Специфика правового статуса несовершеннолетних как наследников // Цивилист. 2024. № 4. С. 14–23.

2. Летова Н. В. Несовершеннолетний как субъект наследственных правоотношений: особенности защиты прав // Наследственное право. 2024. № 1. С. 24–27.

3. Останина Е. А. Несовершеннолетние как должники: сравнительно-правовое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 5. С. 137–172.

References

1. Dolinskaya V. V. Specifika pravovogo statusa nesovershennoletnih kak naslednikov // Civilist. 2024. № 4. S. 14–23.

2. Letova N. V. Nesovershennoletnij kak sub»ekt nasledstvennyh pravootnoshenij: osobennosti zashchity prav // Nasledstvennoe pravo. 2024. № 1. S. 24–27.

3. Ostanina E. A. Nesovershennoletnie kak dolzhniki: sravnitel'no-pravovoe issledovanie // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. 2024. № 5. S. 137–172.

Статья поступила в редакцию 06.11.2025; одобрена после рецензирования 09.12.2025; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 06.11.2025; approved after reviewing 09.12.2025; accepted for publication 10.03.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 82–87.

Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 82–87.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.9

О ПОНЯТИИ «СОВОКУПНОСТЬ» КАК ФОРМЫ МНОЖЕСТВЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Надежда Алексеевна Швецова

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, shvetsova0212@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос законодательного закрепления понятия «совокупность административных правонарушений» в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, сравнивается административное законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь с точки зрения закрепления в нем форм и видов множественности административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Обосновывается актуальность специального исследования института совокупности административных правонарушений применительно к несовершеннолетним правонарушителям. Доказывается, что стандартные подходы к квалификации и назначению наказания за совершение нескольких административных правонарушений, разработанные для взрослых, не учитывают психофизиологические, социальные и педагогические особенности несовершеннолетних. Автор анализирует статистические данные совершения несовершеннолетними правонарушений, а также предлагает некоторые меры профилактики для решения проблемы совершения ими нескольких противоречащих закону действий.

Ключевые слова: административное законодательство, административное правонарушение, множественность административных правонарушений, несовершеннолетние

Для цитирования: Швецова Н. А. О понятии «совокупность» как формы множественности административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 82–87.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

ON THE CONCEPT OF "AGGREGATE" AS A FORM OF MULTIPLE ADMINISTRATIVE OFFENSES COMMITTED BY MINORS

Nadezhda A. Shvetsova

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, shvetsova0212@mail.ru

Abstract. The article examines the issue of legislative consolidation of the concept of "aggregate of administrative offenses" in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, and compares the administrative legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus in terms of the consolidation of forms and types of multiple administrative offenses committed by minors. The relevance of a special study of the institution of aggregate of administrative offenses in relation to juvenile offenders is substantiated. It is proved that the standard approaches to the qualification and imposition of punishment for committing multiple administrative offenses, which were developed for adults, do not take into account the psychophysiological, social, and pedagogical characteristics of minors. The author analyzes statistical data on juvenile delinquency and suggests some preventive measures to address the issue of juvenile delinquency.

Keywords: administrative legislation, administrative offense, multiple administrative offenses, minors

For citation: Shvetsova N. A. On the Concept of «Aggregate» as a Form of Multiple Administrative Offenses Committed by Minors. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;1:82–87 (In Russ.).

Совершению административных правонарушений несовершеннолетними всегда уделялось большое внимание, т. к. указанное явление выступает одной из острых социальных и правовых проблем современного общества. Это объясняется тем, что нарушение закона в юном возрасте может иметь долгосрочные негативные последствия как для самого подростка, так и для общества в целом. На практике возникают ситуации, когда несовершеннолетние совершают правонарушения, ответственность за которые предусматривается разными статьями (частями статей) Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), или же совершают административные правонарушения, предусмотренные одной статьей (частями статей) КоАП РФ повторно в течение одного года после совершения первого проступка. Совершение нескольких правонарушений несовершеннолетними не является чем-то необычным для правоприменительной практики, т. к. однажды совершив девиантный проступок и встав на профилактический учет в подразделении по делам несовершеннолетних, несовершеннолетние пребывают на указанном учете до достижения совершеннолетнего возраста, что связано с систематическим нарушением норм законодательства.

Совершение лицом нескольких правонарушений, ни за одно из которых оно не было привлечено к ответственности, долгое время являлось объектом исследования в области уголовного права. Так, в уголовном законе закреплена ст. 17 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), которая содержит понятие совокупности как формы множественности преступлений¹.

Несовершеннолетние, занимающие главенствующее место в рассматриваемой нами теме, чаще всего совершают административные правонарушения, нежели преступления, что подтверждают данные статистической отчетности. Так, в 2023 г. выявлено 62 603 несовершеннолетних, совершивших правонарушения, в т. ч. до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность, а в 2024 г. — 60 748 несовершеннолетних, тогда как преступления в 2023 г. совершены 22 340 несовершеннолетними, а в 2024 г. — 26 398 лицами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста (рисунок 1) [1].

Исходя из анализа статистики, следует отметить, что изучение указанного института в части, касающейся несовершеннолетних субъектов, в рамках административного права является необходимым.

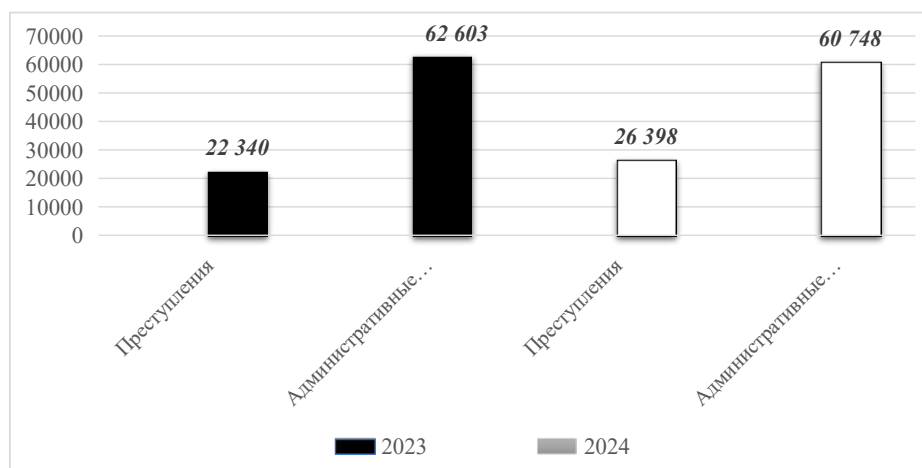


Рисунок 1. Сравнительная диаграмма по видам правонарушений и количеству несовершеннолетних, их совершивших в 2023–2024 гг.

Сформированный институт совокупности правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, целесообразно объединить в единую юридическую конструкцию множественности административных правонарушений. При этом следует отметить, что дефиниция «совокупность» как форма множественности административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, законодательно ни в одном из нормативных

актов нашего государства не закреплена, также как и само понятие «множественность административных правонарушений». Общепринятый подход, который закреплен в ст. 4.4 КоАП РФ, не определяет различия между взрослыми и несовершеннолетними правонарушителями при квалификации

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

совокупности, поэтому разработка, исследование и закрепление в законе указанных выше дефиниций являются важным шагом к созданию системы борьбы с административными правонарушениями несовершеннолетних, которые совершают сразу несколько деликтов. Изучение рассматриваемой проблематики конкретно в отношении несовершеннолетних необходимо для устранения правовых и педагогических коллизий, а именно:

1. Правила сложения наказаний по ст. 4.4 КоАП РФ могут привести к назначению слишком суровой санкции. Так, назначенное наказание может не достигнуть цели воспитательного воздействия на несовершеннолетнего, а лишь стать тяжелым бременем для подростка или его семьи, тем самым усугубив сложную ситуацию.

2. Основная цель привлечения к ответственности — исправление правонарушителя. Сложение наказаний в отношении несовершеннолетнего, совершившего противоправный проступок, может вызвать эффект «навешивания ярлыков» заядлого правонарушителя, что в большинстве случаев способствует дальнейшей криминализации личности несовершеннолетнего.

3. Сложение санкций имеет накопительный эффект. Так, при сложении штрафов итоговая сумма может быть значительной, что противоречит законодательному принципу пониженных размеров санкций для несовершеннолетних.

4. Формальное применение правил ст. 4.4 КоАП РФ без учета специфики личности несовершеннолетнего правонарушителя может привести к избыточному карательному воздействию и нивелировать охранительную функцию административно-деликтного права.

Председатель Арбитражного суда Тульской области А. С. Кузьминов в своем исследовании отмечает, что существует необходимость реформирования законодательства об административных правонарушениях, основной целью которого должна стать разработка базовых понятий Общей части КоАП РФ [2, с. 104]. Мы согласны с данной точкой зрения, т. к. Общая часть КоАП РФ содержит основные принципы и понятия, на которых основывается система административного наказания. Разработка базовых понятий в этой части Кодекса является необходимым шагом к повышению правовой определенности, улучшению правоприменительной практики и защиты прав граждан. Множественность административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, об актуальности которой мы говорили выше, следует нормативно закрепить в админи-

стративном законодательстве, а также определить ее формы и виды, что необходимо для устранения неточностей в правоприменении закона при неоднократном совершении несовершеннолетними правонарушений. Более того, закрепление указанных дефиниций в Общей части КоАП РФ поможет правоохранительным органам и судам верно квалифицировать действия субъектов правонарушений и назначать наказания за совершенные административные проступки.

Вопрос множественности административных правонарушений, а также ее форм поднимался в диссертационных исследованиях А. В. Дюжаева (1978 г.) и Н. А. Ахтаниной (2021 г.). Говоря о фрагментарности в части, касающейся несовершеннолетних, изучение данной проблематики предметом исследования выступает впервые.

Ранее нами было отмечено, что КоАП РФ не дает нормативного закрепления дефиниции «совокупность административных правонарушений», однако можем сослаться на тот факт, что КоАП РФ и УК РФ как нормативный фундамент противодействия правонарушениям близки по своим характеристикам. Из этого следует, что в современных условиях основным вектором развития уголовного и административного законодательства является их интеграция [3, с. 4]. Проведя интеграцию диспозиции ст. 17 УК РФ с понятием «совокупность административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними», под указанной дефиницией предлагаем понимать «совершение несовершеннолетним субъектом двух и более административных правонарушений, предусмотренных разными статьями (частями статей) Кодекса, ни за одно из которых лицо ранее не было привлечено к административной ответственности». Например, несовершеннолетний совершает мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП РФ), а через несколько дней — уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 7.17 КоАП РФ), или возможна иная ситуация: управление незарегистрированным транспортным средством (мотоцикл) несовершеннолетним (ст. 12.1 КоАП РФ), к тому же находящимся в состоянии алкогольного опьянения (ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ). В указанных нами случаях имеет место совокупность административных правонарушений. Если мы проведем аналогию с уголовным законом, то в первом случае речь идет о реальной совокупности правонарушений, а во втором — идеальной совокупности. В теории права реальная совокупность представляет собой совершение нескольких противоправных действий в разные периоды времени, каждое из которых является само-

стоятельным правонарушением, а идеальная совокупность — совершение одного противоречащего закону действия, которое содержит признаки нескольких составов правонарушений. Следует отметить, что изучение указанных видов совокупности правонарушений в теории административного права также необходимо, как и в теории уголовного права, т. к. их изучение поможет выявить тенденции и причины возникновения такого явления, как множественность административных правонарушений, что в последующем может использоваться для разработки форм и способов противодействия рассматриваемому нами явлению.

Исследование отдельных категорий в праве невозможно без обращения к опыту зарубежных стран. Это необходимо прежде всего для совершенствования своих правовых норм и институтов, а также для устранения пробелов в законодательстве и разработки эффективных мер превенции.

Для более детального изучения феномена множественности административных правонарушений мы можем обратиться к административному законодательству Республики Беларусь, в котором прочно укоренился рассматриваемый нами институт. Так, административное законодательство Белоруссии вопросы совокупности административных правонарушений закрепляет в ст. 2.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП РБ), где под совокупностью правонарушений понимается «совершение двух и более правонарушений, предусмотренных различными статьями либо частями (когда статья состоит из частей) Особенной части настоящего Кодекса, ни за одно из которых физическое или юридическое лицо не было привлечено к административной ответственности»¹.

Анализируя административное законодательство Белоруссии с точки зрения наличия в нем норм, касающихся несовершеннолетних субъектов правонарушения, можно отметить, что КоАП РБ выделяет отдельную главу для указанной категории лиц (глава 9 КоАП РБ), тогда как в КоАП РФ такая глава отсутствует. Множественность административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними субъектами, в законодательстве РБ не упоминается, но нормы ст. 2.4 КоАП РБ распространяются и на лиц, достигших

14 и 16 лет — возраста административной ответственности в Белоруссии.

Необходимо уделить внимание отсутствию в российском административном законодательстве отдельных норм, связанных с вопросами ответственности несовершеннолетних, а также назначения наказания за совершенные противоправные действия, в т. ч. за повторные или неоднократно совершенные, которые на практике создают некоторые трудности при их квалификации.

Совершение несовершеннолетним нескольких административных правонарушений свидетельствует о его устойчивой антиправовой позиции и социальной дезадаптации. Множественность административных правонарушений, совершаемая несовершеннолетними, выступает определенным индикатором кризиса традиционных механизмов правового регулирования и требует перехода от карательно-репрессивных мер к комплексной модели, включающей в себя превенцию, поэтому для снижения уровня правонарушений, в т. ч. неоднократно совершенных одним и тем же лицом, необходимо рассмотреть некоторые меры профилактики:

1. Организация бесплатных кружков и секций на базе всех образовательных организаций Российской Федерации в период каникулярных дней для несовершеннолетних, состоящих на внутришкольном и профилактическом учете в подразделении по делам несовершеннолетних.

Занятие досуга несовершеннолетнего выступает сдерживающим фактором на пути к совершению административных правонарушений, поэтому необходимо в каникулярное время организовывать свободное время ребенка и сделать обязательным посещение школьных кружков и секций для подучетных несовершеннолетних.

2. Создание благоприятной среды в семьях также может значительно снизить уровень правонарушений среди несовершеннолетних и способствовать их успешной интеграции в общество.

Директор Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей Л. П. Фальковская на одном из всероссийских совещаний отметила важность организации условий для повышения компетентности родителей в вопросах образования и воспитания в целях первичной профилактики девиантного поведения [4]. Так, в 2019 г. был создан федеральный информационно-просветительский портал «Растим детей. Навигатор для современных родителей», который стал онлайн-путеводителем по актуальным вопросам для семей с детьми.

¹ Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 // «Kodeksy-by» Гид в законодательстве Республики Беларусь. URL: https://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb.htm (дата обращения: 08.05.2025).

3. Разработка и внедрение программ социальной адаптации для молодежи могут существенно снизить уровень правонарушений. Эти программы должны включать элементы обучения навыкам решения конфликтов, управления эмоциями и развития критического мышления.

4. Формирование банка данных о несовершеннолетних, совершивших множественные административные правонарушения, обязанность по ведению которого возложить на подразделения по делам несовершеннолетних.

В банк данных необходимо вносить не просто факт совершения несовершеннолетним правонарушения, но и всю последующую работу с ним. Указанная превентивная мера позволит проводить своевременную индивидуальную профилактику с несовершеннолетними, неоднократно совершавшими административные правонарушения, а также проанализировать эффективность профилактических мер, в результате чего выявить слабые места.

Важным аспектом является и необходимость введения новой терминологии, связанной с вопросами множественности административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, а также совершенствование имеющегося российского законодательства, прежде всего, для адаптации правовой системы к современным требованиям и вызовам государства. Отсутствие в административном законодательстве термина «совокупность» приводит к неточной интерпретации на практике правовых норм и, как следствие, может привести к нарушению прав как взрослых, так и несовершеннолетних граждан.

Таким образом, множественность административных правонарушений несовершеннолетних является индикатором серьезных пробелов в системе профилактики и требует адекватного правового реагирования. Четкие и однозначные дефиниции, закрепленные в российском законодательстве, способствуют созданию справедливой и эффективной системы административно-правового регулирования, что является важным шагом на пути к правовому государству. Также стоит уделить внимание нормативному закреплению в КоАП

РФ дефиниций «совокупность административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетним» и «множественность административных правонарушений», под последней следует понимать «совершение двух или более административных правонарушений лицом, ранее подвергнутым административному наказанию, которое не потеряло своей правовой значимости, а именно не истекли сроки давности привлечения к административной ответственности, лицо не было освобождено от административной ответственности, а также не истек срок, когда лицо считается не подвергнуто наказанию», при этом следует учитывать возникающие вопросы при совершении нескольких административных правонарушений несовершеннолетним субъектом административно-правовых отношений. В рамках рассматриваемой нами проблематики предлагаем дополнить главу 4 КоАП РФ статьей 4.4.1 «Правила назначения наказания несовершеннолетним при совокупности административных правонарушений», в которой можно предусмотреть:

а) назначение основного наказания только за более тяжкое из совершенных административных правонарушений в совокупности, за остальные — меры воспитательного воздействия;

б) специальный порядок сложения наказаний, ограничивающий итоговый размер штрафа или срок обязательных работ;

в) обязательность назначения психолого-педагогической экспертизы для выявления причин совершения несовершеннолетним множественности административных правонарушений.

Исходя из вышеизложенного, необходимо сделать вывод о том, что совершенствование законодательства в указанном нами направлении выступает не просто теоретической, но и насущной практической задачей. Совокупность административных правонарушений, совершаемых лицом, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, представляет собой не просто сложение нескольких противоправных действий, а сложный юридический феномен, который требует особого подхода к квалификации совершенных несовершеннолетним проступков.

Список источников

1. Официальные статистические данные ГИАЦ МВД России за 2023–2024 гг. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>.
2. Кузьминов А. С. К вопросу об изменении законодательства об административных правонарушениях // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 2. С. 103–107.
3. Шергин А. П., Шергина К. Ф. Современные тенденции интеграции административно-деликтного и уголовного законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 11. С. 14.

4. Внедрение новых подходов к профилактике правонарушений несовершеннолетних должно опираться на лучшие традиции // Официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации. URL: <https://edu.gov.ru>.

References

1. Oficial'nye statisticheskie dannye GIAC MVD Rossii za 2023–2024 gg. // Oficial'nyj sajt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. URL: <https://mvd.rf/deyatelnost/statistics>.

2. Kuz'minov A. S. K voprosu ob izmenenii zakonodatel'stva ob administrativnyh pravonarusheniyah // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA). 2014. № 2. S. 103–107.

3. Shergin A. P., Shergina K. F. Sovremennye tendencii integracii administrativno-deliktnogo i ugolovnogo zakonodatel'stva // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2019. № 11. S. 14.

4. Vnedrenie novyh podhodov k profilaktike pravonarushenij nesovershennoletnih dolzhno opirat'sya na luchshie tradicii // Oficial'nyj sajt Ministerstva prosveshcheniya Rossijskoj Federacii. URL: <https://edu.gov.ru>.

Статья поступила в редакцию 06.07.2025; одобрена после рецензирования 15.01.2026; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 06.07.2025; approved after reviewing 15.01.2026; accepted for publication 10.03.2026.

Уголовно-правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 88–95.

Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 88–95.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.85

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ САДИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОНОГРАФИИ АВТОРА «НЕПРИСТОЙНЫЙ МАРКИЗ ДЕ САД И САДИЗМ», МОСКВА, 2025)

Юрий Миранович Антонян

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия, antonyaa@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе теоретических исследований зарубежных и отечественных ученых, а также обширной эмпирической базы проведен оригинальный анализ феномена садизма и преступлений, совершенных по этим мотивам. Рассмотрены проявления садизма среди различных категорий преступников: несовершеннолетних и взрослых, бытовых и террористических, в т. ч. на сексуальной почве. Теоретические выводы автора основаны на глубоком анализе трудов великих психологов в части описания внутреннего мира садиста и его основных характеристик; практические предложения касаются совершенствования оперативно-розыскной и следственной работы по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, совершенных по садистским мотивам.

Ключевые слова: садизм, садистская мотивация, садистские преступления, сексуальные преступления, особая жестокость, страдания и мучения жертв, ответственность, наказание, семья, несовершеннолетний

Для цитирования: Антонян Ю. М. Предупреждение садистских преступлений (по материалам монографии автора «Непристойный маркиз де Сад и садизм», Москва, 2025) // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 88–95.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

PREVENTION OF SADISTIC CRIMES (BASED ON THE AUTHOR'S MONOGRAPH «THE INDECENT MARQUIS DE SADE AND SADISM», MOSCOW, 2025)

Yuriy M. Antonyan

NRI of the Ministry of Interior of Russia, Moscow, Russia, antonyaa@yandex.ru

Abstract. This article, drawing on theoretical research by foreign and domestic scholars, as well as an extensive empirical base, presents an original analysis of the phenomenon of sadism and crimes committed for these motives. It examines manifestations of sadism among various categories of criminals: juveniles and adults, domestic and terrorist, including those involving sexual offenses. The author's theoretical conclusions are based on an in-depth analysis of the works of renowned psychologists describing the inner world of a sadist and their key characteristics. Practical proposals address the improvement of investigative work to identify, solve, investigate, and prevent crimes committed for sadistic motives.

Keywords: sadism, sadistic motivation, sadistic crimes, sexual crimes, extreme cruelty, suffering and torment of victims, responsibility, punishment, family, minor

For citation: Antonyan Yu. M. Prevention of Sadistic Crimes (Based on the Author's Monograph "The Indecent Marquis de Sade and Sadism", Moscow, 2025). Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal. 2026;1:88–95 (In Russ.).

© Антонян Ю. М., 2026

Прежде всего необходимо прояснить, что же такое садизм. Это научный сексологический термин, введенный немецким ученым Рихардом Крафт-Эбингом по фамилии французского писателя маркиза де Сада, автора многих, в т. ч. непристойных, романов, в которых циничный секс переплетается с крайней жестокостью, мучениями жертв, глумлением над ними. Садизм как явление, связанное с проявлением сладострастия с жестокостью, заключается в демонстрации своей силы, мести жертве и (или) ее близким. Эта связь возникает на психодегенеративной основе и слабо проникает в сознание, а удовольствие, получаемое преступником при совершении садистских действий, может привести к очень сильному аффекту.

Садизм проявляется в особой жестокости, причинении мучительных переживаний, острой боли жертве ради получения удовольствия, в т. ч. сексуального. Причинить такие особые страдания можно также путем совершения садистских действий в отношении любимого (близкого) человека или животного, например домашней собаки. Как правило, подобного рода действия совершаются при серийных сексуальных убийствах, когда они дают половое удовлетворение, достигающее до оргазма.

В основе садизма всегда лежит агрессия, реализуемая путем причинения боли, психологического подавления, причинения страдания, в т. ч. вследствие переживания страха. Если агрессия влечет страдание и мучение вследствие защиты себя, то в этом случае садизм отсутствует, поскольку у садиста не было умысла на их причинение. Вместе с тем умысел не всегда бывает легко обнаружить, например при внешне беспричинном и бессмысленном уничтожении живых и неживых объектов, когда виновный получает от этого удовольствие, демонстрируя себя окружающим и самоутверждаясь. В некоторых случаях подобная демонстрация может иметь и другие значения, к примеру, если человек претендует на роль лидера преступной группы, чаще молодых людей.

Изучение феномена садизма, имеющего глубокие исторические корни, всегда высвечивает индивидов, прибегавших к грубому и жестокому насилию для решения своих проблем. Причинение страданий другим служило им средством самоутверждения и поддержания авторитета, независимо от масштаба власти — от мелких криминальных групп до государственных структур. В одной из предыдущих работ мы попытались найти объяснение тому, почему садистские проявления характерны не только для глав преступных режимов, но и для лидеров семей, общин и подростковых

группировок [1, с. 195–200]. Оказывается, необходимость обладать властью над другими продиктована прежде всего стремлением обеспечить собственную безопасность, утвердить свое доминирование и достичь поставленных целей. Следовательно, садизм можно рассматривать как бессознательный механизм преодоления внутренней тревоги, который парадоксальным образом сам же ее и порождает.

Люди, чья личность всецело подчинена садистским наклонностям, лишены моральных ориентиров. Их поведение определяется исключительно прагматичными соображениями, направленными на удовлетворение собственных, чаще всего агрессивных потребностей. Садизм — это антипод морали, когда человек, движимый лишь эгоистичными импульсами, не осознающий высшей цели своих действий, преследует свои противоправные цели. Личные беседы с садистами, консультации с психиатрами, работающими с ними, позволили нам раскрыть сущность садиста, признающего только собственную волю, рассматривающего окружающих как инструменты для реализации своих деструктивных желаний. Он глумится над общепринятыми ценностями и моральными принципами, являясь их ярким и циничным противником [2]. При этом садист нуждается в хаосе и дестабилизации, в ситуациях, когда традиционные нормы и ценности разрушены, а на их место предлагается новая, часто аморальная система. Именно поэтому подобные типы тяготеют к революциям, переворотам, катастрофам и войнам, где можно беспрепятственно проявлять жестокость и агрессию, будь то в тюрьмах, концлагерях, грабежах или убийствах. Садизм всегда является доминирующим состоянием сознания, которое определяет восприятие всего живого с точки зрения лишь объектов, находящихся в его власти или к подчинению которых он стремится.

Совершая садистские действия, человек получает то, что ему необходимо здесь и сейчас, удовлетворяя свою потребность в этом нужном. Так, насилуя женщину, он получает не только оргастическое удовольствие, но и тешит себя своим мужским превосходством, принуждая женщину к подчинению; избивая жену, добивается главенствующей роли в семье. Унижая, оскорбляя, подвергая мучениям пленных, демонстрирует себе и своим соучастникам свои исключительные возможности. Преследуя, уничтожая какую-либо социальную, национальную или религиозную группу, укрепляет свой статус в политике или (и) в обществе, государстве. Унижая подчиненных по работе, убеждает

себя в своей значимости и даже мощи, поскольку смог захватить в коллективе особые полномочия. Этот перечень можно продолжать бесконечно, главное для садиста заключается в том, что он все перечисленные ситуации воспринимает в качестве награды за возможность проявить свою исключительность и «превосходство» над окружающими, его нисколько не смущает достижение желаемого в результате совершения антиобщественных действий.

Садисты в политике и государстве могут компенсировать свои слабости (например, трусость, присущую диктаторам) жестокими убийствами и другими преступлениями этого же ряда по садистским мотивам, как бы мстя судьбе за испытанные ранее поражения или проявленную слабость. В другом случае молодой человек в силу врожденных особенностей состояния здоровья или низких материальных возможностей семьи не мог пользоваться успехом у девочек (девушек), а повзрослев, начинает мстить всем женщинам (иногда избирательно), считая их виновницами своих ранних эротических неудач.

Вполне обоснованно считать, что истоки садизма усматриваются в различных нарушениях психической деятельности, даже в акцентуациях личности, связанных с инстинктами, например страхом или самосохранением. Однако не только это порождает у садиста желание мучить людей и доставлять им страдания. Важно еще учитывать то, что у многих людей имеется психическая зависимость от собственных потребностей и желаний, от других людей, равно как существует непреодолимое влечение к алкоголю, наркотикам, азартным играм.

Среди преступлений, сопровождаемых тяжкими страданиями, можно выделить: насилие в семье, преследование в целях уничтожения социальных, национальных, расовых или религиозных групп, обречение на страдание и смерть содержащихся в концлагерях людей, жестокое обращение с военнопленными и мирными жителями во время войны, серийные сексуальные убийства, не исключаются и другие виды садистских преступлений. Нужно иметь в виду, что некоторые люди способны совершать садистские действия, не понимая, что такие действия являются таковыми. Это может иметь место у умственно ограниченных и бестактных людей, особенно если они попадают в незнакомые или малознакомые им жизненные ситуации.

Человек, обладающий тиранической властью над другим, например в совместном бизнесе или в товарищеских отношениях между молодыми людьми, будет строго следить за поведением по-

следнего, чтобы он не вышел из повиновения. Садист будет давать ведомому ровно столько, чтобы он ничего не искал вне их подневольного союза. Он будет одаривать его психологически и материально, но это будет минимумом того, что в действительности требуется последнему. В любовных отношениях садистически ранящими могут быть действия, когда «хозяин», крепко держа в руках мучающуюся жертву, одаривает ее при этом всевозможными благами вопреки ее желанию.

Изолируя «подпартнера» от других, садист может удерживать его под своим полным контролем разными посулами — от подарков до обещания жениться, но наряду с этим вполне возможны угрозы преследования и наказания. Настоящей трагедией для жертвы является то, что удержание поработителем ее в садистских оковах представляет собой главный интерес и радость в жизни. Садисту нравится вести тонкие игры с жертвой, привлекая и отвергая, очаровывая и разочаровывая, возвышая и унижая. Такое иногда встречается у одиноких стариков, вступающих в жестокую игру чаще всего с близкими им людьми, материально или иным образом зависящими от них.

Садизм может проявляться в гиперсексуальном ролевом поведении у мужчин при чрезмерной акцентуации ими своей мужской половой роли, что необходимо учитывать в розыскной деятельности и особенно при расследовании уголовных дел. Здесь садизм имеет место при общем гиперсексуальном поведении мужчин, подчеркивающий мужской тип поведения в удовлетворении сексуальных потребностей. При этом садизм может не переходить крайних пределов нормы. Элементы садизма проявляются в том, что мужчина полностью игнорирует желания и интересы женщины, грубо овладевая ею и причиняя боль, принуждает к близости, что воспринимается им как настоящее мужское поведение. При крайних формах сексуальное удовлетворение наступает при нанесении жертве телесных повреждений или даже ее убийстве.

Именно издевательства, мучения, истязания вызывают оргазм у серийных сексуальных убийц, которые резко отличаются от эротической игры перед сексуальным сношением, которая придает ему особую эмоциональную окраску. Такие отличия необходимо учитывать при квалификации действий конкретного лица. В одной из многочисленных личных бесед с сексуальным серийным убийцей Чикатило он рассказал, что у него наступал оргазм при наблюдении предсмертной агонии жертв. По данным отдельных авторов, такое же

наслаждение получал серийный убийца Головкин, когда подвергал садистским пыткам, а затем убивал мальчиков. И в том и в другом случаях налицо связь между смертью и сексом: вполне возможно, что наслаждение вызывается сильнейшим эмоциональным возбуждением, и в этом смысле смерть и секс тесно связаны друг с другом. Само эмоциональное возбуждение, вероятнее всего, на наш взгляд, порождается двумя очень весомыми обстоятельствами: удовлетворением некрофильского человека убийством (Чикатило и Головкин, вне всякого сомнения, были некрофилами) и осознанием того, что уничтожены были те, которые им убедительно представлялись причинами их несчастий — Чикатило был импотентом и пассивным гомосексуалистом, над Головкиным сверстники издевались с детства, за что он их и ненавидел.

Изложенное дает основание полагать, что совершение сексуального садистского убийства мотивируется желанием получения сексуального удовлетворения и уничтожения объекта, воспринимаемого в качестве причины сексуального страдания. Сексуальный садизм без убийства может быть порожден желанием демонстрации маскулинности и презрительного отношения к женщине.

У несексуальных властных садистов в качестве мотива выступает желание получить удовлетворение от страданий неопределенно большой, даже многомиллионной массы людей, сопровождающееся обостренным ощущением неограниченной власти. Так, перед террористическим актом преступник может испытывать радость и удовлетворение по той причине, что у него теперь есть такая власть, что он способен предать мучениям и смерти многих людей. Если такой человек некрофил или религиозный фанатик, то ему бывает не жаль и собственной жизни. Домашний или начальствующий садист упивается унижением попавшего ему в лапы человека только потому, что это является демонстрацией его силы и возможностей. Садистом можно считать и воинского командира, готового послать на верную, но бесполезную смерть своих подчиненных, что нередко и происходит в условиях боевых действий.

Склонности к немотивированной жестокости, как правило, начинают проявляться у подростков одновременно с девиантным сексуальным поведением и совершением преступлений, которые сочетаются с другими сексуальными и иными расстройствами. Распространенными сопутствующими проблемами являются алкоголизм, пиромания и kleptomания, на формирование которых часто влияют неблагоприятные условия взросления, та-

кие как неполная семья, проблемы в отношениях с родителями и недостаток внимания. Выбор профессии и хобби у таких людей нередко связан с их девиантной сексуальностью. При этом среди сексуальных убийц, изученных в исследовании, лишь небольшая часть имела явные психические заболевания, хотя около 20 % наблюдались или лечились в психиатрических учреждениях.

Важно констатировать, что в группе сексуальных убийц-садистов, как и среди лиц с иными сексуальными расстройствами, часто обнаруживаются объективные признаки органического поражения головного мозга, варьирующиеся по степени выраженности и этиологии. Существует гипотеза, согласно которой наличие органической патологии головного мозга, в частности его глубинных структур, является предрасполагающим фактором для нарушения нормального психосексуального развития личности. По данным Ф. В. Глазырина, у значительной части (73 %) исследуемой выборки были зафиксированы разнообразные неврологические симптомы, указывающие на наличие как остаточных явлений, так и в меньшей степени текущих органических поражений церебральных структур [3].

Садистские наклонности и крайняя жестокость могут проявляться в актах истязания, избиений, клеветы, оскорблений, в осквернении тел умерших и их захоронений, в жестоком обращении с животными. Садизм может присутствовать и при совершении краж, грабежей и разбоев, если преступники целенаправленно похищают вещи, имеющие особую sentimentalную ценность для жертвы, связанные с памятью о близких или важных жизненных вехах.

В предыдущих работах мы отмечали, что садистские наклонности зачастую обусловлены страхами перед жизненными переменами, поскольку они могут нарушить привычный паттерн агрессивного поведения. Фиксация на объекте агрессии сочетается с опасением всего нового и чуждого, а также с подчинением авторитетам [4]. Вследствие этого садизм и возможность его проявления становятся для такого индивида, по сути, единственным механизмом взаимодействия с реальностью, вызывающей у него страх. Подобным образом садист демонстрирует поведенческую зависимость, которая, как и любая другая, не является редкостью. Если же зависимость человека сосредоточена исключительно на его собственном, осуждаемом поведении, это приводит к выраженному чувству отчуждения.

Науке крайне трудно объяснить, почему люди проявляют особую жестокость и садизм, причиняя

страдания. Это связано с тем, что для понимания причин необходимо проникнуть в самые глубины человеческой психики, куда люди обычно не заглядывают. Как нам представляется, они избегают этого либо не ставят такой цели, либо опасаются столкнуться с тем, что скрывается у них внутри. В этих темных уголках души, накапливаясь с самого рождения, могут таиться порождения страхов, разочарований, обид и зависти. Человек часто может не осознавать их существования, лишь ощущая смутную угрозу и инстинктивно избегая их пробуждения [5]. Чтобы разобраться в этих внутренних «чудовищах» и оценить их влияние, нужны не столько навыки, сколько смелость и искренность, в т. ч. по отношению к самому себе.

Самостоятельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, что представляет собой личность мучителя в пытках. Опираясь на результаты собственных эмпирических исследований садистов-убийц, можно предположить наличие у них таких черт, как высокая тревожность, накапливание злобы и ненависти к людям с детских лет еще в семье и создание на этой психологической базе образа врага, которого надо уничтожить. В сексуальном плане мужчина, который пытается женщину, ненавидит ее как источник своих страданий из-за своей мужской несостоятельности. Подвергая ее страданиям, садист не пытается жертву в привычном понимании, скажем, в целях получения от женщины какой-то информации, он мучает ее ради того, чтобы она страдала, чтобы она была наказана за то, что причинила ему дискомфорт.

Суммируя имеющиеся в литературе данные, можно утверждать, что человек может стать более жестоким, если он анонимен, если его не узнают, если он как бы растворен среди других, неотличим от них, если будет безнаказан. Для него важно осознание того, что он поступает, как и многие другие, что он как бы выполняет приказ или гражданский долг, не видя разницы между служением Родине и подчинением господствующему режиму.

Масштабы и степень проникновения садизма в общество напрямую зависят от политического строя. Демократические режимы, основанные на безусловном уважении прав, свобод, чести и достоинства каждого человека, а также на взаимном доверии и уверенности в правовой защите, способны значительно ограничивать проявления садизма. В то же время общество, превращенное в подобие концлагеря, неизбежно порождает и питает садизм и сопутствующие ему отвратительные человеческие побуждения. Садизм не всегда приводит к смерти человека, но садистское убийство являет-

ся самым опасным видом убийства. Поэтому есть основания считать такие убийства проявлением некрофилии, которые могут иметь место не только в личных отношениях людей, но и в более широком плане — действиях государственной власти, прежде всего тоталитарной, войнах и иных социальных конфликтах.

Объяснение субъективных и объективных причин садизма — чрезвычайно сложная для науки задача. Для этого исследователю надо проникнуть в глубины человеческой психики, понять скрытый смысл общественных явлений, их движущие силы, детерминацию общественных отношений. Причину жестоких садистских преступлений следует прежде всего искать в личности преступника, в его жизненном пути, уделяя особое внимание детству и ранней юности, в каждом поступке определять смысл, обычно скрытый, связывать его с прошлым. Очень важно найти в человеке особенности, типичные для некрофила, поскольку именно некрофилия способна запрограммировать его на садистские действия, но такое программирование достаточно условно, поскольку может стать реальностью, а может и не стать.

Эрих Фромм уделял особое внимание проявлениям садизма у конкретных людей, поскольку даже в условиях глобального тоталитаризма всегда действует отдельный человек. Ощущение внутренней пустоты и беспомощности у человека, будь то ребенок или взрослый, может быть вызвано рядом факторов. Один из них — это переживание страха, например, в результате «авторитарного» наказания, не имеющего четких правил, не привязанного к конкретному действию, а являющегося произвольным проявлением власти, зачастую обусловленного садистскими наклонностями. Другой значимый фактор — это дефицит эмоциональной стимуляции [6]. Если человек лишен положительных впечатлений, если его жизнь лишена радости и проходит в атмосфере душевной глухоты и черствости, по мнению Эриха Фромма, он может испытать внутреннее «замерзание», сопровождающееся отчаянием и ощущением полного бессилия. Важно отметить, что это состояние не всегда приводит к формированию садистского характера; существенную роль играют иные факторы, особенно влияние ближайшего социального окружения.

Анализ внешних факторов, способствующих совершению садистских актов, таких как месть за национальные или семейные обиды, не должен подменять собой исследование природы самого садизма в этих актах. Особую категорию составляют лица, находящиеся в состоянии перманентной

ненависти, готовые направлять ее на людей и иные объекты. К ним относятся не только деспоты исторического масштаба, такие как Иван Грозный или Гитлер, но и серийные убийцы, чьи побуждения могут быть связаны с корыстью, сексуальными отклонениями, стремлением к самоутверждению или же с имманентным желанием лишать жизни.

К ним же можно отнести семейных тиранов и тиранствующих административных начальников. Жизнь таких людей определяется желанием и возможностью заставлять страдать других людей, что позволяет им заглушать свой собственный, неосознанный страх перед неизвестным. Унижая, обесценивая или даже уничтожая кого-то, он ощущает собственное превосходство и рост в своих глазах, видя в этом проявление своей силы и потенциала. Жестокость становится для него инструментом самовыражения и подтверждения своего места в обществе и природе. Стремление к власти, продиктованное желанием побороть страх перед жизнью, не имеет пределов.

Основной движущей силой жестоких личностей является инстинктивное стремление к самосохранению как на уровне выживания, так и на уровне социального статуса. Они, ощущая свою уязвимость и слабость, ищут защиту и личную безопасность в установлении власти над другими. Эта потребность в доминировании может принимать крайние формы, проявляясь в масштабах государственного управления, семейных отношений, военных завоеваний или криминальной деятельности, где жертвами становятся более слабые и беззащитные.

Никто не приходит в этот мир жестоким человеком, даже если он рождается с высокой тревожностью. Он становится жестоким, если условия жизни не снижают ее, а наоборот, порождают такую тревожность. Современный цивилизованный человек, казалось бы, избавлен от примитивного первобытного страха, но оказывается, что он сбросил с себя лишь древние формы страха и защиты от непонятных и смутных, а потому и страшных угроз. Страхи и угрозы вполне сохранились в приметах, суевериях, символах, оберегах, пословицах, верованиях. Поэтому нужна защита, даже полная победа, когда враг или соперник не просто побежден, а страдает от своего поражения и просит о пощаде. Его не всегда следует уничтожать, поскольку время от времени надо будет удостоверяться в покорности уже покоренного, и к тому же всегда приятно видеть мучения другого. Но можно и убить, если обстоятельства позволяют, например в концлагере смерти выбрать себе завтра новую жертву.

Как и много столетий до него, современный человек боится обеднеть, не состояться, потерять работу, стать жертвой преступления. Садист старается убивать радость в окружающих его людях, разочаровывать их в надеждах, портить им жизнь, начиная с мелочей, создавать мрачную атмосферу, угнетающее настроение. Садист остро подмечает чужие недостатки, возвеличивает их, подчеркивает и высмеивает, интуитивно понимая слабые места других и делая их предметом насмешек. Презрение ко всем людям легко становится презрением к одному человеку, причем, скорее всего, это не придирки, а страсть видеть в других только осуждаемое, дурное, неправильное. Какие-нибудь их удачи объясняются им не их личностными качествами, а только стечением благоприятных обстоятельств.

Представление о садистских импульсах как о сохранившейся детской склонности обладает определенной убедительностью, учитывая, что дети нередко проявляют жестокость к животным или младшим, сопровождаемую заметным возбуждением. На основе этого поверхностного сходства можно было бы заключить, что детская жестокость лишь трансформируется в более изощренную форму. Однако это упрощение, поскольку жестокость взрослого садиста представляет собой явление иного порядка, обладающее специфическими чертами, отсутствующими в детской агрессии. Детская жестокость, вероятно, является относительно простой реакцией на пережитое притеснение или унижение, служащей для самоутверждения через месть более слабым. Садистские же наклонности, по мнению Карен Хорни и Эриха Фромма [7], гораздо более сложны и имеют более глубокие этиологические корни. Кроме того, подобно любым попыткам объяснить более поздние феномены исключительно через ранние переживания, данный подход не дает ответа на фундаментальный вопрос о факторах, обуславливающих сохранение и прогрессирование жестокости.

Ни одна из ранее упомянутых гипотез не может полностью объяснить садизм, поскольку каждая фокусируется лишь на одном его проявлении — либо на сексуальном аспекте, либо на жестокости. Утверждение Эриха Фромма хотя и не является исчерпывающим, однако объясняет, почему садист не стремится уничтожить близкого человека, но вынужден использовать его для поддержания собственного существования из-за неспособности жить самостоятельно [8, с. 78]. Однако это не проясняет ситуацию в части причины возникновения навязчивого желания причинять вред другим

и почему это желание проявляется именно в такой форме.

Садизм, рассматриваемый как невротический симптом, тесно связан с ощущением бессмысленности жизни. Для осознания садизма нужно сначала понять личность, которая его проявляет, и тогда станет ясно, что садистские наклонности редко встречаются у тех, кто не испытывает глубокого чувства тщетности. Когда человек чувствует бессмысленность своего существования и не может найти в себе смирения, он неизбежно становится озлобленным и обиженным, ощущая себя отвергнутым и поверженным.

Садист использует партнера, на наш взгляд, не для симбиотического существования, жертва для него вообще не партнер, тем более в случаях, когда не планирует оставить ее в живых. Но даже если он ее не убьет, последняя ему вовсе не партнер, а всегда ниже, хотя сама живет как бы за его счет. Садист очень часто завидует другим и себя относит к числу обделенных. Не смея или не умея иметь то, что есть у других, он постоянно им завидует, компенсируя зависть насилием, например, в семье либо иным социальном окружении. Другим способом компенсации является отыскание в другом человеке или каких-то его созданиях несущественных, мелких недостатков и сильно преувеличенный акцент на них, позволяющий очернить весь объект и даже его творца. Это приносит садисту удовлетворение и может создать о нем мнение как о проницательном и знающем человеке.

Причины хронического недовольства собой и своей жизнью обычно находятся в глубинах личности садиста, но он всегда будет считать ими внешние обстоятельства, неприязнь к нему других людей, их зависть и т. д. Для неизменного оправдания себя ему необходимо создать особый «Я-образ», который будет существовать у него на неких вершинах и отвечать самым высоким нравственным и интеллектуальным требованиям. При этом садист ни в коем случае не признает себя виновным в чем-либо, демонстрируя полное непонимание самого себя.

Садист очень болезненно переживает свои неудачи и неадекватное, по его мнению, отношение к себе, которое он компенсирует издевательствами над другими, человеком или животным. Будучи несостоявшейся личностью и воспринимающий всех остальных как виновников этого, он мстит всем, по возможности убивая тех, кто находится в его власти, а издевательства над ними, их мучения выступают в качестве органической части его

мести. В значительно более мягких вариантах садист будет только обвинять, бранить, унижать, все больше загоняя себя в им же созданную западню. Чем сильнее он презирает людей, тем более отчетливо может ощущать свою безнадежность и воспринимать отношение к себе как презрительное, хотя этого может и не быть.

Предупреждение садистских преступлений, розыск виновных и расследование уголовных дел по таким преступлениям предполагают понимание того, что представляет собой садизм вообще и в данном случае в особенности. Для предупреждения подобных деяний прежде всего необходимо знать ситуации и людей, которые могут учинить садистские действия или стать их жертвой. Поэтому объектом оперативного внимания должны быть семьи, в которых имеют место острые конфликты, группы с антиобщественной ориентацией, особенно молодежные, которые склонны к совершению жестоких насильственных действий. В особом контроле нуждаются те, которые в прошлом совершали серийные насильственные, в т. ч. сексуальные, преступления, а также лица, состоящие на психиатрическом учете и склонные к жестоким поступкам.

Когда возникает необходимость расследования преступлений с признаками садизма и поиска виновных, в первую очередь желательно учитывать мотивы совершенного преступления, которыми могут быть: а) получение сексуального удовлетворения при виде мучений и страданий жертвы; б) месть в отношении того, кто ранее нанес преступнику какой-то, по его мнению, ущерб; в) зависть в отношении человека, который владеет тем, чем не может владеть преступник (например, престижным автомобилем); г) сексуальная несостоятельность в отношении к женщинам в силу его полной или частичной импотенции; д) стремление проявить свою силу и возможности к своим жертвам путем причинения им мучений и страданий.

В ходе расследования таких преступлений следователю желательно сотрудничать с психиатром либо патопсихологом, помощь которых можно использовать в качестве консультаций при построении версий, при допросах подозреваемых (обвиняемых) и потерпевших. Необходимые сведения можно обнаружить в психиатрических диспансерах, в отношении детей — в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, психиатрических клиниках, в беседах с преподавателями общеобразовательных школ.

Список источников

1. Антонян Ю. М. Садизм и некрофилия в механизме совершения убийств // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 195–200.
2. Антонян Ю. М. Типология убийств // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2016. № 3. С. 15–28.
3. Глазырин Ф. В. Серийные сексуальные убийства: расследование и предупреждение. Волгоград: Волгоградский юридический институт, 2003. 189 с.
4. Антонян Ю. М. Понятие садизма // Научный портал МВД России. 2010. № 4 (12). С. 59–65.
5. Антонян Ю. М. Криминология садизма // Общество и право. 2020. № 2 (72). С. 41–48.
6. Фромм Э. О человеческой деструктивности // Арендт Х., Фромм Э. В самый темный час. Как рождается жестокость. М., 2024. С. 257–258.
7. Психоанализ и культура. Избранные труды: Карен Хорни и Эриха Фромма. М., 1995. 622 с.
8. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1998.

References

1. Antonyan Yu. M. Sadizm i nekrofilija v mekhanizme soversheniya ubijstv // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2011. № 6. S. 195–200.
2. Antonyan Yu. M. Tipologiya ubijstv // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya. 2016. № 3. S. 15–28.
3. Glazyrin F. V. Serijnye seksual'nye ubijstva: rassledovanie i preduprezhdenie. Volgograd: Volgogradskij yuridicheskij institut, 2003. 189 s.
4. Antonyan Yu. M. Ponyatie sadizma // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2010. № 4 (12). S. 59–65.
5. Antonyan Yu. M. Kriminologiya sadizma // Obshchestvo i pravo. 2020. № 2 (72). S. 41–48.
6. Fromm E. O chelovecheskoj destruktivnosti // Arendt H., Fromm E. V samyj temnyj chas. Kak rozhdaetsya zhestokost'. M., 2024. S. 257–258.
7. Psihoanaliz i kul'tura. Izbrannye trudy: Karen Horni i Eriha Fromma. M., 1995. 622 s.
8. Fromm E. Begstvo ot svobody. M., 1998.

Информация об авторе

Ю. М. Антонян — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР.

Information about the author

Yu. M. Antonyan — Doctor of Science (Law), Professor, Honored Scientist of the RSFSR.

Статья поступила в редакцию 09.11.2025; одобрена после рецензирования 17.12.2025; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 09.11.2025; approved after reviewing 17.12.2025; accepted for publication 10.03.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 96–101.

Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 96–101.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.3/.7

ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Илья Викторович Ботвин

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, botviniv@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации российской уголовной политики под влиянием технологического прогресса и геополитических изменений. Установив, что в отечественной юридической науке не существует универсального, общепризнанного определения уголовной политики, автор изучает основные подходы к его трактовке, подчеркивая сложный, междотраслевой характер. Прослеживает эволюцию от стабильного советского законодательства к современной динамичной модели, выделяет три ключевые черты: неопределенность, гиперопределенность и чрезвычайность. На конкретных примерах демонстрируется, как эти тенденции проявляются в изменениях, которые вносятся в уголовное законодательство. Отдельное внимание уделено вопросам правоприменения в условиях действующей уголовной политики России. В заключение формулируются предложения по оптимизации уголовной политики через восстановление баланса между гибкостью и стабильностью правового регулирования.

Ключевые слова: уголовная политика, противодействие преступности, целесообразность, неопределенность, технологический прогресс

Для цитирования: Ботвин И. В. Трансформация уголовной политики Российской Федерации: новые тенденции и перспективы развития // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 96–101.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

TRANSFORMATION OF THE CRIMINAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION: NEW FEATURES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Ilya V. Botvin

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, botviniv@mail.ru

Abstract. The article analyzes the transformation of Russian criminal policy under the influence of technological progress and geopolitical changes. Establishing that there is no universal, universally accepted definition of criminal policy in Russian legal science, the author examines the main approaches to its interpretation, emphasizing its complex, interdisciplinary nature. The evolution from stable Soviet legislation to the modern dynamic model is traced, and three key features are identified: uncertainty, hyper-determination, and emergency. Specific examples demonstrate how these trends manifest themselves in the changes made to criminal legislation. Special attention is paid to the issues of law enforcement in the context of Russia's current criminal policy. In conclusion, proposals are formulated to optimize the criminal policy by restoring the balance between flexibility and stability in legal regulation.

Keywords: criminal policy, crime prevention, expediency, uncertainty, technological progress

For citation: Botvin I. V. Transformation of the Criminal Policy of the Russian Federation: New Features and Development Prospects. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2026;1:96–101 (In Russ.).

Уголовная политика является фундаментальной категорией для всей системы противодействия преступности. Она определяет стратегические цели, принципы и направления деятельности государства и общества в этой сфере. В условиях социально-экономических трансформаций, технологического прогресса и изменения характера преступных угроз четкое понимание сущности, видов и признаков уголовной политики приобретает первостепенное теоретическое и практическое значение.

В отечественной юридической науке не существует универсального, общепризнанного определения уголовной политики, что подчеркивает ее сложный, межотраслевой характер. Можно выделить несколько основных подходов к его трактовке:

- государственно-правовой подход, в рамках которого уголовная политика понимается как деятельность государства по разработке и реализации уголовного закона. Это политика в сфере уголовного права, определяющая, какие деяния признаются преступными и какое наказание за них следует;

- социально-управленческий подход, согласно которому уголовную политику представляют как более широкую, комплексную деятельность государства и общества по выработке стратегии и тактики борьбы с преступностью. Эта деятельность не ограничивается уголовным правом, а включает в себя уголовно-процессуальные, уголовно-исполнительные, криминологические, организационные и иные аспекты;

- интегративный подход, при котором уголовная политика определяется как стратегический курс или вектор государства и общества.

Наиболее продуктивным представляется именно интегративный подход, при котором уголовная политика выражена в системе взаимосвязанных идей, принципов и концептуальных решений, направленных на эффективное противодействие преступности посредством комплекса предупредительных, карательных, воспитательных и иных мер. Все эти меры, в свою очередь, призваны обеспечить стабильность, прозрачность и эффективность уголовной политики любого государства.

Отечественная уголовная политика на протяжении многих десятилетий отвечала этим качествам. Все изменения, вносимые в уголовное законодательство советского периода, были четко выверенными и отвечали существующим вызовам и происходящим процессам в жизнедеятельности общества. Следует отметить, что уголовная

политика как таковая в специальной литературе того периода вовсе не выделялась и не рассматривалась. Причиной тому явилось отсутствие неопределенности на законодательном уровне, поведение законодателя отличалось системностью, последовательностью и по большей части стабильностью.

Нормативная основа для принятия законодательных изменений также была понятной и прозрачной. При этом законодатель не спешил устанавливать новые уголовно-правовые запреты, а также отказываться от сложившихся десятилетиями догм и парадигм.

Таким образом, склонность к постоянным детальным изменениям была чужда отечественному праву вплоть до начала третьего тысячелетия, поскольку логика развития общественных отношений находила свое последовательное отражение в уголовно-правовых запретах, сохраняя при этом требуемый уровень авторитета и ясности закона как для самого законодателя, так и для правоприменителя.

Как справедливо отмечают А. И. Коробеев и А. И. Чуцаев, современное состояние уголовной политики России характеризуется поиском оптимальной модели, которая соответствовала бы новым социально-экономическим условиям [1, с. 96–105]. Этот поиск осложняется необходимостью балансировать между традиционными подходами и новыми вызовами, связанными с технологическим развитием и глобализацией, которые ложатся в основу модификаций общественного уклада, сдвига приоритетов и неизбежного изменения преступности. Так, четвертая промышленная революция стала катализатором формирования новой правовой парадигмы. Стабильность, последовательность и преемственность стали исчезать как из социальных связей, так и из нормативного регулирования, уступив место динамизму и изменчивости.

Технологический прогресс существенно ограничил возможности государства в выборе средств и методов формирования правовой политики, которая все больше стала сводиться к эмоциональному реагированию на отдельные события, точки зрения и мнения. Уголовное право, призванное защищать общество от наиболее опасных проявлений, также не осталось в стороне от этих процессов. Получив вектор на реформатирование, уголовная политика стала приобретать оригинальные черты, открывая новую страницу в истории отечественного уголовного законодательства.

Динамика изменений Уголовного кодекса Российской Федерации

Год	Количество изменений	Ключевые причины
1996–1997	0	Нормы не подвергались изменениям
1998–2000	9	Адаптация к условиям рыночной экономики
2005	2	
2006	4	
2010	23	Криминализация экономических преступлений
2013	23	Борьба с экстремизмом и терроризмом
2014	27	Реакция на геополитические вызовы
2018	20	Изменения карательной политики
2023	20	Криминализация цифровых преступлений и новых угроз
2024	22	

Из приведенной таблицы хорошо прослеживается устоявшаяся тенденция к активному реагированию государства на процессы, происходящие в обществе и мире, путем закрепления уголовно-правовых запретов на те или иные деяния.

В погоне за устранением возможных пробелов и коллизий в уголовно-правовом регулировании уголовная политика России стала существенно модифицироваться и приобретать новые особенности. В частности, она стала выражено отличаться следующими тенденциями (чертами):

1. Неопределенность правового регулирования.

Современная уголовная политика характеризуется нарастающей неопределенностью, что проявляется в непоследовательности законодателя при криминализации отдельных видов деяний. Ярким примером служат метания законодателя в вопросах установления уголовной ответственности за цифровые преступления. Законодатель достаточно давно обратил внимание на общественную опасность и распространенность сбыта наркотических средств и психотропных веществ с использованием сети Интернет, что выразилось в закреплении в ст. 228.1 УК РФ соответствующего квалифицирующего признака.

Вместе с тем на протяжении многих лет остальные предметы, ограниченные и запрещенные в гражданском обороте, остались без должного внимания законодателя. Лишь в 2021 г. было обращено внимание на то, что незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств также отягчается использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Вместе с тем без должной регламентации остались иные действия с наркотиками (приоб-

речение, пересылка), оборот сильнодействующих или ядовитых веществ, торговля людьми.

Аналогичная ситуация сложилась с деяниями, посягающими на половую неприкосновенность и нормальное развитие несовершеннолетних: установив уголовную ответственность за распространение порнографии (ст. 242 УК РФ) и поощрение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ), совершенные в информационном пространстве, законодатель необоснованно обошел ст. 135 УК РФ (развратные действия), которая в подавляющем большинстве случаев совершается в Сети [2, с. 17–18].

Кроме того, законодатель до сих пор не дал правового определения цифровым финансовым активам (криптовалюте) для целей уголовного закона. Является ли она имуществом, иным активом или чем-то еще? В судебной практике встречаются противоречивые решения: одни суды квалифицируют кражу криптовалюты по статьям о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) или неправомерном доступе к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), другие отказывают в возбуждении дела из-за неясности правовой природы объекта. Это создает правовой вакуум для одной из самых быстрорастущих сфер экономики.

2. Гиперопределенность и потеря системности.

Уголовное законодательство, стремясь регламентировать все возможные формы и способы преступных проявлений, а также возникающие общественно опасные последствия, неумолимо теряет универсальность, гибкость и эластичность, которые были присущи советскому уголовному праву. Законодательный ресурс расходуется на малейшие колебания в обществе (иногда только прогнозируемые), пренебрегая конституционными

положениями, общими началами уголовного права, его принципами и основными понятиями.

Стремление детально прописать все проявления экстремизма привело к созданию сложной системы дублирующих норм. Понятия «экстремистское сообщество» и «экстремистская организация» в статьях 282.1 и 282.2 УК РФ содержат избыточно детализированные признаки, которые не всегда согласуются с общим понятием преступного сообщества из ст. 35 УК РФ. Это приводит к противоречивой судебной практике, когда одни и те же действия суды квалифицируют по-разному, а правоприменители тратят значительные ресурсы на разграничение схожих категорий.

То же самое касается тренда на криминализацию приготовления и покушения на отдельные преступления и соучастие в их совершении — это установление уголовной ответственности за различного рода обучения, финансирования, преступное обещание и многое другое.

3. Чрезвычайность как постоянный режим функционирования.

Нормативные акты меняются чрезмерно часто, пытаясь регламентировать события, происходящие в обществе. Целесообразность, законность и другие принципы уголовного права уходят на второй план, уступая чрезвычайности. Последняя предполагает активизацию всех ресурсов государства для решения сложной и важной задачи, включая чрезвычайное правовое регулирование. Уголовное законодательство также не осталось в стороне, однако в отличие от общего правила, однажды отреагировав на событие, оно продолжает хранить нормы на протяжении всего действия кодекса. Последняя возникает с появлением неординарного события (ситуации) и согласно логике должна исчезать с ней же [2, с. 18].

Ярким примером выступают изменения, внесенные в 2020 г. в связи с появлением и распространением коронавирусной инфекции COVID-19 (ст. 207.1, 207.2, 236 УК РФ). Вместе с тем необходимо четко понимать, что новый вирус — это лишь одно событие, одна технология, которая внесла изменения в жизнедеятельность людей. Потенциальная опасность его повторного появления будет постоянно подпитывать новые нормы необходимостью их существования.

Другой пример — начало специальной военной операции на Украине. В 2022 г. были оперативно введены специальные составы за «дискредитацию армии» и «распространение заведомо ложной информации» (ст. 207.3 и 280.3 УК РФ), изначально позиционировавшиеся как ответ на

конкретные геополитические вызовы. Однако эти нормы не только не утратили силу, но и продолжают активно применяться и дополняться, трансформировавшись из чрезвычайных мер в постоянный инструмент уголовно-правового воздействия.

Это демонстрирует тенденцию к консервации временного регулирования, что противоречит принципу правовой определенности. Изменения УК РФ, которые были так обоснованы и необходимы в начале 2022 г., перестанут быть актуальными с наступлением мирного взаимодействия, перейдя в разряд предупредительных.

При этом страшна не сама ситуация выхода за пределы правового регулирования и игнорирования общих начал уголовного права, а то, что сегодня законодатель допускает любые вариации, где чрезвычайное регулирование становится чуть ли не нормой. Внезапное появление новой инфекции, распространение компьютерного вируса, преступные последствия искусственного интеллекта, возникновение климатической катастрофы или другого технологического сдвига, безусловно, приведут к изменениям правовой сферы, включая уголовное законодательство. Общество начинает существовать в обстановке непрерывных угроз, формируя новую парадигму, в которой частота модификаций уголовного закона становится понятной моделью откликов государства на уже существующие события.

Перечисленные черты современной уголовной политики находятся в тесной взаимосвязи, компилируясь в нормативную бессистемность. Основной реакцией законодателя на стремительные процессы, происходящие в обществе, стала рефлексия, которая лишь усиливает неопределенность. Право, по своей сути, стало пленником технологического развития и альтернативного вектора в условиях глобальной неопределенности.

В самой затруднительной ситуации находится правоприменитель, которому ежедневно приходится опираться на законодательные положения и принимать решения в условиях противоречивости. Безусловно, норма должна оставлять пространство для судебского усмотрения, чтобы не сводить работу правоохранительного аппарата к технической фиксации совершенного преступления и назначению четко определенного наказания.

По мнению некоторых исследователей в области теории права, юридическая неопределенность создает условия для выбора наиболее целесообразных и приемлемых в сложившейся ситуации средств и методов решения, что во многом позволяет учитывать особенности современных

тенденций развития жизнедеятельности общества [3, с. 32–44]. В этой связи сложно не согласиться с тезисом, что в этом смысле правовая неопределенность выступает в позитивном контексте и попросту необходима в реализации правоохранительных целей. Однако это одна из немногих (если не единственная) ее позитивных функций, которой противопоставлены перечисленные выше отрицательные аспекты.

В. Д. Зорькин, рассуждая над этой проблемой, поясняет, что «...право глобализации, казавшееся средством разрешения всех проблем современного общества, не только приводит к новым проблемам, прежде не виданным, но и расшатывает основы создаваемых веками национальных рубежей защиты от вызовов эпохи» [4, с. 1–8]. Этот тезис еще раз отражает все черты современной уголовной политики.

Наибольшее беспокойство вызывает бессистемность в избрании правовых механизмов защиты гражданина и общества. В бесконтрольном потоке модификаций уголовного законодательства Общая часть УК РФ, структура закона, количество глав и разделов остаются практически неизменными. Несмотря на стремительное развитие цифровизации, уголовное законодательство содержит лишь профильную главу 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» (включающую 6 статей), одно название которой уже не выдерживает критики в свете современных тенденций.

В свете изложенного представляется, что современная уголовная политика должна преследовать следующие основные тенденции:

1. Рациональность и целесообразность в разработке изменений действующего уголовного закона с их анализом на соответствие положениям Конституции Российской Федерации, общим началам уголовного права и реальной потребности общества и государства [2, с. 18]. Принятие безотлагательных и чрезвычайных норм не должно терять в качестве проработки и обоснованности, а также должно соответствовать всем действующим принципам уголовного права.

2. Сдерживание рефлекторного реагирования на происходящие изменения общественных отношений, в т. ч. на геополитическом пространстве. Только выверенные и научно подтвержденные и обоснованные предложения должны рассматриваться в качестве изменений уголовного законодательства. Для этих целей на регулярной основе проводятся научно-представительские мероприятия различного уровня (к примеру, «Уголовная политика и культура противодействия преступ-

ности» (Краснодар), «Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы» (Москва) и др.).

3. Внесение изменений на основе исследования по прогнозированию их эффекта на систему противодействия преступности и на правоприменительную сферу, чтобы уголовное право оставалось в тренде грядущих изменений общественной жизни. В. Е. Квашис отмечал, что культура противодействия преступности предполагает «...опережающий характер этой деятельности». Объективно она должна быть направлена в будущее, «...оценка ситуации в условиях текущего момента "завтра" может оказаться ошибочной, т. к. ситуация в этой сфере крайне изменчива...» [5, с. 20–24].

4. Максимальное сохранение абстрактности и гибкости уголовного законодательства, которая была свойственна отечественному праву советского периода. Это особенно важно в условиях быстро меняющихся технологических и социальных реалий. Новая технология или ситуация не должна стать отправной точкой для запуска законодательного механизма по воссозданию уголовно-правовых запретов.

5. Развитие международного сотрудничества в сфере уголовной политики. В специальной литературе чаще стало отмечаться, что международное уголовное право сталкивается с новыми вызовами и угрозами, это требует развития соответствующих форм сотрудничества и гармонизации законодательства. Однако в этих геополитических условиях ключевой задачей является сохранение охранительных свойств УК РФ [6, с. 332–336], а также уникальности и самобытности отечественного уголовного права.

Таким образом, современная уголовная политика России находится в состоянии поиска баланса между традициями и инновациями, стабильностью и гибкостью, национальными интересами и глобальными вызовами. Выявленные черты современной уголовной политики — неопределенность, гиперопределенность и чрезвычайность — находятся в тесной взаимосвязи, компилируясь в нормативную бессистемность. Поскольку право является индикатором общественных отношений, можно с уверенностью утверждать о наличии бессистемности и в жизни современного общества.

Основной реакцией законодателя на эти процессы стала рефлексия, которая лишь усиливает неопределенность. Право, по своей сути, стало пленником технологического развития, и альтернативного вектора в условиях глобальной не-

определенности не предлагается. В этой ситуации особенно важным представляется развитие доктринальных основ уголовной политики, которые позволили бы гармонизировать традиционные ценности и новые вызовы.

Изменение вектора уголовной политики в сторону рациональности и целесообразности приведет к появлению содержательной внятности и системности, а также укреплению действующего уголовного законодательства.

Список источников

1. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Перспективы развития уголовно-правовой политики России: поиски реальной модели // Государство и право. 2023. № 8. С. 96–105.
2. Ботвин И. В. Новые черты уголовной политики России в эпоху информатизации // Сибирский юридический форум: мат-лы Международной научно-практ. конф-ции. Барнаул, 2025. С. 17–19.
3. Власенко Н. А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 32–44.
4. Зорькин В. Д. Право метамодерна: постановка проблемы // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 4. С. 1–8.
5. Квашиш В. Е. К проблеме культуры противодействия преступности // Уголовная политика и культура противодействия преступности: мат-лы Международной научно-практ. конф-ции (Краснодар, 30 сентября 2016 г.). Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. Т. 1. С. 20–24.
6. Бавсун М. В. Предпосылки и перспективы трансформации Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в условиях современной геополитической обстановки // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В. П. Коняхина: сборник мат-лов (1–2 февраля 2024 г.). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 332–336.

References

1. Korobeev A. I., Chuchaev A. I. Perspektivy razvitiya ugolovno-pravovoj politiki Rossii: poiski real'noj modeli // Gosudarstvo i pravo. 2023. № 8. С. 96–105.
2. Botvin I. V. Novye cherty ugolovnoj politiki Rossii v epohu informatizatsii // Sibirskij yuridicheskij forum: mat-ly Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii. Barnaul, 2025. S. 17–19.
3. Vlasenko N. A. Neopredelennost' v prave: priroda i formy vyrazheniya // Zhurnal rossijskogo prava. 2013. № 2. S. 32–44.
4. Zor'kin V. D. Pravo metamoderna: postanovka problemy // Zhurnal konstitucionnogo pravosudiya. 2019. № 4. S. 1–8.
5. Kvashis V. E. K probleme kul'tury protivodejstviya prestupnosti // Ugolovnaya politika i kul'tura protivodejstviya prestupnosti: mat-ly Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii (Krasnodar, 30 sentyabrya 2016 g.). Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2016. T. 1. S. 20–24.
6. Bavsun M. V. Predposylki i perspektivy transformacii Osobennoj chasti Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v usloviyah sovremennoj geopoliticheskoy obstanovki // Institucional'nye osnovy ugolovnogo prava RF: k 70-letnemu yubileyu professora V. P. Konyahina: sbornik mat-lov (1–2 fevralya 2024 g.). Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 2024. S. 332–336.

Информация об авторе

И. В. Ботвин — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

I. V. Botvin — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 07.11.2025; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 07.11.2025; accepted for publication 10.03.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 102–108.

Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 102–108.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.347

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ВОСПРЕпятСТВОВАНИЕ ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ
(Ч. 1, 2 СТ. 124¹ УК РФ)**

Екатерина Петровна Глебова

Барнаулский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, glebovaep@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы, обуславливающие необходимость внесения изменений в действующий отечественный уголовный закон, а именно ст. 124¹ УК РФ. Автор приходит к выводу о необоснованности использования законодателем при конструировании состава воспрепятствования оказанию медицинской помощи термина «причинение» и необходимости его замены на термин «наступление». Кроме того, указывается на необходимость внесения изменений в санкции ч. 1, 2 ст. 124¹ УК РФ, что обусловлено требованием справедливости при соотношении с наказаниями, предусмотренными ст. 109, 264 УК РФ. Обращается внимание на то, что санкция ч. 2 ст. 124¹ УК РФ фактически охватывает причинение смерти двум и более пациентам, а одной из форм воспрепятствования оказанию медицинской помощи является нарушение правил дорожного движения.

Ключевые слова: совершенствование уголовного закона, воспрепятствование оказанию медицинской помощи, дифференциация уголовно-правовой ответственности, пенализация

Для цитирования: Глебова Е. П. Совершенствование норм, предусматривающих ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ч. 1, 2 ст. 124¹ УК РФ) // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 102–108.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

**IMPROVEMENT OF THE NORMS PROVIDING FOR LIABILITY FOR OBSTRUCTING
THE PROVISION OF MEDICAL CARE (PART 1, 2 OF ARTICLE 124¹ OF THE CRIMINAL
CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Ekaterina P. Glebova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Barnaul, Russia, glebovaep@mail.ru

Abstract. This article examines the issues that necessitate amendments to the current domestic criminal law, namely Article 124¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. The author concludes that the legislator's use of the term "causing" when constructing the offense of obstructing the provision of medical care is unjustified and that it must be replaced with the term "offensive". In addition, the author points out the need to amend the sanctions in Parts 1 and 2 of Article 124¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, which is due to the requirement of fairness in relation to the punishments provided for in Articles 109 and 264 of the Criminal Code of the Russian Federation. Attention is drawn to the fact that the sanction in Part 2 of Article 124¹ of the Criminal Code of the Russian Federation actually covers causing the death of two or more patients, and one of the forms of obstruction of medical care is a violation of traffic rules.

Keywords: improvement of the criminal law, obstruction of medical care, differentiation of criminal liability, infliction, penalization

For citation: Glebova E. P. Improvement of the Norms Providing for Liability for Obstructing the Provision of Medical Care (Part 1, 2 of Article 124¹ of the Criminal Code of the Russian Federation). *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2026;1:102–108 (In Russ.).

Одним из назначений науки уголовного права является разработка понятийно-категориального аппарата, способного обеспечить эффективность принимаемых законодателем уголовно-правовых норм, а также выработка на его основе рекомендаций, направленных на совершенствование действующего отечественного уголовного закона.

В обозначенном аспекте применительно к преступному воспрепятствованию оказанию медицинской помощи (ст. 124¹ УК РФ) актуальным является вопрос обоснованности использования законодателем в соответствующей норме термина «причинение».

Отметим, что практика применения ч. 1, 2 ст. 124¹ УК РФ отсутствует, что, по нашему мнению, обусловлено в том числе правовой неопределенностью данных уголовно-правовых норм и необходимостью совершенствования отечественного уголовного закона в соответствующей части.

Понятие «причинение» использовано законодателем в целях обозначения связи между воспрепятствующим деянием и наступившими неблагоприятными последствиями.

Согласно толковому словарю русского языка «причинение» — действие по глаголу причинить (причинять), который, в свою очередь, означает «сделать, произвести что-нибудь, послужить причиной чего-нибудь» [1].

В исследовательской работе, посвященной комплексному изучению института причинения и специального причинения, И. Ю. Янина под уголовно-правовым причинением предлагает понимать «социально значимое преступное или исключительное уголовную ответственность, или некриминализованное деяние, повлекшее социально значимый вред и социально значимые изменения в объекте уголовно-правовой охраны» [2, с. 9]. Из приведенного определения следует, что вред и изменения в объекте уголовно-правовой охраны являются последствием причиняющего деяния.

Из содержания п. 2 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 17.08.2007 № 522, действовавших до 1 сентября 2025 г., также следует, что само причинение вреда здоровью как таковое возможно только в результате воздействия на органы и ткани человека физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды¹.

¹ Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 17.08.2007 № 522 (ред. от 17.11.2011). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Отдельно отметим, что в действующем Порядке определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденном Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 8 апреля 2025 г. № 172н², учтено то обстоятельство, что определение степени тяжести вреда здоровью необходимо и в тех случаях, когда такой вред лицу непосредственно не причинялся. Так, п. 18 данного Порядка содержит указание на приравнивание неблагоприятного исхода оказания медицинской помощи, возникновение которого находится в прямой причинно-следственной связи с недостатком (недостатками) оказания медицинской помощи, в целях его оценки к вреду причиненному.

Применительно к преступному воспрепятствованию оказанию медицинской помощи вред здоровью (смерть) пациента не является последствием противоправного деяния как акта поведения, соответствующий неблагоприятный исход обусловлен уже имевшимся заболеванием и (или) состоянием пациента. Воспрепятствующее законной деятельности медицинского работника поведение не направлено на нарушение анатомической целостности и (или) физиологических функций органов и тканей пациента, какого-либо непосредственного воздействия на них в процессе совершения преступления виновным лицом не оказывается. С полным либо частичным лишением медицинского работника возможности надлежащим образом осуществлять свою законную профессиональную деятельность пациент лишь утрачивает существующую реальную возможность устранения проявлений заболевания либо состояния, причины которых возникли ранее, кроме того, теряется шанс восстановления здоровья. Ответственность лица предусмотрена не за непосредственное причинение вреда, а за создание условий, которые не позволили медицинскому работнику такой вред предотвратить.

Согласно разделяемой нами позиции М. В. Бавсуна, о «причинении» возможно вести речь лишь тогда, когда деяние является первопричиной неблагоприятных последствий [3, с. 32, 34].

Об ошибках в правоприменении, обусловленных использованием законодателем в диспозиции

рации от 17.08.2007 № 522 (ред. от 17.11.2011). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека [Электронный ресурс]: приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 08.04.2025 № 172н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ст. 124¹ УК РФ термина «причинение», свидетельствует факт возбуждения уголовного дела по признакам рассматриваемого состава преступления в ситуации, когда лицо не уступило дорогу автомобилю скорой медицинской помощи, совершив столкновение, в результате чего пациенту и иным лицам, находившимся в салоне автомобиля, были причинены телесные повреждения, повлекшие тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни¹. В указанном случае нарушение водителем правил дорожного движения явилось первопричиной телесных повреждений и не может рассматриваться как воспрепятствование оказанию медицинской помощи.

В этой связи употребление законодателем в конструкции ст. 124¹ УК РФ термина «причинение» корректным не является и требует замены на имеющий нейтральное значение термин «наступление».

Очередной вопрос, обуславливающий необходимость совершенствования уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ст. 124¹ УК РФ), затрагивает аспект пенализации. Под пенализацией в юридической литературе традиционно понимается «определение вида и размера наказания для принудительного воздействия на совершивших опасное деяние лиц» [4]. К принципам пенализации, осуществляемой в процессе законотворчества, исследователи уголовного права, в частности, относят: соответствие санкции характеру и степени общественной опасности совершаемого преступления, личности виновного [5]; дифференциации ответственности [6, с. 289]; соответствия санкции целям наказания [7].

Мы полагаем, что дополнение отечественного уголовного закона ст. 124¹ УК РФ по своей правовой природе является дифференциацией уголовной ответственности. До вступления в законную силу указанной статьи в соответствующих деяниях содержались признаки составов преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 109, 118 УК РФ. Специальная норма (ст. 124¹ УК РФ), которая соотносится с общими нормами (ст. 109, 118 УК РФ) по правилам ч. 3 ст. 17 УК РФ, выделена законодателем с учетом повышенной типовой степени общественной опасности преступления в силу изначально уязвимого положения потерпевшего, что наиболее эффек-

тивно для достижения вредоносных для здоровья (жизни) последствий.

В свою очередь, дифференциация ответственности, проявляясь в пенализации, предполагает различные виды и (или) размеры наказаний за совершение отличающихся между собой степенью общественной опасности преступлений.

Сопоставление санкций, охватывающих основные составы преступлений, предусмотренные ст. 109, 118 УК РФ, с санкциями ч. 1, 2 ст. 124¹ УК РФ свидетельствует о реализации идеи законодателя, заключающейся в усилении ответственности за причинение тяжкого вреда здоровью либо смерти по неосторожности в результате воспрепятствующего оказанию медицинской помощи действия (бездействия). Так, максимальным наказанием, предусмотренным за причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, является арест на срок до шести месяцев (ч. 1 ст. 118 УК РФ), а максимальное наказание за причинение тяжкого вреда здоровью пациента (ч. 1 ст. 124¹ УК РФ) составляет лишение свободы на срок до двух лет. Санкция статьи, предусматривающей ответственность за причинение смерти по неосторожности (ч. 1 ст. 109 УК РФ), включает в себя максимальное наказание в размере двух лет лишения свободы, в то время как максимальное наказание за причинение смерти по неосторожности в соответствии с санкцией ч. 2 ст. 124¹ УК РФ составляет четыре года лишения свободы.

Однако в случае причинения по неосторожности одним воспрепятствующим деянием смерти двум и более лицам возникает вопрос о справедливости предусмотренных законодателем санкций общей и специальной норм (ст. 109, 124¹ УК РФ соответственно).

В соответствии с ч. 3 ст. 109 УК РФ причинение смерти по неосторожности двум или более лицам наказывается ограничением свободы на срок до четырех лет либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

В свою очередь, ст. 124¹ УК РФ аналогичный квалифицированный состав, охватывающий наступление смерти двух и более лиц, не предусматривает.

В силу ч. 2 ст. 17 УК РФ совокупностью преступлений признается и одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями указан-

¹ Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26 октября 2022 г. № 16-7095/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ного кодекса. Таким образом, идеальная совокупность преступлений возможна только тогда, когда за действие (бездействие) ответственность предусмотрена различными статьями уголовного закона, но не частями одной статьи или одной и той же ее частью.

Соответствующая правовая позиция изложена в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»¹, согласно которому в тех случаях, когда в результате дорожно-транспортного происшествия пострадало два и более человек, действия лица, нарушившего правила дорожного движения при управлении транспортным средством, подлежат квалификации по той части ст. 264 УК РФ, которая предусматривает более строгую ответственность за наступившие по неосторожности тяжкие последствия, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 17 УК РФ совокупностью преступлений признаются только те действия (бездействия), применительно к которым признаки преступлений предусмотрены двумя или более статьями УК РФ.

В юридических публикациях встречается критика приведенной позиции, обращается внимание на то, что «смысл ч. 2 ст. 17 УК РФ не в том, чтобы установить формальные ограничения возможных сочетаний преступлений, входящих в идеальную совокупность, а в том, чтобы исключить возможность двойного вменения (ч. 2 ст. 6 УК РФ)». Вместе с тем констатируется, что для тех случаев, когда норма не предусматривает квалифицированный состав, устанавливающий ответственность за причинение вреда нескольким лицам и вред двум и более потерпевшим причинен одним деянием, то «в соответствии с буквальным толкованием ч. 2 ст. 17 УК РФ совокупности преступлений не будет» [8].

Учитывая изложенное, наступление смерти двух и более пациентов в результате одного воспрепятствующего оказанию медицинской помощи действия (бездействия) образует состав преступления, ответственность за совершение которого

предусмотрена ч. 2 ст. 124¹ УК РФ, максимальное наказание, которое в этом случае может быть применено к виновному лицу, — лишение свободы на срок до четырех лет. Вместе с тем максимальное наказание за деяние, предусмотренное санкцией общей нормы (ч. 3 ст. 109 УК РФ), составляет лишение свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, что противоречит целям дифференциации уголовной ответственности и требует внесения изменений в санкцию.

Принимая во внимание идею согласованности санкций и необходимость учета при конструировании квалифицированного состава преступления наказания, предусмотренного для основного состава, полагаем необходимым сопоставить санкции ч. 1 ст. 109 и ч. 2 ст. 124¹ УК РФ как общей и специальной нормы соответственно, в которых законодателем уже была учтена идея дифференциации ответственности. Выявленное в результате такого сопоставления пропорциональное соотношение подлежит распространению на санкции ч. 3 ст. 109 и ч. 2 ст. 124¹ УК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 109 УК РФ за причинение смерти по неосторожности виновному лицу может быть назначено наказание в виде исправительных работ на срок до двух лет либо ограничение свободы на срок до двух лет, либо принудительные работы на срок до двух лет, либо лишение свободы на тот же срок.

В силу ч. 2 ст. 124¹ УК РФ воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи, если это повлекло по неосторожности смерть пациента, наказывается ограничением свободы на срок до четырех лет либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на срок до четырех лет.

Таким образом, предусмотренное законодателем основное максимальное наказание за наступление смерти пациента в результате воспрепятствующих оказанию медицинской помощи действий (бездействия) в два раза превышает максимальное наказание за причинение смерти по неосторожности, закрепленное общей нормой. Именно в таком пропорциональном отношении в ходе пенализации была оценена повышенная степень общественной опасности деяния, ответственность за которое предусмотрена специальной нормой. Соответствующую пропорцию необходимо учитывать при решении вопроса об увеличении максимального наказания, предусмотренного санк-

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2008 № 25. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

цией ч. 2 ст. 124¹ УК РФ. Поскольку ч. 3 ст. 109 УК РФ за причинение смерти по неосторожности двум или более лицам предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, постольку максимальное наказание, подлежащее закреплению санкцией ч. 2 ст. 124¹ УК РФ, фактически охватывающей причинение смерти двум и более пациентам, должно быть более указанного, приближено к его двукратному размеру.

Кроме того, при оценке санкции ст. 124¹ УК РФ необходимо принять во внимание то, что одним из способов воспрепятствования оказанию медицинской помощи фактически может являться умышленное нарушение виновным лицом правил дорожного движения.

Автор полагает, что ст. 124¹ УК РФ относительно ст. 264 УК РФ при возникающей частичной конкуренции является подлежащей применению приоритетной нормой как наиболее детально и полно описывающая признаки преступного деяния, в наибольшей степени охватывающая содеянное. Вместе с тем данное обстоятельство не было учтено законодателем при установлении наказания за воспрепятствование оказанию медицинской помощи.

В соответствии с ч. 1 ст. 264 УК РФ нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, наказывается ограничением свободы на срок до трех лет либо принудительными работами на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Сопоставление изложенной санкции с санкцией ч. 1 ст. 124¹ УК РФ свидетельствует о том, что максимальные размеры основных наказаний за соответствующие противоправные деяния, повлекшие по неосторожности наступление тяжкого вреда здоровью человека, тождественны (лишение свободы на срок до двух лет). Вместе с тем ч. 1 ст. 264 УК РФ предусмотрена возможность назначения дополнительного наказания в виде лишения

права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Оценивая идентичность основных наказаний, полагаем, что максимальное наказание, предусмотренное санкцией ч. 1 ст. 124¹ УК РФ, не требует увеличения ввиду относительно одинаковой общественной опасности сравниваемых преступлений.

Вместе с тем действующая санкция ч. 1 ст. 124¹ УК РФ не учитывает характера возможного способа совершения преступления в виде нарушения виновным лицом правил дорожного движения. На необходимость соответствия наказания особенностям противоправного поведения неоднократно указывалось исследователями уголовного права. Так, Э. В. Густова обращает внимание на то, что «кумулятивность санкции должна быть направлена не только на усиление карательного воздействия наказания, но и обозначать его специфическую направленность, а также соответствовать характеру преступления» [9].

Применительно к составу нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств таким учитывающим характер преступления дополнительным наказанием является лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, выражающееся в лишении права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами. Поскольку в ряде случаев к факту воспрепятствования оказанию медицинской помощи как промежуточному результату преступного деяния приводит нарушение лицом правил дорожного движения, соответствующее наказание также подлежит закреплению в санкциях ст. 124¹ УК РФ. Учитывая относительно одинаковую общественную опасность сравниваемых преступлений, размер максимального и минимального дополнительного наказания должен быть тождественен предусмотренным ст. 264 УК РФ.

Вопрос о справедливости санкции ч. 2 ст. 124¹ УК РФ, предусматривающей наказание за воспрепятствование оказанию медицинской помощи, приведшее к наступлению смерти пациента, также подлежит разрешению как с учетом одинаковой общественной опасности с деянием, закрепленным диспозицией ч. 3 ст. 264 УК РФ (нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть человека), так и с учетом фактического охвата ею наступления смерти двух

и более пациентов в случае единого противоправного действия (бездействия), что сопоставимо с санкцией ч. 5 ст. 264 УК РФ (нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц). Кроме того, санкция квалифицированного состава по аналогии с основным составом требует включения учитывающего характер преступного деяния дополнительного наказания в виде права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Принимая во внимание изложенное, максимальным основным наказанием, подлежащим закреплению в ч. 2 ст. 124¹ УК РФ, должно являться лишение свободы на срок до семи лет, дополнительное наказание необходимо определить в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Отметим, что выделение отдельной части ст. 124¹ УК РФ, предусматривающей квалифицированный состав для случаев наступления смерти двух и более лиц, учитывая редкость подобных ситуаций и необходимость исключения излишнего загромождения нормы, представляется нецелесообразным.

Таким образом, санкции ст. 124¹ УК РФ в действующей редакции не согласуются с законодательной идеей дифференциации ответственности, выражающейся в усилении наказания за наступление неблагоприятных последствий в виде тяжкого вреда здоровью человека либо его смерти в результате воспрепятствующих оказанию медицинской помощи действий (бездействия), в связи с чем требуется внесение изменений в норму. Ввиду относительно одинаковой общественной опасности преступных деяний максимальные размеры основных наказаний и дополнительные наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью подлежат закреплению в санкции исследуемой нормы по аналогии с санкциями ч. 1, 5 ст. 264 УК РФ соответственно. Предлагаемые изменения санкций с учетом положений ст. 15 УК РФ не меняют категорию деяний, являющихся преступлениями небольшой (ч. 1 ст. 124¹ УК РФ) и средней (ч. 2 ст. 124¹ УК РФ) тяжести.

Принимая во внимание изложенное, учитывая необходимость соблюдения условия правовой определенности нормы и некорректность употребления термина «причинение» в диспозиции ст. 124¹ УК РФ, значимость соблюдения требования справедливости санкции в соотношении с наказаниями, предусмотренными ст. 109, 264, ст. 124¹ УК РФ, подлежит изменению.

Список источников

1. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=58691> (дата обращения: 10.12.2025).
2. Янина И. Ю. Причинение и специальное причинение в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018.
3. Бавсун М. В. Проблемы реализации уголовной ответственности за ненадлежащее оказание помощи больному // Уголовная ответственность медицинских работников: вопросы теории и практики: мат-лы Всероссийского научно-практ. круглого стола (Санкт-Петербург, 3 марта 2017 г.) / под общ. ред. Е. Н. Рахмановой. СПб.: ИД «Петрополис», 2017. С. 29–35.
4. Марков В. П. Принципы и критерии пенализации преступлений // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2021. № 4. URL: <http://www.nauteh-journal.ru/files/3b47b249-2538-4ba9-b4e7-7768705672f9> (дата обращения: 10.12.2025).
5. Густова Э. В. Криминализация и пенализация деяний как формы реализации уголовной политики // Вестник ВИ МВД России. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalizatsiya-i-penalizatsiya-deyaniy-kak-formy-realizatsii-ugolovnoy-politiki/viewer> (дата обращения: 10.12.2025)
6. Сабитов Т. Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019.
7. Каземиров А. М. Принципы пенализации // Вестник СИБИТа. 2016. № 2 (18). URL: <http://sano.ru/magazine/N18/files/assets/basic-html/page-102.html> (дата обращения: 03.12.2025).
8. Молчанов Д. М. Множественность преступлений: актуальные проблемы и теоретический опыт исследований ученых кафедры уголовного права МГЮА // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 5 (66). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnozhestvennost-prestupleniy-aktualnye-problemy>

i-teoreticheskiy-opyt-issledovaniy-uchenyyh-kafedry-ugolovnogogo-prava-mgyua/viewer (дата обращения: 03.12.2025).

9. Густова Э. В. Построение санкций в уголовном праве Российской Федерации: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

References

1. Ushakov D. N. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=58691> (data obrashcheniya: 10.12.2025).

2. Yanina I. Yu. Prichinenie i special'noe prichinenie v ugolovnom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2018.

3. Bavsun M. V. Problemy realizacii ugolovnoj otvetstvennosti za nenadlezhashchee okazanie pomoshchi bol'nomu // Ugolovnaya otvetstvennost' medicinskih rabotnikov: voprosy teorii i praktiki: mat-ly Vserossijskogo nauchno-prakt. kruglogo stola (Sankt-Peterburg, 3 marta 2017 g.) / pod obshch. red. E. N. Rahmanovoj. SPb.: ID «Petropolis», 2017. S. 29–35.

4. Markov V. P. Principy i kriterii penalizacii prestuplenij // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. 2021. № 4. URL: <http://www.nauteh-journal.ru/files/3b47b249-2538-4ba9-b4e7-7768705672f9> (data obrashcheniya: 10.12.2025).

5. Gustova E. V. Kriminalizaciya i penalizaciya deyanij kak formy realizacii ugolovnoj politiki // Vestnik VI MVD Rossii. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalizatsiya-i-penalizatsiya-deyaniy-kak-formy-realizatsii-ugolovnoy-politiki/viewer> (data obrashcheniya: 10.12.2025)

6. Sabitov T. R. Ugolovno-pravovye principy: ponyatie, sistema i vidy: dis. ... d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg, 2019.

7. Kazemirov A. M. Principy penalizacii // Vestnik SIBITa. 2016. № 2 (18). URL: <http://sano.ru/magazine/N18/files/assets/basic-html/page-102.html> (data obrashcheniya: 03.12.2025).

8. Molchanov D. M. Mnozhestvennost' prestuplenij: aktual'nye problemy i teoreticheskij opyt issledovaniy uchenyyh kafedry ugolovnogogo prava MGYuA // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2016. № 5 (66). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnozhestvennost-prestupleniy-aktualnye-problemy-i-teoreticheskiy-opyt-issledovaniy-uchenyyh-kafedry-ugolovnogogo-prava-mgyua/viewer> (data obrashcheniya: 03.12.2025).

9. Gustova E. V. Postroenie sankcij v ugolovnom prave Rossijskoj Federacii: teoreticheskij aspekt: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2015.

Статья поступила в редакцию 16.12.2025; одобрена после рецензирования 13.01.2026; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 16.12.2025; approved after reviewing 13.01.2026; accepted for publication 10.03.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 109–115.
Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 109–115.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.9:343.326

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСУЖДЕННЫХ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ РЕАЛИЗУЕТСЯ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ИСПОЛНЕНИЮ НАКАЗАНИЯ

Александр Владимирович Забродин

ФКУ ИК-35 УФСИН России по Республике Хакасия, Абакан, Россия, sashaeuro8@mail.ru

Аннотация. В статье представлена криминологическая характеристика лиц, осужденных за совершение преступлений террористического характера, в отношении которых реализуется дифференцированный подход. В рамках исследования сформирована краткая криминологическая характеристика осужденных за преступления террористического характера. Также проведен анализ зарегистрированных преступлений террористического характера, численности лиц, осужденных за совершение рассматриваемой категории преступлений, содержащихся в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. В результате исследования сформировано предложение по дифференциации исполнения наказания в отношении вышеуказанной категории осужденных, выделение типов личности осужденных за совершение преступлений террористического характера.

Ключевые слова: осужденные, терроризм, террористическая идеология, преступления террористического характера, криминологическая характеристика, лишение свободы, типологизация, предупреждение преступлений, личность преступника

Для цитирования: Забродин А. В. Криминологическая характеристика осужденных за совершение преступлений террористического характера, в отношении которых реализуется дифференцированный подход к исполнению наказания // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 109–115.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PERSONS CONVICTED FOR COMMITTING TERRORIST CRIMES, IN RESPECT OF WHICH A DIFFERENTIATED APPROACH TO THE EXECUTION OF PUNISHMENT IS IMPLEMENTED

Alexander V. Zabrodin

FKU IK-35 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Republic of Khakassia, Abakan, Russia, sashaeuro8@mail.ru

Abstract. This article presents a criminological profile of individuals convicted of terrorist crimes, for whom a differentiated approach is implemented. The study provides a brief criminological profile of those convicted of terrorist crimes. It also analyzes registered terrorist crimes and the number of individuals convicted of this category of crimes held in correctional facilities of the Russian Federation. The study provides a proposal for differentiating the execution of sentences for this category of convicts and identifying personality types among those convicted of terrorist crimes.

Keywords: convicted persons, terrorism, terrorist ideology, crimes of a terrorist nature, criminological characteristics, imprisonment, differentiation, typologization, crime prevention, criminal identity

For citation: Zabrodin A. V. Criminological Characteristics of Persons Convicted for Committing Terrorist Crimes, in Respect of which a Differentiated Approach to the Execution of Punishment is Implemented. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2026;1:109–115 (In Russ.).

© Забродин А. В., 2026

В настоящее время проблема дифференциации исполнения наказания в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений террористического характера, в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации является одной из наиболее актуальных и занимает важнейшее место в деятельности пенитенциарной системы. Существует необходимость предупреждения и противодействия терроризму как в местах лишения свободы, так и за их пределами; принятия исчерпывающих мер, направленных на недопущение распространения террористической идеологии в исправительных учреждениях.

В соответствии с главой XVII Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. для обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы и ее объектов предполагается повышение эффективности осуществления оперативно-ро-

зыскной деятельности, в т. ч. в отношении лиц, осужденных за преступления террористического характера. Верно отмечает П. В. Тепляшин наличие определенных проблем в указанном направлении, учет которых должен отражать не простое декларирование, а реальные потребности в модернизации отечественной практики исполнения уголовных наказаний [1, с. 192]. Деятельность уголовно-исполнительной системы направлена на обеспечение безопасности [2, с. 30]. Повысить результативность деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации позволит применение принципа дифференциации исполнения наказаний, а также изучение личности преступников.

Необходимо отметить, что количество преступлений террористического характера, регистрируемых на территории Российской Федерации, ежегодно увеличивается (см. таблицу 1) [3].

Таблица 1

Количество преступлений террористического характера, зарегистрированных на территории Российской Федерации в период с 2019 по 2024 г.

	Количество зарегистрированных преступлений террористического характера
2019 г.	1806
2020 г.	2342
2021 г.	2136
2022 г.	2233
2023 г.	2382
2024 г.	3714

Также необходимо отметить, что ежегодно численность осужденных за совершение преступлений террористического характера, содержащихся в исправительных учреждениях, увеличивается, а общее количество осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы снижается (см. таблицу 2) [4, с. 325; 5, с. 386; 6, с. 405; 7, с. 557; 8, с. 664]. Следовательно, повышается и доля осужденных за совершение преступлений рассматриваемой категории относительно общего числа осужденных в исправительных учреждениях. По состоянию на 1 декабря 2025 г. в исправительных учреж-

дениях России отбывало наказание более 5000 лиц, осужденных за совершение преступлений террористического характера, что в 3 раза больше, чем аналогичный показатель 2019 г. В учреждениях уголовно-исполнительной системы происходит увеличение численности и концентрации осужденных за совершение преступлений террористического характера. В связи с этим необходимо проводить работу, направленную на недопущение совершения новых преступлений, изоляцию наиболее опасных категорий осужденных, применяя в первую очередь дифференцированный подход.

Количество лиц, осужденных за совершение преступлений террористического характера, содержащихся в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России в период с 2019 по 2024 г.

	Количество лиц, осужденных за совершение преступлений террористического характера	Общее количество осужденных в исправительных учреждениях УИС Российской Федерации	Удельный вес
2019 г.	2007	423 825	0,47
2020 г.	1979	377 364	0,52
2021 г.	2203	354 052	0,62
2022 г.	2337	306 389	0,76
2023 г.	2577	249 201	1,03
2024 г.	4575	221 615	2,06

Указанные статистические данные свидетельствуют о состоянии преступности в сфере терроризма, а также численности осужденных за преступления террористического характера. Рассмотрение количественных показателей осужденных за совершение преступлений рассматриваемой категории обуславливает необходимость изучения криминологической личности осужденных за преступления террористического характера.

Рассматривая личность преступника, Ю. М. Антонян утверждает, что без изучения указанного субъекта невозможно понять преступность [9, с. 8]. Осужденные за совершение преступлений террористического характера имеют существенные отличия от остальной массы лиц, содержащихся в местах лишения свободы [10, с. 21]. Личность преступников целесообразно изучать с учетом их индивидуальных особенностей, а также нравственных ценностей [11, с. 2]. Также личность оценивается с учетом ее общественной опасности [12, с. 538], а также по совершенному преступлению [13, с. 19]. Несмотря на то что в рамках данного исследования рассматриваются осужденные за совершение преступлений террористического характера, важно также обратить внимание на осужденных за общеуголовные преступления, исповедующих террористическую идеологию.

Обращая внимание на исторический опыт применения дифференцированного подхода к исполнению наказания в отношении рассматриваемой категории осужденных, отметим, что для улучшения сущности исправительно-трудовой политики предлагалось в отношении социально неустойчивых элементов общества, не являвшихся социально опасными, вводить практику замены лишения

свободы на иные меры социальной защиты. В отношении заключенных, имеющих более высокую степень общественной опасности, было принято решение применять суровые меры репрессии. К указанной категории относились и лица, совершившие преступления террористической направленности (государственные преступления). В приведенном примере прослеживается применение дифференциации к реализации уголовных наказаний. Разделение осужденных по видам совершенных противоправных действий, личностным характеристикам, применение различных видов карательного воздействия прямо отражают наличие дифференцированного подхода к исполнению наказаний. В послевоенное время было введено обязательное разделение групп осужденных, испытывающих негативное отношение друг к другу [14, с. 120]. Послевоенный опыт применения принципа дифференциации является положительным опытом на пути к стабилизации оперативной обстановки в местах лишения свободы. Изоляция отдельных типов лиц, в т. ч. осужденных за совершение преступлений террористического характера, оказывающих негативное влияние на обстановку в исправительных учреждениях, является верным шагом в рамках реализации дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний.

Обращая внимание на международно-правовые нормы дифференцированного подхода, отметим, что Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) (правило 11) как одно из требований реализации наказания предполагают дифференциацию заключенных. В качестве целей дифференциации определяются: отделение отрицательно характеризующихся лиц, способных оказать

негативное влияние на других заключенных, от иных лиц в местах изоляции, а также разделение заключенных на категории. Необходимо отметить, что в процессе исполнения наказания в отношении осужденных за совершение преступлений террористического характера отделение отрицательно характеризующихся осужденных от иных лиц отражает внутреннюю дифференциацию указанной категории осужденных.

При рассмотрении Типовых стратегий Организации Объединенных Наций по снижению рецидивизма (Киотских типовых стратегий) целесообразно обратить внимание, что указанный документ отражает меры не только по снижению уровня рецидива преступлений, но и по обеспечению должного уровня безопасности пенитенциарных учреждений, в т. ч. с применением дифференциации. В данном случае П. В. Тепляшин находит присутствие смысловой корреляционной связи между нормативными актами уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и Киотскими типовыми стратегиями [15, с. 12]. Указанная связь проиллюстрирована и в применении дифференцированного подхода в рамках обеспечения безопасности исправительных учреждений. Кроме того, Киотские типовые стратегии содержат положения о применении принципа индивидуализации, что проявляется в необходимости применения индивидуального подхода к каждому осужденному с учетом точного представления о его личности в целях дальнейшего обеспечения безопасности.

Рассматривая криминологическую характеристику личности осужденных за совершение преступлений террористического характера, отметим, что к указанной категории лиц относятся, как правило, мужчины. Около 66 % данных лиц не имеют постоянного источника дохода [16, с. 123]. Личность осужденного-террориста А. Я. Гришко характеризует как мусульманина, не имеющего дохода, возрастом 28 лет [17, с. 88]. В рамках работы было проведено исследование 170 личных дел осужденных за преступления террористического характера в (Г)УФСИН России по Ростовской (16 дел), Свердловской (71 дело), Омской (29 дел), Томской (12 дел), Новосибирской областям (17 дел), а также Республике Хакасия (25 дел). Данные исследования позволяют сформировать вывод о том, что к указанной категории осужденных относятся преимущественно молодые мужчины. 75 % осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях названных территориальных органов ФСИН России, представлены лицами мужского пола

в возрасте от 18 до 30 лет, 15 % — от 30 до 40 лет, 7 % — от 40 до 55 лет, 3 % — от 55 лет.

Как правило, осужденные за преступления террористического характера имеют средний или низкий уровень образования — 95 %, только 5 % осужденных рассматриваемой категории имеют высшее образование. За совершение преступлений указанной категории отбывают наказание в основном выходцы из стран Средней Азии и регионов Северного Кавказа, исповедующие радикальный ислам — 80 %. Кроме того, 98 % осужденных за преступления террористического характера имеют действующие дисциплинарные взыскания, что говорит об их негативном отношении к процессу исправления. Находясь в местах лишения свободы, данные лица распространяют идею отрицательного отношения к соблюдению установленного порядка отбывания наказания среди иных лиц, что подтверждает важность применения дифференцированного подхода.

Часто исполнителями или пособниками террористических актов становятся новые приверженцы радикального ислама — неофиты [18, с. 587]. Наибольшую численность представляют неофиты в возрасте от 20 до 30 лет. Данные лица принимают новую веру, исходя из негативного жизненного опыта. Также причинами принятия новой веры, в т. ч. с радикальным уклоном, являются психотравмирующие обстоятельства, несчастная любовь, духовный кризис. Слабый образовательный уровень может свидетельствовать не только о несформированности правосознания, но и о недостаточном понимании жизненных ценностей. Неофиты характеризуются недостаточным формированием жизненных ценностей, незавершенностью личностного становления, неверным пониманием специфики религиозных конфессий. В противоправной деятельности рассматриваемая категория осужденных руководствуется положениями радикального ислама, допускает убийства «неверных», негативно воспринимает лиц, исповедующих иные религии.

Изучение личности осужденных, в т. ч. за совершение преступлений террористического характера, осуществляется администрацией исправительных учреждений в течение всего периода реализации наказания с целью выявления информации об их приверженности к террористической идеологии, подготовке к совершению противоправных действий, отрицательном влиянии на иных осужденных, а также на обстановку в учреждении в целом.

По личностным (возраст, пол, национальность, вероисповедание, состояние здоровья и т. д.), уголовно-правовым (тяжесть совершенного преступления и т. д.), уголовно-исполнительным характеристикам (поведение в исправительном учреждении, наличие взысканий и поощрений) необходимо дифференцировать осужденных, в т. ч. за совершение преступлений террористического характера. Указанная «триада» оснований должна стать базисом для реализации дифференцированного подхода к исполнению наказания в отношении лиц, исповедующих террористическую идеологию.

Необходимо отметить, что дифференциация исполнения наказания в отношении осужденных за совершение преступлений террористического характера необходима не только в части отделения данной категории осужденных от иных лиц, но и друг от друга. Анализируя личность осужденных за совершение преступлений террористического характера, целесообразно определить типологизацию по возможности негативного влияния, исходя из зараженности террористическими убеждениями. Личностные, уголовно-правовые и уголовно-исполнительные критерии дифференциации позволяют определить несколько типов осужденных, исповедующих террористическую идеологию.

К первому типу террористов целесообразно относить лиц, являющихся организаторами террористических актов, основателями террористических сообществ, в большей степени зараженных террористическими убеждениями. Возраст у представителей данного типа различен — от 25 лет и выше. Как правило, это лица с преимущественно сформированными личностными качествами, способные оказать отрицательное влияние на иных осужденных. Представители данного типа имеют средний или высший уровень образования. В местах лишения свободы такие осужденные склонны организовывать отрицательно направленные ячейки («тюремные джамааты»). Указанных лиц в процессе реализации наказания в виде лишения свободы необходимо подвергать изоляции в целях недопущения отрицательного влияния на оперативную обстановку в исправительном учреждении. Данный тип террористов составляют лица, имеющие ярко выраженные лидерские качества. Первый тип террористов целесообразно изолировать от основной массы осужденных с целью недопущения негативного влияния на иных, положительно характеризующихся лиц, а также на оперативную обстановку в исправительных учреждениях. Осужденных, относящихся к данному типу, важно содержать в ка-

мерной системе с лимитом наполнения каждой камеры не более двух осужденных. Определяя указанный тип как наиболее опасный, администрации исправительных учреждений важно осуществлять непрерывный усиленный надзор за ними.

Ко второму типу террористов целесообразно относить лиц, осужденных за совершение преступлений террористического характера, являющихся исполнителями или пособниками в данной противоправной деятельности. Данному типу присущи слабо развитые волевые качества, а мотивацию составляет, как правило, материальная выгода. Указанный тип осужденных представлен лицами мужского пола в возрасте от 18 до 30 лет со средним или низким уровнем образования. Представители данного типа характеризуются менее выраженными личностными и волевыми качествами, способны попадать под отрицательное влияние и действовать по указанию более авторитетных для себя осужденных. Данные лица склонны «искать поддержку» среди иных лиц. Указанный тип террористов целесообразно изолировать от основной массы осужденных в целях недопущения отрицательного влияния на иных осужденных, но, учитывая их моральные качества, позволяющие оказывать на них исправительное воздействие, данный тип осужденных-террористов нужно размещать в строгих условиях отбывания наказания, в течение периода исполнения наказания определяя степень их исправления.

К третьему типу террористов относятся осужденные за публичное оправдание терроризма, а также за совершение преступлений террористического характера с использованием социальных сетей. Указанные лица преимущественно молодого возраста (от 18 до 40 лет), со средним или низким уровнем образования. В период отбывания наказания осужденные указанного типа легко поддаются влиянию иных лиц, в связи с чем их целесообразно размещать в обычных условиях, совместно с иными лицами. В период реализации наказания в виде лишения свободы с представителями данного типа террористов необходимо проводить работу по формированию правопослушного поведения, включающую в себя информационно-пропагандистские мероприятия, направленные на недопущение совершения преступлений террористического характера и исповедования террористической идеологии.

Таким образом, дифференцированный подход к исполнению наказания в отношении осужденных за совершение преступлений террористического характера играет важную роль в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы,

а также применения типологизации, определения методов работы с указанной категорией лиц. Для более точного понимания специфики преступлений указанной категории целесообразно уделять внимание изучению криминологической характеристики осужденных, исповедующих террористическую идеологию. Изучение криминологической характеристики осужденных рассматриваемой категории позволяет более точно определить их особенности, специфику личности, уголовно-правовые и уголовно-исполнительные характеристики.

В результате проведения исследования определены три типа личности осужденных за совершение преступлений террористической направленности. Краткие рекомендации по работе с указанными

типами террористов, применение дифференцированного подхода при исполнении наказания в отношении каждого из указанных типов террористов необходимы для продуктивной реализации наказания в виде лишения свободы. Дифференциация осужденных за преступления террористического характера позволяет подчеркнуть их различие, специфику каждого из типов. Посредством применения дифференцированного подхода и учета криминологической характеристики каждого из предложенных типов осужденных за преступления террористического характера обеспечивается поддержание обстановки в исправительных учреждениях в стабильном состоянии, а также недопущение совершения новых преступлений.

Список источников

1. Тепляшин П. В. Концепция развития УИС РФ на период до 2030 г. в свете общепризнанных норм международного права и опыта пенитенциарных систем зарубежных стран // Современное состояние и перспективы развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: сборник материалов круглого стола в рамках Всероссийской научно-практ. конф-ции Университета ФСИИ России / сост. Е. Е. Новиков. СПб.: Санкт-Петербургский университет ФСИИ России, 2021. С. 192–198.
2. Каретников К. В., Черёмин Н. В., Гаврилов Д. И. [и др.] Обеспечение безопасности в уголовно-исполнительной системе: специальная часть: монография: в 2 т. Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИИ России, 2023. 113 с.
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2019 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 12.02.2026).
4. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь — декабрь 2019 г.): информационно-аналитический сборник. Тверь: НИИИТ ФСИИ России, 2020. 325 с.
5. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь — декабрь 2020 г.): информационно-аналитический сборник. Тверь: НИИИТ ФСИИ России, 2021. 386 с.
6. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь — декабрь 2021 г.): информационно-аналитический сборник. Тверь: НИИИТ ФСИИ России, 2022. 406 с.
7. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь — декабрь 2022 г.): информационно-аналитический сборник. Тверь: НИИИТ ФСИИ России, 2023. 507 с.
8. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь — декабрь 2023 г.): информационно-аналитический сборник. Тверь: НИИИТ ФСИИ России, 2024. 664 с.
9. Антонян Ю. М. Ещё раз о личности преступника // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2024. № 3 (71). С. 8–15.
10. Безручко Е. В. Противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершаемым в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Юристы-правоведы. 2022. № 1 (100). С. 21–27.
11. Эминов В. Е., Антонян Ю. М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). С. 1–14.
12. Савушкин С. М. Основания классификации осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики. 2016. № 1. С. 538–540.
13. Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника (предпосылки, содержание, критерии). Томск: Изд-во ТГУ, 1970. 275 с.
14. Кузьмин С. И. Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917–1953 гг.). М., 1991. 130 с.
15. Тепляшин П. В. Обеспечение безопасности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в контексте Киотских типовых стратегий // Профессиональное юридическое образование и наука. 2025. № 3 (19). С. 12–14.
16. Преступление и наказание. Криминологический психологический анализ / Ю. М. Антонян, В. Е. Эминов. М.: Норма: Инфра-М, 2014. 302 с.

17. Гришко А. Я. Личностные особенности осужденных за терроризм и экстремистскую деятельность: целесообразность учета при исполнении наказаний в виде лишения свободы // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2019. № 2 (20). С. 87–92.

18. Лесников Г. Ю. Принцип дифференциации исполнения наказаний как инструмент противодействия религиозному экстремизму // Право и государство: теория и практика. 2025. № 6. С. 586–588.

References

1. Teplyashin P. V. Konceptsiya razvitiya UIS RF na period do 2030 g. v svete obshchepriznannyh norm mezhdunarodnogo prava i opyta penitenciarnykh sistem zarubezhnykh stran // Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya ugovovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii: sbornik mat-lov kruglogo stola v ramkah Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii Universiteta FSIN Rossii / sost. E. E. Novikov. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet FSIN Rossii, 2021. S. 192–198.

2. Karetnikov K. V., Cheryomin N. V., Gavrilov D. I. [i dr.] Obespechenie bezopasnosti v ugovovno-ispolnitel'noj sisteme: special'naya chast': monografiya: v 2 t. Novokuzneck: Kuzbasskij institut FSIN Rossii, 2023. 113 s.

3. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' — dekabr' 2019 goda // Ministerstvo vnutrennih del Rossijskoj Federacii: sajt. URL: <https://mvd.rf/reports/item/19412450/> (data obrashcheniya: 12.02.2026).

4. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar' — dekabr' 2019 g.): informacionno-analiticheskij sbornik. Tver': NIIT FSIN Rossii, 2020. 325 s.

5. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar' — dekabr' 2020 g.): informacionno-analiticheskij sbornik. Tver': NIIT FSIN Rossii, 2021. 386 s.

6. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar' — dekabr' 2021 g.): informacionno-analiticheskij sbornik. Tver': NIIT FSIN Rossii, 2022. 406 s.

7. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar' — dekabr' 2022 g.): informacionno-analiticheskij sbornik. Tver': NIIT FSIN Rossii, 2023. 507 s.

8. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar' — dekabr' 2023 g.): informacionno-analiticheskij sbornik. Tver': NIIT FSIN Rossii, 2024. 664 s.

9. Antonyan Yu. M. Eshcho raz o lichnosti prestupnika // Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii. 2024. № 3 (71). S. 8–15.

10. Bezruchko E. V. Protivodejstvie prestupleniyam ekstremistskoj napravlenosti, sovershaemym v uchrezhdeniyah ugovovno-ispolnitel'noj sistemy // Yurist''pravoved''. 2022. № 1 (100). S. 21–27.

11. Eminov V. E., Antonyan Yu. M. Lichnost' prestupnika i ee formirovanie // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2015. № 1 (50). S. 1–14.

12. Savushkin S. M. Osnovaniya klassifikacii osuzhdennykh k lisheniyu svobody // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape: vzaimodejstvie nauki i praktiki. 2016. № 1. S. 538–540.

13. Filimonov V. D. Obshchestvennaya opasnost' lichnosti prestupnika (predposylki, sodержание, kriterii). Tomsk: Izd-vo TGU, 1970. 275 s.

14. Kuz'min S. I. Ispravitel'no-trudovye uchrezhdeniya v SSSR (1917–1953 gg.). M., 1991. 130 s.

15. Teplyashin P. V. Obespechenie bezopasnosti uchrezhdenij i organov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy v kontekste Kiotskih tipovykh strategij // Professional'noe yuridicheskoe obrazovanie i nauka. 2025. № 3 (19). S. 12–14.

16. Prestuplenie i nakazanie. Kriminologo-psihologicheskij analiz / Yu. M. Antonyan, V. E. Eminov. M.: Norma: Infra-M, 2014. 302 s.

17. Grishko A. Ya. Lichnostnye osobennosti osuzhdennykh za terrorizm i ekstremistskuyu deyatel'nost': celesoobraznost' ucheta pri ispolnenii nakazaniy v vide lisheniya svobody // Penitenciarnoe право: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika. 2019. № 2 (20). S. 87–92.

18. Lesnikov G. Yu. Princip differenciacii ispolneniya nakazaniy kak instrument protivodejstviya religioznomu ekstremizmu // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2025. № 6. S. 586–588.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 15.01.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 116–125.

Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 116–125.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.2/.7

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ, СОВЕРШЕННЫХ В ФОРМЕ БЕЗДЕЙСТВИЯ

Евгений Сергеевич Квасников

Омская академия МВД России, Омск, Россия, evgen1219@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2418-3900>

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена сложностями квалификации посягательств на жизнь человека, совершенных в форме противоправного пассивного поведения. Произвести уголовно-правовую оценку бездействия виновного, влекущего за собой смерть потерпевшего, сложнее, чем квалифицировать активные противоправные действия, поскольку между общественно опасным и обычным (не противоправным) пассивным поведением проходит тонкая грань. В статье анализируются элементы составов преступлений, предусмотренных статьями 105–109 УК РФ; указываются юридически значимые обстоятельства для квалификации преступлений против жизни, совершенных в форме бездействия; исследуются мнения представителей доктрины уголовного права; приводится и критикуется судебно-следственная практика по квалификации соответствующих преступлений, совершенных в форме бездействия.

Ключевые слова: квалификация, преступление, бездействие, убийство, смерть, умысел, неосторожность

Для цитирования: Квасников Е. С. Квалификация преступлений против жизни, совершенных в форме бездействия // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 116–125.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

QUALIFICATION OF CRIMES AGAINST LIFE COMMITTED IN THE FORM OF OMISSION

Evgeny S. Kvasnikov

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, evgen1219@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2418-3900>

Abstract. The relevance of the research topic is due to the difficulties in qualifying attacks on human life committed in the form of illegal passive behavior. It is more difficult to make a criminal law assessment of the defendant's omission resulting in the death of the victim than to qualify active illegal actions, since there is a fine line between socially dangerous and ordinary (non-illegal) passive behavior. The article analyzes the elements of the corpus delicti provided for in Articles 105–109 of the Criminal Code of the Russian Federation; indicates legally significant circumstances for qualifying crimes against life committed in the form of omission; examines the opinions of representatives of the doctrine of criminal law; provides and criticizes forensic investigative practice in qualifying the corresponding crimes committed in the form of omission.

Keywords: qualification, crime, omission, murder, death, intent, negligence

For citation: Kvasnikov E. S. Qualification of Crimes against Life Committed in the Form of Omission. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2026;1:116–125 (In Russ.).

Законодатель в ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) закрепляет последовательность охраняемых уголовным законом ценностей по значимости в порядке иерархии. Конституция Российской Федерации устанавливает приоритет защиты личности, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью (статья 2). При этом право на жизнь занимает первостепенное положение среди охраняемых государством благ (статья 20). Данная конституционная доктрина нашла отражение в системе уголовного законодательства — Особенная часть УК РФ начинается главой 16, предусматривающей ответственность за преступления против жизни и здоровья, что подчеркивает особую значимость защиты этих ценностей в уголовно-правовой сфере.

Смерть как результат преступного поведения выступает в качестве общественно опасного последствия в умышленных и неосторожных преступлениях во многих составах УК РФ (например, п. «б» ч. 3 ст. 205, ст. 277, 317, ч. 2, 3 ст. 143, 215, 216, 217, ч. 2 ст. 293 УК РФ и др.). Однако по смыслу уголовного закона к преступлениям против жизни относятся убийство и причинение смерти по неосторожности в рамках гл. 16 УК РФ (ст. 105–109).

Осознанное и социально значимое поведение субъектов права, регулируемое соответствующими нормами и влекущее юридические последствия, включено в систему общественных отношений, а следовательно, может играть роль причины опасного результата [1]. Противоправное поведение субъекта состоит не только в проявлении активных действий, характеризующихся динамичностью, телодвижениями, находящимися в причинной связи с причинением смерти потерпевшего. Смерть как преступный результат может наступить и из-за противоправного пассивного поведения — путем бездействия. Бездействие приобретает уголовно-правовое значение в случае, когда субъект в рамках общественных отношений может и обязан действовать определенным образом. Однако в некоторых ситуациях цель пассивного поведения субъекта неочевидна. А именно, сложно понять какого именно конечного результата своего пассивного поведения желает достичь индивидум — бездействие может обладать признаком общественной опасности или не обладать им. Это придает сложность квалификации, поскольку между уголовно наказуемым, общественно опасным бездействием и обычным пассивным поведением проходит тонкая грань.

Объектом рассматриваемых преступлений является жизнь человека. Моменты начала жизни, ее признаков¹ и наступления смерти определены законодательством об основах здоровья граждан в Российской Федерации: моментом рождения является отделение плода от организма матери посредством родов²; момент смерти человека — момент смерти его мозга или его биологической смерти (необратимая гибель человека)³. Вместе с этим в уголовно-правовой сфере законодатель относит момент начала жизни (как объекта уголовно-правовой охраны) к моменту начала родов (см. диспозицию ст. 106 УК РФ).

Коль скоро речь зашла о признаках преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, несколько слов о квалификации убийства матерью новорожденного ребенка. Для квалификации преступления по ст. 106 УК РФ имеет значение временной промежуток «во время или сразу же после родов», который определяется сроком в одни сутки [2, с. 91]; после такого срока — особое психофизиологическое состояние матери, выносившей и родившей ребенка [3] (биологической матери, в т. ч. суррогатной)⁴, достигшей шестнадцатилетнего возраста, и возраст потерпевшего. Особое психофизиологическое состояние обусловлено родовой деятельностью, особенностями психики после родов, длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в результате воздействия внешних обстоятельств или третьих лиц после родов. Воз-

¹ О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи [Электронный ресурс]: приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 27.12.2011 № 1687н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Следует отметить, что вопрос о моменте начала жизни носит дискуссионный характер. С одной стороны, сложно представить, что момент начала жизни и момент отделения плода от организма матери являются тождественными понятиями. С другой стороны, ч. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации закрепляет, что основные права и свободы человека принадлежат каждому с момента рождения.

³ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 21.11.2011 № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ В соответствии со ст. 55 Федерального закона Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и по смыслу ст. 51 Семейного кодекса Российской Федерации в период вынашивания ребенка, в момент рождения ребенка и в период после родов именно женщина, которая выносила ребенка (суррогатная мать), считается его матерью, до того момента, как она даст свое согласие записать лиц, давших свое согласие на имплантацию ей эмбриона, родителями.

растной порог потерпевшего в судебной практике определяется по правилам педиатрии — один месяц с момента рождения [4, с. 35]. Преодоление данного возрастного порога хоть и незначительно, не позволяет квалифицировать деяние по ст. 106 УК РФ — квалификация осуществляется по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹. Убившая своего новорожденного ребенка мать в возрасте от 14 до 16 лет во время или сразу же после родов в случае наличия у нее особого психофизиологического состояния не подлежит уголовной ответственности ни по ст. 106 УК РФ, ни по ст. 105 УК РФ, поскольку при конкуренции общего и привилегированного составов преступлений приоритет отдается привилегированному составу (ст. 106 УК РФ), в котором возраст уголовной ответственности установлен 16 лет [5].

Психотравмирующая ситуация или психическое расстройство матери не имеют значения для квалификации преступления по ст. 106 УК РФ, если убийство произошло во время или сразу же после родов [6], особое психофизиологическое состояние учитывается за пределами указанного временного промежутка. Однако если умысел убить ребенка существовал изначально, был сформирован до родов, деяние квалифицируется по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ², поскольку ст. 106 УК РФ — привилегированный состав убийства, закрепленный законодателем из проявления гуманизма к женщине, находящейся в состоянии волнения, вызванного родами.

Итак, объективная сторона основного состава убийства выражается в лишении жизни другого человека. Бездействие в убийстве предполагает невмешательство наступлению преступных последствий при наличии у лица реальной возможности воспрепятствовать их наступлению. Смерть причиняется опосредованно — третьими силами, негативное воздействие которых умышленно используется виновным при посягательстве на жизнь [7]. Виновный бездействует — не выполняет возложенную на него обязанность при наступлении опасности, возникшей либо в результате естественного стечения обстоятельств, либо в связи с поставлением потерпевшего в опасность действиями виновного. Обязанность лица действовать при убийстве путем бездействия может, в частности,

вытекать: а) из требований закона; б) обязательств, принятых лицом на себя по службе или договору; в) родственных отношений; г) добровольного принятия на себя обязанности [8, с. 99].

Организатор, подстрекатель, пособник не выполняют объективной стороны преступления — не создают обстановку, которая закономерно повлечет смерть потерпевшего, не ставят потерпевшего в опасность. Обязанность действовать определенным образом при наступлении опасности, возникшей в результате естественного стечения обстоятельств, на них не возложена. Поэтому их деяние квалифицируется со ссылкой на ст. 33 УК РФ. Так, суд переквалифицировал действия осужденной с п. «а», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 33, п. «а», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ: «... ФИО по отношению к убийству явилась не исполнителем преступления, поскольку не принимала непосредственного участия в лишении жизни, а подстрекателем, так как только склонила исполнителей к совершению этих преступлений»³. В другом случае деяние виновной, родившей ребенка, не принимавшей участия в его убийстве, а попросившей об этом подругу, квалифицированы по ч. 4 ст. 33, ст. 106 УК РФ. Деяние подруги, оставившей новорожденного в мусорном контейнере, судом было квалифицировано по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ⁴. Если деяние образует объективную сторону, подстрекателя и пособника преступления, преступление квалифицируется со ссылкой на ч. 4, 5 ст. 33 УК РФ⁵.

Для квалификации соответствующих преступлений, совершенных группой лиц, необходима оценка совместного умышленного выполнения объективной стороны, причиной чего явилась смерть потерпевшего.

Следует учитывать п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (далее — ППВС об убийстве), в соответствии с которым для квалификации убийства по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ необходима оценка совместного умысла причинить

³ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2017 № 45-АПУ17-11 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2008 по делу № 34-О08-3 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 05.04.2018 № 11-АПУ18-5 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2018 № 38-АПУ18-5 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приговор Промышленного райсуда г. Курска от 07.07.2011 № 1-272-11 г.

смерть; объединение для этого усилий двух и более лиц (подавление сопротивления потерпевшего, лишение возможности защищаться/причинение смерти), «...необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них»¹. Смерть выступает необходимым условием единства деяния соисполнителей (*conditio sine qua non*).

Причинно-следственная связь между деянием виновного и наступлением смерти может характеризоваться как коротким промежутком времени между невыполнением возложенной обязанности и негативными последствиями², так и продолжительным (например, если потерпевший впал в кому).

При квалификации необходимо установить конкретную причину наступления смерти. Если пассивное поведение «сопутствовало» наступлению смерти, являлось лишь факультативным условием ее наступления, но смерть наступила не от конкретного бездействия (при невмешательстве ее наступлению и реальной возможности ей воспрепятствовать), деяние квалифицируется либо по иным статьям УК РФ (не как преступления против жизни), либо уголовная ответственность исключается вовсе. Так, Верховный Суд Российской Федерации оставил без изменения оправдательный приговор в отношении лиц, обвиненных в совершении преступлений по ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 33, п. «ж», «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку смерть потерпевшего наступила не в результате бездействия врачей и не оказания потерпевшему помощи; неправильного или недостаточного лечения с учетом противопоказаний; преступного сговора врачей на совершение каких-либо противоправных действий, а от тупой открытой травмы головы с переломами костей свода и основания черепа и ушибами головного мозга³. В другом случае суд усомнился в наличии причинной связи между комплексом недостатков оказания медицинской помощи пациентки и ее смертью в связи с тем, что установленное время наступления критического состояния потерпевшей зафиксировано в 9 час. 25 мин., а подсудимый стал

участвовать в оказании ей медицинской помощи с 9 час. 30 мин.⁴ Таким образом, для квалификации имеет значение наличие объективной связи между деянием и последствием.

Особенность причинной связи при бездействии заключается в том, что между пассивным поведением субъекта и смертью имеет место воздействие третьих сил, в отсутствие которых смерть бы не наступила. Однако воздействие этих сил может явиться закономерным стечением обстоятельств причинения смерти, а может и не явиться.

Судебная практика идет по пути констатации причинной связи между деянием и наступившим результатом при условии осознания виновными общественной опасности деяния и предвидения возможности наступления смерти. Так, сторона защиты Л., осужденного по п. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, настаивала на переквалификации деяния последнего на ст. 109 УК РФ, поскольку после избияния потерпевшего Л. вместе с соучастниками, оставляя потерпевшего в бессознательном состоянии в лесополосе при отрицательной температуре с целью скрыть преступление, думал, что потерпевший мертв (в результате избияния) — умысла на причинение смерти у Л. не было. Произведя оценку данных доводов, суд отметил, что деяние осужденных характеризуется косвенным умыслом на причинение смерти, поскольку последние, являясь дееспособными и вменяемыми лицами, осознавали, что оставление потерпевшего в безлюдном лесном массиве при отрицательной температуре с травмами, приведшими к угнетению его сознания, представляет общественную опасность. Интеллектуальное наполнение психического отношения к содеянному охватывало возможность развития именно такого исхода — наступления смерти потерпевшего⁵.

В данном примере вызывает критику мнение суда о том, что осужденные совершили деяние с косвенным умыслом, а не с прямым. Во-первых, деяние виновных явилось необходимым результатом для наступления смерти потерпевшего. Во-вторых, волевое наполнение психического отношения к содеянному свидетельствует об осознанном стремлении виновных причинить смерть потерпевшему — избили таким образом, что были

⁴ Апелляционное постановление Брянского областного суда № 22-1606/2023 от 26.10.2023 по делу № 1-16/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 07.10.2025).

⁵ Определение суда Кассационной инстанции от 17.07.2025 № 58-УД25-7-А5 // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2476014 (дата обращения: 07.10.2025).

¹ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приговор Дзержинского районного суда г. Нижнего Тагила от 29.01.2025 № 1-415/2024 1-71/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru/regular/doc/dspPIXkqazHj/ (дата обращения: 08.10.2025).

³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2006 по делу № 5-о06-179 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

уверены в его смерти. Прямой умысел предполагает, что субъект обладает четким представлением о качественных и количественных параметрах совершаемого преступления. То есть выполняя объективную сторону убийства, виновные осознавали, что в результате их деяния наступит смерть потерпевшего, имея возможность прекратить противоправные действия, не прекращали их, стремясь к причинению смерти — оставили потерпевшего после применения насилия в условиях, явно угрожающих его жизни. На наш взгляд, правильнее было бы оценивать деяние как совершенное с прямым умыслом. Виновные заблуждались в этиологии преступного посягательства — ошиблись в развитии причинной связи. Если следовать вышеуказанной логике суда, то деяние виновных невозможно было бы квалифицировать как покушение на убийство в том случае, если бы потерпевший выжил, поскольку покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом. Тем не менее цепь причинной связи в указанном преступлении не прерывалась, что имеет уголовно-правовое значение для квалификации.

Уголовную ответственность за проявленное бездействие несет субъект, обязанный совершить общественно полезное действие. Возможность совершить требуемое от субъекта общественно полезное действие должна быть реальной. Отсутствие обязанности действовать или реальной возможности выполнить определенную обязанность исключает уголовную ответственность. Так, кассационным определением Верховного Суда Российской Федерации в отношении Б. прекращено уголовное дело за отсутствием в деянии состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ. Б. была осуждена за причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей. Суды нижестоящих инстанций сделали вывод о том, что бездействие Б. не отвечало правилам ее профессии: в результате ненадлежащего выполнения Б. своих профессиональных обязанностей, выразившегося в недостаточном контроле за местом нахождения и поведением малолетнего К., а также в недооценке потенциально опасной обстановки, ею был утрачен визуальный контакт с ребенком. Это привело к тому, что в момент опрокидывания ребенком футбольных ворот Б. не смогла предотвратить данное происшествие, что повлекло за собой смерть потерпевшего. Между допущенным Б. бездействием (непринятием мер по обеспечению безопасности) и наступившими общественно

опасными последствиями существует прямая причинно-следственная связь¹.

Прекращая уголовное дело в отношении Б. за отсутствием в ее деянии состава преступления, Верховный Суд Российской Федерации отметил, что для признания причинно-следственной связи между бездействием лица и наступившими последствиями необходимо установить, что совершение требуемого действия являлось обязательным условием предотвращения вреда. В рассматриваемой ситуации непосредственной причиной смерти К. явилось падение футбольных ворот, обусловленное их ненадлежащим закреплением и несоответствием техническим регламентам. Однако круг должностных обязанностей Б. не включал в себя функции по проверке и обеспечению технической исправности спортивных сооружений. Следовательно, ее бездействие, выразившееся в недостаточном контроле за детьми, не было тем необходимым звеном в цепи причинности, устранение которого однозначно предотвратило бы трагический исход, т. к. опасность исходила от независимого внешнего фактора².

Причинная связь, интеллектуальный и волевой элементы вины взаимосвязаны: чтобы индивидуум стал действовать, все побудительные силы для осуществления каких-либо действий должны преобразиться в побуждения его воли [9, с. 310]. Не следует подменять содержание причинной связи субъективными элементами вины [10, с. 78]. Необходимо производить оценку их взаимосвязи. Деяние является причиной преступного результата, которое должно быть последним во времени, осознанным, предшествующим наступлению смерти [11, с. 99; 12].

В составах убийства умысел виновного направлен на причинение смерти. О таком умысле свидетельствуют различные обстоятельства: высказывание угрозы убийством, осознание возможности образования у потерпевшего повреждений различной степени тяжести, которые как по отдельности, так и в совокупности могут сопровождаться развитием угрожающих жизни состояний и повлечь наступление его смерти³; умышленное создание

¹ Приговор Моршанского районного суда Тамбовской области от 23.12.2013 № 13-УД15-1; Апелляционное постановление Тамбовского областного суда от 15.04.2014 № 22-484/2014; Постановление президиума Тамбовского областного суда от 16.10.2014 // Официальный сайт Тамбовского областного суда. URL: <http://obsud.tmb.sudrf.ru/> (дата обращения: 04.09.2025).

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.03.2015 № 13-УД15-1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.08.2023

виновным условий, которые облегчат причинение смерти, и др. Расчет виновного лица, ожидающего наступление смерти потерпевшего, должен опираться на обстоятельства, которые дают ему основание предполагать такой исход. Субъект должен осознавать, что результат его пассивного поведения достаточен для лишения жизни потерпевшего¹. Так, Б. оставила свою беспомощную дочь на несколько дней в закрытой квартире в коляске без воды и пищи, в результате чего потерпевшая скончалась. Являясь вменяемой, Б., создав опасную для потерпевшего обстановку, предвидела, что лишение ребенка пищи и воды приведет к необратимым нарушениям функций жизненно важных органов и систем организма, осознавала, что смерть наступит постепенно. Суд квалифицировал деяние Б. по п. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ², исключив из квалификации ст. 156 УК РФ. О причине исключения из квалификации ст. 156 УК РФ речь пойдет далее.

Направленность умысла на причинение смерти объективируется, т. е. находит внешнее выражение в деянии виновного. При прямом умысле виновный сознательно желает наступления конкретного, определенного результата — смерти потерпевшего. При косвенном умысле виновный не стремится целенаправленно к причинению смерти, однако осознанно допускает ее наступление либо относится к этому безразлично. В таком случае последствие в виде смерти является для него вероятным, и он готов принять любой из возможных преступных результатов своего деяния, включая смерть потерпевшего. Оценка видов умысла влияет на квалификацию — покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом. При косвенном умысле квалификация осуществляется по фактически наступившим последствиям³.

№ 45-УДП23-31К7 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Обобщение судебной практики рассмотрения уголовных дел, связанных с убийством и причинением тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека // Верховный Суд Республики Татарстан: сайт. URL: <https://vsrt.tatarstan.ru/obobshchenie-sudebnoy-praktiki-rassmotreniya.htm> (дата обращения: 06.10.2025); Приговор Нижегородского районного суда от 27.01.2025 по делу № 1-353/2024 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: sudact.ru/regular/doc/ojeROSnGkYor/ (дата обращения: 06.10.2025).

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 июля 2004 г. № 58-О04-43 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»

При совершении умышленных преступлений субъект может преследовать разные (в широком смысле) цели, которые могут быть промежуточными (для достижения главного результата) или сопутствующими главному результату. При оценке бездействия необходимо определять главную цель или «доминирующий» результат, к которому стремится субъект. Поэтому не может образовываться совокупность умышленных преступлений против жизни бездействие, направленное на причинение вреда одному потерпевшему. В намеренно созданной виновными обстановке, когда смерть выступает закономерным результатом их бездействия, преступление квалифицируется как убийство с прямым либо косвенным умыслом: «...по смыслу уголовного закона действия лица, которое поставило другое лицо в опасное для жизни или здоровья состояние в результате покушения на убийство, полностью охватываются составом преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и п. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и дополнительной квалификации по ст. 125 УК РФ не требуется»⁴. Полагаем, что по этой же причине суд исключил из квалификации ст. 156 УК РФ, оценивая деяние Б. по п. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В противном случае вменение будет считаться двойным, что нарушит принцип справедливости (ст. 6 УК РФ). Так, например, Ф. И. О. было предъявлено обвинение по совокупности ч. 3 ст. 30, ст. 106 УК РФ и ст. 125 УК РФ: в осеннее время года Ф. И. О. вне медицинского учреждения самостоятельно родила ребенка, после чего поместила его в полиэтиленовый пакет и оставила в безлюдном месте. О произошедшем Ф. И. О. никому не сказала. Ребенок выжил, т. к. его случайно обнаружили. Суд без аргументов исключил из обвинения ч. 3 ст. 30, ст. 106 УК РФ, квалифицировав деяние Ф. И. О. по ст. 125 УК РФ⁵.

Квалификации стороны обвинения и суда представляются неправильными. Преступления, предусмотренные ст. 105, 106 и 125 УК РФ, умышленные. По правилам субъективного вменения деяние квалифицируется по направленности умысла [13]. В данном случае одно деяние было направлено на

[Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.01.2008 по делу № 74-Д06-24 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Приговор Черемшанского районного суда Республики Татарстан от 15.01.2020 по делу № 1-2/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: sudact.ru/regular/doc/trpDT1dFTqVh/ (дата обращения: 25.09.2025).

причинение вреда одному потерпевшему. В убийстве умысел бездействия виновного состоит в достижении результата — причинить смерть, что поглощает умысел на оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии. Из заключения судебно-психиатрической экспертизы следует, что Ф. И. О. психическим расстройством не страдает и не страдала; временного болезненного расстройства психики у нее не было; в состоянии повышенной эмоциональной напряженности не находилась, ее действия во время родов и после них были последовательными. Объективная сторона свидетельствует об умысле на убийство — Ф. И. О. осознавала, что результат ее поведения достаточен для лишения жизни новорожденного. Поэтому деяние Ф. И. О. следовало квалифицировать по ч. 3 ст. 30 и ст. 106 УК РФ — если у виновной не было заранее обдуманного умысла на причинение смерти новорожденному, либо по ч. 3 ст. 30 и п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ — если был изначально (до родов) обдуманный умысел на причинение смерти новорожденному.

Умышленное создание виновным условий, включающих возможность выживания потерпевшего, и невмешательство или непринятие мер по недопущению смерти свидетельствуют об умысле на убийство¹. Так, правильной представляется квалификация деяния Ф. по ст. 106 УК РФ, которая бездействием причинила смерть новорожденному: «...зная о низкой температуре окружающей среды, а также о том, что оставление новорожденного при низкой температуре окружающей среды на улице без соответствующей медицинской помощи, пренебрежения и теплой одежды для новорожденных (пеленок) на длительный срок повлечет наступление смерти младенца, положила новорожденного в полимерный пакет, завязав ручки пакета». Причиной смерти новорожденного ребенка явилось общее переохлаждение организма².

Об умысле на убийство также свидетельствует повторяющееся создание виновным условий для наступления смерти. Например, Д. оставила ребенка под кучей белья, от чего последний стал задыхаться, но его смерть не наступила в связи с тем, что его обнаружило третье лицо. Впоследствии Д. все же реализовала свой умысел аналогичным пре-

дыдущему способом. Учитывая, что потерпевший не обладал специальным юридическим признаком (новорожденный), суд квалифицировал деяние Д. по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ³.

Таким образом, виновные, поставив потерпевших в опасное для жизни состояние, создав условия для наступления смерти, причинили смерть опосредованно — третьими силами, негативное воздействие которых умышленно использовалось при посягательстве на жизнь. Объективное выражение субъективных элементов деяния свидетельствует об их умысле на убийство, что поглощает умысел на оставление потерпевших в опасном для жизни или здоровья состоянии.

В случае, когда субъект, проявляя пассивное поведение, не создает обстановку, исключающую возможность выживания потерпевшего, проявляет своего рода вмешательство, воздействуя либо мешая третьим силам причинить ему смерть, или принимает меры по недопущению смерти, это свидетельствует об отсутствии умысла на убийство. Так, бездействие Ф. И. О. было переквалифицировано с п. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 109 УК РФ, поскольку самостоятельное принятие Ф. И. О. мер к лечению дочери, хоть и неправильных, не свидетельствует об умысле на ее убийство⁴. Объективно причинная связь между бездействием виновной и смертью потерпевшей имеется, однако субъективное отношение Ф. И. О. к смерти дочери исключает умысел на убийство.

Моменты формирования и реализации умысла на убийство могут быть едиными, а могут быть разными. Если ППВС об убийстве разъясняет, что убийство двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ), совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений, то диспозиция ст. 106 УК РФ закрепляет лишь один количественный показатель потерпевшего — новорожденный ребенок. По правилам субъективного вменения, если убийство двух и более новорожденных при кратковременном временном промежутке между причинением смерти двум и более

³ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2018 № 38-АПУ18-5 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 51-О09-15 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2009 г.: утвержден постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации 16.09.2009 // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/practice/15080/> (дата обращения: 08.10.2025).

¹ Приговор Железнодорожного суда г. Хабаровска от 27.02.2017 по делу № 1-129/2017.

² Приговор Балеинского районного суда Удмуртской Республики от 13 июля 2020 г. (Уникальный идентификатор дела (УИД): 12002940007004725) // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: sudact.ru/regular/doc/JA4za98j475Q/ (дата обращения: 01.10.2025).

потерпевшим было охвачено единым умыслом, деяние является единым сложным преступлением и квалифицируется по ст. 106 УК РФ. Если прошел значительный временной промежуток между убийством одного новорожденного и убийством другого (например, при последующих родах), моменты формирования и реализации умыслов разные. В этом случае деяния следует квалифицировать по совокупности ст. 106 УК РФ.

Как правило, убийство в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ) совершается активными действиями — реакцией на внезапно возникшее сильное душевное волнение, сопровождающееся сильными эмоциями ярости, гнева. Вместе с тем нельзя исключать бездействие, например, когда противоправные или аморальные действия потерпевшего вызвали у виновного состояние, спровоцировавшее неоказание помощи, оставление в опасности, если субъект осознает, что при невмешательстве закономерно наступит смерть потерпевшего, из мести умышленное невыполнение возложенных обязанностей, что привело к смерти последнего. Создание обстановки, при которой наступление смерти потерпевшего является очевидным для виновного следствием его бездействия, свидетельствует об умысле на убийство, а не, например, на оставление в опасности, причинение вреда здоровью и т. п. Это также применимо к квалификации преступления по ст. 108 УК РФ, когда смерть наступает из-за действия внешних факторов.

Неосознание лицом общественной опасности своего деяния исключает умысел [14, с. 39]. Преступление квалифицируется по ст. 109 УК РФ в случае, когда виновный предвидит абстрактную возможность причинения смерти, продолжает бездействовать, не осознавая общественную опасность, без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на предотвращение смерти (легкомыслие). Либо если у субъекта отсутствует осознание возможности достижения преступного результата, однако тот обладает достаточными знаниями (опытом) или компетенциями, которые позволяют ему осознавать необходимость совершить требуемые действия (небрежность). Знания (опыт) или компетенции могут быть специальными — необходимыми для обеспечения функционирования определенных сфер деятельности (строительство, производство, промышленность и др.), а могут быть общими — общеизвестными, сложившимися

в результате обычаев, норм и правил поведения в обществе и т. п.

Квалификация осуществляется по общей уголовно-правовой норме в случае, когда, обладая общими знаниями и опытом, субъект, бездействуя, их нарушает, тем самым создает опасную для жизни потерпевшего обстановку. Так, Г. была осуждена по ч. 1 ст. 109 и ст. 156 УК РФ за проявленную небрежность в форме бездействия: содержала новорожденного ребенка в антисанитарных условиях, кормила его ненадлежащим образом, низкокалорийными продуктами, тем самым игнорировала общеизвестное правило, что новорожденный ребенок в течение первого года жизни требует пристального наблюдения и тщательного ухода¹.

Когда субъект, обладая специальными знаниями и опытом (компетенциями), их нарушает, уголовная ответственность за бездействие должна наступать в случае, когда на него были возложены обязанности действовать соответствующим образом при наличии реальной возможности это делать, квалификация должна осуществляться по специальной уголовно-правовой норме. Так, ошибочной представляется квалификация бездействия И. по ч. 2 ст. 109 УК РФ, поскольку фактические обстоятельства по делу указывали на признаки состава преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ: И., имея квалификацию врача по специальности «лечебное дело» и подтвердив свою компетенцию на курсах повышения квалификации, была в полной мере способна и обязана оказывать квалифицированную экстренную медицинскую помощь — являлась субъектом, обладающим специальными знаниями, т. е. обладала юридически значимыми признаками субъекта преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ [15]. Несмотря на наличие необходимой подготовки и компетенций, в рамках конкретного вызова ею были допущены нарушения диагностического алгоритма и не было принято решение о необходимости экстренной госпитализации пациента, в результате чего тот скончался. Таким образом, И., будучи способной и обязанной оказывать квалифицированную экстренную медицинскую помощь, не выполнила возложенные на нее профессиональные обязанности по оказанию квалифицированной экстренной медицинской помощи².

¹ Приговор Ключевского районного суда Алтайского края от 12.03.2018 по делу № 1-26/2018.

² Апелляционное постановление Суда апелляционной инстанции г. Рязани от 07.12.2023 по делу № 22-1281/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: sudact.ru/regular/doc/3fG7rSBzyFJ8/ (дата обращения: 10.09.2025).

Список источников

1. Нагорная И. И. Причинение смерти путем бездействия в преступлениях, связанных с нарушением правил бытовой предосторожности, и профессиональных преступлениях // Уголовное право. 2025. № 2. С. 42–53.
2. Бычков С. Н. Дискуссионные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // Уголовное право и уголовный процесс. 2017. С. 90–93.
3. Рудич В. В., Хомякова М. А. Убийство матерью новорожденного ребенка: терминологический аспект // Современное право. 2024. № 8. С. 70–72.
4. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. профессора М. В. Бавсуна. Омск, 2020. 767 с.
5. Пимакова О. Г., Колесова А. С. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые аспекты // Российский следователь. 2019. № 12. С. 51–55.
6. Антонян Ю. М. Убийство матерью своего ребенка // Уголовное право. 2025. № 9. С. 71–80.
7. Власов Ю. А. Отграничение убийства и умышленного вреда здоровью, совершенных путем бездействия, от оставления в опасности // Уголовное право. 2008. № 2 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Есаков Г. А., Рарог А. И., Чучаев А. И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А. И. Рарог. М.: Велби, Проспект, 2007. 576 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. 746 с.
10. Хромов Е. В. Влияние характера причинной связи на квалификацию смерти потерпевшего в результате применения насилия // Уголовное право. 2024. № 12. С. 59–78.
11. Есаков Г. А. Причинная связь в сложных ситуациях: уголовно-правовая наука и судебная практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 81–102.
12. Есаков Г. А. Причинная связь в сложных ситуациях: неосторожные преступления // Уголовное право. 2024. № 4. С. 20–35.
13. Гарбатович Д. А. Убийство: конкретизированный, неопределенный, альтернативный виды умысла // Уголовное право. 2024. № 9. С. 16–29.
14. Степанов П. П. Уголовная ответственность организаторов туризма за небезопасные туристические услуги (ст. 238 УК РФ): вопросы субъективной стороны преступления в правоприменительной практике // Уголовное право. 2025. № 5. С. 27–39.
15. Нагорная И. И. Неоказание помощи больному: трудности квалификации (ст. 124 УК РФ) // Уголовное право. 2023. № 6. С. 51–61.

References

1. Nagornaya I. I. Prichinenie smerti putem bezdeystviya v prestupleniyah, svyazannyh s narusheniem pravil bytovoj predostorozhnosti, i professional'nyh prestupleniyah // Ugolovnoe pravo. 2025. № 2. S. 42–53.
2. Bychkov S. N. Diskussionnye voprosy kvalifikatsii ubijstva mater'yu novorozhdenno go rebenka // Ugolovnoe pravo i ugolovnyj process. 2017. S. 90–93.
3. Rudich V. V., Homyakova M. A. Ubijstvo mater'yu novorozhdenno go rebenka: terminologicheskij aspekt // Sovremennoe pravo. 2024. № 8. S. 70–72.
4. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Osobennaya chast': uchebnik / pod red. professora M. V. Bavsuna. Omsk, 2020. 767 s.
5. Pimakova O. G., Kolesova A. S. Ubijstvo mater'yu novorozhdenno go rebenka: ugolovno-pravovye aspekty // Rossijskij sledovatel'. 2019. № 12. S. 51–55.
6. Antonyan Yu. M. Ubijstvo mater'yu svoego rebenka // Ugolovnoe pravo. 2025. № 9. S. 71–80.
7. Vlasov Yu. A. Otgranichenie ubijstva i umyshlennogo vreda zdorov'yu, sovershennyh putem bezdeystviya, ot ostavleniya v opasnosti // Ugolovnoe pravo. 2008. № 2 [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
8. Esakov G. A., Rarog A. I., Chuchaev A. I. Nastol'naya kniga sud'i po ugolovnym delam / отв. ред. А. И. Рарог. М.: Velbi, Prospekt, 2007. 576 s.
9. Marks K., Engel's F. Sochineniya. M.: Gospolitizdat, 1961. T. 21. 746 s.
10. Hromov E. V. Vliyanie haraktera prichinnoj svyazi na kvalifikatsiyu smerti poterpevshego v rezul'tate primeneniya nasiliya // Ugolovnoe pravo. 2024. № 12. S. 59–78.

11. Esakov G. A. Prichinnaya svyaz' v slozhnyh situatsiyah: ugovolno-pravovaya nauka i sudebnaya praktika // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2016. № 1. S. 81–102.
12. Esakov G. A. Prichinnaya svyaz' v slozhnyh situatsiyah: neostorozhnye prestupleniya // Ugolovnoe pravo. 2024. № 4. S. 20–35.
13. Garbatovich D. A. Ubijstvo: konkretizirovannyj, neopredelennyj, al'ternativnyj vidy umysla // Ugolovnoe pravo. 2024. № 9. S. 16–29.
14. Stepanov P. P. Ugolvnaya otvetstvennost' organizatorov turizma za nebezopasnye turisticheskie uslugi (st. 238 UK RF): voprosy sub»ektivnoj storony prestupleniya v pravoprimeritel'noj praktike // Ugolovnoe pravo. 2025. № 5. S. 27–39.
15. Nagornaya I. I. Neokazanie pomoshchi bol'nomu: trudnosti kvalifikacii (st. 124 UK RF) // Ugolovnoe pravo. 2023. № 6. S. 51–61.

Информация об авторе

Е. С. Квасников — кандидат юридических наук.

Information about the author

E. S. Kvasnikov — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 28.10.2025; одобрена после рецензирования 15.12.2025; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 28.10.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 10.03.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 126–130.

Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 126–130.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНОГО ШТРАФА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Надежда Викторовна Климович

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, nadya-klimovich@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются цели и задачи освобождения от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, определяется особенность и уникальность применения такой меры в отечественном уголовном судопроизводстве. Рассмотрены и определены основные требования к порядку освобождения лица от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. На основе обобщения высказанных в уголовно-процессуальной литературе взглядов, анализа судебной практики и действующего законодательства автором была обозначена проблема, выраженная в отсутствии сроков уплаты судебного штрафа при назначении его судом виновному лицу. Предложено дополнить ч. 1.1 ст. 446³ УПК РФ положением следующего содержания: «Судам в постановлении о назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа устанавливать срок исполнения — в течение 60 суток — и исчислять его со дня вступления постановления в законную силу».

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, иная мера уголовно-правового характера, судебный штраф

Для цитирования: Климович Н. В. Проблемы при назначении судебного штрафа в уголовном судопроизводстве // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 126–130.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

PROBLEMS OF IMPOSITION OF A FINE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Nadezhda V. Klimovich

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, nadya-klimovich@mail.ru

Abstract. The article examines the significance and goals of exemption from criminal liability with the imposition of a criminal penalty, and identifies the specific features and uniqueness of this measure in domestic criminal proceedings. The article also examines and defines the main requirements for the procedure of exemption from criminal liability with the imposition of a criminal penalty. Based on a synthesis of views expressed in the criminal procedure literature, an analysis of judicial practice, and current legislation, the author identifies a problem that arises from the lack of deadlines for paying the criminal penalty when it is imposed by a court on a guilty person. It is proposed to supplement Part 1.1 of Article 4463 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation with the following provision: “Courts, in their rulings on imposing a criminal penalty on a person, shall set a 60-day deadline for its execution, which shall begin on the day the ruling enters into force”.

Keywords: exemption from criminal liability, other criminal measures, judicial fine

For citation: Klimovich N. V. Problems of Imposition of a Fine in Criminal Proceedings. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2026;1:126–130 (In Russ.).

Федеральным законом Российской Федерации от 03.07.2016 № 323-ФЗ¹ в ст. 76² Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) был введен новый вид освобождения от уголовной ответственности — с назначением судебного штрафа, в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) была введена новая глава 51¹ — «Производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности». Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в уголовном процессе представляет собой определенную правовую процедуру, выраженную в виде денежного взыскания с лица, совершившего преступление (небольшой или средней тяжести), при освобождении его от уголовной ответственности. Уникальность судебного штрафа заключается в том, что лицо, совершившее преступление, освобождается от уголовной ответственности, но на него возлагается обременение, выраженное в денежном эквиваленте, которое оно должно внести на счет государства. Несмотря на то что в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве нормы, регламентирующие применение судебного штрафа, включены еще с 2016 г., до сих пор в судебно-следственной практике возникают проблемы при его назначении.

Введение в российское законодательство института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа преследовало несколько ключевых целей, которые отражают современные тенденции в уголовной политике. К основным целям можно отнести: 1) *декриминализацию и разгрузку правоохранительной системы*, что выражается в эффективности завершения процесса расследования преступлений небольшой и средней тяжести, без трудоемкого расследования и судебного разбирательства. Такая упрощенная процедура экономит государственные ресурсы и обеспечивает полноценное уголовное преследование в кратчайшие сроки; 2) *восстановительный подход*, который заключается в смещении акцента с наказания виновного лица на восстановление нарушенных прав и интересов потерпевшего. Государство дает потерпевшему гарантию, что вред

будет возмещен, а виновное лицо понесет финансовые потери, поскольку часть суммы штрафа направляется в счет компенсации ущерба потерпевшему; 3) *экономическое стимулирование для государства*, которое выражено в пополнении бюджета, т. к. судебный штраф зачисляется в государственный бюджет, а это дополнительный источник доходов, который в отличие от штрафа как наказания поступает быстрее с наименьшими издержками; 4) *гуманизацию уголовной политики и предоставление «второго шанса»*, что включает в себя: а) альтернативу реальному наказанию и судимости, это главный гуманный аспект, поскольку лицо, впервые совершившее преступление, избегает осуждения, реального лишения свободы и судимости; б) ресоциализацию, человек не изолируется от общества, не попадает в тюремную среду и может продолжать социально полезную жизнь, работу, учебу. Он несет ответственность деньгами, а не свободой, что для многих является адекватным и достаточным уроком; 5) *процессуальную эффективность*, которая выражается в быстром разрешении уголовно-правового конфликта, удовлетворив все стороны: государство (наказание), потерпевшего (компенсация) и подозреваемого, обвиняемого (судимость).

Включение законодателем назначения судебного штрафа в институт освобождения от уголовной ответственности осуществлялось с целью решения значимых задач, которые коррелируют с целями, рассмотренными нами выше. К ним возможно отнести: 1) наказание виновного лица, которое выражается в форме порицания, поскольку судебный штраф является мерой ответственности за совершение правонарушения, что способствует поддержанию правопорядка в обществе; 2) превентивная функция судебного штрафа, т. к. он служит сдерживающим фактором для других потенциальных правонарушителей, снижая вероятность повторения аналогичных противоправных поступков; 3) компенсация ущерба, судебный штраф может быть направлен на возмещение ущерба, причиненного преступлением; 4) общественное осуждение выражается в том, что назначение судебного штрафа отражает общественное осуждение неправомерного поведения и демонстрирует, что такие действия не будут терпимы; 5) стимулирование соблюдения норм, поскольку процедура назначения судебного штрафа виновному лицу может побуждать граждан и организации к соблюдению законов и правил, что способствует стабильности и безопасности в обществе; 6) обеспечение справедливости: судебный штраф помогает восстановить справед-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 03.07.2016 № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ливость, обеспечивая соответствующее наказание за правонарушение.

Таким образом, можно прийти к выводу, что перечисленные задачи помогают формировать правосознание и укрепляют доверие граждан к судебной системе.

Суд вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если данным лицом соблюдены все условия, предусмотренные ст. 76² УК РФ в рамках как судебного, так и досудебного производства. При этом такое освобождение виновного лица является прерогативой суда, а не его обязанностью. Судья может вынести решение о таком прекращении до удаления в совещательную комнату.

В результате проведенного исследования отметим, что в ходе досудебного производства по уголовному делу суд вправе принять решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) и назначить меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в порядке главы 51¹ УПК РФ, т. е. в ходе самостоятельного производства либо в ходе апелляционного производства и в ходе кассационного (надзорного) производства при пересмотре решения нижестоящих судов.

В ходе судебного производства суд по собственной инициативе вправе принять решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначить меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа по результатам предварительного слушания на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства по уголовному делу, направленному в суд прокурором; на стадии судебного разбирательства — в любой момент производства по уголовному делу до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора; в ходе апелляционного производства — в любой момент до удаления суда апелляционной инстанции в совещательную комнату для вынесения решения по делу.

Исходя из положений ст. 446.2 УПК РФ и п. 25.3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда России по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»¹, при назначении су-

дебного штрафа суд может вынести решение об удовлетворении такого ходатайства только после полного убеждения в том, что лицо полностью признает свою вину, которая подтверждается собранными доказательствами по уголовному делу. Освобождение от уголовной ответственности с применением к лицу судебного штрафа в суде является особенной процедурой в отечественном уголовном процессе, поскольку не имеет аналогов рассмотрения ходатайств.

Согласно ч. 4 ст. 446.2 УПК РФ в случае неявки без уважительных причин подозреваемого (обвиняемого), защитника, потерпевшего и (или) его законного представителя, представителя, прокурора, своевременно извещенных о времени судебного заседания, суд рассматривает поступившее ходатайство, за исключением случаев неявки лица, в отношении которого рассматривается вопрос о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). Для решения проблемы о согласии потерпевшего на прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа виновному и его дальнейшего участия в суде нами ранее было предложено внести изменения в положения ч. 1 ст. 25¹ УПК РФ и «рассматривать вопрос о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа на основании заявления потерпевшего или его законного представителя» [1]. Однако при рассмотрении ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа вызывает интерес участие прокурора. Следует отметить, что его участие является обязательным. В процессе рассмотрения ходатайства мнение прокурора учитывается, но решение принимается непосредственно судом. На наш взгляд, видится справедливой позиция Ю. А. Цветкова, который указал, что «следователь... взаимодействует с судом напрямую, без посредничества с прокурором и, что самое интересное, никакой катастрофы не происходит» [2].

По результатам рассмотрения такого ходатайства суд выносит постановление (ч. 5 ст. 446.5 УПК РФ), в котором указывает одно из следующих решений:

- об удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа;

ной ответственности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 56. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- об отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа с возвращением ходатайства и материалов уголовного дела руководителю следственного органа или прокурору.

В соответствии с позицией Верховного Суда Российской Федерации, отраженной в Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76² УК РФ)¹, суд может направить материалы уголовного дела руководителю следственного органа (прокурору) для принятия соответствующего процессуального решения только в том случае, если при рассмотрении ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа устанавливаются иные основания для прекращения уголовного дела.

Так, например, в случае неуплаты лицом судебного штрафа суд отменяет постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и направляет материалы руководителю следственного органа (прокурору). При этом дальнейшее производство по уголовному делу осуществляется в общем порядке (ст. 446.5 УПК РФ).

Подробно изучая судебно-следственную практику, можно прийти к выводу о том, что, несмотря на активное применение судебного штрафа и освобождения виновных лиц от уголовной ответственности, все-таки до сих пор существует ряд проблем, возникающих как в процессе его назначения, так и после его применения. К таким проблемам можно отнести: 1) неоднозначность определения размера штрафа, выраженная в проблеме установления конкретной суммы, соответствующей степени вреда и финансовому состоянию виновного. Кроме того, стандартизация штрафных санкций может быть недостаточной или отсутствовать, что привлекает субъективизм судей; 2) невыполнение штрафных обязательств, особенно у лиц, уклоняющихся от уплаты; 3) не во всех случаях назначенный судебный штраф достигает своей цели — исправление и профилактика повторных правонарушений; 4) социально-экономические последствия, которые выражаются в невозможности заявления

ходатайства о таком прекращении лицами, не имеющими источника дохода либо с малым доходом, что противоречит принципу справедливости. И для лиц с завышенным источником дохода назначенный судебный штраф может оказаться незначительным и не выполнять своей превентивной функции; 5) необходимость постоянного обновления нормативной базы с учетом изменений в экономической и социальной сферах.

Одной из проблем, возникающих при назначении судебного штрафа, является отсутствие установления сроков его исполнения, поскольку они не закреплены в законе (ст. 104⁴ УК РФ и ст. 446³ УПК РФ). Кроме того, о таких сроках не указано в Федеральном законе Российской Федерации от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»².

В соответствии с разъяснениями Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 неуплата лицом судебного штрафа в срок может рассматриваться как уклонение и привести впоследствии к привлечению виновного к уголовной ответственности, поэтому считаем, что этот вопрос требует четкой регламентации в законе.

Следует отметить, что судебно-следственная практика применения судебного штрафа также характеризуется неоднородными сроками установления их судом³. Так, при изучении более 170 решений о прекращении уголовных дел с назначением судебного штрафа, вынесенных в судах Алтайского края, Новосибирской и Кемеровской областей, нами было выявлено, что чаще всего сроки, устанавливаемые судами, для исполнения виновным судебным штрафом, варьируются от 30 до 60 суток. Это свидетельствует о том, что в указанный срок лицо имеет возможность исполнить возложенное на него денежное обременение.

Отдельный интерес вызывают точки зрения ученых, труды которых посвящены проблемам изучения судебного штрафа, они также не находят совпадений относительно рассматриваемого нами вопроса [3, 4].

Таким образом, проведя анализ теоретических воззрений и правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации и законодательства, счи-

¹ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10.07.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об исполнительном производстве [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 02.10.2007 № 229-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Постановление № 1-109/2023 от 26 октября 2023 г. по делу № 1-109/2023. URL: sudact.ru; Постановление № 1-254/2023 от 24 октября 2023 г. по делу № 1-254/2023. URL: sudact.ru.

таем, что для решения рассматриваемой проблемы целесообразно дополнить ч. 1.1 ст. 446³ УПК РФ положением следующего содержания: «Судам в постановлении о назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа необходимо устанавливать срок исполнения — в течение 60 суток — и исчислять его со дня вступления постановления в законную силу».

Представляется, что подобное нововведение упростит работу судебно-следственных органов и приведет в соответствие уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее назначение судебного штрафа.

Таким образом, приходим к выводу, что назначение судебного штрафа служит механизмом воздействия на правонарушителя через материальное воздаяние, что способствует формированию ответ-

ственности и сдерживанию в будущем. Назначение судебного штрафа позволяет обеспечить более справедливое наказание, учитывающее характер, обстоятельства и личность виновного, что особенно актуально в современных правовых реалиях. Считаем, что освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа — это современный гибкий инструмент, который служит целям декриминализации, гуманизации и повышения эффективности уголовного правосудия, переориентируя его карательную функцию на восстановительную. Представляется, что такая мера уголовно-правового характера обеспечивает баланс между защитой правопорядка и гуманизмом, способствует эффективной профилактике преступлений, снижению нагрузки на систему уголовного правосудия и поддержанию социальной гармонии.

Список источников

1. Климович Н. В. О необходимости установления срока исполнения судебного штрафа // Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии: материалы Международной научно-практ. конф-ции, Барнаул, 27–28 июня 2024 г. Барнаул: БЮИ МВД России, 2024. С. 39–41.
2. Цветков Ю. А. Следователи применяют судебный штраф // Уголовный процесс. 2018. № 3 (159). С. 10.
3. Дудченко М. Ю. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: возможные проблемы на практике // Уголовный процесс. 2016. № 10. С. 59–63.
4. Молчанов Д. М., Куликов А. С. Судебный штраф в УК РФ и уголовно-правовая компенсация в УК Республики Беларусь: сравнительный анализ // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12 (85). С. 125–134.

References

1. Klimovich N. V. O neobkhodimosti ustanovleniya sroka ispolneniya sudebnogo shtrafa // Sibirskiy yuridicheskij forum: sovremennye problemy nauki i praktiki v ugovolnom prave i kriminologii: mat-ly Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii, Barnaul, 27–28 iyunya 2024 g. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2024. S. 39–41.
2. Cvetkov Yu. A. Sledovateli primenyayut sudebnyj shtraf // Ugolovnyj process. 2018. № 3 (159). S. 10.
3. Dudchenko M. Yu. Osvobozhdenie ot ugovolnoj otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa: vozmozhnye problemy na praktike // Ugolovnyj process. 2016. № 10. S. 59–63.
4. Molchanov D. M., Kulikov A. S. Sudebnyj shtraf v UK RF i ugovolno-pravovaya kompensaciya v UK Respubliki Belarus': sravnitel'nyj analiz // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2017. № 12 (85). S. 125–134.

Статья поступила в редакцию 23.12.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 23.12.2025; approved after reviewing 05.03.2025; accepted for publication 10.03.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 131–137.
Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 131–137.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.985:124

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ТЕЛЕОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ

Виктор Федорович Луговик¹, Андрей Евгеньевич Чечетин²

¹ Омская академия МВД России, Омск, Россия, Vlug@yandex.ru

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, achechetin@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется эволюция учения о целях и задачах оперативно-розыскной деятельности как в доктрине, так и в позитивном праве. Показано, что исходная криминологически ориентированная парадигма («ОРД — для борьбы с преступностью») в ходе законодательных трансформаций была смещена в сторону многоцелевого инструмента обеспечения безопасности и административного контроля. Обосновывается тезис о размывании предмета оперативно-розыскной науки вследствие расширения задач через нормы, формально посвященные основаниям и условиям проведения оперативно-розыскных мероприятий (ст. 7, 8.1 Закона об ОРД). Аргументируется наличие в Законе об ОРД контрразведывательной компоненты и формулируется предложение о нормативном разграничении. Сформулированы выводы и предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, телеология, цели и задачи, предмет науки ОРД, основания оперативно-розыскных мероприятий, государственная безопасность, контрразведка, законодательная техника, разграничение правовых режимов

Для цитирования: Луговик В. Ф., Чечетин А. Е. Оперативно-розыскная телеология: теоретические и правовые метаморфозы // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 131–137.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

OPERATIONAL INVESTIGATIVE TELEOLOGY: THEORETICAL AND LEGAL METAMORPHOSES

Viktor F. Lugovik¹, Andrey E. Chechetin²

¹ Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia, Vlug@yandex.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, achechetin@mail.ru

Abstract. The article examines the evolution of the doctrine of the goals and objectives of operational investigative activities both in doctrine and in positive law. It is shown that the initial criminologically-oriented paradigm («Operational-Search Activity» — to combat crime) in the course of legislative transformations was shifted towards a multi-purpose tool for ensuring security and administrative control. The thesis is substantiated about the blurring of the subject of operational investigative science due to the expansion of tasks through norms formally devoted to the grounds and conditions for conducting operational investigative measures (art. 7, Article 8.1 of the Law on the Operational-Search Activity). The author argues for the presence of a counterintelligence component and formulates a proposal for a normative distinction. The author stresses out that counterintelligence tasks should be regulated by a special law on counterintelligence activities (or an independent set of rules), which provides for the possibility of using the Operational-Search Activity as a technique (toolkit). Also, it is advisable to teleologically «return» the Law on the Operational — Search Activity to countering crime. Conclusions and suggestions for improving legislation are formulated.

Keywords: operational-search activity, teleology, goals and objectives, the subject of the science of the operational-search activity, the foundations of operational-search activities, state security, counterintelligence, legislative technique, differentiation of legal regimes

For citation: Lugovik V. F., Chechetin A. E. Operational Investigative Teleology: Theoretical and Legal Metamorphoses. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2026;1:131–137 (In Russ.).

© Луговик В. Ф., Чечетин А. Е., 2026

Актуальность исследования обусловлена нарастающим телеологическим противоречием в правовом регулировании оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД). Исходная конституционно ориентированная цель ОРД, закрепленная в ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД), сформулирована через защиту охраняемых законом благ *от преступных посягательств*. Эта формула исторически и логически определяла характер ОРД, оправдывая применение наиболее интрузивных мер, ограничивающих права человека. Однако системный анализ последующих изменений законодательства (ст. 2, 7, 8.1 Закона об ОРД) выявляет устойчивую тенденцию к нормативной экспансии. В правовое поле ОРД последовательно инкорпорируются задачи и основания, выходящие за рамки классической борьбы с преступностью: добывание информации об угрозах государственной и иной безопасности в отрыве от признаков состава преступления, обеспечение административно-разрешительных режимов (допуски, лицензирование), проведение антикоррупционных проверок кандидатов на публичные должности, осуществление инвестиционного контроля. Наряду с задачей борьбы с преступностью фактически формируется параллельный контур целеполагания, связанный с обеспечением публичного управления.

Такая телеологическая метаморфоза порождает ряд острых научных и практических проблем. Исследование направлено на выявление, анализ и разрешение фундаментального противоречия между декларируемой антикриминальной целью ОРД и ее фактическим нормативным наполнением, постепенно трансформирующим данный институт в универсальный инструмент скрытого информационного сбора.

Результаты работы имеют значение для совершенствования законодательства, укрепления гарантий прав личности, повышения эффективности правоохранительной деятельности и дальнейшего развития оперативно-розыскной теории.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания, применение которых позволило провести комплексный анализ телеологической эволюции законодательства об ОРД. Ведущим выступил системно-телеологический метод. Его применение позволило не ограничиваться буквальным толкованием отдельных норм, а реконструировать целеполагание законодателя через анализ системных свя-

зей между статьями Закона об ОРД (ст. 1, 2, 7, 8.1). Данный метод был направлен на выявление явных и латентных целей, установление их иерархии, а также анализ последствий их взаимодействия и конфликта для всей правовой конструкции ОРД. Формально-юридический (догматический) метод использовался для детального анализа текста действующих законов и иных нормативных правовых актов, что обеспечило точность в определении понятий, выявление логической структуры правовых предписаний и потенциальных коллизий.

Сравнительно-правовой метод был применен в двух аспектах. Во-первых, для сопоставления целевых установок и процедурных режимов ОРД и контрразведывательной деятельности, что позволило аргументировать тезис о недопустимости их смешения, а во-вторых, для выявления динамики и направленности изменений в законодательстве об ОРД, подтверждающих тенденцию к телеологическому расширению.

Для обоснования теоретических выводов и подтверждения выявленных тенденций применялись логические методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также элементы структурно-функционального анализа для определения места и роли исследуемых норм в общей системе правоохранительного законодательства. Интеграция указанных методов обеспечила достижение цели исследования и решение поставленных задач.

Телеология как учение о цели естественных и социальных феноменов предполагает необходимость привлечения для их понимания не только действующих, но и конечных причин [1, с. 916]. В праве телеология подразумевает цели правового регулирования, связанные как с объективными потребностями общества, так и с психологическим аспектом восприятия права различными субъектами [2, с. 203]. В юридической науке телеология выполняет не только объяснительную, но и дисциплинирующую функцию, т. к. цель задает предел допустимых средств, а задачи конкретизируют целевую установку, превращая ее в проверяемые юридические критерии. Для ОРД это особенно значимо, поскольку набор оперативно-розыскных мероприятий и действий включает формы вмешательства в частную жизнь и тайну коммуникаций, требующие повышенной нормативной определенности и легитимирующей цели.

Законодательная конструкция Закона об ОРД содержит, на первый взгляд, ясное целеполагание, и в ст. 1 ОРД определяется как деятельность, осуществляемая в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности,

обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств (выделено авт.). Однако анализ нормативного массива (прежде всего ст. 2, 7 и 8.1) демонстрирует иную тенденцию: ОРД всё более обслуживает не только борьбу с преступностью, но и задачи государственной безопасности, допусков, лицензий, антикоррупционных проверок, инвестиционного контроля и др. Нужно заметить, что такой тренд находит поддержку. Так, С. В. Харченко, выступая за наделение Следственного комитета Российской Федерации оперативно-розыскной функцией, полагает, что цели и задачи, декларируемые Законом об ОРД, «должны иметь более всесторонний характер, закреплять хотя бы в общих чертах особенности организации проведения соответствующих мер и представлять более комплексную основу осуществления этого вида правоохранительной деятельности» [3, с. 12].

Комментируя расширение задач ОРД, В. А. Шаров справедливо замечает, что использовать всю мощь, предоставляемую оперативно-розыскным законом, нецелесообразно, ибо цель явно не оправдывает средства. По его мнению, нужны либо иные средства или иная, ограниченная по возможностям деятельность, близкая, но отличная от ОРД [4, с. 39]. Мы солидарны с такой позицией, и именно это побудило нас обратиться к предмету настоящего исследования.

Нормативная метаморфоза телеологии ОРД: цель и задачи

Нормативная телеология ОРД выстроена вокруг ст. 1 Закона об ОРД, где определено, что ОРД — это деятельность по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. В классической логике отраслевого законодательства данная формула должна ограничивать дальнейшую детализацию, а задачи, основания и условия нужны для установления процедуры достижения указанной цели, в т. ч. посредством дальнейшего ведомственного нормативного правового регулирования.

Однако уже ст. 2, формулируя задачи ОРД, включает наряду с антикриминальными задачами («выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений...», «розыск лиц...») еще и добывание информации о событиях и действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации. Это уже вторая ось целеполагания, способная существовать автономно от цели борьбы с преступностью, т. к. угроза безопасности может пониматься шире со-

става преступления и шире уголовно-процессуальных целей. Тем самым в законе возникает смысловое напряжение: цель сформулирована через преступные посягательства, а часть задач — через угрозы безопасности как потенциально над- и внеуголовно-правовую категорию.

Метаморфоза через основания: как ст. 7 фактически расширяет задачи

Еще одна правовая метаморфоза пролегает на уровне ст. 7 Закона об ОРД. По мнению А. В. Шахматова, данная статья «содержит перечень оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий, то есть фактических обстоятельств или документов, при наличии которых закон разрешает проведение оперативно-розыскных мероприятий, однако анализ его содержания позволяет легко убедиться в опосредованном отношении ряда оснований к борьбе с преступностью» [5, с. 208].

Действительно, формально статья посвящена основаниям для проведения ОРМ, но по существу задает дополнительные целевые векторы. Во-первых, перечень оснований включает сведения о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности России. Это дублирует и усиливает компоненту «государственной безопасности» ст. 2, переводя ее из уровня задач в уровень непосредственного активатора для оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ). Во-вторых, ч. 2 ст. 7 позволяет органам ОРД собирать данные, необходимые для принятия решений о допуске к государственной тайне, опасным работам, участию в ОРД, доступу к материалам об установлении сотрудничества, о безопасности самих органов ОРД, а также в лицензионно-разрешительных сферах (частная охранная и детективная деятельность, владение оружием). По своей природе это уже не борьба с преступностью как таковая, а административно-правовой режим допуска и контроля, где ОРД выступает инструментом проверки благонадежности. В-третьих, в ст. 7 закреплён специальный массив оснований, связанных с антикоррупционными запросами, в частности, проведение ОРМ допускается для добывания информации, необходимой для принятия решений о достоверности и полноте сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение широкого перечня должностей, а также о соблюдении ограничений и запретов. В этой конструкции ОРД фактически обслуживает процедуры публичной (государственной, муниципальной) службы.

Таким образом, ст. 7 перестает быть чисто процедурной нормой и становится источником скрытого расширения задач, поскольку основания в практическом смысле определяют, для чего допустимо запускать оперативно-розыскной механизм.

Специальные режимы. Статья 8.1 как телеологический прецедент

Еще более показательным включение в Закон об ОРД ст. 8.1, устанавливающей особенности проведения ОРМ оперативными подразделениями органов ФСБ в сфере иностранных инвестиций в хозяйственные общества стратегического значения. Здесь регламентировано, что в целях определения факта установления иностранным инвестором или группой лиц, в которую входит иностранный инвестор, контроля над хозяйственным обществом, имеющим стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства, а также факта наличия между иностранным инвестором и третьими лицами соглашения или их согласованных действий, направленных на установление такого контроля, оперативные подразделения органов ФСБ вправе проводить ОРМ, результаты которых могут использоваться в доказывании по судебным искам. То есть ОРД используется для установления контроля иностранного инвестора и связанных соглашений или согласованных действий. Телеологически это смещает ОРД в плоскость экономической и оборонной безопасности, т. е. в сферу, где ключевым объектом выступают суверенные интересы государства, а не преступление. Возникает вопрос: а существует ли потребность в такой оперативно-розыскной норме?

Такое «точечное» регулирование формирует прецедент, который подталкивает к соблазну превратить Закон об ОРД в универсальный контейнер для специальных задач, а это уже будет отражать тенденцию постепенного размывания его предмета и методологического ядра.

Контрразведывательная компонента в Законе об ОРД и проблема смешения режимов

В данной статье не ставится задача разграничить разведывательную, контрразведывательную и оперативно-розыскную деятельность. Данной проблематике уделено достаточно внимания на страницах научных изданий [6, с. 46–57; 7, с. 23–27; 8, с. 340–349]. Наша задача состоит в поиске ответа на вопрос, насколько оправдано насыщение оперативно-розыскного законодательства «контрразведывательными» нормами.

Если принять, что добывание информации об угрозах государственной, военной, информационной безопасности (ст. 2, 7) и инвестиционные

проверки стратегических обществ (ст. 8.1) по своей функциональной направленности близки контрразведывательной логике, то можно говорить о наличии в Законе об ОРД контрразведывательных задач де-факто.

При этом контрразведка в российском законодательстве концептуально выделена. Федеральный закон Российской Федерации от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О федеральной службе безопасности» содержит определение контрразведывательной деятельности как деятельности, осуществляемой органами ФСБ, а также должностными лицами указанных органов и подразделений посредством проведения контрразведывательных мероприятий в целях выявления, предупреждения, пресечения разведывательной и иной деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, направленной на нанесение ущерба безопасности Российской Федерации. Здесь же перечисляются и основания для контрразведывательных мероприятий (ст. 9).

Наличие самостоятельного нормативного описания контрразведки показывает, что правопорядок уже различает режимы ОРД и контрразведывательной деятельности как минимум по целевой установке. Отсюда возникает ключевой телеологический вопрос: оправдано ли включение «контрразведывательных» задач в Закон об ОРД, если существует самостоятельный контрразведывательный контур регулирования? Представляется, что законодательное смешение норм снижает прозрачность правовых оснований, осложняет прокурорский надзор и судебный контроль и создает риск подмены целей.

Почему ОРД должна быть ограничена борьбой с преступностью: телеологические аргументы

Принцип соответствия цели и средства. Интенсивные меры скрытого получения информации легитимируются не любым общественно полезным результатом, а строго определенной целью. Законодатель сам фиксирует ограничитель, не допуская осуществление оперативно-розыскной деятельности для достижения целей и решения задач, не предусмотренных Законом об ОРД (ч. 2 ст. 5). Однако расширение задач через ст. 7 и специальные режимы (ст. 8.1) делает этот барьер достаточно гибким, т. к. достаточно добавить новую служебную цель в закон — и она становится допустимой, даже если не укладывается в исходную формулу ст. 1 о защите от преступных посягательств.

Сохранение предмета оперативно-розыскной науки. Предмет оперативно-розыскной науки исторически связывается с закономерностями выявления

и раскрытия преступлений, розыска лиц и обеспечения уголовного судопроизводства (даже при всей своей междисциплинарности). Такой подход нашел закрепление еще в 1998 г. в одном из первых решений Конституционного Суда Российской Федерации, касающихся конституционности Закона об ОРД. Так, в определении «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" по жалобе гражданки И. Г. Черновой» суд констатировал, что под противоправным деянием, для выявления и раскрытия которого осуществляется ОРД, Закон об ОРД подразумевает лишь уголовно наказуемое деяние, т. е. преступление. Если же в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия обнаруживается, что речь идет не о преступлении, а об иных видах правонарушений, то в силу статьи 2 и части четвертой статьи 10 данного закона дело оперативного учета подлежит прекращению¹. Таким образом, упрощая тезис, можно констатировать, что базовым выступает постулат: ОРД только там, где есть преступная деятельность. Однако в современной литературе прямо отмечается тенденция к включению в ОРД задач, напрямую не связанных с раскрытием преступлений [9, с. 35–36]. Так, некоторые авторы предлагают расширить диапазон использования результатов ОРД, в т. ч. для противодействия картельным соглашениям [10, с. 268]. Когда ОРД начинает обслуживать лицензирование, инвестиционный контроль, процедуры проверок кандидатов на государственную и муниципальную службы, предмет науки становится «распыленным», а методология оперативно-розыскного поиска смешивается с технологиями административной проверки, экономической безопасности и контрразведки.

Правовая определенность и риски «административной разведки»

Рассмотренное в предыдущих разделах телеологическое расширение ОРД, закамуфлированное под законодательное «редактирование» оснований, порождает значительные риски для принципа правовой определенности. Использование в законе расплывчатых формулировок, таких как «угроза... безопасности» (ст. 2 Закона об ОРД), при отсутствии их детальной юридической дефиниции в системе права создает предпосылки для расширительного и произвольного толкования.

При отсутствии четкого функционального разграничения между борьбой с преступностью и иными задачами возникает системный риск

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.1998 № 86-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

подмены понятий. Инструментарий ОРД [11], изначально предназначенный для противодействия конкретным преступным деяниям, может быть де-факто трансформирован в механизм превентивного сбора информации широкого спектра. Эта практика, условно обозначаемая как «административная разведка», характеризуется использованием оперативно-розыскных методов не для достижения задач уголовного преследования, а для обеспечения управленческих и политико-административных решений на различном уровне.

Подобный подход вступает в фундаментальное противоречие с принципом исключительности вмешательства в сферу прав и свобод. Оперативно-розыскные мероприятия представляют собой наиболее интрузивные формы государственной активности, допустимые лишь при наличии строгих и формализованных оснований, каковые должны определяться необходимостью борьбы с преступностью [12, с. 252–276]. Их использование для сбора информации «на всякий случай», в отсутствие конкретных данных о готовящемся или совершенном преступлении размывает правовые барьеры и трансформирует ОРД из исключительной меры в рутинный инструмент административного управления.

Следствием этой метаморфозы становится двойная девальвация: с одной стороны, из-за расплытия ресурсов снижается эффективность ОРД в ее основном антикриминальном потенциале, с другой — подрывается доверие к правовым гарантиям личности, поскольку гражданин не может адекватно предвидеть возможность применения в отношении него особых мер, не связанных непосредственно с его противоправным поведением. Таким образом, нормативная неопределенность целей ОРД создает питательную среду для практик, ставящих под сомнение саму идею ОРД как деятельности в сфере уголовного правоприменения.

Нужен ли закон о контрразведывательной деятельности и как развести режимы

С учетом того, что контрразведывательная деятельность уже определена в законе о ФСБ, имеет собственные основания и процедурные контуры, логичным выглядит развитие именно этого направления, т. е. либо принятие отдельного федерального закона о контрразведывательной деятельности, либо системная кодификация или детализация существующих норм (включая гарантии, контроль, стандарты доказательственного использования результатов) в действующих законах, например в Федеральном законе Российской Федерации от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О федеральной службе безопасности».

Ключевая идея разграничения может быть сформулирована следующим образом. Контрразведывательные задачи (противодействие разведывательной и иной деятельности иностранных субъектов, защита от угроз безопасности в этом специфическом смысле) должны быть закреплены в специальном законе, например федеральном законе Российской Федерации «О контрразведывательной деятельности». В данном законе должно быть указано, что для решения контрразведывательных задач спецслужбы могут применять инструментарий ОРД (оперативно-розыскные мероприятия) по процедурам, обеспечивающим сопоставимый уровень гарантий (судебный контроль, пределы, сроки, документирование и т. п.). Закон об ОРД при этом должен сохранять криминально-правовую телеологию: ОРД осуществляется только для противодействия преступности и обеспечения задач, напрямую производных от нее (раскрытие, предупреждение, розыск, установление имущества для исполнения приговора и др.).

По нашему мнению, такое решение позволяет не ломать наработанный инструментарий, устранить телеологическое противоречие, сохранить предмет науки ОРД и повысить прозрачность правовых режимов.

В завершение можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на то что ст. 1 Закона об ОРД фиксирует криминально-правовую ориентацию ОРД

(защита от преступных посягательств), задачи, связанные с угрозами государственной и иной безопасности (ст. 2), а также соответствующие основания для ОРМ (ст. 7) формируют самостоятельный контур государственной безопасности, потенциально выходящий за рамки борьбы с преступностью.

2. Статьи 7 и 8.1 Закона об ОРД объективно расширяют круг задач ОРД, включая административно-контрольные и иные функции (допуски, лицензирование, антикоррупционные проверки, инвестиционный контроль), что размывает предмет оперативно-розыскной деятельности и снижает правовую определенность пределов вмешательства.

3. Целесообразно провести телеологическую «реставрацию» Закона об ОРД, для чего: исключить из задач (ст. 2) и оснований (ст. 7) положения, не связанные непосредственно с противодействием преступности; пересмотреть место ст. 8.1 Закона об ОРД, перенеся соответствующее регулирование в специальное законодательство об инвестиционном контроле с отсылкой к процедурам ОРМ, либо установить в Законе об ОРД исключение как временную переходную меру с последующей инкорпорацией в специальный акт; принять закон о контрразведывательной деятельности, закрепив задачи, основания, гарантии и контроль контрразведки, предусмотрев возможность использования ОРД как инструментария, одновременно исключив контрразведывательные задачи из Закона об ОРД.

Список источников

1. Мамченков Д. В., Найдыш В. М. Формы телеологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 3. С. 914–930.
2. Кравец И. А. Телеологический конституционализм, конституционная идентичность и публичный правопорядок (научное знание, российский, сравнительный и международный контексты) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 202–215.
3. Харченко С. В. Цели и задачи оперативно-розыскной деятельности в разрезе анализа законодательства о противодействии преступности: частные теоретико-прикладные аспекты // Правда и закон. 2025. № 2. С. 7–15.
4. Шаров В. И. Задачи и формы (направления) оперативно-розыскной деятельности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2022. № 1. С. 37–41.
5. Шахматов А. В. Основные законодательные проблемы при проведении оперативно-розыскных мероприятий // *Ius publicum etprivatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 1. С. 205–211.
6. Самodelкин А. С., Мелихов А. И. Институциональные различия между оперативно-розыскной, разведывательной и контрразведывательной деятельностью в свете теории национальной безопасности // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3. С. 46–57.
7. Агарков А. В. Разведывательная и контрразведывательная деятельность — особенный вид ОРД? // Оперативник (сыщик). 2012. № 4. С. 23–27.
8. Туганов Ю. Н., Петров И. В. Оперативно-розыскная, разведывательная и контрразведывательная деятельность: сравнительно-правовой анализ зарубежного и отечественного законодательства // Военное право. 2017. № 1. С. 340–349.
9. Шведчикова В., Ануфриева Е. А. Понятие и задачи оперативно-розыскной деятельности // Вопросы права. 2024. № 3. С. 33–37.

10. Семенчук В. В. Перспективы использования результатов оперативно-розыскной деятельности антимонопольными органами для противодействия картельным соглашениям // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1. С. 262–275.

11. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Оперативно-розыскной инструментарий: монография. М.: Проспект, 2024. 304 с.

12. Яковец Е. Н. Характерные особенности так называемых «острых» оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент» // Научный журнал «Эпомен». 2021. № 54. С. 252–276.

References

1. Mamchenkov D. V., Najdysh V. M. Formy teleologii // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya. 2025. T. 29. № 3. S. 914–930.

2. Kravec I. A. Teleologicheskiy konstitucionalizm, konstitucionnaya identichnost' i publichnyj pravoporyadok (nauchnoe znanie, rossijskiy, sravnitel'nyj i mezhdunarodnyj konteksty) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 439. S. 202–215.

3. Harchenko S. V. Celi i zadachi operativno-rozysknoj deyatel'nosti v razreze analiza zakonodatel'stva o protivodejstvii prestupnosti: chastnye teoretiko-prikladnye aspekty // Pravda i zakon. 2025. № 2. S. 7–15.

4. Sharov V. I. Zadachi i formy (napravleniya) operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina. 2022. № 1. S. 37–41.

5. Shahmatov A. V. Osnovnye zakonodatel'nye problemy pri provedenii operativno-rozysknyh meropriyatij // Ius publicum etprivatum: setевой nauchno-prakticheskij zhurnal chastnogo i publichnogo prava. 2023. № 1. S. 205–211.

6. Samodelkin A. S., Melihov A. I. Institucional'nye razlichiya mezhdru operativno-rozysknoj, razvedyvatel'noj i kontrrazvedyvatel'noj deyatel'nost'yu v svete teorii nacional'noj bezopasnosti // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2025. № 3. S. 46–57.

7. Agarkov A. V. Razvedyvatel'naya i kontrrazvedyvatel'naya deyatel'nost' — osobennyj vid ORD? // Operativnik (syshchik). 2012. № 4. S. 23–27.

8. Tuganov Yu. N., Petrov I. V. Operativno-rozysknaya, razvedyvatel'naya i kontrrazvedyvatel'naya deyatel'nost': sravnitel'no-pravovoj analiz zarubezhnogo i otechestvennogo zakonodatel'stva // Voennoe pravo. 2017. № 1. S. 340–349.

9. Shvedchikova V., Anufrieva E. A. Ponyatie i zadachi operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Voprosy prava. 2024. № 3. S. 33–37.

10. Semenчук В. В. Перспективы испол'зования резул'tатов оперативно-розыскной деятельности антимонопольными органами для противодействия картельным соглашениям // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1. С. 262–275.

11. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Оперативно-розыскной инструментарий: монография. М.: Проспект, 2024. 304 с.

12. Яковец Е. Н. Характерные особенности так называемых «острых» оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент» // Научный журнал «Эпомен». 2021. № 54. С. 252–276.

Информация об авторах

В. Ф. Луговик — доктор юридических наук, профессор.

А. Е. Чечетин — доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

V. F. Lugovik — Doctor of Science (Law), Professor.

A. E. Chechetin — Doctor of Science (Law), Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 04.02.2026; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 04.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 138–143.
Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 138–143.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.542

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА
ПОРНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
(СТАТЬИ 242.1, 242.2 УК РФ)**

Александр Владимирович Максименко¹, Иван Николаевич Архипцев²

^{1,2} Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

¹ mav1202@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9200-9138>

² ArhptsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Аннотация. В статье авторы исследуют проблемы квалификации и предупреждения незаконного оборота порнографической продукции с участием несовершеннолетних. Преступления, связанные с вовлечением несовершеннолетних в сексуальную эксплуатацию, на сегодняшний день характеризуются повышенной степенью общественной опасности и латентности. На основе осуществленного авторами исследования предлагается ряд мер, способствующих предупреждению данных деяний. Также авторами предложены меры по предупреждению анализируемых преступлений.

Ключевые слова: несовершеннолетние, сексуальная эксплуатация, незаконный оборот порнографической продукции, меры предупреждения

Для цитирования: Максименко А. В., Архипцев И. Н. Проблемы квалификации и предупреждения незаконного оборота порнографической продукции с участием несовершеннолетних (статьи 242.1, 242.2 УК РФ) // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 138–143.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

**PROBLEMS OF QUALIFICATION AND PREVENTION OF ILLEGAL TRAFFICKING
IN PORNOGRAPHIC PRODUCTS INVOLVING MINORS (ARTICLES 242.1, 242.2
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Alexander V. Maksimenko¹, Ivan N. Arkhptsev²

^{1,2} Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia

¹ mav1202@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9200-9138>

² ArhptsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Abstract. In this article, the authors examine the challenges of classifying and preventing the illegal trafficking of pornographic materials involving minors. Crimes involving the sexual exploitation of minors are currently characterized by a heightened level of public danger and latency. Based on their research, the authors propose a number of measures to help prevent these acts. The authors also propose measures to prevent the crimes under consideration.

Keywords: minors, sexual exploitation, trafficking in pornographic products, preventive measures

For citation: Maksimenko A. V., Arkhptsev I. N. Problems of Qualification and Prevention of Illegal Trafficking in Pornographic Products Involving Minors (Articles 242.1, 242.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2026;1:138–143 (In Russ.).

Порнография — это массовая проблема, которая разрушает общество не только на территории Российской Федерации, но и за рубежом. В настоящее время существует ряд проблем, которые оказывают негативное влияние на здоровье населения и общественную нравственность. Это различные расстройства психосексуальной деятельности, деформация гендерной идентичности, распространение и открытый доступ к порнографическим материалам различной категории. В средствах массовой информации пропагандируется насилие — данная проблематика и те предпосылки, которые в последующем способны повлечь за собой совершение преступлений против половой неприкосновенности и других преступлений против общественной нравственности. Повлиять на данную ситуацию можно лишь с комплексной точки зрения, регулируя и развивая не только медицинскую сферу для оказания помощи больным различными расстройствами психики людям, но и контролировать и отслеживать распространение запрещенной информации в сети Интернет. Также отдельным вопросом стоит на законодательном уровне увеличение наказания для лиц, производящих и распространяющих, а также демонстрирующих порнографические видеоролики, в т. ч. где к участию виновными привлекаются несовершеннолетние.

О распространенности таких деяний свидетельствуют данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Так, в 2022 г. по ст. 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) было осуждено 119 лиц, по ст. 242.2 УК РФ — 24 лица, в 2023 г. — 190 и 48 лиц, в 2024 г. — 223 и 35 лиц соответственно¹.

Сразу оговоримся, что порнографические материалы или предметы, указанные законодателем для целей ст. 242.1 и 242.2 УК РФ, в настоящей работе мы будем для краткости и облегченности восприятия обозначать термином «порнографическая продукция».

Изучив уголовно-правовые аспекты, связанные с вовлечением несовершеннолетних в незаконный оборот порнографической продукции, мы пришли к выводу о том, что в современном уголовном за-

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год. № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7900>.

конодательстве существуют проблемы, связанные с определенными трудностями квалификации составов преступлений, предусмотренных ст. 242.1 и 242.2 УК РФ. Кроме того, нами выявлены проблемы, связанные с предупреждением совершения данных деяний, и сформулированы на этой основе конкретные предложения правоприменителям.

В настоящее время квалификация изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242.1 УК РФ), а также использования несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (ст. 242.2 УК РФ) вызывает серьезные затруднения, в первую очередь из-за неопределенности признаков предмета преступления.

Во-первых, пробел законодателя заключается также в том, что в законодательстве Российской Федерации нет определения порнографии. Не содержится определения этого термина и в международных правовых актах. Отсутствие законодательно закрепленного понятия порнографии порождает необходимость в каждом конкретном случае назначать по уголовному делу комплексную экспертизу (искусствоведческую, литературоведческую, кинематографическую, сексологическую и др.), поскольку довольно часто сложно отличить на практике, является ли, например, изображение или видеозапись порнографическим и, наоборот, произведением искусства с эротическим содержанием.

Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» регламентирует понятие информации порнографического характера, которая представляет собой «информацию, представляемую в виде натуралистических изображения или описания половых органов человека и (или) полового сношения либо сопоставимого с половым сношением действия сексуального характера, в том числе такого действия, совершаемого в отношении животного»².

Во-вторых, следующей проблемой являются квалификация по совокупности преступлений и отграничение статьи 242.1 УК РФ от смежных составов.

² О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1, ст. 48.

По мнению Д. Р. Бидзяна, «в последние годы ученые в области уголовного права перестали уделять должное внимание проблемам применения норм, направленных на пресечение оборота незаконной порнографии» [2, с. 40–45].

Проблема применения данной статьи заключается в неправильной квалификации преступных деяний, которые стоит отличать от иных преступлений.

Если лицо вовлекло в оборот порнографической продукции несовершеннолетнего, который не достиг возраста уголовной ответственности, то содеянное необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 242.1 УК РФ.

Если же лицо вовлекло несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции путем физического или психического принуждения, то в данном случае необходимо квалифицировать действия по совокупности преступлений, предусмотренной ст. 150 и ч. 2 ст. 242.1 УК РФ.

Важной особенностью оборота порнографической продукции с участием несовершеннолетних является не только съемка данных материалов с целью получения личной выгоды, например материальной, но и распространение чужих материалов, их рекламирование. Обязательным условием является именно наличие преступного умысла.

Также можно выделить другие особенности квалификации действий с порнографическими материалами с несовершеннолетними, в частности следующие моменты:

- если в притонах для занятия проституцией рекламируются материалы с порнографией несовершеннолетних, то содеянное должно квалифицироваться по совокупности статей 241 и 242.1 УК РФ;

- если несовершеннолетний выступает и как средство совершения преступления, и как потерпевший, то содеянное следует квалифицировать по совокупности статей 134 и 242.1 УК РФ.

Следующим аспектом, требующим правовой регламентации, по мнению Е. В. Михайловой, является создание и распространение материалов сексуального характера, созданных самими несовершеннолетними. Создавать материалы сексуального характера могут люди любого возраста, однако на сегодняшний день часто этим занимаются подростки, не только создавая, но и обмениваясь ими.

Даже в том случае, если сексуально откровенные материалы создаются самим несовершеннолетним без принуждения, их распространение делает его уязвимым, т. к. изображения могут

оказаться у людей, занимающихся изготовлением и оборотом порнографических материалов или предметов (например, несовершеннолетние могут намеренно распространять такие фото или видео за денежное или иное вознаграждение, размещать на платформах для получения других материалов с сексуальным насилием над детьми и т. д.) [3, с. 215–219]. Такие материалы или предметы могут быть использованы преступниками в целях вымогательства или шантажа, т. е. из корыстных побуждений.

В частности, некоторые ученые, например И. С. Алихаджиева, справедливо отмечают, что «с помощью технологии клонирования внешности и голоса можно шантажировать "героя" порновидеоролика как "уличенного" в неблагоприятных поступках и принудить его к совершению действий сексуального характера, участию в порнографических съемках, вступить в половое сношение, вовлечь в занятие проституцией (ст. 133, 134, 240, 240.1 УК РФ)» [4, с. 162].

Переходя к трудностям квалификации преступления, предусмотренного ст. 242.2 УК РФ, следует отметить следующие проблемные вопросы.

Прежде всего, следует отметить, что способы вовлечения не закреплены в диспозиции ст. 242.2 УК РФ, причем они могут быть различными, например угрозы, шантаж, обещания и др.

Таким образом, в связи со сложностями, возникающими в процессе квалификации, а также необходимостью усиления уголовной ответственности считаем необходимым внести изменения в ст. 242.1 и 242.2 УК РФ, в частности, дать понятие порнографии в примечании к ст. 242.1 УК РФ, указать способы вовлечения в оборот порнографической продукции в ст. 242.2 УК РФ, предусмотреть корыстные мотивы (или сопряженное с вымогательством или шантажом) совершения данных преступлений в качестве квалифицирующих признаков.

Далее рассмотрим некоторые криминологические аспекты предупреждения незаконного оборота порнографической продукции с участием несовершеннолетних.

Процесс вовлечения несовершеннолетнего в незаконный оборот порнографической продукции на сегодняшний день имеет свои особенности, связанные с ростом открытых площадок в сети Интернет и других информационно-телекоммуникационных сетях, которые позволяют несовершеннолетним за определенную плату предоставить порнографические материалы [1, с. 155–158]. Это связано прежде всего с низким уровнем деятель-

ности уполномоченных органов, которые несвоевременно контролируют информационные ресурсы, а также недостатками в рамках современного уголовного законодательства. Изучив текущее положение, связанное с профилактикой вовлечения несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции, мы сформулировали аспекты, которые позволили бы полноценным образом регулировать данные негативные проявления:

- эффективное построение системы деятельности Роскомнадзора, который уполномочен осуществлять контроль за информацией, находящейся в сети Интернет, а именно своевременный поиск сайтов с порнографической продукцией, их удаление и блокирование, а также привлечение создателей сайтов к уголовной ответственности. Также перспективным здесь видится более широкое внедрение в деятельность правоохранительных органов технологий, программ и алгоритмов искусственного интеллекта по поиску запрещенного контента и сайтов, распространяющих порнографическую продукцию с изображением несовершеннолетних. Например, проект Arachnid, разработанный Канадским центром защиты детей (СЗР), представляет собой инновационный инструмент для борьбы с материалами сексуального насилия над детьми (далее — CSAM) в интернете. Эта платформа, ориентированная на жертв, была запущена в 2017 г. Она сканирует открытый интернет в поисках изображений CSAM. При обнаружении CSAM или вредоносного контента с оскорблениями отправляется запрос на удаление у хостинг-провайдера. Project Arachnid обрабатывает тысячи изображений в секунду и способен выявлять контент с гораздо большей скоростью, чем традиционные методы обнаружения и устранения таких материалов¹;

- ужесточение санкций за совершение преступления, предусмотренного ст. 242.1 УК РФ, увеличение срока лишения свободы до десяти лет по части первой данной статьи, а также аналогичное увеличение санкции в части второй указанной нормы;

- проведение мероприятий в школах, заведениях среднего специального и высшего образования, посвященных половому и нравственному воспитанию детей и молодежи [5, с. 35], раскрытие вопросов, посвященных уголовной ответственности за преступления, связанные с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних.

¹ URL: https://www.cybertip.ca/en/child-sexual-abuse/project-arachnid/?utm_campaign=sl&utm_term=/app/en/projects-arachnid.

Так, по справедливому мнению А. С. Медведевой, профилактика вовлечения детей и подростков в сексуализированные интернет-коммуникации должна включать их информирование о киберугрозах; формирование понимания того, что отношения в онлайн и офлайн неравнозначны; просвещение по вопросам половых взаимоотношений людей; контроль за психоэмоциональным состоянием и успешностью социализации [6, с. 43].

В современном мире развитие новейших технологий — это не только положительный фактор, но и негативный в ситуации с распространением и демонстрацией порнографических материалов. Развиваются способы кодировки и шифрования, и удалить такую информацию с общедоступных сайтов становится трудно или вовсе нереально. Важно также понимать, что, уничтожая один контент-узел, создается другой или даже несколько подобных страниц в интернете. Для авторов, создающих такие сайты, не важна безопасность психического здоровья населения, они настроены на целенаправленный заработок путем демонстрации интересующего людей контента. Но многие компьютерные корпорации занимаются данной проблемой так же, как и государственные органы, поэтому они разрабатывают программы и коды, которые позволяют блокировать запрещенную информацию мгновенно после ее публикации в общем доступе (к примеру, компания «Майкрософт», крупнейший производитель компьютерных систем). Удаление порнографической продукции, которая может в последующем негативно повлиять на жизнь несовершеннолетнего, должно разрешаться в кратчайшие сроки.

Необходимо осуществлять контроль, связанный с распространением материалов сексуального характера несовершеннолетних, который заключается в недопущении распространения посредством охранительных мероприятий Роскомнадзора и иных уполномоченных органов и лиц.

Также родители или официальные представители обязаны контролировать деятельность своего ребенка в целях недопущения создания и распространения несовершеннолетним порнографической продукции, поскольку данные действия могут не только повлечь за собой уголовную ответственность, но и отразиться на психике несовершеннолетнего.

Кроме того, существуют проблемы предупреждения вовлечения несовершеннолетних в онлайн-трансляции, обусловленные как особенностями виктимизации несовершеннолетнего (шантаж, вымогательство), так и трудностями с установлением

личности преступников и привлечением последних к ответственности.

В этой связи совершенно справедливым представляется утверждение В. С. Соловьева, что вовлеченность несовершеннолетних в коммуникационные процессы и цифросексуализм создают повышенные криминологические риски совершения в отношении них развратных действий и выводят на первый план возможности виктимологической профилактики противоправных деяний [7, с. 49].

Несмотря на существующие пробелы, в целом следует отметить, что в Российской Федерации существует выстроенный механизм, позволяющий предупредить совершение преступлений, связанных с сексуальной эксплуатацией и вовлечением несовершеннолетних в оборот порнографической продукции. Так, в рамках профилактики вовлечения лиц в данные преступления в нашей стране разработаны различные методики, к которым относятся:

- алгоритмы психологической работы с несовершеннолетними, пережившими сексуальное насилие;
- интеграция сексуальной эксплуатации несовершеннолетних в методики профилактики поведения высокого риска у детей, молодежи и иных лиц;
- создание для подростков «кодексов безопасности», которые предоставляются лицам с целью изучения рисков оборота порнографической продукции;
- создание и реализация учебного пособия «Твой выбор — безопасность», позволяющего создать понимание у несовершеннолетних существующих проблем;
- разработка онлайн-курса, посвященного методам профилактики сексуальной эксплуатации детей, и иные¹.

Таким образом, проведенный анализ позволил нам сделать вывод о том, что в настоящее время существуют определенные проблемы, связанные с трудностями квалификации составов преступлений, предусмотренных ст. 242.1 и 242.2 УК РФ, а также сложностями предупреждения совершения этих деяний.

Процесс вовлечения несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции на сегодняшний день характеризуется развитием, связанным с ростом открытых площадок в сети Интер-

нет. Решить проблему, на наш взгляд, позволит эффективное построение системы деятельности Роскомнадзора, ужесточение санкций за совершение преступления, предусмотренного ст. 242.1 УК РФ, проведение мероприятий в школах, заведениях среднего специального и высшего образования, посвященных половому и нравственному воспитанию детей и молодежи.

Также проблемой является применение ст. 242.1 УК РФ. Если лицо вовлекло в оборот порнографической продукции несовершеннолетнего, который не достиг возраста уголовной ответственности, то содеянное необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 242.1 УК РФ, а если применило физическое или психическое принуждение, то очевидна совокупность преступлений, предусмотренная ст. 150 и ч. 2 ст. 242.1 УК РФ.

Следующим аспектом, требующим правовой регламентации, является создание и распространение материалов сексуального характера, созданных самими несовершеннолетними. Решение проблемы заключается в контроле уполномоченных органов и непосредственно родителей несовершеннолетних в создании порнографической продукции.

Также необходимо внесение изменений в ст. 242.1 и 242.2 УК РФ, в частности, следует в примечании к ст. 242.1 УК РФ раскрыть понятие «порнография», указать способы вовлечения в оборот порнографической продукции в ст. 242.2 УК РФ, предусмотреть корыстные мотивы (или сопряженные с вымогательством или шантажом) совершения данных преступлений в качестве квалифицирующих признаков.

В заключение отметим, что сексуальные услуги, осуществляемые на материальной основе, представляют собой постоянно расширяющийся феномен, который в различных формах можно наблюдать по всему миру, что свидетельствует о глобальности данной проблемы. Сексуальные деяния, совершаемые с участием несовершеннолетних, как правило, сопровождаются психологическим воздействием как на сторону оказания подобных услуг, так и на потребителя, что приводит к формированию нездоровых сексуальных взглядов, потребностей и желаний. В статье затронуты лишь отдельные аспекты предупреждения и проблем квалификации подобных деяний, и научное осмысление исследования и предупреждения сексуальных деяний, совершаемых в виде сексуальных услуг, осуществляемых на материальной основе, может быть продолжено. В частности, перспективными представляются изучение вовлечения несовершеннолетних в сексу-

¹ Профилактика вовлечения подростков и молодежи в сексуальную эксплуатацию. URL: <https://ngostellit-projectsec.ru/materials/profilaktika-vovlecheniya-podrostkov-i-molodezhi-v-seksualnuyu-ekspluatatsiyu-posobie-dlya-spetsialistov>.

альную эксплуатацию родителями или близкими родственниками, предупреждение онлайн-трансляций с порнографическими изображениями несовершеннолетних, торговля несовершеннолетними, в т. ч. в целях сексуальной эксплуатации, и некоторые другие проблемы.

Список источников

1. Заирная М. М. Разграничение уголовной ответственности за совершение развратных действий и преступлений, связанных с оборотом порнографических материалов и предметов // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 155–158.
2. Бидзян Д. Р. Проблемы применения ч. 2 и ч. 3 ст. 242 УК РФ // Территория науки. 2020. № 5. С. 40–45.
3. Михайлова Е. В. Вовлечение несовершеннолетних в сексуальную эксплуатацию с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 6. № 2 (12). С. 215–219.
4. Алихаджиева И. С. Перспективы установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности (законопроект № 718538-8) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15. № 2. С. 154–171.
5. Багмет А. М., Бычков В. В. Предупреждение сексуального насилия в отношении несовершеннолетних // Российский следователь. 2017. № 10. С. 33–36.
6. Медведева А. С. Виктимизация несовершеннолетних при сексуальной эксплуатации в Интернете: обзор зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2025. № 14 (2). С. 38–46.
7. Соловьев В. С. Криминологические риски цифросексуализма // Вестник РПА. 2020. № 3. С. 47–56.

References

1. Zazirnaya M. M. Razgranichenie ugolovnoj otvetstvennosti za sovershenie razvratnyh dejstvij i prestuplenij, svyazannyh s oborotom pornograficheskikh materialov i predmetov // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2014. № 3. S. 155–158.
2. Bidzyan D. R. Problemy primeneniya ch. 2 i ch. 3 st. 242 UK RF // Territoriya nauki. 2020. № 5. S. 40–45.
3. Mihajlova E. V. Vovlechenie nesovershennoletnih v seksual'nyu ekspluataciju s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij // Uchenye zapiski Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. T. 6. № 2 (12). S. 215–219.
4. Alihadzhieva I. S. Perspektivy ustanovleniya ugolovnoj otvetstvennosti za sovershenie prestuplenij s ispol'zovaniem tekhnologij podmeny lichnosti (zakonoproekt № 718538-8) // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2025. T. 15. № 2. S. 154–171.
5. Bagmet A. M., Bychkov V. V. Preduprezhdenie seksual'nogo nasiliya v otnoshenii nesovershennoletnih // Rossijskij sledovatel'. 2017. № 10. S. 33–36.
6. Medvedeva A. S. Viktimizaciya nesovershennoletnih pri seksual'noj ekspluatácii v Internetе: obzor zarubezhnyh issledovanij // Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya. 2025. № 14 (2). S. 38–46.
7. Solov'ev V. S. Kriminologicheskie riski cifroseksualizma // Vestnik RPA. 2020. № 3. S. 47–56.

Информация об авторах

А. В. Максименко — кандидат юридических наук, доцент.

И. Н. Архипцев — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. V. Maksimenko — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

I. N. Arkhiptsev — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 12.11.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2025; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 12.11.2024; approved after reviewing 19.12.2025; accepted for publication 10.03.2026.

ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ИСТЕЧЕНИЕМ СРОКОВ ДАВНОСТИ В РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬЕ: МОДЕЛИ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ И ТЕЧЕНИЯ СРОКОВ

Кристина Андреевна Моисеенко

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, krizlot@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу института освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности в рамках романо-германской правовой семьи. В работе систематизируются подходы к установлению продолжительности сроков через категориальную (рамочную), санкционную (формальную) и смешанную (индивидуализированную) модели, а также сопоставляются модели течения сроков — субъективно-репрессивная модель и объективно-процессуальная модель. Показывается взаимосвязь между выбранной техникой установления сроков и механизмами их прерывания и приостановления, а также значение гарантийных ограничителей в виде временного предела уголовного преследования. Отдельно рассматривается специальный режим исчисления сроков давности по преступлениям против несовершеннолетних как тенденция развития объективно-процессуальной модели.

Ключевые слова: романо-германская правовая семья, сроки давности в уголовном праве, освобождение от уголовной ответственности, прерывание срока давности, приостановление срока давности, пределы уголовного преследования

Для цитирования: Моисеенко К. А. Институт освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности в романо-германской правовой семье: модели продолжительности и течения сроков // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 144–150.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

THE INSTITUTION OF RELEASE FROM CRIMINAL LIABILITY IN CONNECTION WITH THE EXPIRATION OF LIMITATION PERIODS IN THE ROMANO-GERMANIC LEGAL FAMILY: MODELS OF DURATION AND COURSE OF TERMS

Kristina A. Moiseenko

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia, Barnaul, krizlot@yandex.ru

Abstract. The article examines the institution of release from criminal liability in connection with the expiration of limitation periods in the Romano-Germanic legal family. The study systematizes approaches to determining the length of limitation periods through the categorical (framework), sanction-based (formal), and mixed (individualized) models, and also compares two models governing the running of limitation periods – the subjective-repressive model and the objective-procedural model. The study demonstrates the relationship between the chosen technique for setting limitation periods and the mechanisms for their cancellation and suspension, as well as the significance of safeguard constraints in the form of an overall limit on criminal prosecution. Besides, the article considers the special regime for calculating limitation periods for offences against minors as a trend in the development of the objective-procedural model.

Keywords: Romano-Germanic legal family, limitation periods in criminal law, release from criminal liability, cancellation of the limitation period, suspension of the limitation period, overall limit on criminal prosecution

For citation: Moiseenko K. A. The Institution of Release from Criminal Liability in Connection with the Expiration of Limitation Periods in the Romano-Germanic Legal Family: Models of Duration and Course of Terms. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2026;1:144–150 (In Russ.).

Институт освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности представляет собой один из фундаментальных институтов современных правовых систем. Несмотря на его широкое распространение в мире, имеются существенные различия в его философском обосновании, содержании и юридической технике, что делает исследуемый институт значимым объектом для сравнительно-правового анализа.

В современной юридической доктрине представлен целый спектр классификаций правовых систем [1, с. 28], базирующихся на разнообразных критериальных подходах. Однако наиболее распространенной является позиция о доминировании в мире двух ключевых правовых семей: романо-германской (континентальной) и англосаксонской (семьи общего права) [2, с. 20–23].

Традиционно в науке уголовного права к государствам, входящим в континентальную правовую семью, наряду с другими, относят Германию, Францию, Италию, Австрию, а также Россию и ряд стран бывших союзных республик СССР, которые, сохраняя общие романо-германские корни, обладают спецификой, сформированной особенностями их советского и постсоветского правового развития.

Анализ уголовного и уголовно-процессуального законодательства этих стран позволяет выделить в рамках романо-германской правовой семьи группы государств с различными моделями определения сроков давности в зависимости от их продолжительности:

1. Страны с категориальной (рамочной) моделью, которые устанавливают сроки давности в зависимости от четкой градации тяжести преступлений. К данной модели относится большинство стран СНГ. Законодательная классификация преступлений в указанных странах осуществляется, как правило, посредством разделения их на четыре категории: особо тяжкие преступления, тяжкие преступления, преступления средней тяжести, преступления небольшой тяжести (возможны иные формулировки с сохранением смысла: например, аналог преступлений небольшой тяжести в России и Казахстане — «преступления, не представляющие большой общественной опасности» в Беларуси). Отметим, что в некоторых странах существует и большее количество категорий. Так, в Республике Молдова наряду с вышеуказанными категориями преступлений выделяются также чрезвычайно тяжкие преступления, срок давности по которым составляет двадцать пять лет. Несмотря на обозначенные возможные отличия, суть

остается одинаковой — установление срока давности уголовного преследования в зависимости от категории тяжести преступления.

2. Страны с санкционной (формальной) моделью, в которых сроки давности обусловлены не абстрактной категорией, а конкретной санкцией, предусмотренной за преступление. Примерами государств, использующих санкционную модель, являются Австрия и Германия. В законодательстве указанных стран срок давности для преступлений, санкция за которые предусматривает лишение свободы свыше десяти лет, составляет двадцать лет, от пяти до десяти лет лишения свободы — десять лет и т. д. по мере смягчения наказания. Предельный срок давности, равный тридцати годам, предусмотрен в уголовном законодательстве ФРГ за преступления, наказуемые пожизненным лишением свободы.

3. Страны со смешанной, или индивидуализированной, моделью, в которой сроки давности устанавливаются законодателем персонафицированно для отдельных видов преступлений, де-факто сочетая в себе критерий санкции и специальный законодательный учет особенностей деяния. Наиболее характерными примерами являются законодательства Италии и Франции, где исследуемый институт является наиболее гибким.

Регламентация давности во французском праве характеризуется тесной связью материальных и процессуальных норм: ряд положений Уголовного кодекса Франции применяется во взаимосвязи с правилами Уголовно-процессуального кодекса, которые детализируют порядок преследования по отдельным категориям дел. Это отражает высокий уровень системности регулирования и значимость процессуального компонента для определения сроков давности.

В соответствии с законодательством Франции можно выделить три общие категории уголовно наказуемых деяний: *crimes* (преступления), *delits* (деликты), *contraventions* (правонарушения). Однако фактическое исчисление сроков давности выходит за пределы этой классификации: сроки во многом персонафицированы и устанавливаются по конкретным составам и правилам УПК Французской Республики. Так, по общему правилу для ряда преступлений (*crimes*) и деликтов (*delits*) (в частности, связанных с пособничеством терроризму и торговлей людьми) срок давности составляет двадцать лет (ч. 1 ст. 7 УПК Франции¹), тогда как

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Франции от 31 декабря 1957 г. № 57-1426 (с изм. и доп. по состоянию на 11 сентября 2025 г.; на фр. языке) // Legifrance (официаль-

по отдельным видам преступлений (crimes) (евгеника, репродуктивное клонирование, насильственное исчезновение, убийство несовершеннолетнего и др.) — тридцать лет (ч. 2 ст. 7 УПК Франции) [3, с. 237]. Для деликтов (delits) общий срок давности равен шести годам (ч. 1 ст. 8 УПК Франции), для правонарушений (contraventions) — одному году (ст. 9 УПК). При этом преступления (crimes), предусмотренные ст. 211-1–212-3 УК Франции (геноцид, преступления против человечества)¹, сроков давности не имеют (ч. 4 ст. 7 УПК). Тем самым французская модель наглядно демонстрирует «индивидуализированную» логику регулирования: при сохранении общей трехзвенной классификации уголовно наказуемых деяний (crimes, delits, contraventions) сроки давности фактически «настраиваются» на уровне конкретных видов преступлений.

В Итальянской Республике срок давности закреплен в ст. 157 Уголовного кодекса, он равен сроку максимального наказания, предусмотренного за преступление, но не может быть менее шести лет для преступлений и менее четырех лет для проступков (ч. 1 ст. 157 УК Италии)². Однако когда закон устанавливает наказания, отличные от лишения свободы и штрафа, применяется срок три года (ч. 5 ст. 157 УК Италии). Преступления, за которые предусмотрено лишение свободы в виде пожизненного заключения, не имеют сроков давности (ч. 8 ст. 157 УК Италии). Для определенных преступлений, перечисленных в ч. 6 ст. 157 УК Италии, срок давности удваивается (например, при неосторожном лишении жизни, совершенном при отягчающих обстоятельствах, если деяние совершено в результате нарушения правил дорожного движения лицом, находящимся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения (ч. 2 ст. 589 УК Италии)). Представляется, что такое правило предусмотрено с учетом сложности расследования преступлений, уровня их обществен-

ной опасности, уязвимости потерпевших, долгосрочных последствий, а также общественного резонанса. Таким образом, итальянская система, формально основанная на санкционном критерии (срок давности равен максимуму наказания), фактически трансформируется в смешанную благодаря правилу удвоения сроков для отдельных преступлений, что и обеспечивает ее гибкость.

Важно подчеркнуть, что выявленные модели представляют собой не взаимоисключающие конструкции, а типологические ориентиры, позволяющие проследить, каким образом законодатель «собирает» институт давности: через общую категорию тяжести, через санкцию как формальный критерий либо через персонифицированные исключения и специальные правила для отдельных видов преступлений.

Предложенная классификация раскрывает подходы к определению продолжительности сроков давности. Однако содержательная характеристика института была бы неполной без анализа механизмов регулирования течения установленных сроков, в частности, их приостановления и прерывания. По этому основанию в романо-германской правовой семье выделяются две принципиально различные модели — субъективно-репрессивная и объективно-процессуальная.

Субъективно-репрессивная модель основывается на субъективном критерии — поведении правонарушителя. Течение давности ставится в зависимость от его волевых действий, направленных на уклонение от ответственности (уклонение, сокрытие) или демонстрирующих его стойкую общественную опасность и непризнание норм права (рецидив). Целью, которую при такой модели преследует государство, выступает обеспечение неотвратимости наказания для лиц, активно препятствующих правосудию или не вставших на путь исправления.

Объединяющим признаком для группы стран, придерживающихся такой модели (Армения, Беларусь, Россия, Туркменистан, Казахстан, Киргизия, Молдова и др.), выступает приостановление течения сроков давности в случае, если лицо, совершившее преступление, скрывается (уклоняется) от следствия или суда. Данный критерий, основанный на поведении правонарушителя, формирует сущность исследуемого подхода.

В законодательстве некоторых стран общее правило о приостановлении течения давности в период уклонения лица от следствия и суда уточняется: устанавливается предельный срок, по истечении которого лицо подлежит освобождению

ный портал законодательства Франции). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006071154> (дата обращения: 06.11.2025).

¹ Уголовный кодекс Франции от 22 июля 1992 г. № 92-683 (с изм. и доп. по состоянию на 11 июля 2025 г.; на фр. языке) // Legifrance (официальный портал законодательства Франции). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006070719> (дата обращения: 06.11.2025).

² Уголовный кодекс Италии от 19 октября 1930 г. № 1398 (с изм. и доп. по состоянию на 17 октября 2025 г.; на итал. языке) // Normattiva (официальный портал законодательства Италии). URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:regio.decreto:1930-10-19;1398> (дата обращения: 06.11.2025).

от уголовной ответственности даже в случае уклонения. Так, по ч. 2 ст. 49 Уголовного кодекса Украины такой предел составляет пятнадцать лет для преступления и пять лет для уголовного проступка¹, а по ч. 2 ст. 58 Уголовного кодекса Кыргызской Республики — десять лет для преступлений небольшой тяжести и менее тяжких преступлений². Тем самым исключается возможность бесконечного приостановления давности и обеспечивается гарантия правовой определенности через установление верхнего предела срока уголовного преследования.

Вместе с тем в рамках данной модели отсутствует единый подход к тому, как совершение нового преступления влияет на течение срока давности по предыдущему преступлению.

В большинстве стран срок давности прерывается и начинает течь заново, если до его истечения лицо совершает новое преступление, однако имеются особенности, связанные с тяжестью и формой вины нового преступления, а иногда и с тяжестью обоих преступлений. Так, в Казахстане прерывание предусмотрено для сроков давности только по двум категориям преступлений — тяжким и особо тяжким, и связывается оно с совершением нового преступления, также принадлежащего к категории тяжких или особо тяжких преступлений; в этих случаях исчисление начинается заново, тогда как во всех других сроки по каждому преступлению текут самостоятельно (ч. 4 ст. 71 УК Республики Казахстан)³. В Таджикистане прерывание обусловлено совершением нового умышленного преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого (ч. 4 ст. 75 УК Республики Таджикистан)⁴, в Узбекистане — нового умышленного преступления, влияющего на давность по тяжким и особо тяжким преступлениям (ст. 64 УК Узбекистана)⁵. В уголовном законе Украины также предусмотрено прерывание течения давности при совершении

нового преступления, за исключением случаев, когда это преступление не является тяжким или особо тяжким (ч. 3 ст. 49 УК Украины), а в Кыргызской Республике применяется наиболее широкий подход — срок давности прерывается при совершении любого нового преступления (ч. 3 ст. 58 УК Кыргызстана).

Иной путь избран в России, Туркменистане и Молдове: в случае совершения нового преступления сроки давности по каждому преступлению исчисляются самостоятельно, т. е. на прерывание срока (аннулирование истекшей части срока давности) по первому преступлению факт совершения нового преступления не влияет (ч. 2 ст. 78 УК РФ; ч. 2 ст. 73 УК Туркменистана⁶; ч. 3 ст. 60 УК Молдовы⁷). Вместе с тем Казахстан и Молдова демонстрируют тенденцию к интеграции давности с процессуальными процедурами: в Казахстане течение давности приостанавливается на период заключения и исполнения процессуального соглашения о признании вины и возврате незаконно приобретенных активов (ч. 4-1 ст. 71 УК), а в Молдове давность прерывается при поступлении дела в суд для рассмотрения по существу, после чего начинается течение нового срока (ч. 4 ст. 60 УК Молдовы).

В целом в рассматриваемой группе государств правовые последствия давности во многом увязываются с постпреступным поведением лица (уклонение, совершение нового преступления), что придает институту давности выраженный субъективно-репрессивный характер: акцент смещается к обеспечению неотвратимости наказания для лиц, препятствующих правосудию. При этом отдельные признаки указывают на элементы объективно-процессуальной модели (Казахстан, Молдова), хотя их нормативная детализация пока недостаточна.

В основе объективно-процессуальной модели течения сроков давности, в отличие от субъективно-репрессивной, лежит объективный критерий — действия государства в лице его органов или внешние обстоятельства, препятствующие производству расследования, как факторы, существенно влияющие на давность. Наиболее яркими представителями данной модели выступают Германия, Австрия, Франция и Италия.

¹ Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 г. № 2341-III (с изм. и доп. по состоянию на 16 июня 2025 г.). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30418109.

² Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (с изм. и доп. по состоянию на 28 июля 2025 г.). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=36675065.

³ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по состоянию на 16 сентября 2025 г.). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31575252.

⁴ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изм. и доп. по состоянию на 14 мая 2025 г.). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30397325.

⁵ Уголовный кодекс Республики Узбекистан: утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII (с изм. и доп. по состоянию на 26 сентября 2025 г.). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30421110.

⁶ Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I (с изм. и доп. по состоянию на 12 апреля 2025 г.). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31295286.

⁷ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (с изм. и доп. по состоянию на 10 июля 2025 г.). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30394923.

Важнейшей чертой, отличающей данную модель от субъективно-репрессивной, является система жестких лимитов, ограничивающих общую продолжительность уголовного преследования даже при многократном прерывании давности (удвоение срока в Германии, увеличение на четверть или половину в Италии). Это создает баланс: государство получает инструменты для эффективного расследования, но лицо, привлекаемое к ответственности, защищено от бесконечной, длящейся десятилетиями процессуальной неопределенности. Данный механизм является прямой имплементацией в уголовное право фундаментального принципа правовой определенности.

В Федеративной Республике Германия течение сроков давности прерывается широким кругом процессуальных действий: привлечением лица в качестве обвиняемого (допрос, уведомление), судебными действиями на досудебной стадии (допросы судьей, назначение экспертиз, санкция на обыск/арест, международные запросы) и при переходе дела в суд (назначение заседания, открытие разбирательства), вынесением итогового решения, а также действиями в рамках приостановленных производств (розыск, проверка дееспособности) [4, с. 176–181]. При этом законодатель устанавливает гарантийный ограничитель — предел уголовного преследования, равный двойному сроку давности (а при сроке менее трех лет — трем годам), что обеспечивает баланс между публичным интересом и правом человека на правовую определенность.

Законодательство Австрийской Республики использует сходный подход, но юридическая техника иная: применяется перерыв (аналог приостановления) за счет исключения из давности времени между ключевыми процессуальными событиями (первый допрос/предупреждение/принуждение, розыск или арест, заявление о заключении под стражу, вынесение обвинительного акта) и окончанием разбирательства — вступлением приговора в законную силу. Дополнительно из срока исключаются периоды примирения и исполнения обязанностей (выплата сумм, возмещение вреда, общественно полезные услуги), а также промежуток от направления прокурором запроса до сообщения медиатора о соглашении и его исполнении (§ 58 УК Австрии)¹.

Во Франции (ст. 9-2 УПК Франции) течение сроков давности прерывается любым процессуальным действием прокурора, следователя или суда (возбуждение дела, допрос, обыск, обвинительный акт, приговор и др.). Приостановление возможно при наличии юридического препятствия, предусмотренного законом, либо непреодолимого фактического препятствия, делающего невозможным возбуждение или осуществление уголовного преследования. Тем самым обеспечивается публичный интерес и одновременно исключается зависимость течения давности от обстоятельств, не контролируемых ни государством, ни лицом.

По общему правилу течение давности в Итальянской Республике прерывается обвинительным приговором. По аналогии с французским и немецким уголовным законодательством УК Италии предусматривает широкий перечень оснований для прерывания сроков давности в зависимости от процессуальных действий государственных органов — меры пресечения, подтверждение задержания/ареста, допросы, вызовы, назначение различных слушаний и процедур, предъявление обвинения и др. (ст. 160 УК). Однако установлен предел общей продолжительности: при многократных прерываниях срок не может превышать первоначальный более чем на одну четверть, а по отдельным категориям преступлений — от половины до ста процентов (ст. 161 УК Италии). Приостановление также подробно регламентировано (ожидание разрешения на преследование, международные поручения, процессуальная невозможность участия сторон, примирение и др.) с установленными временными лимитами для каждого из этих периодов сроком в полтора года (ст. 159 УК Италии).

В целом для объективно-процессуальной модели стран романо-германской семьи характерна ориентация на процессуальные действия государства и гарантийные пределы длительности уголовного преследования. Институт прерывания давности вследствие нового преступления либо отсутствует (как в ФРГ), либо приобретает специфические формы: показателен австрийский подход с концепцией «вредной склонности» лица, где вместо формального критерия тяжести используется оценочный критерий единства преступной направленности воли правонарушителя, расширяющий дискреционные полномочия суда.

Наряду с субъективно-репрессивной и объективно-процессуальной моделями в современной законодательной практике выделяется гибридная ?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10002296 (дата обращения: 06.11.2025).

¹ Уголовный кодекс Австрии от 29 января 1974 г. (с изм. и доп. по состоянию на 24 июля 2025 г.; на нем. языке) // RIS (официальная правовая информационная система Австрии). URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe>

модель, сочетающая элементы обеих. Она присуща национальным правовым системам, которые не вписываются в рамки классической дихотомии субъективно-репрессивной и объективно-процессуальной моделей, представляя собой их органичный синтез. Для отнесения к данной категории необходимо одновременное присутствие двух признаков: во-первых, прерывание или приостановление течения сроков давности процессуальными действиями государственных органов (возбуждение дела, применение мер пресечения, направление дела в суд, проведение допросов и иных следственных действий и др.); во-вторых, приостановление течения сроков при уклонении подозреваемого или обвиняемого от органов предварительного расследования или суда.

Наиболее характерным представителем данной модели выступает Эстония, правовая система которой сформировалась под влиянием как континентально-европейской, так и постсоветской правовых традиций.

Согласно ст. 81 Уголовного кодекса Эстонской Республики течение сроков давности прерывается широким спектром процессуальных действий (применением к подозреваемому или обвиняемому мер пресечения, преданием обвиняемого суду, допросом обвиняемого в судебном заседании и др.)¹. Одновременно законодатель предусматривает приостановление течения давности при уклонении подозреваемого, обвиняемого от досудебного производства или суда до их задержания либо явки. Важнейшей гарантией выступает установление абсолютного предела уголовного преследования в пятнадцать лет независимо от количества прерываний и приостановлений.

Гибридная модель представляет собой попытку законодателя сбалансировать различные цели института давности: обеспечить неотвратимость наказания для лиц, уклоняющихся от правосудия (субъективно-репрессивный компонент), предоставить государству достаточные процессуальные гарантии для эффективного расследования (объективно-процессуальный компонент), но при этом защитить лицо от бесконечной правовой неопределенности посредством установления абсолютных пределов уголовного преследования. Данная модель подчеркивает стремление к синтезу различных философских оснований института давности

в зависимости от конкретных социально-правовых потребностей.

При анализе уголовного законодательства романо-германской правовой семьи особого внимания заслуживает специальный режим исчисления давности по преступлениям в отношении несовершеннолетних, установление которого является общей тенденцией для большинства анализируемых стран данной правовой семьи и свидетельствует о повышенной защите интересов наиболее уязвимой категории потерпевших.

В странах объективно-процессуальной модели прослеживается общий вектор развития института давности — формирование специального виктимологического условия исчисления сроков давности по преступлениям против несовершеннолетних. Его сущность заключается в том, что течение сроков давности приостанавливается до достижения потерпевшим определенного возраста, что отражает учет интересов и психологического состояния жертвы: законодатель исходит из того, что по таким делам реальная возможность самостоятельной защиты прав возникает не в момент деяния, а значительно позже.

Сравнительно-правовой анализ показывает вариативность возрастных порогов: тридцать лет для отдельных сексуальных преступлений в Германии (п. 1 ч. 1 § 78b Уголовного уложения ФРГ), двадцать восемь лет для преступлений против жизни, здоровья и половой неприкосновенности в Австрии (п. 3 ч. 3 § 58 УК Австрии), восемнадцать лет в Италии (ст. 158 УК Италии) и Эстонии (п. 3 ч. 7 ст. 81 УК Эстонии). При этом итальянское регулирование содержит примечательную оговорку: согласно ст. 158 УК Италии, если уголовное преследование ранее не инициировалось, срок давности течет с момента получения сообщения о преступлении. Французское законодательство, в свою очередь, предусматривает уникальный механизм продления: если виновный совершает новое преступление против другого несовершеннолетнего, срок по первому преступлению продлевается до истечения срока по новому.

Российское уголовное законодательство и уголовное законодательство большинства стран постсоветского пространства (за исключением Молдовы и Украины) подобных положений не содержат. Видится, что причина заключается в традиционном доктринальном восприятии давности как объективного, не зависящего от воли сторон основания освобождения от уголовной ответственности, основанного на факторе времени и утрате общественной опасности деяния и лица [5, с. 103]. Однако выделение такого виктимологического режима демон-

¹ Уголовный кодекс Эстонской Республики от 6 июня 2001 г. (с изм. и доп. по состоянию на 6 июля 2025 г.; на эст. языке) // Riigi Teataja (официальный вестник Эстонской Республики). URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/105072025009> (дата обращения: 06.11.2025).

стрирует сдвиг от сугубо объективного критерия времени к учету интересов потерпевшего и потому может рассматриваться как гуманное и социально ориентированное нововведение, которого в целом лишено постсоветское законодательство (за исключением уже упомянутых государств). Представляется целесообразным рассмотреть имплементацию в УК РФ специального виктимологического условия исчисления сроков давности по преступлениям против несовершеннолетних.

Проведенный анализ показывает, что в рамках романо-германской правовой семьи ключевые раз-

личия в регулировании давности и закреплении предельных сроков уголовного преследования определяются выбором базового критерия — поведения лица после совершения преступления либо процессуального движения уголовного дела. Установлено также, что современная тенденция развития института давности состоит в усилении виктимологического компонента по преступлениям против несовершеннолетних — через перенос начала течения давности на момент, когда потерпевший получает реальную возможность самостоятельно защищать свои права.

Список источников

1. Есаков Г. А. Основы сравнительного уголовного права. М.: Элит, 2007. 152 с.
2. Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). М.: Зерцало, 1998. 201 с.
3. Крылова Н. Е., Малешина А. В., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть) / под общ. ред. Н. Е. Крыловой. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2019. 351 с.
4. Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия — Strafgesetzbuch (StGB). Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2021. 492 с.
5. Уголовное право. Общая часть: краткий курс лекций / под ред. М. Р. Гарафутдинова. Казань: КЮИ МВД России, 2014. 212 с.

References

1. Esakov G. A. Osnovy sravnitel'nogo ugolovnogo prava. M.: Elit, 2007. 152 s.
2. Krylova N. E., Serebrennikova A. V. Ugolovnoe pravo sovremennyh zarubezhnyh stran (Anglii, SShA, Francii, Germanii). M.: Zercalo, 1998. 201 s.
3. Krylova N. E., Maleshina A. V., Serebrennikova A. V. Ugolovnoe pravo zarubezhnyh stran (Osobennaya chast') / pod obshch. red. N. E. Krylovoj. M.: Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M. V. Lomonosova, 2019. 351 s.
4. Golovnenkov P. V. Ugolovnoe ulozhenie Federativnoj Respubliki Germaniya — Strafgesetzbuch (StGB). Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2021. 492 s.
5. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': kratkij kurs lekcij / pod red. M. R. Garafutdinova. Kazan': KYuI MVD Rossii, 2014. 212 s.

Статья поступила в редакцию 05.12.2025; одобрена после рецензирования 15.01.2026; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 05.12.2025; approved after reviewing 15.01.2026; accepted for publication 10.03.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 151–159.

Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 151–159.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.542

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ ОБЪЕКТИВНОГО ВМЕНЕНИЯ
ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ОБОРОТА МАТЕРИАЛОВ
ИЛИ ПРЕДМЕТОВ С ПОРНОГРАФИЧЕСКИМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Василий Вячеславович Порайко

Дальневосточный институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), Хабаровск, Россия,

porayko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3278-5028>

Аннотация. В статье поднимаются проблемные вопросы трактовки субъективных признаков изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: возможности совершения данного преступления с косвенным умыслом; трактовки сексуальных целей в контексте цели и мотивов преступления.

Автор приходит к выводу, что на сегодняшний день имеется необходимость повышения стандартов деятельности правоприменительных органов на основе неукоснительного соблюдения принципа вины.

Ключевые слова: принцип вины, субъективное вменение, объективное вменение, порнографические изображения несовершеннолетних, порнографические материалы и предметы, сексуальные цели

Для цитирования: Порайко В. В. Уголовно-правовые риски объективного вменения при квалификации изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 151–159.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

**CRIMINAL-LAW RISKS OF OBJECTIVE IMPUTATION IN THE QUALIFICATION
OF THE PRODUCTION AND DISTRIBUTION OF MATERIALS OR OBJECTS
CONTAINING PORNOGRAPHIC IMAGES OF MINORS**

Vasily V. Porayko

Far Eastern Institute (branch) of VSUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Khabarovsk, Russia,

porayko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3278-5028>

Abstract. The article addresses contentious issues concerning the interpretation of the subjective elements of the offences involving the production and distribution of materials or objects containing pornographic images of minors, including the possibility of committing such crimes with indirect intent and the conceptualization of «sexual purposes» in the context of the offender's aims and motives.

Based on the study of subjective imputation in cases concerning the production and distribution of materials or objects containing pornographic images of minors, the author concludes that there is an urgent need to raise the standards of law-enforcement activity through the strict observance of the principle of guilt.

Keywords: principle of guilt, subjective imputation, objective imputation, pornographic images of minors, pornographic materials and objects, sexual purposes

For citation: Porayko V. V. Criminal-Law Risks of Objective Imputation in the Qualification of the Production and Distribution of Materials or Objects Containing Pornographic Images of Minors. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2026;1:151–159 (In Russ.).

© Порайко В. В., 2026

Современная Россия переживает острейший демографический кризис, сопровождающийся нарастанием иных негативных социальных явлений, таких как увеличение числа разводов и падение морально-нравственных устоев общества. Наиболее уязвимыми в данных обстоятельствах становятся дети и подростки, физическому и психологическому развитию которых наносится порой непоправимый урон.

Одной из серьезнейших угроз является распространение материалов и предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Если вплоть до конца XX в. фиксировались лишь единичные случаи подобных посягательств, то сегодня, с развитием информационно-телекоммуникационных технологий, массовой зависимостью несовершеннолетних от гаджетов данная угроза приобрела характер глобальной.

Сохранение нравственных ценностей и устоев выступает одним из столпов любого общества. Неслучайно необходимость противодействия рассматриваемому негативному явлению в целях охраны прав несовершеннолетних и ограждения общественной нравственности прописана в числе международных обязательств Российской Федерации¹.

Статья 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), предусматривающая ответственность за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, активно применяется на практике. Причем очевиден явный перекос: дела квалифицируются преимущественно по квалифицированным составам преступления и крайне редко по основному составу.

Согласно размещенным на официальном интернет-сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации данным, по ч. 1 ст. 242.1 УК РФ привлечены к уголовной ответственности: за первое полугодие 2025 г. — 1 чел.; в 2024 г. — 3 чел.; в 2023 г. — 4 чел.; в 2022 г. — 12 чел.; в 2021 г. — 14 чел.; по ч. 2 ст. 242.1 УК РФ: за первое полугодие 2025 г. — 95 чел.; в 2024 г. —

220 чел.; в 2023 г. — 186 чел.; в 2022 г. — 107 чел.; в 2021 г. — 122 чел.²

Предусмотренные ст. 242.1 УК РФ преступления относятся к числу тяжких и особо тяжких. Верхний размер санкции в виде лишения свободы по ч. 1 названной статьи составляет восемь лет, по ч. 2 — десять лет. При этом, например, сумма дохода в крупном размере обозначена законодателем в примечании к ст. 242 УК РФ, которое действует в редакции февраля 2012 г. Иными словами, сумма дохода в крупном размере применительно к незаконному изготовлению и обороту порнографических материалов или предметов, а равно изготовлению и обороту материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (п. «в» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ) не менялась тринадцать лет. С одной стороны, позиция законодателя вполне объяснима общей тенденцией ужесточения уголовно-правовых мер противодействия посягательствам на половую неприкосновенность детей и подростков. С другой стороны, только за последние десять лет в совокупности в нашей стране инфляция составила десятки процентов, в связи с чем законодатель пересматривал размеры крупного ущерба и дохода в составах преступлений против собственности и в сфере экономической деятельности. Тем самым неизменность редакции примечания к ст. 242 УК РФ де-факто привела к ужесточению уголовной ответственности по п. «в» ч. 3 ст. 242 и п. «в» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ. Притом что направленность названных норм состоит в противодействии наиболее масштабным проявлениям рассматриваемого негативного явления, когда изготовление и оборот порнографии поставлены на поток и являются формой криминального бизнеса.

Повышенной общественной опасностью обладают изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в т. ч. сети Интернет (п. «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ) [1, с. 42; 2, с. 107].

Суровость санкции ст. 242.1 УК РФ подтверждает необходимость неукоснительного и тщательного соблюдения принципа вины, не допускающего выхода правоприменителя за рамки субъективного вменения. Вместе с тем при квалификации

¹ См., например: Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989; вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI; Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (СЕТС № 201) (заключена в г. Лансароте 25.10.2007) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 7, ст. 632; Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (Нью-Йорк, 25 мая 2000 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 7, ст. 633.

² Официальный интернет-сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: данные судебной статистики. URL: <https://cdpr.ru/?id=79> (дата обращения: 20.11.2025).

изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних заложены немалые уголовно-правовые риски объективного вменения. Во многом это объясняется неполной и непоследовательной позицией Верховного Суда Российской Федерации относительно трактовки признаков субъективной стороны предусмотренного ст. 242.1 УК РФ преступления, породившей перманентные дискуссии на этот счет в доктрине уголовного права.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 23 Постановления от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"»¹ (далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37) обращает внимание судов на то, что «при квалификации преступлений, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет", должно быть установлено, что лицо осуществляло такие деяния умышленно». Тем самым Пленум Верховного Суда РФ не конкретизирует вид умысла в преступлении, предусмотренном ст. 242.1 УК РФ.

Однако в складывавшейся до этого правоприменительной практике преобладал подход, согласно которому квалификация по ст. 242.1 УК РФ предполагает прямой умысел и специальную цель — получение таких материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних группой или неограниченным кругом лиц. В своих ранних решениях Верховный Суд Российской Федерации исходил из того, что само по себе сохранение на жесткий диск электронно-вычислительной машины информации порнографического характера в программе, позволяющей другим пользователям скачивать эти файлы, не сопровождавшееся иными действиями, направленными на передачу данных материалов неограниченному кругу лиц или же конкретным

лицам, не доказывает умысел виновного на распространение порнографии².

Придерживались этой позиции и суды кассационной инстанции. Так, Определением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 апреля 2021 г. № 77-1239/2021 осужденный оправдан по предъявленному ему обвинению по ст. 242 УК РФ, поскольку из материалов уголовного дела и протокола судебного заседания следует, что он зарегистрировал страницу в социальной сети, куда добавлял путем загрузки в раздел «Мои видеозаписи» видеофайлы с порнографическим содержанием для личного просмотра, не имея умысла их в дальнейшем демонстрировать, полагал, что если добавленные им видеофайлы находятся в свободном доступе, то их просмотр и скачивание не являются нарушением закона, а также не задумывался над тем, что любой пользователь может зайти на его страницу и скачать любой видеофайл³. Кроме того, как следует из уголовного дела, данные видеоматериалы были скопированы из электронной сети сотрудниками правоохранительных органов без какого-либо участия осужденного в этом.

В научной литературе также преобладает подход, согласно которому субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 242.1 УК РФ, характеризуется виной в форме прямого умысла. Такой точки зрения придерживаются В. Н. Бурлаков, Л. В. Готчина, Е. В. Миллеров и Е. А. Миллерова, А. В. Наумов, Л. Н. Плоткина, В. В. Семенова, А. И. Чучаев [3, с. 138–139; 4; 5, с. 702; 6, с. 421]. Виновный осознает, что «незаконно изготавливает либо хранит, перемещает через границу в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования материалы или предметы с порнографическими изображениями несовершеннолетних либо распространяет, публично демон-

² См., например: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2019 по делу № 16-УД19-7 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 6; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.06.2021 № 89-УД21-8-К7. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-06072021-n-89-ud21-8-k7/?ysclid=m9giwu3q2r121570693> (дата обращения: 20.11.2025).

³ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.04.2021 № 77-1239/2021. URL: https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/opredelenie-_77-1239_2021-ot-22.04.2021-pervogo-kassatsionnogo-suda-obschey-yurisdiksiisii?ysclid=m9gi74oyf7546374269 (дата обращения: 20.11.2025).

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 3.

стрирует или рекламирует их и желает этого» [7, с. 137].

Распространение материалов и (или) предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних должно осуществляться целенаправленно, а виновное лицо осознавать характер распространяемых им материалов и (или) предметов, а также то, что такие действия приведут к причинению вреда охраняемым общественным отношениям, а именно общественной нравственности.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих определениях также констатировал наличие прямого умысла при незаконном распространении порнографии¹.

Однако последующее указание Пленумом Верховного Суда РФ в п. 23 Постановления от 15 декабря 2022 г. № 37 на умышленный характер деяния без конкретизации вида умысла имело своим следствием изменение практики кассационных судов, которые стали допускать в своих определениях наличие косвенного умысла в предусмотренных ст. 242.1 УК РФ преступлениях².

Верховный Суд РФ, кроме того, ориентировал судебные инстанции на необходимость установления обстоятельств, свидетельствующих об умышленной форме вины, включая осознание обвиняемым факта предоставления широкому кругу лиц

¹ См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фокина А. Г. на нарушение его конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью четвертой статьи 7 и частью первой статьи 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2023 № 1757-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27062023-n-1757-o/> (дата обращения: 20.11.2025); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Капцуговича Севастьяна Игоревича на нарушение его конституционных прав статьей 242 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.01.2009 № 41-О-О. URL: <https://base.garant.ru/1790244/?ysclid=m9gjof7ddn905518919> (дата обращения: 20.11.2025).

² См.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.03.2023 по делу № 77-1206/2023. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=38683867&case_uid=173ff50b-0989-4df4-b7db-d228596bd1b0&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения: 20.11.2025); Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.01.2023 по делу № 77-11/2023. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=8097804&case_uid=47af80d7-1c0c-474d-b0e4-62d061b8f650&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения: 20.11.2025).

доступа к запрещенной информации. Подтверждением такого осознания могут служить следующие обстоятельства: наличие у лица знаний в сфере информационных технологий и навыков пользования компьютерной техникой, осведомленность о механизме автоматического размещения загруженных на личную страницу видеофайлов в новостной ленте пользователей («друзей»), а также о возможности их свободного просмотра. Дополнительным подтверждением могут являться факт ознакомления с правилами пользования интернет-сайтом социальной сети при регистрации, отсутствие принятых мер по ограничению доступа к своей странице, содержащей запрещенные материалы, а также указание пользователем папок с файлами, разрешенными для скачивания другими участниками сети при использовании файлообменного программного обеспечения³.

В подавляющем большинстве социальных сетей предусмотрена возможность пользователя либо полностью заблокировать доступ к своей личной странице, либо ограничивать такую возможность определенным кругом виртуальных «друзей». Соответственно, если пользователь этой возможностью не воспользовался, это, согласно позиции Верховного Суда РФ, свидетельствует об умысле лица на совершение преступления. Так, по одному из дел суд в приговоре отметил, что виновный Л. умышленно не воспользовался ограничениями в допуске пользователей социальной сети «ВКонтакте» к загруженным в каталог файлам, тем самым умышленно предоставил хранящиеся в указанном каталоге файлы на всеобщее обозрение и для копирования, т. е. сделал указанный видеофайл общедоступным⁴.

³ См., например: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 за 2023 г. (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19.06.2023) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 11. П. 40; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.12.2022 по делу № 1-УДП22-10-К. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoikollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08122022-n-1-udp22-10-k3/?ysclid=m9gjr90-f9n255831112> (дата обращения: 20.11.2025); Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.05.2022 по делу № 47-УДп22-3-К6. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoikollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-19052022-n-47-udp22-3-k6/?ysclid=m9gjb6ynpk261922127> (дата обращения: 20.11.2025).

⁴ Приговор Измайловского районного суда города Москвы от 02.03.2023 № 1-84/2023. URL: <https://mos-gorsud>.

Невыполнение пользователем действий по закрытию доступа к запрещенной информации свидетельствует о том, что лицо выражает намерение распространить, сделать ее достоянием неопределенного круга лиц. Виновный предвидит не просто возможность, а неизбежность факта общедоступности порнографии для других лиц, что, по мнению Р. Д. Шарапова, вполне охватывается формулой прямого умысла [8, с. 48].

Наличеству интеллектуальный элемент прямого умысла: «сознанием виновного исключаются какие-либо обстоятельства, в соответствии с которыми желаемые последствия могут не наступить» [9, с. 374]. С этих позиций размещение порнографической информации в открытом сегменте интернет-пространства не может не свидетельствовать о стремлении лица сделать ее общедоступной. Наличие прямого умысла в таких случаях не нуждается в дополнительном подтверждении активными действиями лица, направленными на передачу или же предложение запрещенной информации другим лицам.

Тем самым, как представляется, судами де-факто презюмируются три значимые для квалификации по ст. 242.1 УК РФ факта:

- лицо является достаточно уверенным пользователем информационно-телекоммуникационных технологий в той степени, чтобы осознавать, доступны ли размещаемые им файлы иным пользователям;

- лицо реально, а не фиктивно ознакомилось при регистрации с правилами пользования интернет-сайтом социальной сети перед тем, как поставило соответствующую отметку;

- лицо во всех без исключения случаях способно самостоятельно определить существо размещаемой им информации как порнографической.

В этом кроются немалые риски объективного вменения.

В отличие от профессиональных навыков, которые могут быть подтверждены наличием у лица диплома, лицензии или же его служебным положением, навыки пользователя компьютерной техники не так очевидны, в особенности когда речь идет о людях старшего поколения. Факт обладания данными навыками может быть подтвержден показаниями самого обвиняемого, показаниями свидетелей, а также результатами осмотра компьютерной техники и компьютерно-технической экспертизы. Так, экспертные исследования позволяют устано-

[ru/rs/izmajlovskij/cases/docs/content/92cb0910-b908-11ed-9f50-a345c5a70a18?ysclid=m9gk8sdzb2655250735](http://rs/izmajlovskij/cases/docs/content/92cb0910-b908-11ed-9f50-a345c5a70a18?ysclid=m9gk8sdzb2655250735) (дата обращения: 20.11.2025).

вить, что пользователь систематически выполнял действия, требующие навыков работы с компьютерными программами. Однако нередко предметом экспертного изучения становится компьютерная техника, пользователями которой являются несколько лиц, поэтому точно установить, какие именно технические действия производились обвиняемым, не представляется возможным. Например, если лицо распространяло порнографические материалы с личного смартфона, экспертные выводы о наличии у него навыков пользователя компьютерной техники вряд ли могут основываться на результатах компьютерно-технической экспертизы домашнего компьютера, находящегося в пользовании всех членов семьи.

В свою очередь, отметка об ознакомлении с правилами пользования интернет-сайтом социальной сети при регистрации в ней, по сути, является фикцией. Названная отметка проставляется подавляющим числом пользователей формально, без предшествующего реального прочтения текста правил. В результате лицо может заблуждаться относительно общедоступности размещенных им на личной странице в социальной сети порнографических изображений. Данные изображения могут быть сохранены для личного использования, без цели распространения, однако незнание алгоритма работы подобных сетей пользователем приводит к их невольному распространению (появлению в «ленте друзей», размещению среди файлов, открытых для скачивания иными лицами). Тот факт, что пользователь при регистрации на интернет-платформе (соцсети) ставит галочку «Ознакомлен с правилами», не означает реального восприятия и осмысления содержания правил. По сути, это фикция согласия, не порождающая презумпцию фактического знания существенных в уголовно-правовом отношении технических правил.

При совершении анализируемого умышленного преступления лицо должно осознавать общественную опасность своих действий, а именно то, что материал является порнографическим и его размещение наносит ущерб общественной нравственности. При этом в подавляющем большинстве случаев при решении вопроса о признании материалов порнографическими суд опирается на заключение эксперта. Для квалифицированной оценки изображений или видеоматериалов как порнографических привлекаются специалисты в области искусствоведения, культурологии, сексологии и психологии. Заключение специалиста (эксперта) обязательно в делах об обороте порнографии при спорном характере материалов

или предметов, вызванном сомнениями в наличии в них признаков порнографии. Без опоры судом на специальные знания высок риск судебной ошибки в юридической квалификации и, соответственно, нарушения принципа виновной ответственности (ст. 5 УК РФ). Соответственно, если материал требует оценки со стороны лиц, обладающих специальными познаниями, которыми данное лицо не обладает, следовательно, оно далеко не всегда способно осознавать характер соответствующего изображения, общественную опасность своих действий и их последствия.

В статье 242.1 УК РФ речь идет о порнографических материалах и предметах, которые, по своей сути, являются лишь источником выражения информации, попадание которой в публичный оборот способно причинить ущерб общественной нравственности. Само словосочетание «порнографические материалы и предметы» во многом устарело. Оно закреплено в принятой 12 сентября 1923 г. в г. Женеве Международной конвенции о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими¹, из которой и было заимствовано отечественным уголовным законодательством.

Уголовно-правовой запрет в рассматриваемой сфере служит юридической гарантией защиты нравственного здоровья общества. Тем самым соответствующий запрет направлен на пресечение распространения информации, свободный оборот которой причиняет ущерб общественной нравственности, а не на запрет оборота тех или иных носителей данной информации. Неслучайно Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»² оперирует категорией «информация порнографического характера», включая ее в категорию запрещенной. Использование того же термина в уголовном законе позволило бы обеспечить согласованность законодательства. В принятых относительно недавно ст. 207.1-207.3 и ст. 272.1 УК РФ законодатель также говорит об информации, а не о ее материальных носителях.

Кроме того, следует обратить внимание и на то, что действующая редакция статьи 242.1 УК

¹ Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими (г. Женева, 12 сентября 1923 г.) // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1936. Отд. II. № 21. Ст. 179.

² См.: Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.), ст. 3448.

РФ распространяется только на вещественные или же визуальные формы (видео-, фотоизображения, предметы и т. п.). Словесные формы выпадают из охвата диспозиции статьи, даже если они откровенно описывают сексуальные действия с участием несовершеннолетнего. Под ст. 242.1 УК РФ не подпадают, к примеру, не сопровождающиеся иллюстрациями тексты, в подчеркнuto вульгаризированной и циничной форме описывающие сексуальное насилие над детьми.

Вместе с тем думается, что замена формулировки «материалы или предметы с порнографическими изображениями несовершеннолетних» на словосочетание «информация порнографического характера» нецелесообразна и таит в себе весьма существенные риски объективного вменения. Потенциальный вред от данного возможного законодательного решения превышает значимость аргументов, приведенных в пользу его воплощения. Нынешний конвенционный характер ст. 242.1 УК РФ, наряду с прочим, обуславливает недопустимость расширительного толкования смыслового объема понятия «порнографические материалы или предметы» по сравнению с содержанием аналогичных терминов, употребляемых в международно-правовых актах.

Лексическое содержание термина «информация порнографического характера» таково, что под данную категорию попадет не только визуально воспринимаемая порнография, но и различного рода тексты. Встанет вопрос юридической оценки литературных произведений, затрагивающих тему педофилии в публицистическом или же художественном контексте. Уголовное преследование за оборот литературных произведений, т. е. вмешательство государства в свободу художественного творчества, недопустимо. Кроме того, возникнут и дополнительные риски объективного вменения в случаях пересылки лицом файла с текстом порнографического характера без предварительного ознакомления с содержанием данной информации и без осознания ее характера.

В настоящее время уже имеются правовые инструменты противодействия обороту текстов, признанных на основе результатов комплексной психолого-лингвистической и искусствоведческой экспертизы «детской порнографией». В их числе ст. 242, 135 УК РФ (при условии распространения информации среди несовершеннолетних), ст. 6.17, 13.15 КоАП РФ. Кроме того, подобная информация признается в установленном законом порядке запрещенной.

Тем самым отказ от традиционной для отечественного законодательства формулировки «материалы или предметы с порнографическими изображениями несовершеннолетних» нецелесообразен.

Под материалом понимается внешняя форма выражения какой-либо информации, будь то в электронном виде либо в предметах материального мира. В отношении предмета посягательства, описываемого в ст. 242.1 УК РФ, законодатель разграничивает: материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних; предметы с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

Н. Н. Ильин называет следующие группы признаков порнографической продукции: «1) признаки, связанные с условиями съемки; 2) признаки, отражающие содержание видеозаписи; 3) признаки, отражающие содержание видеозаписи» [10, с. 5–6]. Речь идет о широких ракурсах съемки крупным планом половых органов, длительности показа полового акта по сравнению с общим временем ролика, об отсутствии сюжетных линий или же их полном сведении к половому акту, нецензурных и вульгарных наименованиях видеозаписи и т. п.

Порнография предполагает натуралистическое изображение сексуальных действий [11, с. 34]. Ю. М. Антонян особо подчеркивает, что порнографию отличает отсутствие научной, педагогической и художественной значимости [12, с. 84].

Весьма важным следует признать указание на цели, с которыми действует виновный, а именно «сексуальные цели». Принципиально значимая оговорка содержится в примечании 2 к ст. 242.1 УК РФ, согласно которому не могут быть признаны порнографическими материалы и предметы, которые «имеют историческую, художественную или культурную ценность либо предназначены для использования в научных или медицинских целях, либо в образовательной деятельности в установленном федеральным законом порядке».

На практике применительно к каждому конкретному случаю вопросы принадлежности изображений и описаний половых органов несовершеннолетнего к материалам и предметам, имеющим историческую, художественную или культурную ценность, решаются посредством проведения экспертиз. В отношении материалов и предметов, в которых имеются признаки порнографических изображений несовершеннолетних, назначается и производится искусствоведческая экспертиза. Такая экспертиза может являться комплексной,

когда для решения некоторых вопросов требуются специальные познания из других областей.

Соответственно, если экспертами не установлены прописанные в примечании 2 к ст. 242.1 УК РФ исключения, органы предварительного расследования и суд приходят к выводу о том, что виновное лицо преследовало сексуальные цели.

Думается, что более верно говорить не о сексуальных целях, а о сексуальном предназначении данных изображений и предметов. В этой связи следует различать предназначение изображений и материалов, выраженное в их направленности на достижение сексуальных целей (удовлетворение полового влечения) и цели совершения преступления.

Цели изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних не исчерпываются желанием виновного удовлетворить свои извращенные сексуальные потребности. К числу иных целей можно отнести: получение коммерческой выгоды; шокирование окружающих, хулиганство; месть. Цель совершения рассматриваемого преступления состоит во взаимосвязи с его объектом, в качестве которого в главе 25 УК РФ названа общественная нравственность. Если сексуальные цели изображения или же описания являются обязательными для признания содержащих их материалов и предметов порнографическими, то цели совершения преступления, как отмечено, могут быть любыми.

Цель осуществления мести была установлена, в частности, приговором Семеновского районного суда Нижегородской области № 1-5/2024 1-98/2023 от 26 января 2024 г. по делу № 1-5/2024¹.

Распространение порнографических материалов нередко совершается виновными с целью унижить изображенных на них несовершеннолетних и причинить им нравственные страдания. В подобных случаях содеянное дополнительно квалифицируется как незаконное распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную тайну, без его согласия².

В подавляющем числе случаев действительно признаки порнографии очевидны не только

¹ Приговор Семеновского районного суда Нижегородской области № 1-5/2024 1-98/2023 от 26.01.2024 по делу № 1-5/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VFCm575OKF8C/?ysclid=m9gknst9i0348926920> (дата обращения: 20.11.2025).

² См., например: Приговор Раздольненского районного суда Республики Крым № 1-120/2023 от 09.11.2023 по делу № 1-120/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9sb7BgltiP6p/?ysclid=m9gksgctji762400777> (дата обращения: 20.11.2025).

правоприменителю, но и лицу, незаконно разместившему запрещенную к обороту такого рода информацию. Положительный результат искусствоведческой экспертизы с целью выявления признаков порнографии, как правило, предрешен, и при ее назначении следователи лишь стремятся заручиться дополнительным обвинительным доказательством. В таких случаях, безусловно, нельзя вести речь о риске объективного вменения в части неосознания лицом существа размещаемой им информации.

Однако в последние годы актуализируется проблема противодействия изготовлению и обороту смоделированных посредством цифровых технологий материалов (комиксы манга, дипфейк-образы и т. п.). Их возможный порнографический характер не столь очевиден. Ключевым критерием для причисления подобной продукции к числу порнографической должен выступать такой признак смоделированного порнографического материала, как реалистичность. Иными словами, речь идет о приближенности к «максимально точному изображению человека, производящего крайне аморальные с точки зрения уголовного законодательства действия» [13, с. 33–34].

Оценка общественной опасности должна даваться с учетом всех обстоятельств и условий совершения деяния (натуралистичности изображения, цели изготовления материала и др.). В тех

случаях, когда персонажи таких произведений имеют черты детей и подростков, это должно получать юридическую оценку по ст. 242.1 УК РФ.

Следует обозначить еще одну немаловажную проблему. В последние годы в сети Интернет получают все большее распространение сайты, выступающие в качестве площадок для сексуализированного общения, сопровождающегося размещением на возмездной основе контента порнографического содержания. В. Н. Куфлева и А. И. Литовченко справедливо акцентируют внимание на «проблеме определения вебкам-индустрии как новой угрозы общественной нравственности, что требует детального изучения представителями научного сообщества ввиду её актуализации в современных условиях» [14, с. 130]. Действия, совершаемые в прямом эфире, должны получать юридическую оценку в качестве публичной демонстрации с учетом разъяснений, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37.

Таким образом, обозначенные проблемы субъективного вменения по делам об изготовлении и обороте материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних обуславливают необходимость повышения стандартов деятельности правоприменительных органов на основе неукоснительного соблюдения принципа вины.

Список источников

1. Бутырская А. В., Загрядская Е. А. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты расследования преступлений в отношении несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет // Российский следователь. 2022. № 4. С. 40–43.
2. Курсаев А. В., Осокин Р. Б. Частные вопросы криминализации и квалификации распространения порнографических материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 106–112.
3. Бурлаков В. Н., Готчина Л. В., Плоткина Л. Н., Семенова В. В. Защита здоровья населения и общественной нравственности в уголовном праве: законодательный и правоприменительный аспекты: учебное пособие / под ред. В. Н. Бурлакова. СПб.: Юридический центр, 2023. 320 с.
4. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.]; отв. ред. А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 564 с.
5. Энциклопедия уголовного права. Т. 22: Преступления против здоровья населения и общественной нравственности. СПб.: Издание В. Б. Малинина, 2014. 886 с.
6. Есаков Г. А., Рарог А. И., Чучаев А. И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А. И. Рарог. М.: Велби, Проспект, 2007. 576 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный). Т. 3: Особенная часть. Раздел IX / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов и др.; отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. 298 с.
8. Шарапов Р. Д. Умысел при распространении порнографии в сети Интернет // Уголовное право. 2024. № 9. С. 47–59.
9. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т.; т. 1: Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007. 641 с.

10. Ильин Н. Н. Судебно-искусствоведческая экспертиза при расследовании изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних // Российский следователь. 2020. № 10. С. 3–7.
11. Джинджолия Р. С. Порнография: уголовно-правовая характеристика. М.: Компания Спутник+, 2005. 65 с.
12. Антонян Ю. М. Понятие порнографии // Научный портал МВД России. 2023. № 3 (63). С. 81–86.
13. Литовченко А. И. Смоделированные изображения порнографического характера как предмет преступлений, связанных с обращением порнографии: компаративистское исследование // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2024. Т. 24. № 2. С. 27–35.
14. Куфлева В. Н., Литовченко А. И. Новеллы квалификации вебкам-контента как публично распространяемой порнографии // Теория и практика общественного развития. 2023. № 3. С. 127–131.

References

1. Butyrskaya A. V., Zagryadskaya E. A. Uголовно-правовые i kriminalisticheskie aspekty rassledovaniya prestuplenij v otnoshenii nesovershennoletnih, sovershennyh s ispol'zovaniem seti Internet // Rossijskij sledovatel'. 2022. № 4. S. 40–43.
2. Kursaev A. V., Osokin R. B. Chastnye voprosy kriminalizacii i kvalifikacii rasprostraneniya pornograficheskikh materialov s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 3. S. 106–112.
3. Burlakov V. N., Gotchina L. V., Plotkina L. N., Semenova V. V. Zashchita zdorov'ya naseleniya i obshchestvennoj npravstvennosti v uголовnom prave: zakonodatel'nyj i pravoprimeritel'nyj aspekty: uchebnoe posobie / pod red. V. N. Burlakova. SPb.: Yuridicheskij centr, 2023. 320 s.
4. Uголовное право. Osobennaya chast': uchebnik dlya vuzov / A. V. Naumov [i dr.]; otv. red. A. V. Naumov, A. G. Kibal'nik. 6-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2024. 564 s.
5. Enciklopediya uголовного prava. T. 22: Prestupleniya protiv zdorov'ya naseleniya i obshchestvennoj npravstvennosti. SPb.: Izdanie V. B. Malinina, 2014. 886 s.
6. Esakov G. A., Rarog A. I., Chuchaev A. I. Nastol'naya kniga sud'i po uголовnym delam / otv. red. A. I. Rarog. M.: Velbi, Prospekt, 2007. 576 s.
7. Kommentarij k Uголовnomu kodeksu Rossijskoj Federacii: v 4 t. (postatejnyj). T. 3: Osobennaya chast'. Razdel IX / A. V. Brilliantov, A. V. Galahova, V. A. Davydov i dr.; otv. red. V. M. Lebedev. M.: Yurajt, 2017. 298 s.
8. Sharapov R. D. Umysel pri rasprostranении pornografii v seti Internet // Uголовное право. 2024. № 9. S. 47–59.
9. Naumov A. V. Rossijskoe uголовное право: kurs lekcij: v 3 t.; t. 1: Obshchaya chast'. 4-e izd., pererab. i dop. M., 2007. 641 s.
10. Il'in N. N. Sudebno-iskusstvovedcheskaya ekspertiza pri rassledovanii izgotovleniya i oborota materialov ili predmetov s pornograficheskimi izobrazheniyami nesovershennoletnih // Rossijskij sledovatel'. 2020. № 10. S. 3–7.
11. Dzhindzholiya R. S. Pornografiya: uголовно-pravovaya harakteristika. M.: Kompaniya Sputnik+, 2005. 65 s.
12. Antonyan Yu. M. Ponyatie pornografii // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2023. № 3 (63). S. 81–86.
13. Litovchenko A. I. Smodelirovannye izobrazheniya pornograficheskogo haraktera kak predmet prestuplenij, svyazannyh s obrashcheniem pornografii: komparativistskoe issledovanie // Vestnik YuUrGU. Seriya: Pravo. 2024. T. 24. № 2. S. 27–35.
14. Kufleva V. N., Litovchenko A. I. Novelly kvalifikacii vebkam-kontenta kak publichno rasprostranyaemoj pornografii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2023. № 3. S. 127–131.

Статья поступила в редакцию 05.09.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 05.09.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 10.03.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 160–166.
Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 160–166.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.8:347.6(571.150)

НОРМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РЕАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ И ТЕНДЕНЦИИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Надежда Владимировна Тыдыкова^{1,2}, Ольга Александровна Казанцева³

¹ Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, academnauka@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7889-9314>

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

³ Уполномоченный по правам ребенка в Алтайском крае, Барнаул, Россия, deti@alregn.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы реализации родительских прав лицами, отбывающими лишение свободы. Авторы исходят из того, что с учетом ограничений, которые лишение свободы накладывает на осужденных, осуществление ими родительских прав реализуется посредством форм, допускаемых условиями отбывания наказания: свидания с детьми, переписка, телефонные разговоры, а также при посещении осужденных за пределами исправительного учреждения. Авторы приходят к выводу, что диспозитивный характер большинства норм, регламентирующих свидания с детьми, переписку, телефонные разговоры, а также посещение осужденных за пределами исправительного учреждения, позволил рекомендовать их применение с учетом наличия у осужденных несовершеннолетних детей.

Ключевые слова: родительские права, дети, лишение свободы, переписка, свидания, телефонные разговоры, ресоциализация

Для цитирования: Тыдыкова Н. В., Казанцева О. А. Нормы российского законодательства о реализации осужденными к лишению свободы родительских прав и тенденции их применения в Алтайском крае // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 160–166.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

RUSSIAN LEGISLATION REGARDING THE EXERCISE OF PARENTAL RIGHTS BY PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT AND TRENDS IN THEIR APPLICATION IN ALTAI KRAI

Nadezhda V. Tydykova^{1,2}, Olga A. Kazantseva³

¹ Altai State University, Barnaul, Russia, academnauka@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7889-9314>

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

³ Children's Rights Commissioner in the Altai Territory, Barnaul, Russia, deti@alregn.ru

Abstract. This article examines the issues surrounding the exercise of parental rights by individuals serving a prison sentence. The authors assume that, given the restrictions imposed by imprisonment, the exercise of parental rights is realized through forms permitted by the conditions of their sentence: visits with children, correspondence, telephone conversations, and visits outside the correctional facility. The authors conclude that the discretionary nature of most regulations governing visits with children, correspondence, telephone conversations, and visits outside the correctional facility allows them to be recommended for application, taking into account the presence of minor children.

Keywords: parental rights, children, incarceration, correspondence, visits, telephone conversations, resocialization

For citation: Tydykova N. V., Kazantseva O. A. Russian Legislation Regarding the Exercise of Parental Rights by Persons Sentenced to Imprisonment and Trends in their Application in Altai Krai. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026; 1:160–166 (In Russ.).

Воспитание ребенка — это взаимодействие с детьми, которое носит лично окрашенный характер, обращено непосредственно к несовершеннолетнему, его эффективность связана с интенсивностью взаимодействия и вовлеченностью родителей и детей в этот процесс. Правовой основой воспитания является наличие имущественных и неимущественных прав у несовершеннолетних и обязанностей-прав у родителей. Родители, отбывающие наказание в местах лишения свободы, имеют родительские права в отношении ребенка, с которым проживают раздельно. В соответствии со ст. 66 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) родители имеют право на участие в его воспитании, на общение с ребенком, участие в решении вопросов получения ребенком образования. Кроме того, родитель имеет право на получение информации о состоянии здоровья ребенка, его поведении, учебе и т. д. В статье 9 Конвенции о правах ребенка установлено, что государства-участники уважают право ребенка, который разлучен с одним из родителей, важно также поддерживать на регулярной основе личные отношения и прямые контакты с обоими родителями, за исключением случаев, когда это противоречит наилучшим интересам ребенка.

В соответствии с ч. 1 ст. 56 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) лишение свободы на определенный срок заключается в изоляции осужденного от общества. Статья 82 УК РФ предусматривает возможность предоставления отсрочки для ряда категорий лиц с детьми. Очевидно, что существование в УК РФ подобной нормы является не только (возможно, и не столько) одним из проявлений гуманности, однако обеспечивает возможность нормального функционирования одного из важнейших социальных институтов — семьи. Но статья 82 УК РФ распространяется только на лиц, имеющих детей до 14 лет, содержит ряд ограничений для своего применения, а также не обязывает суд к применению соответствующих положений, а дает ему право по своему усмотрению с учетом обстоятельств дела решить этот вопрос.

На сегодняшний день в местах отбывания лишения свободы содержится достаточно большое число лиц, имеющих несовершеннолетних детей. Так, по состоянию на ноябрь 2025 г. в ФКУ ИК-3 УФСИН России по Алтайскому краю из 712 отбывающих лишение свободы мужчин 81 имеет несовершеннолетних детей, 6 из них являются единственным родителем несовершеннолетнего ребенка. Из 611 женщин, отбывающих лишение свободы в ФКУ ИК-6 УФСИН России по Алтайскому краю,

129 имеют несовершеннолетних детей, а 70 из них являются единственным родителем несовершеннолетнего ребенка.

Право на воспитание детей является неотчуждаемым, однако фактически родители, отбывающие наказание в местах лишения свободы, не могут самостоятельно заниматься воспитанием детей, обеспечивать контроль за их учебной, выбирать кружки, секции, обеспечивать досуг детей, активно развивать их интересы и склонности, воспитывать бережное отношение к здоровью и т. д. [1, с. 123; 2, с. 70; 3, с. 17; 4, с. 76; 5, с. 67]. В Концепции развития уголовно-исправительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. в качестве основных мер по успешной ресоциализации осужденных рассматривается сохранение социально полезных связей, поэтому проблемы пенитенциарного родительства, обусловленные особыми условиями осуществления родительских прав, являются весьма актуальной темой¹.

В литературе можно встретить позицию о том, что вопрос предоставления осужденным родителям возможности осуществлять родительские права должен решаться исходя из интересов ребенка. В частности, некоторые авторы считают необходимым получение заключения органа опеки и попечительства о возможности встреч ребенка с осужденным родителем — не будет ли такое общение вредить психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию. Для этого предлагается принимать во внимание характеристику осужденного родителя и оценивать его поведение во время отбывания наказания, а возможность осуществлять родительские права рассматривают как стимул для отбывающего наказание родителя к правомерному поведению, отказу от вредных привычек [3, с. 16–23].

С подобной позицией невозможно согласиться по ряду причин. Во-первых, если родитель не ограничен в родительских правах и не лишен их, он вправе осуществлять полный объем таких прав без согласования с каким-либо органом или должностным лицом. Во-вторых, предложение поставить возможность осуществлять родительские права в зависимость от поведения родителя в местах лишения свободы и наличия у него вредных привычек может стать своего рода «спекуляцией» правовым статусом такого лица. В-третьих, следу-

¹ Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

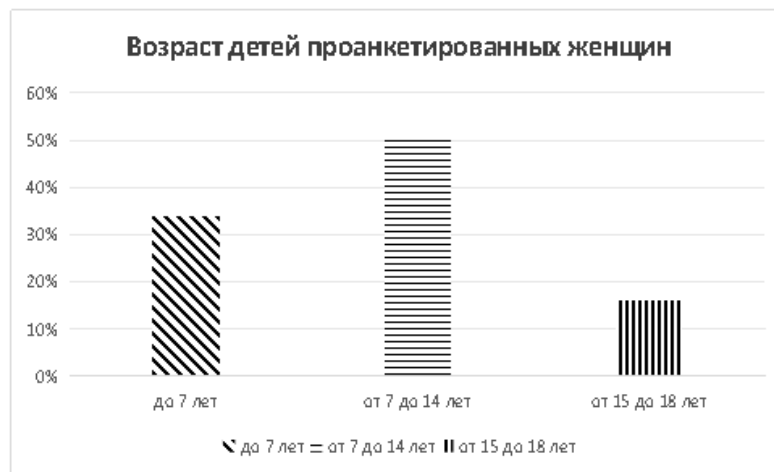
ет помнить и о праве самого ребенка поддерживать контакт со своим родителем. Действительно, в соответствии с ч. 1 ст. 65 Семейного кодекса Российской Федерации родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Однако в ней сказано, что при осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию, а способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей. Вышеобозначенный подход к пониманию интересов ребенка и механизму их обеспечения видится ограничивающим права как осужденных к лишению свободы родителей, так и их несовершеннолетних детей.

С учетом ограничений, которые лишение свободы накладывает на осужденных, осуществление ими родительских прав реализуется по-

средством форм, допускаемых условиями отбывания наказания: свидания с детьми, переписка, телефонные разговоры, а также при посещении осужденных за пределами исправительного учреждения.

В рамках исследования тенденций применения норм законодательства о реализации осужденными к лишению свободы родительских прав в Алтайском крае проведено анкетирование изъявивших желание поделиться проблемами 85 женщин, которые имеют 169 детей в возрасте до 18 лет и в настоящее время отбывают лишение свободы в ФКУ ИК № 6 УФСИН России по Алтайскому краю (Шипуново), а также 50 мужчин, которые имеют 89 детей в возрасте до 18 лет и в настоящее время содержатся в ИК № 3 УФСИН России по Алтайскому краю.

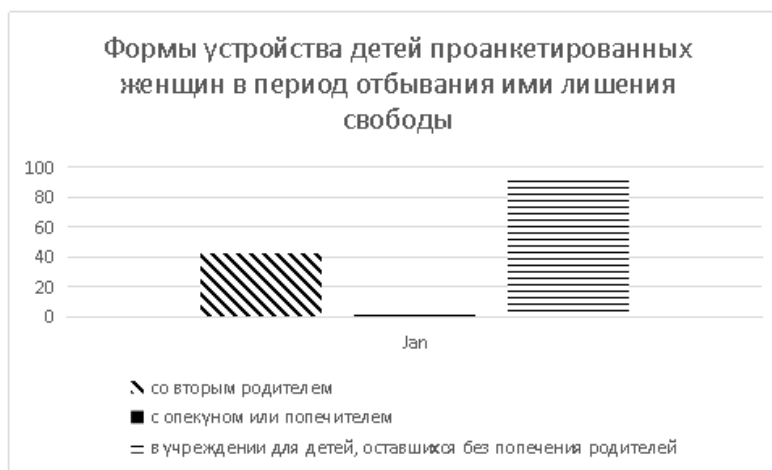
Анкетирование женщин показало, что из 169 детей находятся в возрасте до 7 лет 34 %, от 7 до 14 лет — 50 %, от 15 до 18 лет — 16 %.



При этом освободятся в течение года только 15 % женщин, ответивших на вопросы анкеты, через 1–3 года — 36,4 %, через 4–6 лет — 24,7 %, через 6 и более лет — 10,5 %. Это означает, что часть детей к моменту освобождения матери уже станут совершеннолетними. Такая перспектива требует обеспечения возможности участия осужденных

женщин в жизни детей в период их нахождения в местах отбывания лишения свободы.

Опрос показал, что менее половины детей осужденных женщин проживают со вторым родителем — отцом (42,6 %), 45,5 % детей проживают с опекуном или попечителем, а 11,8 % — в учреждении для детей, оставшихся без попечения родителей.



У проанкетированных мужчин не выявлено детей, которые бы находились в учреждениях для детей, оставшихся без попечения родителей. Только 11 % детей проживают с опекуном или попечителем. Остальные дети (88 %) проживают с матерью, т. е. подавляющее большинство.

У проанкетированных женщин 27 % детей находятся за пределами Алтайского края, у проанкетированных мужчин — только 5,5 %. Это связано с тем, что не во всех регионах Российской Федерации есть учреждения для отбывания лишения свободы женщинами. В исследованиях других авторов также отмечается, что направление женщин для отбывания лишения свободы в другие субъекты затрудняет или даже делает невозможным общение с детьми [6, с. 38].

У анкетированных выяснялось, какие формы поддержания контакта с детьми они используют: свидания с выездом — 0 % женщин и 1 мужчина; свидания в исправительной колонии — 20 % женщин и 28 % мужчин; переписка — 63 % женщин и 58 % мужчин; телефонные переговоры — 74 % женщин и 68 % мужчин; видеосвязь — 1 % женщин и 32 % мужчин. Из всего количества опрошенных 8,2 % женщин и 14 % мужчин не поддерживают связи с детьми.

Обращает на себя внимание, что процент женщин, имеющих свидания в исправительной колонии, меньше, чем мужчин. Такой результат подтверждает сложности в поддержании связи с детьми, если женщина отбывает лишение свободы в другом субъекте РФ, где проживает ее семья. Вместе с тем в специальной литературе отмечается, что для осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы, свидания с детьми имеют основополагающее значение, во время

которых они могут лично оказывать воспитательное воздействие на своих детей [7, с. 81; 8, с. 47]. Даже высказываются предложения о включении в Уголовно-исправительный кодекс Российской Федерации (далее — УИК РФ) нормы, которая будет регламентировать встречи с детьми, а также с членами семьи осужденного чаще, например, раз в три месяца, что будет способствовать укреплению эмоциональной связи осужденного к лишению свободы родителя с ребенком, снизит уровень тревожности и стресса несовершеннолетнего в связи с длительной разлукой с матерью или отцом [9, с. 33].

В связи с этим невозможно не упомянуть ст. 89 УИК РФ, которая предоставляет право на свидания осужденных к лишению свободы. Так, ч. 2.1 ст. 89 УИК РФ осужденным женщинам, имеющим ребенка в возрасте до 14 лет, а также осужденным мужчинам, имеющим ребенка в возрасте до 14 лет и являющимся единственным родителем, позволяет предоставлять дополнительные длительные свидания с ребенком в выходные и праздничные дни с проживанием (пребыванием) вне исправительного учреждения, но в пределах муниципального образования, на территории которого расположено исправительное учреждение, если это предусмотрено условиями отбывания ими лишения свободы в исправительном учреждении. А статья 97 УИК РФ предоставляет право на выезды осужденных к лишению свободы за пределы исправительных учреждений. Так, согласно ч. 2.2 ст. 97 УИК РФ осужденным женщинам, имеющим вне исправительной колонии ребенка в возрасте до 14 лет, а также осужденным мужчинам, имеющим ребенка в возрасте до 14 лет и являющимся единственным родителем, могут быть разрешены два

выезда в год для свидания с ребенком на срок до 10 суток каждое, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно.

Согласно полученным нами в ходе опроса данным это право реализуется в единичных случаях. Видится возможным применять обозначенные положения для стимулирования положительного поведения осужденных, поддержания контакта с детьми и осуществления других родительских прав, помимо права на общение. Другие исследователи также отмечают важность и нужность личных контактов с детьми за пределами исправительных учреждений [1, с. 122].

Положительно можно оценить то, что выявлен достаточно высокий процент осужденных, которые поддерживают связь с детьми посредством телефонных переговоров. Однако при современном уровне доступности телефонной связи этот показатель может быть и увеличен. В специальной литературе можно увидеть данные о том, что родители, которые регулярно разговаривают с детьми по телефону, лучше приспособляются к среде отбывания наказания в виде лишения свободы, а дети лучше справляются с разлукой, если у них есть контакт с родителем [10, с. 347].

Статья 92 УИК РФ содержит положение о том, что осужденным к лишению свободы предоставляется право на телефонные разговоры. При отсутствии технических возможностей администрацией исправительного учреждения количество телефонных разговоров может быть ограничено до двенадцати в год. Продолжительность каждого разговора не должна превышать 15 минут. Однако норма не содержит указания на предельное количество таких звонков при наличии технической возможности. Администрация исправительного учреждения может при отсутствии препятствий различного характера удовлетворять запросы осужденных на такие звонки. Особенно актуальным видится такое решение для осужденных, имеющих нескольких детей и проживающих в различных местах, чтобы обеспечить возможность общения с каждым.

Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» упоминает возможность видеозвонка. Видеосвязь, как видится, решает ряд вопросов. В частности, позволяет хоть и онлайн, но видеть детей, которые проживают в другом регионе и не имеют возможности приехать на свидание.

Также это единственный способ общения с детьми, которые в силу возраста или состояния здоровья не могут разговаривать (новорожденные, малолетние, страдающие психическими заболеваниями).

У анкетированных выяснялось, в какой форме они участвуют в содержании своих детей. Так, самостоятельно на регулярной основе предоставляют денежные средства 35 % женщин и 24 % мужчин; самостоятельно время от времени предоставляют денежные средства 23,5 % женщин и 30 % мужчин; платят алименты 11,7 % женщин и 8 % мужчин. Не участвуют 24,7 % женщин и 14 % мужчин.

Как видим, большинство опрошенных стремятся к поддержанию связи с детьми. Безусловно, это и важный стимул исправления, и мощный фактор социальной адаптации после освобождения. Закономерно, что Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» содержит целый параграф о совершенствовании законодательства, направленного на обеспечение условий содержания осужденных, подозреваемых и обвиняемых женщин и мужчин, имеющих несовершеннолетних детей. В частности, он предусматривает комплекс мер по улучшению условий содержания женщин, имеющих при себе детей в соответствующих учреждениях, предоставление телефонных разговоров с детьми до 14 лет лицу, являющемуся единственным родителем, вне очереди; установление особенностей предоставления свиданий с несовершеннолетними детьми содержащимся в следственных изоляторах подозреваемым и обвиняемым и ряд других мер. Однако и в настоящее время закон содержит положения, позволяющие обеспечивать возможности для реализации отбывающими лишение свободы своих родительских прав. Некоторые из них имеют диспозитивный характер, оставляя на усмотрение правоприменителя возможность их применения с учетом обстоятельств дела.

Таким образом, реализация осужденными к лишению свободы своих родительских прав осуществляется посредством форм, допускаемых условиями отбывания наказания. Диспозитивный характер большинства норм, в частности, регламентирующих свидания с детьми, переписку, телефонные разговоры, а также посещение осужденных за пределами исправительного учреждения, требует от сотрудников администрации исправительных учреждений особого внимания и взвешенного подхода при их применении в отношении осужденных, имеющих несовершеннолетних детей.

Список источников

1. Онищенко И. С. Некоторые вопросы регулирования и реализации прав женщин, осужденных к лишению свободы, имеющих малолетних детей // Человек: преступление и наказание. 2015. № 2 (89). С. 120–124.
2. Латышева Л. А. Особенности содержания и ресоциализации женщин, имеющих малолетних детей, в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран // Пенитенциарная наука. 2018. № 1 (41). С. 69–75.
3. Глебова Е. В. Проблемы осуществления родительских прав лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 9 (256). С. 16–23.
4. Ращупкина Л. В., Солоухина С. В. Проблемные вопросы осуществления родительских прав лицами, находящимися в местах лишения свободы // Российская пенитенциарная система: актуальные правовые и практические вопросы. 2016. № 2. С. 75–78.
5. Храброва Е. В. Духовно-нравственное воспитание несовершеннолетних осужденных: монография. Вологда, 2015. 157 с.
6. Храброва Е. В. Особенности воспитательной работы с осужденными женщинами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, по поддержанию социально полезных связей с их детьми, воспитывающимися в центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей // Пенитенциарная наука. 2018. № 4. С. 36–42.
7. Акинина А. В. Некоторые проблемы осуществления родительских прав и исполнения обязанностей лицами, осужденными к лишению свободы // Анализ опыта и тенденций развития современной науки и образования: сборник статей Международной научно-практ. конф-ции. Петрозаводск, 2022. С. 80–85.
8. Борченко В. А., Исаева О. П. Проблемы осуществления родительских прав и исполнения обязанностей лицами, осужденными к лишению свободы // Вестник Самарского юридического института. 2012. № 1 (6). С. 47–50.
9. Вильгоненко И. М., Ципинова Д. А. Особенности осуществления родительских прав и исполнения обязанностей лицами, осужденными к лишению свободы // Актуальные проблемы современной науки: сборник статей VIII Международной научной конф-ции. СПб., 2025. С. 32–35.
10. Торосян Р. А. Реализация конституционного принципа равенства родительских прав и обязанностей при назначении и отбытии уголовного наказания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. № 3. С. 344–350.

References

1. Onishchenko I. S. Nekotorye voprosy regulirovaniya i realizacii prav zhenshchin, osuzhdennyh k lisheniyu svobody, imeyushchih maloletnih detej // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2015. № 2 (89). S. 120–124.
2. Latysheva L. A. Osobennosti sodержaniya i resocializacii zhenshchin, imeyushchih maloletnih detej, v penitenciarnyh uchrezhdeniyah zarubezhnyh stran // Penitenciarная наука. 2018. № 1 (41). S. 69–75.
3. Glebova E. V. Problemy osushchestvleniya roditel'skih prav licami, otbyvayushchimi nakazanie v mestah lisheniya svobody // Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy. 2023. № 9 (256). S. 16–23.
4. Rashchupkina L. V., Solouhina S. V. Problemnye voprosy osushchestvleniya roditel'skih prav licami, nahodyashchimisya v mestah lisheniya svobody // Rossijskaya penitenciarная система: aktual'nye pravovye i prakticheskie voprosy. 2016. № 2. S. 75–78.
5. Hrabrova E. V. Duhovno-nravstvennoe vospitanie nesovershennoletnih osuzhdennyh: monografiya. Vologda, 2015. 157 s.
6. Hrabrova E. V. Osobennosti vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi zhenshchinami, otbyvayushchimi nakazanie v vide lisheniya svobody, po podderzhaniyu social'no poleznyh svyazej s ih det'mi, vospityvayushchimisya v centrakh pomoshchi detyam, ostavshimisya bez popечeniya roditel'ej // Penitenciarная наука. 2018. № 4. S. 36–42.
7. Akinina A. V. Nekotorye problemy osushchestvleniya roditel'skih prav i ispolneniya obyazannostej licami, osuzhdennymi k lisheniyu svobody // Analiz opyta i tendencij razvitiya sovremennoj nauki i obrazovaniya: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii. Petrozavodsk, 2022. S. 80–85.
8. Borchenko V. A., Isaeva O. P. Problemy osushchestvleniya roditel'skih prav i ispolneniya obyazannostej licami, osuzhdennymi k lisheniyu svobody // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2012. № 1 (6). S. 47–50.

9. Vil'gonenko I. M., Cipinova D. A. Osobennosti osushchestvleniya roditel'skih prav i ispolneniya obyazannostej licami, osuzhdennymi k lisheniyu svobody // Aktual'nye problemy sovremennoj nauki: sbornik statej VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konf-cii. SPb., 2025. S. 32–35.

10. Torosyan R. A. Realizaciya konstitucionnogo principa ravenstva roditel'skih prav i obyazannostej pri naznachenii i otbytii ugolvnogo nakazaniya // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2019. № 3. S. 344–350.

Информация об авторах

Н. В. Тыдыкова — доктор юридических наук, доцент.

О. А. Казанцева — кандидат психологических наук.

Information about the authors

N. V. Tydykova — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

O. A. Kazantseva — Candidate of Science (Psychological).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 28.01.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 28.01.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 167–173.

Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 167–173.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.593:364.632

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ХУЛИГАНСТВА С ПРИМЕНЕНИЕМ
НАСИЛИЯ К ГРАЖДАНАМ (П. «А» Ч. 1 СТ. 213 УК РФ) И ПОБОЕВ,
СОВЕРШЕННЫХ ИЗ ХУЛИГАНСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ (СТ. 116 УК РФ)**

Диана Ленаровна Фаизова

Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, faizova.27092000@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу квалификационных проблем, связанных с дополнением основного состава хулиганства признаком применения насилия или угрозы его применения (п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ). В частности, рассматриваются вопросы, связанные с разграничением побоев как вида насилия в составе хулиганства (ст. 213 УК РФ) от аналогичных деяний, совершенных с хулиганскими побуждениями в рамках составов преступлений против личности. На основе анализа сформулированы выводы о необходимости разработки рекомендаций и разъяснений для единообразного применения уголовного закона.

Ключевые слова: хулиганство, хулиганские побуждения, побои, причинение легкого вреда здоровью, грубое нарушение общественного порядка, насилие

Для цитирования: Фаизова Д. Л. Проблемные аспекты разграничения хулиганства с применением насилия к гражданам (п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ) и побоев, совершенных из хулиганских побуждений (ст. 116 УК РФ) // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 167–173.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

**PROBLEMATIC ASPECTS OF THE DISTINCTION BETWEEN HOOLIGANISM
INVOLVING VIOLENCE AGAINST CITIZENS (PARAGRAPH «A» OF PART 1
OF ARTICLE 213 OF THE CRIMINAL CODE) AND BEATINGS COMMITTED
FOR HOOLIGAN MOTIVES (ARTICLE 116 OF THE CRIMINAL CODE)**

Diana L. Faizova

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia, faizova.27092000@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of qualification problems related to the addition of a sign of violence or threat of violence to the main body of hooliganism (paragraph "a" of Part 1 of Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation). In particular, the issues related to the differentiation of beatings and causing minor harm to health as a type of violence as part of hooliganism (Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation) from similar acts committed with hooligan motives as part of crimes against the person are considered. Based on the analysis, conclusions are drawn about the need to develop recommendations and clarifications for the uniform application of the criminal law.

Keywords: hooliganism, hooligan motives, beatings, causing minor harm to health, gross violation of public order, violence

For citation: Faizova D. L. Problematic Aspects of the Distinction between Hooliganism Involving Violence Against Citizens (Paragraph "A" of Part 1 of Article 213 of the Criminal Code) and Beatings Committed for Hooligan Motives (Article 116 of the Criminal Code). *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2026;1:167–173 (In Russ.).

© Фаизова Д. Л., 2026

Насильственные преступления, совершенные из хулиганских побуждений, давно принадлежат к числу самых распространенных и наиболее сложных для квалификации [1, с. 129].

В научной литературе неоднократно указывалось: отсутствие в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) и разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации определения насилия применительно к ст. 213 УК РФ порождает сложности в правоприменении — разграничении хулиганства (п. «а» ч. 1 ст. 213) и преступлений, предусмотренных главой 16 УК РФ [2, с. 80; 3, с. 338]. О наличии данного пробела в законодательном регулировании не раз упоминалось и в документах различных судебных инстанций. Так, Тверской областной суд в справке от 26.10.2021 изложил свою позицию о необходимости нормативного закрепления в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — Пленум ВС РФ) критериев разграничения объективной стороны составов преступлений, предусмотренных ст. 116 УК РФ и п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ¹.

Вопрос, требовавший разрешения, касался определения того вида насилия, которое охватывается п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Не вдаваясь в углубленное изучение данного вопроса, отметим, что на уровне разъяснений Пленума ВС РФ действительно была необходимость уточнения данного вопроса посредством введения нового пункта. Мы разделяем точку зрения ученых, относящих к насилию в п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ побои или причинение легкого вреда здоровью человека [4, с. 88].

В ноябре 2024 г. Пленум ВС РФ дал разъяснение, согласно которому побои и умышленное причинение легкого вреда здоровью подлежат квалификации по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ (хулиганство) в случаях, когда они сопряжены с грубым нарушением общественного порядка. Соответственно, при отсутствии указанной связи такие деяния образуют состав преступления против личности и должны квалифицироваться по соответствующим статьям уголовного закона, предусматривающим ответственность за преступления против личности².

¹ Справка Тверского областного суда от 26 октября 2021 г. по результатам изучения судебной практики по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/403193618/paragraph/39:0> (дата обращения: 02.07.2025).

² О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам [Электронный ресурс]: постановление

При этом Пленум ВС РФ особо указал, что под квалификацию по ст. 213 УК РФ не подпадают случаи нанесения побоев и причинения вреда здоровью в семье, среди родственников, знакомых, по личным мотивам (при отсутствии признаков грубого нарушения общественного порядка).

Состав причинения легкого вреда здоровью характеризуется наличием основного и квалифицированного состава. С побоями ситуация иная: они влекут наказание по ст. 116 УК РФ только при наличии двух альтернативно выраженных признаков, характеризующих мотив (хулиганский или ненависти и вражды) либо при совершении их с публичной демонстрацией [5, с. 25].

В связи с этим возникает вопрос: сохраняется ли необходимость выделения хулиганского мотива как самостоятельного признака в составе преступления «побои», или такие действия полностью охватываются формой насилия, входящей в состав «хулиганства»? Если такая необходимость сохраняется, то актуальным становится вопрос о выделении критериев их разграничения: при совершении каких конкретных действий квалификация должна осуществляться по ст. 116 УК РФ (побои из хулиганских побуждений), а при каких — по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ (хулиганство, совершенное с применением насилия к гражданам)?

Изучение данного вопроса, по нашему мнению, не видится без анализа научных работ в рассматриваемой области исследования и соответствующей правоприменительной практики, а также определения признаков, на основании которых различные судебные инстанции квалифицировали действия лица по исследуемым уголовно-правовым нормам.

Четкие критерии разграничения побоев из хулиганских побуждений и хулиганства с применением насилия отсутствуют в законе. Грубое нарушение общественного порядка как признак хулиганства относится к оценочным категориям, что порождает сложности для его объективного применения при квалификации преступления.

Определение хулиганства, равно как и хулиганского побуждения, дано Пленумом ВС РФ в постановлении от 15.11.2007 № 45. Однако, как отмечается в литературе, приведенные разъяснения не обеспечивают единообразия при квалификации содеянного по названному признаку субъективной стороны [6, с. 20].

ние Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2024 № 36. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Не останавливаясь на рассуждениях относительно содержания признаков объективной стороны хулиганства и мелкого хулиганства, дифференциация между нарушением общественного порядка (ст. 20.1 КоАП РФ) и его грубой формой (п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ) требует выяснения содержания оценочного критерия грубости.

Побои и причинение легкого вреда здоровью сами по себе не дают основания для квалификации действий лица как хулиганства, поскольку применение насилия, равно как и грубое нарушение общественного порядка, является обязательным самостоятельным элементом объективной стороны преступления, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. В связи с этим считаем обоснованной позицию Д. Д. Харламова: когда акт насилия дополняется иными конкретными действиями, свидетельствующими о грубом нарушении общественного порядка, содеянное подлежит квалификации по ст. 213 УК РФ [4, с. 88]. Не учитывая случаи применения насилия в рамках хулиганства, проведенный анализ судебной практики показал, что квалификация по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ осуществляется в том числе при наличии иных действий, например проявления агрессии в адрес посторонних лиц, оскорбления и унижения чести и достоинства¹, угрозы убийством², угрозы применения насилия³, выражения нецензурной брани в отношении неопределенного круга лиц⁴, иных действий. Например, гражданин Р., встав на капот своего автомобиля, громко выражался с использованием нецензурной лексики, выказывая неуважение к окружающим⁵.

Иными словами, для привлечения лица к уголовной ответственности по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ необходимо зафиксировать факт совершения общественно опасных действий без повода или с незначительным поводом, а также действий,

¹ Приговор Красноармейского городского суда Саратовской области от 28.10.2024 № 1-75/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iQnde0y9RGNz/> (дата обращения: 02.07.2025).

² Приговор Тогучинского районного суда Новосибирской области от 16.10.2024 № 1-201/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TrYUe4oXMu10/> (дата обращения: 02.07.2025).

³ Приговор Железнодорожного районного суда г. Хабаровска от 03.04.2024 № 1-281/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OkfATZRnNoVD/> (дата обращения: 02.07.2025).

⁴ Приговор Железнодорожного районного суда г. Хабаровска от 25.12.2024 № 1-691/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ADU7zmWgHrY/> (дата обращения: 02.07.2025).

⁵ Приговор Октябрьского районного суда г. Екатеринбург Свердловской области от 17.12.2024 № 1-646/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JZ14324AbXmp/> (дата обращения: 02.07.2025).

грубо нарушающих общественный порядок. Например, в приговоре в отношении Р. указано: Р. и Е. знакомы не были, конфликтов между ними не было. Применяя насилие к потерпевшей без всякого повода, Р. одновременно совершал действия, грубо нарушающие общественный порядок, в вагоне поезда ночью: громко разговаривал, мешая сну пассажиров, приставал к спящим (садился на них, будил), угрожал насилием. Совокупность этих действий создала у пассажиров психическое давление, чувство тревоги за безопасность⁶.

При этом стоит отметить, что грубое нарушение общественного порядка не всегда сопровождается какими-либо дополнительными действиями, помимо применения насилия. О нем может свидетельствовать совершение насилия в общественном месте при значительном скоплении граждан, если такие действия нарушают общественный порядок. Так, в приговоре суд отметил, гр. А., стремясь противопоставить себя окружающим в баре и выразить к ним пренебрежение, беспричинно напал на потерпевшего (гр. Н.) за столиком, где находился также гр. И., причем сделал это публично, на глазах у других посетителей. Такое насилие препятствует нормальному общению и отдыху группы людей в общественном месте, т. е. нарушает сложившийся в данном месте общественный порядок⁷.

Кроме этого, в рамках исследованных нами уголовных дел по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ суды квалифицировали побои, когда они сопровождались интенсивностью, дерзостью, жестокостью, публичностью их нанесения. Иными словами, судебная практика при квалификации действий виновного по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ оперировала следующими признаками объективной стороны: интенсивные, продолжительные (систематические) побои, иные насильственные действия (ударение, удары головой об стену и т. д.).

Отметим, что по ст. 213 УК РФ первичным и основным объектом является общественный порядок. Действия виновного должны грубо нарушать общественный порядок, что проявляется в нарушении правовых и моральных норм в общественных местах и посягательстве на общественное спокойствие, личную неприкосновенность, а также нормальную работу институтов власти

⁶ Приговор Ухтинского городского суда Республики Коми от 24.09.2024 № 1-286/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6UWHssSs2IHV/> (дата обращения: 02.07.2025).

⁷ Приговор Переславского районного суда Ярославской области от 15.05.2024 № 1-74/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gBvPdZEkxsde/> (дата обращения: 02.07.2025).

и организаций [7, с. 129]. Насилие (или угроза его применения) выступает способом совершения именно этого грубого нарушения общественного порядка. Оно служит инструментом устрашения окружающих лиц и открытого вызова общественным устоям. Поэтому для квалификации по ст. 213 УК РФ критически важен демонстративный, вызывающий иногда провоцирующий характер насилия, которое часто бывает более интенсивным, продолжительным (например, сбивание с ног, удары головой о твердые поверхности, удушение, насилие, сопровождаемое громкими угрозами в адрес окружающих). Общественно опасное деяние должно характеризоваться дерзостью и цинизмом [8, с. 16].

В отличие от этого по ст. 116 УК РФ (побои из хулиганских побуждений) интенсивность насилия обычно ниже, а его демонстративность по отношению к обществу в целом менее выражена, чем в ст. 213 УК РФ.

Говоря о признаке публичности, отметим, что мы солидарны с мнением ученых, которые считают, что она не является обязательным признаком для преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений [9, с. 106; 10, с. 31]. Публичная демонстрация пренебрежения — это не обязательный признак хулиганского мотива. Он подтверждается уже самим фактом совершения действия без повода или по ничтожному предлогу [11, с. 54].

Интересным является, по нашему мнению, изучение приговора суда, который изменил квалификацию действий обвиняемого лица, данную органами предварительного расследования, с п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ (хулиганство с применением насилия) на ст. 116 УК РФ (побои из хулиганских побуждений). Гражданин Р., находясь в общественном месте, использовал незначительный повод (замечание по поводу его одежды от гражданина И.) для того, чтобы подойти к ранее незнакомому ему гражданину И. и нанести ему несколько ударов кулаками в область головы и тела. В результате ударов гражданин И. испытал физическую боль, потерял равновесие, упал. Органы предварительного расследования квалифицировали действия гражданина Р. как хулиганство, сопряженное с применением насилия к гражданину.

Основанием для переквалификации судом послужило отсутствие в действиях лица признаков нарушения работы общественного транспорта или социальных групп. Действия Р. не сопровождались глумлением или издевательством над личностью либо неопределенным кругом лиц, не носили длительного характера, в т. ч. после вмешательства

третьих лиц. Поведение Р. не носило явных признаков демонстрационного и вызывающего характера¹.

Исходя из положений описанных выше приговоров различных судебных инстанций, а также их анализа, выделим следующие признаки грубого нарушения общественного порядка: действия лица нарушают деятельность социальной группы людей (действия могут затрагивать не только конкретное лицо, но и окружающих лиц, создавать обстановку страха, беспокойства, препятствовать нормальному общению или деятельности группы людей в общественном месте), транспорта, нормальное функционирование органов государственной власти и местного самоуправления, иных институтов общества, например организации государственной системы здравоохранения Российской Федерации, оказывающей скорую, в т. ч. скорую специализированную, медицинскую помощь² (действия могут быть направлены на срыв культурных, спортивных, религиозных или иных общественных мероприятий, работы магазинов, учреждений и т. д.); интенсивные, продолжительные, длительно не прекращающиеся действия (акты агрессии не ограничиваются единичными или кратковременными действиями, а проявляются настойчиво, продолжительно); дерзкое, циничное поведение лица, направленное на унижение чести и достоинства потерпевшего(их) или иных лиц, а также сопровождающееся нецензурной бранью, угрозами убийством, иными действиями, явно демонстрирующими пренебрежение к обществу.

Необходимость уточнения некоторых правовых положений посредством соответствующих комментариев высшей судебной инстанции представляется актуальной, поскольку в настоящее время присутствуют разногласия в оценке ряда понятий и обстоятельств в рамках исследуемого нами вопроса. В связи с этим предлагаем законодательно определить примерный круг действий, подпадающих под совершение хулиганства с применением насилия (п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ). Такое уточнение может быть либо внесено в примечание к ст. 213 УК РФ, либо включено в постановление Пленума ВС РФ «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве...».

¹ Приговор Люберецкого городского суда Московской области от 23 декабря 2024 г. № 1-938/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RcYVPkpa2N5/> (дата обращения: 02.07.2025).

² См.: Приговор Железнодорожного районного суда г. Хабаровска от 03.04.2024 № 1-281/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OkfATZRnNoVD/> (дата обращения: 02.07.2025).

По нашему мнению, поправку целесообразно вносить именно в постановление Пленума ВС РФ «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве...», а не в примечания к статьям УК РФ о преступлениях против личности, поскольку это позволяет ограничиться изменением одного пункта, регулирующего все соответствующие преступления, вместо внесения поправок во множество статей УК РФ.

Интересным представляется мнение, касаемое того, что ключевым критерием для разграничения хулиганства (ст. 213 УК РФ) и преступлений против личности, совершенных из хулиганских побуждений (ст. 115, 116 УК РФ), является публичность деяния и нарушение безопасности неопределенного круга лиц. Согласно этому подходу, если общественно опасное деяние, мотивированное хулиганством, направлено исключительно на конкретного потерпевшего и причиняет вред только ему, не нарушая при этом общественного порядка в конкретном общественном месте и не создавая угрозы безопасности других присутствующих лиц (как, например, при нападении на одинокого человека в безлюдном парке, лесу, подъезде или на малолюдной улице), оно не является хулиганством и должно квалифицироваться по соответствующим статьям о преступлениях против личности с указанием на хулиганский мотив. И напротив, ст. 213 УК РФ (хулиганство) применяется тогда, когда лицо совершает те или иные действия, грубо нарушая общественный порядок именно в конкретном общественном месте, при этом демонстративно пренебрегая общепринятыми нормами и правилами и создавая реальную угрозу безопасности других людей, оказавшихся в этом месте [12, с. 47].

Однако с учетом того, что Пленум ВС РФ обязал суды прямо устанавливать и указывать в приговоре конкретные проявления грубого нарушения общественного порядка и обстоятельства явного неуважения к обществу, определение примерного круга соответствующих действий, по нашему мнению, существенно упростит им квалификацию хулиганства с применением насилия¹.

На основе вышеизложенного можно прийти к следующим выводам.

При решении вопроса о квалификации действий лица по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ как хулиганства, совершенного с применением насилия к гражданам либо с угрозой его применения, или по ст. 116 УК РФ как побоев, совершенных из хулиганских побуждений, судам следует разграничивать данные составы по признакам объективной стороны, характеризующим направленность деяния на грубое нарушение общественного порядка и выражение явного неуважения к обществу, а также по характеру и обстоятельствам применения насилия.

Квалификация по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ требует установления того, что действия лица явились способом совершения грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, и носили демонстративно вызывающий характер.

Демонстративно вызывающий характер может выражаться в совершении действий в общественном месте, в присутствии многочисленных лиц, воспринимающих происходящее как грубое нарушение общественного порядка, а равно в действиях, нарушающих нормальное функционирование органов государственной власти и местного самоуправления, деятельность социальной группы людей, транспорта, иных институтов власти и организаций, в т. ч. если такие действия сопровождаются дерзким, циничным поведением лица, направленным на унижение чести и достоинства потерпевшего(их) или иных лиц, или совершением насилия, продолжительного, интенсивного по способу применения (например, многочисленные удары, сбивание с ног, удары головой об стену, удушение, бросок на землю или пол и т. д.), а также насилия, сопровождающегося нецензурной бранью, оскорблением или иными действиями, явно демонстрирующими пренебрежение к обществу. При наличии признаков хулиганства (п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ) квалификация по ст. 116, 115 УК РФ исключается.

¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.11.2007 № 45. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Список источников

1. Антонян Ю. М., Еркубаева А. Ю. Преступления из хулиганских побуждений: объяснение и мотивы // Общество и право. 2014. № 2 (48). С. 129–132.
2. Меньшикова А. Г. Хулиганство, совершенное с применением насилия к гражданам: проблемы квалификации // Вестник Югорского государственного университета. 2024. Т. 20. № 1. С. 80–84.
3. Рогова Н. Н. Особенности квалификации хулиганства по совокупности с другими преступлениями // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9 (225). С. 337–339.
4. Харламов Д. Д. Дискуссионные вопросы квалификации хулиганства // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 6. С. 82–100.
5. Ефимова Д. Р., Артюшина О. В. Ответственность за побои (по материалам правоприменительной практики) // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 10. № 1 (19). С. 24–29.
6. Гостькова Д. Ж. Хулиганские побуждения в преступлениях против жизни и здоровья // Уголовное право. 2018. № 2. С. 20–24.
7. Кокорев В. Г. К вопросу о понятии общественного порядка в контексте уголовно-правовой квалификации и разграничения преступлений от административных правонарушений // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 13. С. 122–134.
8. Сулейманов Р. Г. Хулиганство: теоретические и правоприменительные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 26 с.
9. Тараканов И. А., Пичугин С. А. Хулиганские побуждения как признак субъективной стороны состава преступления // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2018. № 1 (15). С. 103–107.
10. Колунтаева Н. Н. Понятие и общие признаки преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений, в современном уголовном законодательстве // Человек: преступление и наказание. 2013. № 2 (81). С. 29–32.
11. Сидоров Б. В., Бабичев А. Г. Хулиганские побуждения как признак квалифицированного убийства // Уголовное право. 2014. № 4. С. 54–61.
12. Ремизов М. В. Расширение пределов основного состава хулиганства (ч. 1 ст. 213 УК РФ): новые вопросы квалификации и законодательной техники // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2022. № 11. С. 40–51.

References

1. Antonyan Yu. M., Erkubaeva A. Yu. Prestupleniya iz huliganskih pobuzhdenij: ob'yasnenie i motivy // Obshchestvo i pravo. 2014. № 2 (48). S. 129–132.
2. Men'shikova A. G. Huliganstvo, sovershennoe s primeneniem nasiliya k grazhdanam: problemy kvalifikacii // Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. T. 20. № 1. S. 80–84.
3. Rogova N. N. Osobennosti kvalifikacii huliganstva po sovokupnosti s drugimi prestupleniyami // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 9 (225). S. 337–339.
4. Harlamov D. D. Diskussionnye voprosy kvalifikacii huliganstva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2022. № 6. S. 82–100.
5. Efimova D. R., Artyushina O. V. Otvetstvennost' za poboi (po materialam pravoprimeritel'noj praktiki) // Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2025. T. 10. № 1 (19). S. 24–29.
6. Gost'kova D. Zh. Huliganskie pobuzhdeniya v prestupleniyah protiv zhizni i zdorov'ya // Ugolovnoe pravo. 2018. № 2. S. 20–24.
7. Kokorev V. G. K voprosu o ponyatii obshchestvennogo poryadka v kontekste ugolovno-pravovoj kvalifikacii i razgranicheniya prestuplenij ot administrativnyh pravonarushenij // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. 2020. T. 4. № 13. S. 122–134.
8. Sulejmanov R. G. Huliganstvo: teoreticheskie i pravoprimeritel'nye aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2009. 26 s.
9. Tarakanov I. A., Pichugin S. A. Huliganskie pobuzhdeniya kak priznak sub'ektivnoj storony sostava prestupleniya // Penitenciarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika. 2018. № 1 (15). S. 103–107.

10. Koluntaeva N. N. Ponyatie i obshchie priznaki prestuplenij, sovershaemyh iz huliganskih pobuzhdenij, v sovremennom ugovnom zakonodatel'stve // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2013. № 2 (81). S. 29–32.

11. Sidorov B. V., Babichev A. G. Huliganskije pobuzhdeniya kak priznak kvalificirovannogo ubijstva // Ugolovnoe pravo. 2014. № 4. S. 54–61.

12. Remizov M. V. Rasshirenie predelov osnovnogo sostava huliganstva (ch. 1 st. 213 UK RF): novye voprosy kvalifikacii i zakonodatel'noj tekhniki // Aktual'nye problemy ugovnogo prava na sovremennom etape (voprosy differenciacii otvetstvennosti i zakonodatel'noj tekhniki). 2022. № 11. S. 40–51.

Статья поступила в редакцию 15.07.2025; одобрена после рецензирования 03.10.2025; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 15.07.2025; approved after reviewing 03.10.2025; accepted for publication 10.03.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 174–182.

Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 174–182.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.2./7:004

МЕТАВСЕЛЕННАЯ КАК НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Алёна Дмитриевна Цыплакова¹, Виталий Фёдорович Васюков²

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, tsyplakova.a.d@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8564-0696>

² Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, Москва, Россия, vyf0109@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0743-5616>

Аннотация. Авторами проведен анализ внедрения метавселенной в деятельность государственных органов, выявлены связанные уголовно-правовые риски, изучены различные классификации возможных метапреступлений, оценены перспективы и обоснованность их криминализации, а также предложены возможные некоторые пути противодействия им.

Ключевые слова: метавселенная, уголовно-правовые риски, виртуальный мир, киберпреступления, метапреступления, фэнтезийные преступления, предупреждение преступности

Для цитирования: Цыплакова А. Д., Васюков В. Ф. Метавселенная как новое измерение преступности // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 174–182.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

META VERSE AS A NEW CRIMINAL DIMENSION

Alena D. Tsyplakova¹, Vitaly F. Vasykov¹

¹ Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, tsyplakova.a.d@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8564-0696>

² Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, vyf0109@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0743-5616>

Abstract. The authors have analyzed implementing the meta-universe into the governmental-authority activities, identified criminal-related risks, studied various classifications of possible meta-crimes, assessed the perspectives and feasibility of their criminalization, and proposed some possible ways to counter them.

Keywords: meta-verse, criminal risks, virtual world, cybercrimes, meta-crimes, fantasy crimes, crime prevention

For citation: Tsyplakova A. D., Vasykov V. F. Meta Verse as a New Criminal Dimension. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;1:174–182 (In Russ.).

Метавселенная как третий мир (цифровая среда, технология дополненной или виртуальной реальности) активно развивается в странах как Глобального Севера (в т. ч. в Великобритании, Государстве Япония, США, Южной Корее, Сингапуре), так и Глобального Юга, в частности в Республике Индонезия и ОАЭ.

Отметим споры в контексте используемой терминологии [1, с. 2]. Ряд исследователей считают некорректным и/или неточным использование понятий «виртуальный мир», «виртуальное преступление», «виртуальное насилие» и т. д., поскольку понятие «виртуальный» ассоциируется с компьютерными симуляциями (3D) и нереальным, оторванным от физического мира, в то время как приставка «мета-» (с греч. *μετά* — между, после, через) характеризует промежуточность, превращение и большую взаимосвязанность с реальным миром.

Метавселенная — это не просто многопользовательская компьютерная игра, это виртуальный аналог физического мира (цифровой двойник) [2, с. 93]. Исходя из практики использования метавселенных для осуществления государственных функций, можно отметить как полное воссоздание всего государства и инфраструктуры, так и отдельных процессов и учреждений.

Технически первыми открыли посольство в метавселенной «Second Life»¹ Мальдивы в мае 2007 г., хотя заявление о подобном издала первой именно Швеция. Фактически инициативы реализованы с разницей в неделю (22 и 30 мая соответственно) [3, с. 3]. Республика Барбадос после заключения соглашения с компанией Decentraland 12.08.2021 открыла посольство в децентрализованной метавселенной [4, 5].

В 2014 г. в Эстонии была запущена программа электронной (виртуальной) резиденции для регистрации организаций и ведения отчетности, декларирования и уплаты налогов, подписи документов и их зашифрованного обмена, выписывания медицинских рецептов онлайн для неграждан Эстонии [6]. В ноябре 2022 г. Министр юстиции, связи и иностранных дел Тувалу Саймон Кофе сделал заявление о воссоздании цифрового двойника государства (жителей и природы) на Конференции Организации Объединенных Наций по изменению климата, также называемой COP27 (Шарм-аль-Шейх, 06.11–18.11.2022) [7].

С 2018 г. в рамках судебных разбирательств по уголовным делам в Китайской Народной Республике допускается предоставление доказательств

¹ Виртуальный мир с элементами социальной сети.

с помощью VR-технологий [8]. На платформе виртуальной реальности Meta² 15.02.2023 в Республике Колумбия впервые было проведено слушание административного суда (округ Магдалена) с публичной демонстрацией (стримом) на видеохостинговой платформе Youtube [9].

В 2022 г. запустили первую иранскую метавселенную KishVR для покупки цифровой валюты, инвестирования, участия в мероприятиях и создания 3D-магазинов [10, с. 15].

Виды и типология метапреступлений

Считается, что первое уголовное дело по действиям в метавселенной было возбуждено в Великобритании в начале 2024 г.: несовершеннолетняя в возрасте до 16 лет получила психологическую травму от группового изнасилования ее цифрового аватара в метавселенной. Подробности не раскрываются [11]. О подобных случаях заявляли еще в 2021–2022 гг. после того, как был запущен тестовый режим Meta. Впоследствии вводились меры по безопасным зонам и исчезновению рук при нарушении личного пространства [12].

Тем не менее это лишь отчасти является правдой. Впервые дискуссия о виртуальном изнасиловании возникла в 1993 г. из-за случая в LambdaMoo: пользователь использовал программу, чтобы принудить других аватаров к описанию откровенных сексуальных актов и участию в сексуальном поведении [13, с. 491, 493; 14, с. 3]. В 2007 г. федеральная полиция Бельгии проводила расследование случая виртуального изнасилования на платформе Second Life, где аватар имитировал сексуальные действия согласия другого пользователя, взяв под контроль другого аватара³. Различные геймеры сообщали, что «насильственные» сексуальные действия аватаров могут быть пугающими, подобными реальным и наносящими вред психике [16, 17].

Метапреступления, или деяния, имеющие место в метавселенной, как считаются подвидом киберпреступлений, так и выделяются в качестве отдельной группы. В рамках метавселенной могут иметь место как уже киберпосягательства, криминализованные законами «физического мира» и имеющие с ним связь, так и фантастические деяния (англ. *fantasy crimes*), которые охватывают

² В 2019 г. компания Facebook, переименованная в Meta Platforms Inc. в 2021 г., запустила мир виртуальной реальности Meta Horizon Worlds. 21.03.2022 Тверской районный суд Москвы признал компанию экстремистской. В феврале 2023 г. фокус компании сместился на развитие искусственного интеллекта.

³ Отметим, что обвинительный акт не был составлен [15, с. 363].

потенциальные уголовно наказуемые действия и имеют «физические» аналоги [18].

В литературе предлагается выделять следующие метапреступления:

1) экономические (финансовые и имущественные) преступления: мошенничество, атаки на блокчейн с целью кражи виртуальных активов, денежных средств или криптовалюты, схемы с лже-брокерами и подражанием (англ. broker imposter scam, impersonalization scam), нарушения прав интеллектуальной собственности (программное обеспечение, аудио-, видео-, графический материал), контрафакт (в т. ч. подлог NFT), «кража» личности, инвестиционные схемы, отмывание активов, полученных преступным путем, в т. ч. с помощью виртуальных активов, уклонение от уплаты налогов, киберфизическое хищение, киберфизические атаки на инфраструктуру (угрозы контролю доступа, управлению данными, конфиденциальности данными), вторжение, фишинг, уклонение от уплаты налогов, незаконные виды (лицензируемые) деятельности, в т. ч. азартные игры;

2) деяния против личности (в т. ч. сексуальные): груминг детей, вымогательство / шантаж / пробив / деанонимизация (англ. doxing), правонарушения, связанные с сексуальными изображениями без получения согласия, сексуальное насилие, распространение порнографических материалов, в т. ч. связанных с несовершеннолетними лицами и насилием, торговля людьми; киберфизические нападения, травля, деяния на почве ненависти, агрессивное преследование, радикализация, склонение к самоповреждениям и самоубийству, охота на зависимых лиц с целью вымогательства, принуждения или подстрекательства к антиобщественной и/или противоправной деятельности, детский труд и рабство для производства цифрового контента;

3) иные: сговор для совершения преступлений в реальном мире (планирование, подготовка, инсценировка, приискивание орудий и средств для совершения террористических актов и диверсий), кибератаки (предотвращение доступа к критически важной инфраструктуре), взлом виртуальных объектов в метавселенной, распространение запрещенных материалов, а также биометрическое отслеживание (движения глаз, поведенческие паттерны и частота сердечных сокращений) [19; 20; 21; 22, с. 58–63].

Первую и третью категории можно отнести к уже традиционным киберпреступлениям, однако вторая (за исключением отдельных) наряду с азартными играми, лутбоксами, проституцией,

виртуальными убийствами или неизгладимым вредом аватару, симуляцией исторических событий, в т. ч. Холокоста, предлагается относить к так называемым «фантастическим» преступлениям. Интерпол же более узко понимает возможные киберпреступления, сводя их де-факто к компьютерным: кража данных, неправомерный доступ, пробивы и вымогательство выкупа (англ. ransomware), а также выделяет преступления:

- связанные с личностью: дипфейки, хакерство, кража личности, нарушение неприкосновенности частной жизни;

- направленные на сеяние страха или причинение эмоционального вреда: угрозы и диффамация;

- против общественной безопасности: незаконный оборот наркотиков (метавселенная как площадка для общения и купли-продажи), распространение пропаганды, дезинформация;

- террористической направленности: киберфизические атаки, финансирование терроризма, координация учений, набор на них;

- против несовершеннолетних [23].

Отметим, что подобный перечень не является исчерпывающим и может быть дополнен коррупционными (например, взяточничество) [24, с. 88–95], должностными, транспортными преступлениями, деяниями против организаций (например, коммерческий подкуп), против мира и безопасности человечества по типу реабилитации нацизма, против правосудия (в случае проведения судебных заседаний). Также уже привычные и устойчивые предметы могут иметь цифровые аналоги (например, цифровые наркотики [25]).

Понимание вероятной типологии и соотношения с киберпреступлениями способствует выработке мер противодействия преступной деятельности (от степени сходства зависят ответы на вопросы: требуется ли принципиально новая криминализация и пенализация, применимы ли существующие профилактические меры, возможен ли универсальный подход или нужны более специфические методы при выявлении и расследовании деяний).

В основе лежит использование информационных технологий (киберпространства) в преступных целях, гиперпространственная временная область и децентрализованная анонимность. Виктимизация метапреступности характеризуется повышенным чувством погружения и доверия, что преодолевает чувственный разрыв между киберпространством и реальным миром [26, с. 418–420].

*Проблемы квалификации
и выделения метауголовного права*

Основные категории уголовного права требуют доработки. Во-первых, основными акторами, которыми управляют пользователи, являются аватары — цифровые альтер-эго не всегда являются двойником лица-пользователя (порой это прототипы знакомых, друзей, коллег или знаменитостей, что осложняет идентификацию). Кем они являются? Субъектами? Двойником субъекта? Предметом? Потерпевшим? Средством? Орудием? Вне зависимости от «фантастического» деяния действием фактически выступает нажатие кнопки (клавиши) — дача команды аватару, который имитирует действия из физического мира. Для атрибутивности действий аватара в основу может быть положена акторно-сетевая теория (англ. actor-network theory). Психическое отношение (воля) аватара полностью предопределяется пользователем, поскольку он контролируется им. Признание его субъектом возможно лишь в качестве фикции: де-факто ответственность будет нести именно лицо, управляющее им. Де-юре же они могут рассматриваться в качестве цифровых личностей (двойников) — преступника и потерпевшего.

С точки зрения средства или орудия необходимо определить, что конституирует деяние и на что направлен умысел. Например, в случае с насильственными преступлениями: виртуальное насилие вплоть до убийства с целью причинения вреда аватару или психического вреда пользователю? В случае с корыстными преступлениями: хищение виртуальных активов (имущества) направлено на получение выгоды в виртуальном или физическом мире? Вербовка, прохождение учений, финансирование терроризма, планирование и подготовка террористических актов обязательно должны быть направлены на совершение деяний в реальном мире или достаточно случая, если деятельность полностью ограничивается виртуальным миром (например, подрыв виртуального посольства)? При рассмотрении отдельных традиционных киберпреступлений не возникает сомнений в обязательных элементах и направленности умысла даже при цифровизации взаимодействия, однако в целом в зависимости от рассматриваемого вида преступлений ответы на поставленные вопросы могут различаться.

Во-вторых, физического вреда лицу (пользователю) зачастую не наносится. В основном имеет место вред в виде эмоционального потрясения (т. е. скорее психологический). Материальный же ущерб не всегда имеет понятный и измеримый эк-

вивалент, особенно в контексте виртуального имущества, которое и не является собственно имуществом, исходя из гражданско-правовых начал. Тем не менее предметы имеют ценность в игровой валюте, которая, в свою очередь, может приобретаться за денежные средства. При определении статуса также можно провести аналогии как с криптовалютой.

В-третьих, место совершения — киберпространство. Очевидно, территориальный принцип установления юрисдикции не применим (до тех пор, пока не будет определен правовой статус и выработаны новые привязки). Де-факто руководствоваться в основном представляется возможным защитными или персональными принципами с оговоркой идентификации аватара с конкретным пользователем (гражданином). К тому же ряд привычных гражданско-правовых категорий купли-продажи не квалифицируется в качестве сделок, а транзакции не приравниваются к банковским операциям.

В-четвертых, не прекращается полемика в части применимости цифровых наказаний: цифровой штраф (денежный или игровой эквивалент), изоляция или лишение киберсвободы [27, с. 172], ограничение доступа к интернет-ресурсу (конкретной метавселенной или вообще). Очевидно, что должны учитываться принципы уголовного права: справедливость (соразмерность), равенство, законность, гуманизм и вина.

С одной стороны, проводить зависимость уголовно-правовой охраны с развитием гражданско-правового регулирования представляется опрометчивым [28, 29]. В Российской Федерации, подобно странам Глобального Юга, складывается тенденция точечных внесений изменений именно для уголовно-правовых и уголовно-процессуальных целей. Так, Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.02.2019 № 1 для квалификации по ст. 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ предметом преступления могут признаваться и «виртуальные активы (криптовалюта)»²; в апреле 2025 г. был внесен за-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

² О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховно-

конопроект о признании цифровой валюты (криптовалюты) для целей конфискации¹.

С другой стороны, отсутствие регламентации правового статуса метавселенной и ее составляющих оставляет без правовой защиты граждан. Прослеживается тесная связь между отраслями права, адаптация каждой из которых производится самостоятельно и с разной скоростью. Уточнения требуют и конституционно-правовые категории: неприкосновенность частной жизни, личность, суверенитет (в т. ч. цифровой и технологический), ценности, цифровая идентичность, свобода.

Уголовно-правовые риски и меры противодействия

Применимы три концепции: присутствия — ощущения реальности; интерактивности — возможности перемещений и взаимодействия с другими; стандартизации присутствия — взаимодействие между различными серверами и платформами. В зависимости от правил поведения в конкретной метавселенной и используемых технологий (в т. ч. VR, XR) возможно вести речь о сексуальных преступлениях², цифровых убийствах и похищениях. Это называют преступлениями Шредингера, в то время как более реципируемыми являются экономические деяния и посягательства на свободу слова или государственную безопасность³. Вред не только рассматривается как психический или физический, но и включает в себя вопросы этики и безопасности [30].

Метавселенные, подобно майнингу криптовалюты, потребляют большое количество энергии [31, с. 8, 15], что подразумевает как минимум два последствия: вред окружающей среде и возможное систематическое хищение электроэнергии для целей поддержания функционирования инфраструктуры.

В юридической литературе исследователи стран Глобального Юга предлагают в качестве отдельного направления выделить также метауго-

ловное право⁴: на основе анализа поведенческих моделей прогноз развития преступной деятельности и путей реагирования на нее; создание виртуальных юридических лабораторий для имитации поведения и реакции на возможные законы подобно регуляторным песочницам; использование возможностей машинного обучения в приложении к юриспруденции подразумевает обработку большого количества информации, идентификацию и проверку пользователей; внедрение риск-ориентированного подхода позволит выявлять подозрительную активность на основании разработанных параметров, в т. ч. в автоматизированном режиме; разработку передовых протоколов безопасности для защиты персональных данных невозможно основывать только на саморегулировании и пользовательском соглашении, которое так или иначе попадает под действие избранного или в силу действия закона применимого права [32, 33, 34, 35, 36, 37, 38].

Таким образом, с учетом как развития метавселенных в частном секторе, так и их использования государственными структурами требуется выработка консолидированного подхода и оперативного реагирования. С быстрым развитием информационных технологий возникают не только новые формы преступности, но и трансформируются традиционные виды. Для уголовно-правовых целей важно адекватно и вовремя реагировать на возникающие угрозы, игнорирование вызовов со стороны виртуального пространства может привести к процветанию преступности в этой сфере. В то время как частное право обходится в том числе рамочными правилами (мягким правом) в отношении правоотношений, возникающих в виртуальном пространстве, очевидно, что диспозитивность уголовного права в данном случае бесперспективна, а потому необходимо не только выработать четкие критерии соотнесения цифровых двойников с пользователями (атрибутивности) и их идентификации, но и переосмыслить существующие уголовно-правовые институты и составы в приложении к метавселенным с пониманием типологии преступности и перспективой предупреждения новых форм. Возможно, целесообразно рассмотреть развитие нового направления — метауголовно-правовых наук.

⁴ В данном случае уголовное право рассматривается в широком смысле подобно уголовно-правовым наукам, охватывая материальное, процессуальное уголовное право и даже фактически криминологию.

го Суда Российской Федерации от 26.02.2019 № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Законопроект № 902782-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/902782-8> (дата обращения: 03.08.2025).

² В зависимости от применимого права и распространения юрисдикции конкретного государства преступлением может признаваться и измена, и проституция, и полигамия, и развращение несовершеннолетних.

³ Пропаганда антисоциального поведения, запрещенных или ограниченных в обороте предметов, а равно подготовка и планирование противоправных действий в реальном мире.

Список источников

1. McGlynn C., Rigotti C. From Virtual Rape to Meta-rape: Sexual Violence, Criminal Law and the Metaverse // Oxford Journal of Legal Studies. 2025. № 20 (20). P. 1–29.
2. Singh P.P. Cyber Crimes in Metaverse // International Journal of Science and Research. 2024. № 13 (2). P. 93–96.
3. Bengtsson S. Virtual Nation Branding: the Swedish Embassy in Second Life // Journal of Virtual Worlds Research. 2011. № 4 (2). P. 1–26.
4. Kimber M. Barbados to launch world's first virtual embassy in the metaverse. URL: <https://news.sky.com/story/barbados-to-launch-worlds-first-virtual-embassy-in-the-metaverse-12470727> (дата обращения: 03.07.2025).
5. Atjam R.L. Barbados to Establish the World' First Embassy in the Metavesre. URL: <https://diplomatmagazine.eu/2022/08/30/barbados-to-establish-the-world-first-embassy-in-the-metavesre/> (дата обращения: 03.07.2025).
6. E-residency. URL: <https://e-estonia.com/solutions/estonian-e-identity/e-residency/> (дата обращения: 03.08.2025).
7. This Entire Country Is Uploading Itself to The Metaverse. URL: <https://www.sciencealert.com/this-entire-country-is-uploading-itself-to-the-metaverse> (дата обращения: 03.07.2025).
8. Stănilă L.M. On the curiosities of the future: meta criminal law // SHS Web Conferences. 2023. № 177: 03001.
9. Portal M. Moving to the Metaverse: First Trial Held in the Metaverse. URL: <https://international-and-comparative-law-review.law.miami.edu/moving-to-the-metaverse-first-trial-held-in-the-metaverse/> (дата обращения: 03.07.2025).
10. Нагдали А. Анализ киберпреступлений, связанных с данными в Метавселенной, и вопросов безопасности и их решений в уголовном праве // Научный журнал права и современных исследований. 2025. № 6 (1). С. 1–26. (На араб. языке.)
11. Farrant T. British police launch first investigation into virtual rape in metaverse. URL: <https://www.euronews.com/next/2024/01/04/british-police-launch-first-investigation-into-virtual-rape-in-metaverse> (дата обращения: 03.07.2025).
12. Preventing another gang rape: Is Facebook's new tool enough to stop sexual assault in the metaverse. URL: <https://www.euronews.com/next/2022/02/06/preventing-another-gang-rape-is-facebook-s-new-tool-enough-to-stop-sexual-assault-in-the-m> (дата обращения: 03.07.2025).
13. Strikwerda L. Present and Future Instances of Virtual Rape in Light of Three Categories of Legal Philosophical Theories on Rape // Philosophy & Technology. 2015. № 28. P. 491–510.
14. MacKinnon R. Virtual Rape // Journal of Computer-Mediated Communication. 1997. № 2. URL: <http://www.ascuss.org/jcmc/vol2/issue4/mackinnon.html> (дата обращения: 03.08.2025).
15. Danaher J. The Law and Ethics of Virtual Sexual Assault. In Research Handbook on the Law of Virtual and Augmented Reality / ed. Woodrow Barfield, Marc Blitz. Edward Elgar Publishing, 2018.
16. Belamire J. My First Virtual Reality Groping. URL: <https://medium.com/athena-talks/my-first-virtual-reality-sexual-assault-2330410b62ee> (дата обращения: 03.08.2025).
17. Patel N. J. Reality of Fiction? Sexual Harassment in VR, The Proteus Effect and the Phenomenology of Darth Vader. URL: <https://medium.com/kabuni/fiction-vs-non-fiction-98aa0098f3b0> (дата обращения: 03.08.2025).
18. Hua Xuan Qin, Yuyang Wang, Pan Hui. Identity, crimes, and law enforcement in the Metaverse // Humanities and Social Sciences Communications. 2025. № 12. Article: 194.
19. Gómez-Quintero J., Johnson S.D., Borrión H., Lundrigan S. A scoping study of crime facilitated by the metaverse // Futures. 2024. № 157. 103338.
20. Metaverse or Metaworse? Cybersecurity Threats Against the Internet of Experiences. URL: https://documents.trendmicro.com/assets/white_papers/wp-metaverse-or-metaworse-cybersecurity-threats-against-the-internet-of-experiences.pdf (дата обращения: 03.08.2025).
21. Абузари М. Мета-вселенная и переосмысление в криминальной политике // Иранский журнал государственной политики. 2024. № 10 (3). С. 86–98. (На араб. языке.)

22. Карими Махди. Техничко-экономическое обоснование реализации идеи мета-уголовного права с подходом к мета-вселенной // Иранский журнал публичной политики. 2025. № 11 (1). С. 56–72. (На араб. языке.)
23. Metaverse — A law enforcement perspective. URL: <https://www.interpol.int/content/download/20828/file/Metaverse%20-%20a%20law%20enforcement%20perspective.pdf> (дата обращения: 03.08.2025).
24. Ефремова М. А., Русскевич Е. А. Уголовно-правовые проблемы противодействия преступности в метавселенной: современное состояние и перспективы развития // Journal of Digital Technologies and Law. 2025. № 3 (2). С. 87–202.
25. Tsyplakova A. D. Digital Drugs XXIII International Scientific and Practical Conference «Criminal Procedural and Criminalistic Readings in Altai». Barnaul: Altai State University, May 30, 2025. URL: <https://ssrn.com/abstract=5266067> (дата обращения: 07.10.2025).
26. El-Kady R. Unmasking Virtual Crimes: Investigating and Proving Evidence in the Metaverse. In Unveiling Social Dynamics and Community Interaction in the Metaverse. IGI Global, 2025. P. 389–444.
27. Лебедев С. Я., Джафарли В. Ф.о. Цифровое уголовное право: монография. М.: Проспект, 2025. 392 с.
28. Bhardwaj A. Cyber Fraud Use Cases in the Metaverse. In Beyond the Realms: Navigating the Metaverse. Bentham science publisher, 2024. P. 106–130.
29. Lin K.-X., Wu J., Lin D., Zheng Z. A Survey on Metaverse: Applications, Crimes and Governance. In 2023 IEEE International Conference on Metaverse Computing, Networking and Applications (MetaCom), Kyoto, 2023. P. 541–549.
30. Абузари М. Преступления против здоровья и физической неприкосновенности в Мета-вселенной // Журнал медицинского права. 2024. № 2: е2. (На араб. языке.)
31. Huq N., Reyes R., Lin P., Swimmer M. Metaverse or Metaworse? Cybersecurity Threats Against the Internet of Experiences. TREND MICRO RSCH, 2022. P. 23.
32. Azarian E. Meta-legal Sources of Criminal Law // Law. 2019. № 7–8. URL: <https://businessdialog.am/wp-content/uploads/2019/03/Scan-2.pdf> (дата обращения: 07.10.2025).
33. Haber E. The Criminal Metaverse // Indiana Law Journal. 2024. № 99 (3). P. 844–891.
34. Асма Джабер Али Махран. Преступления, преступники и потенциальные жертвы метавселенной и новых технологий: полевые исследования по классификации, прогнозированию и механизмам преодоления // Научный журнал факультета искусств. 2025. № 33 (94). С. 199–368. (На араб. языке.)
35. Омар Абдулмаджид Месбах. Технология метавселенной в системе уголовного правосудия «реальная и обнадеживающая» // Журнал юридических исследований Университета Султана Кабуса. 2023. № 2 (1): 3. (На араб. языке.)
36. Ханан Мохаммед Аль-Хусейни Ахмед Ибрагим. Криминология метавселенной // Журнал юридических и политических учений. 2025. № 12 (2). С. 25–60. (На араб. языке.)
37. Карими Махди. Техничко-экономическое обоснование реализации идеи метауголовного права с подходом к метавселенной // Иранский журнал публичной политики. 2025. № 11 (1). С. 56–72. (На араб. языке.)
38. Хала Мохамед Имам Мохамед Тахер. Киберпреступления в метавселенной: на пути к эффективным правовым стратегиям // Юридический журнал. 2024. № 22 (2). С. 691–720. (На араб. языке.)

References

1. McGlynn C., Rigotti C. From Virtual Rape to Meta-rape: Sexual Violence, Criminal Law and the Metaverse // Oxford Journal of Legal Studies. 2025. № 20 (20). P. 1–29.
2. Singh P.P. Cyber Crimes in Metaverse // International Journal of Science and Research. 2024. № 13 (2). P. 93–96.
3. Bengtsson S. Virtual Nation Branding: the Swedish Embassy in Second Life // Journal of Virtual Worlds Research. 2011. № 4 (2). P. 1–26.
4. Kimber M. Barbados to launch world's first virtual embassy in the metaverse. URL: <https://news.sky.com/story/barbados-to-launch-worlds-first-virtual-embassy-in-the-metaverse-12470727> (data obrashcheniya: 03.07.2025).
5. Atjam R.L. Barbados to Establish the World' First Embassy in the Metavesre. URL: <https://diplomatmagazine.eu/2022/08/30/barbados-to-establish-the-world-first-embassy-in-the-metavesre/> (data obrashcheniya: 03.07.2025).

6. E-residency. URL: <https://e-estonia.com/solutions/estonian-e-identity/e-residency/> (data obrashcheniya: 03.08.2025).
7. This Entire Country Is Uploading Itself to The Metaverse. URL: <https://www.sciencealert.com/this-entire-country-is-uploading-itself-to-the-metaverse> (data obrashcheniya: 03.07.2025).
8. Stănilă L.M. On the curiosities of the future: meta criminal law // SHS Web Conferences. 2023. № 177: 03001.
9. Portal M. Moving to the Metaverse: First Trial Held in the Metaverse. URL: <https://international-and-comparative-law-review.law.miami.edu/moving-to-the-metaverse-first-trial-held-in-the-metaverse/> (data obrashcheniya: 03.07.2025).
10. Nagdali A. Analiz kiberprestuplenij, svyazannyh s dannymi v Metavselennoj, i voprosov bezopasnosti i ih reshenij v ugovnom prave // Nauchnyj zhurnal prava i sovremennyh issledovanij. 2025. № 6 (1). S. 1–26. (Na arab. yazyke.)
11. Farrant T. British police launch first investigation into virtual rape in metaverse. URL: <https://www.euronews.com/next/2024/01/04/british-police-launch-first-investigation-into-virtual-rape-in-metaverse> (data obrashcheniya: 03.07.2025).
12. Preventing another gang rape: Is Facebook's new tool enough to stop sexual assault in the metaverse. URL: <https://www.euronews.com/next/2022/02/06/preventing-another-gang-rape-is-facebook-s-new-tool-enough-to-stop-sexual-assault-in-the-m> (data obrashcheniya: 03.07.2025).
13. Strikwerda L. Present and Future Instances of Virtual Rape in Light of Three Categories of Legal Philosophical Theories on Rape // Philosophy & Technology. 2015. № 28. P. 491–510.
14. MacKinnon R. Virtual Rape // Journal of Computer-Mediated Communication. 1997. № 2. URL: <http://www.ascuss.org/jcmc/vol2/issue4/mackinnon.html> (data obrashcheniya: 03.08.2025).
15. Danaher J. The Law and Ethics of Virtual Sexual Assault. In Research Handbook on the Law of Virtual and Augmented Reality / ed. Woodrow Barfield, Marc Blitz. Edward Elgar Publishing, 2018.
16. Belamire J. My First Virtual Reality Groping. URL: <https://medium.com/athena-talks/my-first-virtual-reality-sexual-assault-2330410b62ee> (data obrashcheniya: 03.08.2025).
17. Patel N. J. Reality of Fiction? Sexual Harassment in VR, The Proteus Effect and the Phenomenology of Darth Vader. URL: <https://medium.com/kabuni/fiction-vs-non-fiction-98aa0098f3b0> (data obrashcheniya: 03.08.2025).
18. Hua Xuan Qin, Yuyang Wang, Pan Hui. Identity, crimes, and law enforcement in the Metaverse // Humanities and Social Sciences Communications. 2025. № 12. Article: 194.
19. Gómez-Quintero J., Johnson S.D., Borrión H., Lundrigan S. A scoping study of crime facilitated by the metaverse // Futures. 2024. № 157. 103338.
20. Metaverse or Metaworse? Cybersecurity Threats Against the Internet of Experiences. URL: https://documents.trendmicro.com/assets/white_papers/wp-metaverse-or-metaworse-cybersecurity-threats-against-the-internet-of-experiences.pdf (data obrashcheniya: 03.08.2025).
21. Abuzari M. Meta-vselennaya i pereosmyslenie v kriminal'noj politike // Iranskij zhurnal gosudarstvennoj politiki. 2024. № 10 (3). S. 86–98. (Na arab. yazyke.)
22. Karimi Mahdi. Tekhniko-ekonomicheskoe obosnovanie realizacii idei meta-ugolovnogogo prava s podhomom k meta-vselennoj // Iranskij zhurnal publichnoj politiki. 2025. № 11 (1). S. 56–72. (Na arab. yazyke.)
23. Metaverse — A law enforcement perspective. URL: <https://www.interpol.int/content/download/20828/file/Metaverse%20-%20a%20law%20enforcement%20perspective.pdf> (data obrashcheniya: 03.08.2025).
24. Efremova M. A., Russkevich E. A. Ugolovno-pravovye problemy protivodejstviya prestupnosti v metavselennoj: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya // Journal of Digital Technologies and Law. 2025. № 3 (2). S. 87–202.
25. Tsyplakova A. D. Digital Drugs XXIII International Scientific and Practical Conference «Criminal Procedural and Criminalistic Readings in Altai». Barnaul: Altai State University, May 30, 2025. URL: <https://ssrn.com/abstract=5266067> (data obrashcheniya: 07.10.2025).
26. El-Kady R. Unmasking Virtual Crimes: Investigating and Proving Evidence in the Metaverse. In Unveiling Social Dynamics and Community Interaction in the Metaverse. IGI Global, 2025. P. 389–444.
27. Lebedev S. Ya., Dzhafarli V. F.o. Cifrovoe ugolovnoe pravo: monografiya. M.: Prospekt, 2025. 392 s.
28. Bhardwaj A. Cyber Fraud Use Cases in the Metaverse. In Beyond the Realms: Navigating the Metaverse. Bentham science publisher, 2024. P. 106–130.
29. Lin K.-X., Wu J., Lin D., Zheng Z. A Survey on Metaverse: Applications, Crimes and Governance. In 2023 IEEE International Conference on Metaverse Computing, Networking and Applications (MetaCom), Kyoto, 2023. P. 541–549.

30. Abuzari M. Prestupleniya protiv zdorov'ya i fizicheskoy neprikosnovennosti v Meta-vselennoj // Zhurnal medicinskogo prava. 2024. № 2: e2. (Na arab. yazyke.)
31. Huq N., Reyes R., Lin P., Swimmer M. Metaverse or Metaworse? Cybersecurity Threats Against the Internet of Experiences. TREND MICRO RSCH, 2022. P. 23.
32. Azarian E. Meta-legal Sources of Criminal Law // Law. 2019. № 7–8. URL: <https://businessdialog.am/wp-content/uploads/2019/03/Scan-2.pdf> (data obrashcheniya: 07.10.2025).
33. Haber E. The Criminal Metaverse // Indiana Law Journal. 2024. № 99 (3). P. 844–891.
34. Asma Dzhaber Ali Mahran. Prestupleniya, prestupniki i potencial'nye zhertvy metavselennoj i novyh tekhnologij: polevye issledovaniya po klassifikacii, prognozirovaniyu i mekhanizmam preodoleniya // Nauchnyj zhurnal fakul'teta iskusstv. 2025. № 33 (94). S. 199–368. (Na arab. yazyke.)
35. Omar Abdulmadzhid Mesbah. Tekhnologiya metavselennoj v sisteme ugolovno go pravosudiya «real'naya i obnadezhivayushchaya» // Zhurnal yuridicheskikh issledovanij Universiteta Sultana Kabusa. 2023. № 2 (1): 3. (Na arab. yazyke.)
36. Hanan Mohammed Al'-Husejni Ahmed Ibragim. Kriminologiya metavselennoj // Zhurnal yuridicheskikh i politicheskikh uchenij. 2025. № 12 (2). S. 25–60. (Na arab. yazyke.)
37. Karimi Mahdi. Tekhniko-ekonomicheskoe obosnovanie realizacii idei metaugolovno go prava s podhodom k metavselennoj // Iranskiy zhurnal publichnoy politiki. 2025. № 11 (1). S. 56–72. (Na arab. yazyke.)
38. Hala Mohamed Imam Mohamed Taher. Kiberprestupleniya v metavselennoj: na puti k effektivnym pravovym strategiyam // Yuridicheskij zhurnal. 2024. № 22 (2). S. 691–720. (Na arab. yazyke.)

Информация об авторе

В. Ф. Васюков — доктор юридических наук, профессор.

А. Д. Цыплакова — кандидат юридических наук.

Information on author

V. F. Vasykov — Doctor of Science (Law), Professor.

A. D. Tsyplakova — Candidate of Science (Law).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 27.10.2025; одобрена после рецензирования 29.11.2025; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 27.10.2025; approved after reviewing 29.11.2025; accepted for publication 10.03.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 183–192.

Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 183–192.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.1

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Лилия Владимировна Черепанова

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, cherepanovalv@mail.ru

Аннотация. В статье осуществляется комплексный анализ категории «взаимодействие». Показано, что взаимодействие — одна из проблемных категорий как в процессуально-правовом, в правоприменительном, так и в теоретико-методологическом плане уголовно-процессуальной науки. Определяется необходимость разработки правовой сущности, содержания взаимодействия, его институциональной основы, процессуальных условий как основы успешного расследования преступления. В этой связи уточнены сущность понятия «взаимодействие» как правоотношения, правовые условия его эффективности, предложены поправки в уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: следователь, взаимодействие, расследование преступления, правоотношения, правовые условия взаимодействия, общее условие предварительного расследования

Для цитирования: Черепанова Л. В. Уголовно-процессуальное взаимодействие // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 183–192.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CRIMINAL PROCEDURAL INTERACTION

Lily V. Cherepanova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, cherepanovalv@mail.ru

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the category of "interaction". It is shown that interaction is one of the problematic categories of criminal procedural science, both in terms of procedural law, law enforcement, and theoretical and methodological aspects. The article identifies the need to develop the legal essence and content of "interaction", its institutional basis, and procedural conditions as the basis for successful crime investigation. In this regard, the essence of the concept of "interaction" as a legal relationship, the legal conditions for its effectiveness, and amendments to the criminal procedure legislation have been clarified.

Keywords: investigator, interaction, crime investigation, legal relations, legal conditions of interaction, general conditions of preliminary investigation

For citation: Cherepanova L. V. Criminal Procedural Interaction. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2026;1:183–192 (In Russ.).

© Черепанова Л. В., 2026

На проблемы взаимодействия между субъектами, осуществляющими производство по уголовному делу, и другими участниками уголовного судопроизводства в ходе досудебного производства, как на требующие пристального внимания и первоочередного разрешения, в настоящее время указывают все участвующие в этом процессе лица (следователи, должностные лица органов дознания, прокуратуры, судьи)¹.

Ряд аспектов взаимодействия следователя с иными субъектами, вовлекаемыми в процесс предварительного расследования преступления, в т. ч. и в целях обеспечения прав участников уголовного процесса, регулируется множеством ведомственных, межведомственных правовых актов.

Организационно система правоохранительных органов, в т. ч. органов внутренних дел, включает как подразделения предварительного следствия, дознания, расследующие преступления, так и подразделения, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, что должно обеспечивать согласованность, оперативность действий, направленных на достижение назначения уголовного судопроизводства.

В соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами образовательные организации, подготавливающие специалистов по расследованию преступлений, формируют у будущих следователей, оперативных уполномоченных уголовного розыска способность выполнять должностные обязанности по обеспечению законности и правопорядка, безопасности личности, общества и государства при соблюдении установленных норм права.

Тем не менее проблема сохраняется. Спектр причин широк, начиная с методологических, в т. ч. связанных с неоднозначностью разрешения теоретического вопроса о предпочтительности для следователя какой-либо из уголовно-процессуальных функций, с вопросами о совмещении процессуальных и непроцессуальных функций в одном участнике уголовного процесса, соответственно, о целесообразности допущения негласных следственных действий и целесообразности производства в какой-либо форме предварительного расследования оперативными подразделениями органов исполнительной власти, о соотношении уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности и их результатов для процесса доказывания по уголовному делу, о согласованности использования

процессуальных и непроцессуальных средств расследования [1, с. 182–192].

Недостаточно четкая регламентация данной деятельности в уголовно-процессуальном законодательстве и потребность в дополнении УПК РФ нормами, которые могли бы стать правовой основой формирования и деятельности следственно-оперативной группы, установить право следователя определять срок исполнения поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий и ограничить право следователя на поручение проведения оперативно-розыскных мероприятий только необходимостью раскрытия неочевидных преступлений — это чаще других встречающиеся причины недостижения взаимодействия [2, с. 9, 17, 20].

Также можно отметить следующие причины, снижающие эффективность взаимодействия: «следователи недостаточно хорошо знают Закон об ОРД», «при формировании следственно-оперативных групп не учитывается психологическая совместимость ее членов» [2, с. 13, 15, 19].

Интерес к взаимодействию следователя с органами дознания обусловлен его местом в раскрытии и расследовании преступлений. Вопросы взаимодействия следователя и органов дознания представлялись важными исследователям конца XIX — начала XX в. (например, С. И. Викторскому, П. И. Люблинскому, И. Я. Фойницкому). Значительный вклад в исследование вопросов взаимодействия внесли ученые как прошлого столетия (Р. С. Белкин, Н. В. Жогин, А. М. Ларин, Ф. Н. Фаткулин), так и наши современники (А. И. Бастрыкин, А. С. Князьков, В. Д. Зеленский).

Проблема эффективности взаимодействия в целом чаще всего рассматривается в контексте положений криминалистического учения об организации расследования преступлений — как форма организации расследования, как руководство расследованием преступлений [1, 3, 4]. Это вполне закономерно, поскольку предварительное расследование преступлений — процесс сложный, осуществляемый посредством как уголовно-процессуальных, так и криминалистических средств. Реже один из видов взаимодействия — взаимодействие следственных аппаратов с органами дознания при расследовании преступлений — исследуется как общее условие предварительного расследования [5, с. 57–62].

Анализ научных трудов по выдвинутой нами проблеме позволяет увидеть, что в качестве определяющих признаков исследуемой категории «взаимодействие» чаще всего используются положе-

¹ По данным опроса сотрудников правоохранительных органов, прокуратуры и суда Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской областей.

ния, разрабатываемые криминалистическим учением. К таковым относят:

- деятельность [2, с. 9–22; 3, с. 11; 6, с. 15] или взаимопомощь (взаимное содействие), сотрудничество [7, с. 22];

- субъектов предварительного расследования (независимых друг от друга в административном порядке или находящихся в иерархии процессуального соподчинения) [2, с. 9–20];

- содержание деятельности (как правило, решение задач уголовного судопроизводства или выполнение оперативно-розыскных, процессуальных, административных функций, использование специальных знаний, технико-криминалистических средств при выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступления или при розыске обвиняемого) [8, с. 87–96];

- согласованность этой деятельности (в ряде случаев согласованность уточняется содержательно, по целям, месту, времени) [3, с. 11];

- правовой характер деятельности (деятельность основана на законе, подзаконных нормативных актах) [8, с. 87–96];

- цель деятельности (предупреждение, пресечение и раскрытие преступления, розыск обвиняемого, эффективное использование сил и средств при выполнении субъектами своих функций или установление виновных лиц, события, механизма и последствий преступления, поддержание стабильности производства по уголовному делу) [5, с. 57].

Исходя из этих определяющих компонентов, охватываемых в большей или меньшей степени, и формируется понятие «взаимодействие» большинством исследователей. Однако сохраняющиеся проблемы этого института требуют его сущностного анализа.

Поскольку формы и порядок взаимодействия являются сферой федерального регулирования, устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством, полагаем, что рассмотрение многогранной проблемы взаимодействия, предполагающей, безусловно, необходимость комплексного системного анализа теоретических, правовых, организационных, правоприменительных, возможно, и психологических вопросов взаимодействия следователя с лицами и организациями, вовлекаемыми в процесс досудебного производства, поиск средств, условий, обеспечивающих согласованность их деятельности и рациональность использования сил и средств, может быть более успешным при исследовании взаимодействия в рамках

анализа соответствующих правоотношений, его правового регулирования.

При таком объекте исследования, как уголовно-процессуальные отношения, уголовно-процессуальное взаимодействие в досудебном производстве в узком, прикладном применении термина может быть определено как реальные (фактические) уголовно-процессуальные отношения субъектов уголовного процесса при организующей роли участника, осуществляющего досудебное уголовное судопроизводство, т. е. правоприменительную деятельность, в целях достижения назначения уголовного судопроизводства посредством оптимального, комплексного использования сил и средств, обеспечивающих досудебное уголовное судопроизводство.

В этом случае уголовно-процессуальное взаимодействие как частный случай уголовно-процессуальных отношений представляет собой способ, прием действия субъектов правоотношений, порядок развертывания содержания отношений.

Реализация таких отношений может быть основана:

- на взаимном содействии, согласованности, совместности действий, взаимном контроле, совместных актах правоприменения (например, при взаимодействии членов следственной группы при решающей роли руководителя следственной группы, при осуществлении международного сотрудничества);

- иерархии различной степени жесткости, соподчиненности с различным уровнем свободы усмотрения, подконтрольности одного субъекта правоотношения другому, обязанности исполнения правоприменительного акта одного участника другим, это относится не только к ситуациям, когда сторонами правоотношений являются правоприменитель (следователь) и исполнитель (например, орган дознания) или правопользователь (например, гражданский истец), но и когда оба участника — правоприменители (следователь — руководитель следственного органа; следователь — прокурор; следователь — суд).

Результативность таких правоотношений зависит от функциональности самих субъектов (участников уголовного процесса)¹, их рациональности,

¹ Невзирая на многозначность понимания категорий «участник», «субъект» в теории процессуального права, мы исходим из общетеоретического понимания субъекта права и участника правоотношений. Следователь — субъект уголовно-процессуального права; участник уголовно-процессуальных отношений — субъект отношений, т. е. участник с активной позицией в отношениях; участник-субъект уголовно-процессуальной деятельности, в т. ч.

соразмерности размещения в системе правоотношений (от организации органов и подразделений, предназначенных для выявления, раскрытия и расследования преступлений, организации управления, контроля и надзора) и, конечно, от самой среды (правового поля).

Говоря о взаимодействии следователя с другими участниками правоотношений, прежде всего, целесообразно обращаться к юридическим нормам, их содержанию, достаточности, эффективности нормативного регулирования существующих правоотношений, гарантированности, реальности объявленных в законодательстве прав, их обеспеченности, поскольку именно юридическая норма определяет форму правоотношения.

В качестве основы построения уголовно-процессуального взаимодействия выделяют общеправовые принципы (законности, соблюдения (обеспечения, охраны) прав) и специальные (процессуальная самостоятельность (независимость) следователя, персональная ответственность участников взаимодействия, процессуальное подчинение) [5, с. 58].

Само выделение руководящих положений, безусловно, имеет важное значение для организации взаимодействия, однако как частный случай уголовно-процессуальных отношений взаимодействие строится на основе соответствующих принципов уголовного процесса. Исследуя взаимодействие как правоотношения, мы в первую очередь решаем практическую задачу установления слабых мест взаимодействия и определения направлений повышения его эффективности, в связи с этим более приемлемым представляется обратить внимание на условия взаимодействия, также обладающие принципиальными (основополагающими) свойствами.

Под условиями уголовно-процессуального взаимодействия на досудебных стадиях уголовного процесса предлагаем понимать вытекающие из уголовно-процессуальных норм требования, обеспечивающие консолидацию (объединение) сил (под которыми подразумеваются участники уголовного процесса) и средств (виды государственной деятельности, обеспечивающие законность, правопорядок, справедливость) и ведущие к достижению назначения уголовного судопроизводства с оптимальными процессуальными и органи-

процесса доказывания, определенный законодателем на сторону обвинения в системе состязательного процесса и, соответственно, наделенный правом формулировать и обосновывать обвинительный тезис и в ряде случаев функций по разрешению дела по существу.

зационными издержками. Такие принципиальные условия могут составлять следующий перечень:

- Следователь обладает всей полнотой полномочий по данному уголовному делу, т. е. уголовное дело находится в его производстве или он является членом следственной группы, производящей расследование по этому уголовному делу. Законные требования следователя (дознателя) определяются его полномочиями как участника уголовного судопроизводства.

- Следователь осуществляет правоприменительную деятельность, т. е. его деятельность имеет государственно-властный характер, выражается в актах правоприменения, обеспеченных государственным принуждением. Требования, поручения, запросы следователя (дознателя), предъявленные в пределах их полномочий, установленных УПК РФ, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами (ч. 4 ст. 21 УПК РФ). В целях обеспечения порядка уголовного судопроизводства следователь (дознатель) вправе применить к эксперту, специалисту, переводчику меры процессуального принуждения (обязательство о явке, привод, денежное взыскание). Ответственность за невыполнение законных требований следователя (дознателя) предусмотрена ст. 17.7 КоАП РФ. Например, должностные лица, умышленно не представившие уведомление о мерах, принятых по представлению следователя, привлекаются к административной ответственности на основании указанной статьи¹.

- Взаимодействие осуществляется строго в установленном законом порядке — по определенной процедуре (по предусмотренному УПК и детализированному ведомственными/межведомственными правовыми актами протоколу). Эффективен ли, достаточен ли механизм правового регулирования взаимодействия следователя с иными участниками процесса при выполнении возложенных на него уголовно-процессуальных задач? Какова должна быть степень детализации такого протокола (т. е. порядка действия, алгоритма)? Обязательно ли она должна быть частью кодифицированного федерального закона? Обеспечивает ли ведомственное/межведомственное регулирова-

¹ Вопросы применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2006 года (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 07.03.2007; ред. от 04.07.2012) (Извлечение) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ние эффективность взаимодействия? В качестве причин отсутствия должной результативности от взаимодействия по уголовному делу следователи и оперативные уполномоченные уголовного розыска называют, во-первых, несоразмерность служебной нагрузки и человеческих возможностей, и во-вторых, при достаточности приказов и распоряжений полагают необходимым законодательно закрепить основы взаимодействия.

- Разделение уголовно-процессуальных функций. Деятельность следователя с позиции выполняемых им функций освещалась в трудах В. В. Выдри, А. П. Гуляева, М. А. Ларина, И. Л. Петрухина, В. М. Савицкого, Ю. И. Стецовского, В. В. Шимановского и др. Основная функция следователя (дознателя по уголовному делу своей подследственности) по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, и по принятию мер, обеспечивающих законное и справедливое судопроизводство, до настоящего времени, как правило, именуется функцией предварительного расследования¹. У других участников взаимодействия, кроме уголовно-процессуальной функции как узкого направления уголовно-процессуальной деятельности, зависящей от их процессуального статуса (например, таких как судебный контроль за ограничением конституционных прав граждан в ходе предварительного расследования; прокурорский надзор за органами, осуществляющими предварительное расследование; выполнение поручений следователя; применение специальных познаний в пределах, установленных следователем, и др.), реализуются функции, лежащие за границами уголовного процесса, и связаны они с тем видом деятельности, который стал востребованным для решения задач досудебного уголовного судопроизводства (например, юстиция, общий прокурорский надзор, оперативно-розыскная, административная или экспертная деятельность).

Если соотношение функции по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, принятию мер, обеспечивающих судопроизводство,

¹ Основа теории уголовно-процессуальных функций, заложенная в трудах М. С. Строговича, Р. Д. Рахунова, П. С. Элькин и других ученых, и по настоящее время развивается по двум направлениям: как основные направления уголовно-процессуальной деятельности (функции самого процесса) и как основные направления деятельности отдельных участников (или групп участников) процесса. И в рамках второго направления исследований выделяется наличие самостоятельной функции — функции предварительного расследования преступления (А. М. Ларин, Л. И. Лавдаренко, И. П. Попова, И. И. Ахматов, А. Ю. Зотов, Р. Ф. Тоштемиева, О. А. Чабукиани и др.).

с функциями судебного контроля, прокурорского надзора в правоприменительной деятельности чаще сомнений не вызывает (чего нельзя сказать о теоретических изысканиях, подпитываемых идеологией различных политических течений), то возложение на оперативные подразделения обязанностей по выполнению поручения следователя в части производства следственных и иных процессуальных действий, по производству неотложных следственных действий или дознания вызывает массу вопросов и у практиков. Ситуация усложняется в связи с тем, что задача борьбы с преступностью (или контроля над ней) требует расширения методов, средств раскрытия преступления, обнаружения, фиксации их следов, требует ускориться в реакции на событие преступления, на сведения о его подготовке.

Сейчас господствует теория о недопустимости совмещения уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности в одном лице. Положение ч. 2 ст. 41 УПК РФ о недопустимости возложения полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит оперативно-розыскные мероприятия по данному уголовному делу, трактуется как запрет на поручение лицу, выполнявшему оперативно-розыскные мероприятия по сообщению о преступлении, производства дознания. Предполагаем, что процессуальная деятельность есть как бы контрольная по отношению к оперативно-розыскной деятельности, соответственно, исполнитель и контролер не могут совмещаться в одном субъекте.

В развитие тезиса о недопустимости совмещения в одном лице субъекта оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных отношений существует утверждение, что и неотложные следственные действия органу дознания, проводившему оперативно-розыскные мероприятия, нельзя поручать. Однако согласиться с этим — значило бы проявить явную заинтересованность в усложнении процесса раскрытия, расследования преступления или непонимание сущности института неотложных следственных действий (дознания по делам, по которым предварительное следствие обязательно — в контексте терминологии УПК РСФСР). Дознание (гл. 32 и 32.1 УПК) и неотложные следственные действия (ст. 157 УПК) — институты самостоятельные.

Неотложные следственные действия (ст. 157 УПК РФ), т. е. возбуждение уголовного дела и выполнение отдельных следственных и иных процессуальных действий по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно,

производятся органом дознания как исключение из общего правила в экстраординарных ситуациях, когда обнаружение, процессуальная фиксация следов преступления, доказательств требуют незамедлительного их изъятия, закрепления, исследования (п. 19 ст. 5 УПК РФ). Соответственно, орган дознания наделяется правом выполнить действия по закреплению следов преступления, когда следственная ситуация такова, что доказательства могут быть утрачены, могут наступить тяжкие последствия, ситуация не терпит отлагательства. В экстраординарной ситуации, например военного времени, за оружие возьмется и женщина, защищая свой дом от врага. Но в мирное время общество и его малая ячейка — семья — эффективны, когда каждый на своем месте и на каждой своей зоне ответственности. Непревзойденная ценность оперативно-розыскной деятельности состоит в ее методах, в сочетании гласных и негласных средств, в использовании конспирации. Предложения формализовать, «процессуализировать» результаты оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) понятны с точки зрения стремления создать возможность использования полученной в результате ОРМ информации в качестве доказательства. Однако с очевидностью можно предположить, что такой путь может привести к снижению оперативности в этом виде деятельности. Полагаем, что задача может быть решена через изменение теоретической основы и, соответственно, нормативного регулирования процесса собирания — получения доказательств в уголовном процессе. Работы в этом направлении уже ведутся. В качестве примера можно привести концепцию «паратусных» доказательств, предложенную профессором С. Б. Россинским, когда для использования в процессе доказывания по уголовному делу не требуется дополнительной процессуальной трансформации сведений, полученных в соответствии с законом «Об оперативно-розыскной деятельности» или КоАП РФ [9, с. 40–48].

Подытоживая анализ этого условия, делаем вывод, что при строгом сохранении за каждым участником взаимодействия возложенных на него функций в случаях, не терпящих отлагательства, целесообразно допустить возложение на орган дознания, в т. ч. на лицо, производящее оперативно-розыскные мероприятия по сообщению о преступлении, обязанности по возбуждению уголовного дела и производству неотложных следственных действий.

- Многие исследователи проблемы называют в качестве обязательного условия успешного вза-

имодействия организующую и руководящую роль следователя [10, с. 56–59]. Согласиться с этим можно лишь отчасти. Во взаимодействии не со всеми субъектами соответствующих правоотношений следователь занимает руководящую позицию. Его организующая роль как инициатора взаимодействия может быть выражена через такое условие, как профессионально-правовая активность.

Профессиональная правовая активность (наступательность, инициативность) следователя, выражающаяся, по мнению Л. К. Суворова, Л. А. Морозовой, в защите прав граждан, в т. ч. через применение мер государственного принуждения, — в противостоянии необоснованному вмешательству в предварительное расследование, в постоянном повышении образовательного, профессионального уровня, в осуществлении правовой работы в среде населения и в отстаивании собственных убеждений, в т. ч. при сомнении в конституционности подлежащего применению правового акта, доведении доступными средствами до его отмены или изменения [11, с. 16–22].

Пассивность следователя, подмена наступательного активного расследования формальным выполнением процессуальных алгоритмов признаются одной из важнейших причин низкой эффективности досудебного производства. В рамках программы, заданной правовыми нормами, в дозволенных УПК РФ пределах, с учетом фактических обстоятельств дела необходима творческая профессиональная правовая активность правоприменения со стороны следователя [12, с. 53]. Наступательность, быстроту, оптимальность решений при расследовании преступления обеспечивают современные разработки в области криминалистической методики и тактики, предполагающие возможность маневра (свободу выбора тактических приемов, их комбинаций) в пределах, определенных законом.

- Следующие условия эффективного взаимодействия — целесообразность и оптимальность определенной формы и самого взаимодействия как такового. Эти условия требуют учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, определенную следственную ситуацию при выборе оптимального варианта взаимодействия. Несмотря на то что следственная практика изобилует примерами противостояния законности и целесообразности, полагаем, что для правоприменителя решение всегда лежит в границах законности, а обнаруживаемые противоречия — это повод задуматься о состоянии современной процессуальной формы, ее адекватности текущему моменту,

это вопросы к теории уголовно-процессуального права, к законодателю. Вместе с тем вне процессуальной деятельности по уголовному делу у каждого правоприменителя есть возможность, а при столкновении с проблемной ситуацией возникает и служебная обязанность в рамках, например, ведомственного мониторинга правовых актов осветить проблему. Целесообразность выбора форм, методов взаимодействия определяется не только следователем. Необходимо обратить внимание и на такое условие взаимодействия, как свобода сторон взаимодействия (в пределах, предусмотренных УПК РФ, в пределах выполняемой функции).

- Самостоятельность (свобода) сторон правоотношений, их равноправие (с точки зрения закона в пределах соответствующих правоотношений, в пределах процессуального статуса и полномочий, в связи с которыми этот субъект и был вовлечен во взаимодействие). Следователь вправе обратиться за международной помощью по расследуемому уголовному делу, направив запрос о производстве следственного действия компетентному органу иностранного государства, например, на основе принципа взаимности, но компетентный орган иностранного государства вправе как исполнить запрос, так и возратить его без исполнения (например, если запрос противоречит законодательству этого государства или его исполнение может нанести ущерб его безопасности). Следователь вправе направить органу дознания поручение о производстве оперативно-розыскных мероприятий, и орган дознания обязан дать ответ, но оперативное подразделение как орган дознания и как субъект взаимодействия свободен (самостоятелен) в выборе средств и методов оперативно-розыскной деятельности.

- Условие соблюдения стадийности (позатанности) взаимодействия позволяет более детально подвергнуть анализу этот процесс, имеющий в своей основе стадийность правоприменительной деятельности. Взаимодействие может быть выражено как минимум в пяти стадиях (этапах)¹: 1) анализ установленных обстоятельств по уголовному делу (по материалам проверки сообщения о преступлении) и определение фактических оснований для взаимодействия, определение нормативной правовой основы взаимодействия в конкретных обстоятельствах (принятие, оформление, обоснование,

при необходимости согласование процессуального решения следователем (дознавателем, осуществляющим досудебное производство)); 2) доведение (направление, предоставление) своего решения (поручения, постановления) в установленном УПК порядке, по правилам делопроизводства следователем до других субъектов взаимодействия; 3) согласованность действий сторон взаимодействия или действия другой стороны правоотношения в сроки, установленные УПК, в пределах соответствующих процессуальных функций и в пределах прав (полномочий) и обязанностей, в связи с которыми этот субъект и был вовлечен во взаимодействие; 4) доведение результатов этих действий до следователя; 5) анализ, оценка результатов взаимодействия, их использование в процессе производства по уголовному делу.

Обратим внимание на отдельные из этапов. Первый этап взаимодействия рассмотрим на примере наиболее распространенного взаимодействия «следователь — орган дознания». У следователя, согласно ч. 1 ст. 144 и п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, имеются полномочия давать органу дознания поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, о производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, о приводе, об аресте, о розыске, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении. В пункте 4 ч. 2 ст. 38 определяются условия реализации таких полномочий: поручение должно быть письменным, должно быть дано в случаях, в порядке, установленном УПК, и для исполнения является обязательным.

Обращает на себя внимание тот факт, что объем возможного взаимодействия в рамках поручения следователя (дознавателя) сведен п. 4 ч. 2 ст. 38 и п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ до оперативно-розыскных мероприятий, производства отдельных следственных, иных процессуальных действий, получения содействия при их осуществлении и исполнения постановлений о задержании, приводе, об аресте. Перечисление мер процессуального принуждения, при применении которых следователь (дознаватель) вправе полагаться (через соответствующее поручение о применении или о содействии в их применении) на взаимодействие с органом дознания, предполагает невозможность такового при иных мерах принуждения, например при наложении ареста на имущество (ст. 115). Данное препятствие может быть устранено изменением соответствующей нормы УПК РФ.

¹ Исходя из задач нашего исследования, вопрос о количестве этапов, смещения их пределов не имеет принципиального значения. Значение имеет суть поэтапной правоприменительной деятельности, ее содержание, урегулированность.

Согласованность действий сторон взаимодействия по форме обычно различают как действия процессуальные и организационные (или организационно-процессуальные). В первом случае имеют в виду совместное производство следственных и иных процессуальных действий, а во втором — совместное планирование, участие в следственно-оперативной группе. Исследователи проблем производства предварительного следствия (дознания) следственной группой (группой дознавателей) предлагают совместить в коллегиальном органе расследования процессуальную и оперативно-розыскную деятельность. Предложения о порядке формирования, действия следственно-оперативной группы, ее правовой основе заслуживают внимания [5, с. 20]. Однако проведенный нами опрос показал, что возможность привлечения должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, к работе следственной группы в порядке ч. 2 ст. 163 УПК РФ определяется следователями, оперативными уполномоченными уголовного розыска как достаточная.

По времени взаимодействия различают: длительное, временное, эпизодическое. Неурегулированность вопроса обнаруживается при определении срока исполнения поручения, который устанавливается лишь нормой, регулирующей поручения, направляемые в соответствии со ст. 152 УПК РФ, при необходимости организации взаимодействия вне места производства предварительного расследования «поручения должны быть исполнены в срок не позднее 10 суток» (ч. 1 ст. 152). Поскольку общий срок исполнения поручения законом не установлен, органы предварительного расследования и органы дознания в основном придерживаются 10-суточного срока исполнения поручения. Однако есть и другой способ решения неурегулированного вопроса. Нередко предлагают предоставить следователю право на установление срока исполнения поручения по своему усмотрению. Реализация данного предложения является привлекательной для следователя, поскольку пополняет его управленческие ресурсы. Однако и в этом случае, возможно, должен быть установлен рамочный срок, в пределах которого следователь определяет срок исполнения поручения.

Что же касается снятия ограничения на перечень действий, в рамках которых возможно взаимодействие (п. 4 ч. 2 ст. 38 и п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ), то эта задача может быть также решена через уточнение закона. В этом случае предлагается следующая формулировка статьи УПК РФ: «давать органу дознания в порядке, установленном на-

стоящим Кодексом, обязательные для исполнения в течение 10 суток, если иной срок не установлен следователем, дознавателем, письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о применении мер процессуального принуждения, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении».

На этапе доведения результатов действий по поручению следователя или по совместному плану расследования остается открытым вопрос об объеме оперативной информации, предоставляемой следователю. Есть мнение, что владение следователем полным объемом оперативной информации позволит ускорить процесс расследования и минимизировать нарушения законности. В связи с этим предлагаем закрепить в УПК РФ право следователя знакомиться со всеми оперативно-розыскными материалами органов дознания, относящимися к расследуемому им уголовному делу, и «установить обязанность органа дознания предоставлять следователю всю оперативную информацию по находящемуся в его производстве делу», а также «закрепить в УПК РФ обязательность письменной формы уведомления следователя о результатах исполнения поручения» [5, с. 9, 15]. Так как досудебное производство в настоящее время осуществляется только в письменной форме, последнее предложение полагаем излишним. Два предыдущих не нашли поддержки у правоприменителей, и поскольку круг общественных отношений и способы регулирования оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности различны, важно найти точки соприкосновения для эффективного взаимодействия, но не вторгаться в сферу регулирования права, имеющего свои специфические задачи.

Таким образом, проблемы, возникающие в процессе взаимодействия между участниками уголовного процесса в связи с осуществлением досудебного производства, — проблемы практики, являющиеся причиной поиска сущности и закономерностей исследуемого процесса, имеют теоретико-методологические корни. И при комплексном, системном подходе решение проблем уголовно-процессуального взаимодействия может быть более успешным при приоритетном рассмотрении взаимодействия в рамках анализа соответствующих правоотношений, их правового регулирования, правовых условий его осуществления как общего условия предварительного расследования.

Список источников

1. Князьков А. С., Польшерт А. В. Взаимодействие как элемент организации криминалистической деятельности следователя по делам о незаконном сбыте наркотических средств с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 182–192.
2. Плеснева Л. П. Правовые и организационные основы взаимодействия следователя с органами дознания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002. 22 с.
3. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия: справ. пособие. 2-е изд., доп. М.: Мегатрон-XXI, 2000. 333 с.
4. Зеленский В. Д. Криминалистические проблемы организации расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. 42 с.
5. Артамонов А. Н., Сафонов Д. М. Общие условия предварительного расследования: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2009. 64 с.
6. Аменицкая Н. А. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, в раскрытии и расследовании преступлений (в ОВД): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. 34 с.
7. Арестова Е. Н. Организационно-правовые и социологические аспекты взаимодействия органов внутренних дел с частными детективными и охранными службами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 22 с.
8. Бахтеев Д. В., Драпкин Л. Я. Взаимодействие следователей с органами дознания и другими участниками расследования преступлений // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 3. С. 87–96.
9. Россинский С. Б. Паратусные доказательства в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 3. С. 40–48.
10. Агеев Н. В. К вопросу о взаимодействии следователя с другими участниками расследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 7. С. 56–59.
11. Суворов Л. К. Правовая культура работников органов внутренних дел. М., 1991.
12. Кожевников В. В. Факторы, обуславливающие правовую активность участников правоотношений, возникающих в деятельности органов внутренних дел на досудебных стадиях российского уголовного процесса: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2003. 268 с.

References

1. Knyaz'kov A. S., Pol'gert A. V. Vzaimodejstvie kak element organizacii kriminalisticheskoy deyatel'nosti sledovatelya po delam o nezakonnom sbyte narkoticheskikh sredstv s ispol'zovaniem elektronnyh i informacionno-telekommunikacionnyh setej // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 415. S. 182–192.
2. Plesneva L. P. Pravovye i organizacionnye osnovy vzaimodejstviya sledovatelya s organami doznaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Irkutsk, 2002. 22 s.
3. Belkin R. S. Kriminalisticheskaya enciklopediya: sprav. posobie. 2-e izd., dop. M.: Megatron-XXI, 2000. 333 s.
4. Zelenskij V. D. Kriminalisticheskie problemy organizacii rassledovaniya prestuplenij: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 1991. 42 s.
5. Artamonov A. N., Safonov D. M. Obshchie usloviya predvaritel'nogo rassledovaniya: uchebnoe posobie. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2009. 64 s.
6. Amenickaya N. A. Vzaimodejstvie sledovatelya i organov, osushchestvlyayushchih operativno-razysknuyu deyatel'nost', v raskrytii i rassledovanii prestuplenij (v OVD): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2006. 34 s.
7. Arestova E. N. Organizacionno-pravovye i sociologicheskie aspekty vzaimodejstviya organov vnutrennih del s chastnymi detektivnymi i ohrannymi sluzhbami: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1995. 22 s.
8. Bahteev D. V., Drapkin L. Ya. Vzaimodejstvie sledovatelej s organami doznaniya i drugimi uchastnikami rassledovaniya prestuplenij // Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu yuridicheskomu zhurnaluu. 2017. № 3. S. 87–96.
9. Rossinskij S. B. Paratusnye dokazatel'stva v ugolovnom sudoproizvodstve // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2023. T. 9. № 3. S. 40–48.

10. Ageev N. V. K voprosu o vzaimodejstvii sledovatelya s drugimi uchastnikami rassledovaniya // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2021. № 7. S. 56–59.

11. Suvorov L. K. Pravovaya kul'tura rabotnikov organov vnutrennih del. M., 1991.

12. Kozhevnikov V. V. Faktory, obuslavlivayushchie pravovuyu aktivnost' uchastnikov pravootnoshenij, vznikayushchih v deyatelnosti organov vnutrennih del na dosudebnyh stadiyah rossijskogo ugolovnogogo processa: monografiya. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2003. 268 s.

Информация об авторе

Л. В. Черепанова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

L. V. Cherepanova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.10.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 07.10.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 10.03.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 193–198.

Altai Law Journal. 2026. № 1 (53). P. 193–198.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.575

ПРИНЦИПЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРИОБРЕТЕНИЕ, ХРАНЕНИЕ, ПЕРЕВОЗКУ, ИЗГОТОВЛЕНИЕ, ПЕРЕРАБОТКУ НАРКОТИКОВ

Яна Андреевна Эйсмонт

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия, yana.eismont1608@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию основ дифференциации уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 228 УК РФ. Автором проведен комплексный анализ системы принципов, лежащих в основе дифференциации уголовной ответственности за указанное деяние. Предложены и аргументированы принципы специальной дифференциации уголовной ответственности применительно к ст. 228 УК РФ. Обосновывается вывод, что оптимальная дифференциация возможна только при строгом соблюдении принципов, выступающих концептуальной основой.

Ключевые слова: дифференциация уголовной ответственности, уголовно-правовая политика, общеправовые принципы, специальные принципы дифференциации уголовной ответственности, преступления в сфере незаконного оборота наркотиков

Для цитирования: Эйсмонт Я. А. Принципы дифференциации уголовной ответственности за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотиков // Алтайский юридический вестник. 2026. № 1 (53). С. 193–198.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

PRINCIPLES OF DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL ACQUISITION, STORAGE, TRANSPORTATION, MANUFACTURE, AND PROCESSING OF DRUGS

Yana A. Eismont

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia,
yana.eismont1608@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the basics of differentiation of criminal liability for a crime under Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author has carried out a comprehensive analysis of the system of principles underlying the differentiation of criminal liability for the specified act. The principles of special differentiation of criminal liability in relation to Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation are proposed and argued. The conclusion is substantiated that optimal differentiation is possible only with the strict observance of the principles acting as a conceptual basis.

Keywords: differentiation of criminal liability, criminal law policy, general legal principles, special principles of differentiation of criminal liability, crimes in the field of drug trafficking

For citation: Eismont Ya. A. Principles of Differentiation of Criminal Liability for Illegal Acquisition, Storage, Transportation, Manufacture, Processing of Drugs. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2026;1:193–198 (In Russ.).

© Эйсмонт Я. А., 2026

Уголовно-правовая политика, определяющая вектор борьбы с преступностью, располагает широким арсеналом средств для совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации. Дифференциация уголовной ответственности, являющаяся генеральным направлением уголовной политики [1, с. 5], своим назначением имеет оптимизацию уголовного законодательства. Эффективность уголовной политики, оптимальность дифференциации уголовной ответственности напрямую зависят от полноты учета как общеправовых принципов, так и специальных. Без принципов, которые составляют базис, основу как правотворческой, так и правоприменительной дифференциации уголовной ответственности, невозможно говорить о концептуальной целостности дифференциации уголовной ответственности как отдельной уголовно-правовой категории.

Рассмотрение принципов дифференциации уголовной ответственности за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотиков обусловлено динамичной трансформацией наркопреступности. Это выражается в изощренных способах совершения преступлений, использовании искусственного интеллекта и скрытых интернет-площадок, увеличении на рынке сбыта синтетических наркотиков, росте спроса на них и их доступности, что требует должного реагирования на новые вызовы и угрозы. Перечисленное является предпосылками необходимости в изменении уголовного законодательства в сфере незаконного оборота наркотиков. Кроме того, по итогам заседания Совета по правам человека 4 декабря 2023 г. Президент Российской Федерации поручил подготовить меры по совершенствованию законодательства в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков для повышения эффективности государственной антинаркотической политики. Уголовное законодательство, дифференцирующее уголовную ответственность, должно соответствовать современным реалиям прогрессирующей наркопреступности. В связи с этим и основываться оно должно на принципах, которые являются правовыми ориентирами, чтобы обеспечить соответствие закона практике деятельности в сфере борьбы с незаконным наркооборотом.

Дифференциация уголовной ответственности за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотиков подчинена общеправовым принципам, специальным принципам дифференциации уголовной ответственности, а также принципам специальной дифференциации

(ст. 228 УК РФ). Общеправовые принципы следует рассмотреть в аспекте их влияния именно на дифференциацию уголовной ответственности, чтобы подчеркнуть их преломление к рассматриваемой категории.

Понятие общеправовых принципов разрабатывалось многими учеными, специализировавшимися на теории принципов права.

Под правовыми принципами С. С. Алексеев понимал выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, основы, закреплённые в нем закономерности общественной жизни [2, с. 98]. Данное определение обладает значительной методологической ценностью, трактовка правовых принципов как «исходных нормативно-руководящих начал» даёт общее представление о значении правовых принципов.

По мнению профессора М. И. Байтина, общеправовые принципы характеризуются тем, что относятся к праву в целом, распространяются на все его отрасли, объединяют и как бы цементируют их [3, с. 149]. Автор акцентирует внимание на исходном начале общеправовых принципов в разных отраслях права. В этой связи, чтобы подчеркнуть их исходное начало, справедливо мнение В. Н. Кудрявцева и С. Г. Келиной, что «общеправовые принципы действуют через отраслевые, а специфические отраслевые — являются не чем иным, как своеобразным преломлением общеправовых» [4, с. 61]. В рамках системы принципов права они занимают приоритетное положение, поэтому их рассмотрение имеет важное методологическое значение.

В большей степени находят отражение в дифференциации уголовной ответственности следующие общеправовые принципы: справедливости, законности, гуманизма. Порядок перечисления принципов не случаен, а выстроен по степени приоритетности в процессе дифференциации уголовной ответственности. Он подчеркивает, что принцип справедливости является основополагающим при дифференциации, законность обеспечивает её рамки, а гуманизм действует внутри этих рамок.

Итак, принцип справедливости занимает первоочередное место, что также отмечается и в теории дифференциации уголовной ответственности. Подтверждая это, Е. В. Рогова отмечает, что принцип справедливости «более чем другие принципы связан с дифференциацией уголовной ответственности» [5, с. 63], а в юридической науке даже есть предложение рассматривать дифференциацию уголовной ответственности как часть принципа

справедливости [6, с. 11]. Это обусловлено тем, что дифференциация уголовной ответственности является инструментом реализации этого принципа. Согласно ст. 6 УК РФ принцип справедливости заключается в соответствии наказания и иных мер уголовно-правового воздействия характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Дифференциация, в свою очередь, направлена на дозирование ответственности в соответствии с неодинаковой, неравной общественной опасностью преступлений. Тем самым справедливость достигается посредством соответствия мер уголовно-правового воздействия общественной опасности деяния, что находит отражение в критериях, средствах дифференциации уголовной ответственности и в санкции статьи. Без учета данного принципа весь процесс разграничения ответственности теряет всякий смысл.

Принцип законности является фундаментальным для всех отраслей права, в т. ч. и уголовного. Согласно этому принципу, дифференциация уголовной ответственности в части ее процедуры и содержания возможна исключительно на основании уголовного закона, в строго определенных пределах и при соблюдении его предписаний. В контексте дифференциации уголовной ответственности это означает, что основания, пределы, формы и меры уголовной ответственности, средства и критерии разграничения прямо предусмотрены Уголовным кодексом Российской Федерации. Четкость формулировок и системность уголовно-правовых норм находятся в прямой зависимости от глубины дифференциации уголовной ответственности, реализованной в строгом соответствии с принципом законности.

Общеправовой принцип гуманизма необходимо учитывать в процессе дифференциации уголовной ответственности. Этот принцип выражается в требовании защиты личности и в абсолютном запрете применения наказания или иных мер уголовно-правового характера, преследовавших цели причинения боли, страданий или унижения человеческого достоинства. В контексте дифференциации уголовной ответственности, учитывая идеи гуманизма, целесообразно говорить именно о соотношении общественной опасности преступления и репрессивного воздействия за его совершение. Законодатель должен стремиться к минимизации репрессивного воздействия в пределах, допустимых уголовным законом, и чтобы это не препятствовало реализации целей уголовного закона. Особенно важно и вместе с тем непросто

обеспечить реализацию данного принципа в сфере борьбы с наркопреступностью. С одной стороны, имеется необходимость борьбы с преступлениями, которые в «настоящее время по степени общественной опасности можно поставить в один ряд с международным терроризмом и распространением оружия массового уничтожения» [7, с. 68], а с другой стороны, имеется требование соблюдения прав человека, совершившего преступление. Только через дифференцированный подход достигается сбалансированность интересов как государственных, общественных, так и отдельного лица, совершившего преступление.

Безусловно, общеправовые принципы оказывают непосредственное влияние на дифференциацию уголовной ответственности. Однако специальные принципы дифференциации уголовной ответственности, а также принципы специальной дифференциации аккумулируют, собирают воедино черты, отличительные свойства дифференциации уголовной ответственности за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотиков.

В концепции Е. В. Роговой специальными принципами дифференциации уголовной ответственности признаются: принцип системности, целесообразности, универсальности, стабильности, оптимальности и экономии уголовной репрессии [8, с. 31]. Определенно, предложенные принципы воплощают ключевые правовые идеи дифференциации уголовной ответственности как отдельной правовой категории, имеют определяющее значение и для предметного разграничения ответственности по ст. 228 УК РФ.

На основании вышеизложенных специальных принципов предлагается сформулировать ряд следующих принципов специальной дифференциации: принцип нормативной рациональности, криминологической и правовой детерминированности, последовательности накопления общественной опасности и последовательности строгости наказания, правовой обоснованности, учета неперсонифицированного и кумулятивного характера вреда.

Принцип нормативной рациональности. В переводе с латинского рациональность (*rationalis* — разумный) — это разумность, рассудочность. Синонимами рациональности являются логичность, практичность, целесообразность. Осуществляя дифференциацию уголовной ответственности, законодателю необходимо исходить из того, что этот процесс должен быть направлен на оптимизацию законодательства. Оптимизация, в свою очередь,

должна строиться на критериях необходимости, достаточности, непротиворечивости. Приведенные критерии включаются в принцип рациональности. Дифференциация за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотиков в настоящее время требует более углубленного подхода, основанного на всесторонней оценке преступления.

Принцип криминологической и правовой детерминированности. Более тщательная, достаточная дифференциация уголовной ответственности требует комплексного анализа многих факторов. Законодательное закрепление критериев дифференциации уголовной ответственности и дальнейшее их правоприменительное развитие должны базироваться не на произвольных решениях, а на учете исторической динамики законодательства, соответствующей уголовно-правовой нормы, сложившейся правоприменительной практики, криминологической характеристики данной категории преступлений, типовой степени общественной опасности, а также имеющихся противоречий и пробелов в действующем уголовном законе. Например, оценка статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2024 год свидетельствует: треть (33,8 %) осужденных за незаконный оборот наркотиков относится к возрастной категории 18–29 лет, а 1,8 % составляют несовершеннолетние. Приведенные данные требуют законодательной рефлексии в виде дифференциации мер ответственности, адаптированных к социально-возрастным характеристикам. Только обобщая и оценивая все имеющиеся сведения об уголовно-правовом деянии, предусмотренном ст. 228 УК РФ, можно более углубленно и юридически обоснованно дифференцировать уголовную ответственность.

Принцип последовательности накопления общественной опасности и последовательности строгости наказания. При дифференциации уголовной ответственности этот принцип отражает логику, правило законодательной конструкции ст. 228 УК РФ, подчеркивая корреляцию общественной опасности и санкции. Строгость наказания должна последовательно возрастать с повышением общественной опасности преступления. Часть 1 ст. 228 УК РФ — основной состав преступления, предусматривающий наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет, другие виды наказаний перечислены в порядке возрастания их строгости. Это базовый состав, от которого каждый новый квалифицирующий состав должен существенно повышать общественную опасность деяния и автоматически

влечь увеличение строгости наказания. Квалифицированный и особо квалифицированный составы предусматривают ответственность, лишение свободы от 3 до 10 лет и от 10 до 15 лет соответственно. Сроки и размер других наказаний также увеличиваются, однако с увеличением тяжести деяния альтернативность видов наказаний снижается, что обусловлено также ростом общественной опасности. Очевидно, что жесткость санкции растет прямо пропорционально тяжести деяния, т. е. росту общественной опасности. Это словно переход от одного уровня к другому, который отличается от предыдущего значением и содержанием. Предложенный принцип-правило дифференциации уголовной ответственности обеспечивает логичность, четкость и прозрачность уголовного закона.

Законодатель, формируя нормы уголовного права и дифференцируя ответственность, должен учитывать принцип правовой обоснованности. Правовая обоснованность заключается в нормативном основании, учитывании фундаментальных норм и принципов уголовного права, которые прямо или косвенно закрепляют дифференциацию уголовной ответственности.

Дифференциация уголовной ответственности по ст. 228 УК РФ нормативно обоснована комплексом законодательных положений, которые составляют ее правовую базу. Реализация принципа правовой обоснованности подразумевает, что дифференциация уголовной ответственности должна иметь непротиворечивое, определенное и объективное нормативное выражение в УК РФ и сопутствующих нормативных актах, прямо вытекать из конституционных положений и общеправовых начал. Прежде всего это положения Общей части УК РФ: ст. 6 УК РФ (принцип справедливости), ст. 15 УК РФ (категории преступлений). Статья 15 УК РФ, классифицирующая преступления по степени тяжести, служит основой для определения меры ответственности в зависимости от размера наркотиков. Нормативную базу дополняют разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, например Постановление от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», которое унифицирует подходы к определению размеров наркотических средств и квалификации деяний. Также следует упомянуть Постановление Правительства Российской Федерации от 1 октября 2012 г. № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ,

а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», которое является базовым для разграничения ответственности в соответствии с размерами наркотиков.

Принцип учета неперсонифицированного и кумулятивного характера вреда предполагает более адресное воздействие за совершение преступления в сфере незаконного оборота наркотиков. Рассматриваемое деяние обладает повышенной общественной опасностью, хоть и не предполагает прямого потерпевшего. Повышенная общественная опасность заключается в неперсонифицированном характере вреда. Вред причиняется не конкретному лицу, а потенциально широкому неопределенному кругу лиц, государству и обществу в целом. Кроме того, опосредованность причинения вреда приводит к возможной неправильной его оценке, поскольку последствия наркопреступлений носят системный и кумулятивный характер, он не сразу является очевидным и конкретным. Единичные деяния запускают цепь социально разрушительных последствий.

Соответственно, имеется необходимость учитывать эту специфику при конструкции нормы ст. 228 УК РФ: через формализованные критерии дифференциации, специальные правовые средства, конструкцию санкции и отдельные виды

наказаний. Например, увеличение штрафа усилит имущественную ответственность виновного перед государством и обществом, что подчеркнет характер вредных последствий от таких деяний и компенсирует этот вред в соответствующем общественной опасности размере. Безусловно, существующие меры уголовно-правового воздействия в санкции статьи, в частности лишение свободы, существенны по своей строгости и являются необходимыми, но про штраф, который выполняет в данном случае компенсаторную функцию, забывать нельзя, и необходимо акцентировать внимание на роли штрафа за данное уголовно-правовое деяние.

На основании данного принципа дифференциация уголовной ответственности выступает инструментом, при помощи которого возможно обоснованное увеличение размера штрафа в санкциях ст. 228 УК РФ и внесение других изменений, направленных на адекватное соответствие общественной опасности.

Таким образом, дифференциация за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотиков должна быть подчинена как общеправовым принципам, так и специальным, которые отражают особенности дифференциации уголовной ответственности как отдельной категории и специальной дифференциации в рамках ст. 228 УК РФ. Отсутствие основных руководящих положений, их рыхлость и недостаточность осложняют реализацию целей дифференциации уголовной ответственности, а также целей уголовного законодательства.

Список источников

1. Кругликов Л. Л., Лапшин В. Ф. Особенности правового содержания оснований дифференциации уголовной ответственности // Пенитенциарная наука. 2013. № 1 (21). С. 4–8.
2. Алексеев С. С. Общая теория права. М.: Юрид. лит.-ра, 1981. Т. 1. 360 с.
3. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005. 544 с.
4. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. 173 с.
5. Рогова Е. В. Конституционные принципы дифференциации уголовной ответственности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 6 (68). С. 62–67.
6. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 47 с.
7. Тепляшин П. В., Фёдорова Е. А. Транснациональная наркопреступность: понятие, признаки, детерминанты и отдельные направления противодействия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 3 (46). С. 68–74.
8. Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 55 с.

References

1. Kruglikov L. L., Lapshin V. F. Osobennosti pravovogo sodержaniya osnovanij differenciacii ugolovnoj otvetstvennosti // Penitenciarная наука. 2013. № 1 (21). S. 4–8.

2. Alekseev C. C. *Obshchaya teoriya prava*. M.: Yurid. lit-ra, 1981. T. 1. 360 s.
3. Bajtin M. I. *Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov)*. 2-e izd., dop. M., 2005. 544 s.
4. Kelina S. G., Kudryavcev V. N. *Principy sovetskogo ugolovnogo prava*. M., 1988. 173 s.
5. Rogova E. V. *Konstitucionnye principy differenciacii ugolovnoj otvetstvennosti* // *Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii*. 2018. № 6 (68). S. 62–67.
6. Lesnievski-Kostareva T. A. *Differenciaciya ugolovnoj otvetstvennosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk*. M., 1999. 47 s.
7. Teplyashin P. V., Fyodorova E. A. *Transnacional'naya narkoprestupnost': ponyatie, priznaki, determinanty i otdel'nye napravleniya protivodejstviya* // *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. 2017. № 3 (46). S. 68–74.
8. Rogova E. V. *Uchenie o differenciacii ugolovnoj otvetstvennosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk*. M., 2014. 55 s.

Статья поступила в редакцию 24.07.2025; одобрена после рецензирования 03.10.2025; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 24.07.2025; approved after reviewing 03.10.2025; accepted for publication 10.03.2026.